

Библиотека мемуаров

ЦЕЗАРЬ ЛОЖЬЕ

**ДНЕВНИК ОФИЦЕРА
ВЕЛИКОЙ АРМИИ
В 1812 ГОДУ**

Перевод с французского.

Под редакцией Н.П. Губсакаго.

С предисловием А.М. Васютинского.

Типография П.П. Рябушинского, Москва, Страстной бул.,
Путниковский пер., соб. дом.

ЗАДРУГА

МОСКВА 1912 Г.

«Правда»— Пресс»
Москва 2005 год

ЦЕЗАРЬ ЛОЖЬЕ

"Дневник офицера великой армии в 1812 году". — Библиотека мемуаров. — "Правда—Пресс", 2005. 280 с.

Составитель Сергей Владимирович Кочнов.

Работа ценна искренностью и откровенностью, автор в документальной форме рисует поход завоевателя, начиная от перехода через Березину, наступления, грандиозной битвы при Бородино, взятия Москвы, московского пожара, — и до отступления Наполеона, которое вскоре превратилось в позорное бегство.

Первый раздел естественным образом дополняют Приложения, которые состоят из многочисленных материалов и статей, взятых из российской прессы 1907-1913 гг., посвященных столетнему юбилею победы России в Отечественной войне 1812 года.

ISBN — 5 — 85024-149-3

© Составление С.В. Кочнева

© "Правда—Пресс", 2005 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мемуары Цезаря де-Ложье, офицера итальянской королевской гвардии, вошедшей в состав корпуса принца Евгения Богарне, по всей справедливости должны занять одно из первых мест в бесконечном списке воспоминаний участников Наполеоновских войн. Правда, это не Сегюр с его изящными, стильными картинками, это не грубовато-красочные рассказы сержанта Бургоня, не занимательные своей наивной оригинальностью переживания капитана Куанье, не увлекательные рассказы бравого кавалериста Морбо, не умное повествование точного доктора Рооса — но за то это и не сухая реляция Сен-Сира или ядовито-надутые и подчас деланные рассуждения Лабома. Это рассказ одного из «малых сих» — простой, искренний, дышащий неподдельной любовью к правде, дневник прекрасного солдата и дельного, не мудрствующего лукаво, офицера, всецело проникнутого чувством своего долга. Изюм в нем — это то, что он ведёт запись пережитого, заносит свои воспоминания на клочок бумаги, часто кусочком угля при свете пылающей деревни или в жестокий 20-градусный мороз. Правда, не везде дневник отличается одинаковым достоинством: наступают дни тяжелого отступления — автор сам чуть не погиб в роковую минуту, и дневник становится несколько риторичен, но это, быть может, единственный недостаток «воспоминаний итальянского офицера», вероятно эта часть их была значительно отрецензирована автором впоследствии. Зато достоинства «воспоминаний» сразу бросаются в глаза читателю. Маленький скромный офицер великой армии, без всякого пафоса рассказывающий о пережитой им потрясающей драме, невольно привлекает к себе внимание. Верный своему долгу, образованный, с широкими умственными запросами, которые не покидают его и среди бурь военной непогоды, знаток Ариоста и Тасса, рыцарственно воинственный мечтатель, он живёт классическими образами Плутарха и старинного французского молодечества, но в то же время он горячий патриот, — отсюда его желание скрыть себя в толпе земляков-итальянцев, отсюда постоянное «мы», конфузливо закрывающее собою скромное «я» автора, которое лишь изредка показывается на глаза читателю. Поэтому рассказ полон жизни и страсти, рисует простыми, но сильными штрихами рельефные

фигуры больших и малых людей Великой Армии. Как живые проходят перед нами, и сам император в сером походном сюртуке у бивачного костра или на походе, и храбрый, не теряющий духа Евгений, неустрашимый Лабедуайер, решительный генерал-итальянец Пино, дружно идут в бой рука об руку итальянские офицеры и гренадёры, спокойно умирают, цепляясь костенеющей рукой за дорогую итальянский крестик, с последней мыслью о милой сердцу Италии, итальянские солдаты; ярко передаётся напряжённое ожидание похода в неведомую страну, зловещие предчувствия, бодрое сперва шествие по бесконечным равнинам, страшная битва под Москвой, пожар Москвы, кошмарные сцены отступления, упорная битва под Малоярославцем, отчаянная безуспешная борьба с Милорадовичем под Красным и последнее шествие «теней Великой Армии», когда сам Мюрат потерял присутствие духа. Всё безыскусственно просто рассказывает нам маленький офицерик, не решаясь рассуждать о походе, всегда держась реальных фактов и никогда не забывая о своей дорогой Италии, которая лишь недавно вырвана из-под австрийского ига; его больно обижает пренебрежительное отношение принца Евгения к итальянской армии, но лишь изредка слышится укор, когда срывается слово у грозного и требовательного к измученной армии императора. Ложье — прежде всего солдат, но этот солдат не забывает в себе итальянца.

Жизнь его нам очень мало известна. Выйдя из рядов мелкого итальянского дворянства, он быстро теряется в нём после походов, так что мы не знаем даже года его смерти. Родился он в Порто-Феррайо на острове Эльбе 5 октября 1779 года, служил с отличием в лёгкой кавалерии и получил 23 августа 1808 года орден Железной короны. Участвовал в Каталонском походе. В 1812 г. был вторым лейтенантом, одним из адъютантов при штабе легкоконного (велитского) полка королевской гвардии принца Евгения Богарне, вице-короля Италии, после был полковником на Тосканской службе.

Воспоминания его сделались известны недавно благодаря стараниям Г.Лионе. Последний случайно нашел в Миланской библиотеке четырёхтомное сочинение де-Ложье, изданное в 1826-1827 г (том в 450 страниц) и посвященное истории участия итальянцев в походах 1789-1815 годов: среди скучного повествования и документов оказались блестящие свежестью «воспоминания итальянского офицера», т.е. самого автора. Эти воспоминания Лионе выделил из груды мусора, выбросил кое-где введенные автором впоследствии рассуждения, нарушившие первоначальную ценность рассказа и опубликовал, снабдивши своими объяснительными примечаниями. (1)

А. Васютинский.

(1) В настоящем переводе оставлены некоторые примечания французского издателя мемуаров Ложье, казавшиеся необходимым для большей ясности текста или любопытные по приводимым подробностям.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Я не литератор, я — солдат и берусь за перо для того, чтобы рассказать о деяниях своих товарищей по оружию.

Вы не встретите здесь блестящего слога, изысканного языка; зато правда, беспристрастие и искренность будут моим защитниками.

Как очевидец в силу обязанностей, которые я нёс в своём полку, королевской гвардии принца Евгения, вице-короля Италии, в качестве адъютанта, я имел возможность отмечать события изо дня в день. Иной раз случалось заносить воспоминания кусочком угля при зареве пылающего дома или горевшей хижины, иногда при 28 градусах мороза.

Со времени похода Бонапарта в Италию, т.е. с 1796 г. народы Аппенинского полуострова непрерывно сражались в рядах французской армии в Италии, в Германии, в России, в Далмации.

Словом, с 1808 по 1914 год 200 000 итальянцев делили с этими армиями опасности и лишения на поле битвы. Во французских рядах очень часто можно было встретить в большом числе уроженцев Пьемонта, Генуи, Пармы, Романьи, Тосканы, жителей острова Эльбы и др. Вот почему я, как итальянец, рассказывая обо всём, что возвеличивает Францию, постараюсь осветить и то, что прославляет Италию.

ВЕЛИКАЯ АРМИЯ

1812.

Глава первая. НА ПУТИ В РОССИЮ

Милан, 18 февраля 1812. Генерал Пино получил от начальника главного штаба маршала Бертье приказ быть готовым к выступлению в поход с пехотной дивизией (почти 15 000 человек), двумя егерскими полками, гвардейской дивизией, увеличенной драгунским полком королевы, с армейскими отрядами, сапёрами и обозом.

Сегодня мы выступаем из Милана неизвестно куда.

Гольдберг (Прусская Силезия), 17 апреля. Мы прошли Тироль, Баварию и Саксонию; теперь мы в Гольдберге, в прусской Силезии: предместье, 800 домов, 3 церкви, больница, школа и 5 300 жителей — таков Гольдберг, лежащий на реке Каубах. Окрестности прелестны. Здесь именно к итальянской королевской гвардии должна присоединиться дивизия Пино, целиком составленная из итальянцев, затем дивизия Брусье и Дельзона, в которые, за время их долгой стоянки в Италии, поступали все новобранцы из итальянских департаментов, присоединённых к Франции, наконец, полки Нарбони и Марранези и бригада лёгкой кавалерии под начальством генерала Виллага.

Все эти войска, включая сюда артиллерию, сапёров, соединённый обоз и проч., образуют итальянский контингент, который составит всего один корпус под командой герцога д'Абрантес (Жюно).

Наш поход казался нам блестящей и приятной военной прогулкой. Добродушное, терпеливое, флегматичное, культурное население всюду

принимало нас ласково; и несмотря на своё утомление слишком частыми визитами французской армии, оно не потеряло своего природного добродушия, и столь же гостеприимно, как и раньше.

Подчинённые деятельно помогают своему начальству. Так поддерживается равновесие между высшими и низшими чинами нашей армии. Благородная дисциплинированность наших войск увеличивает почтение, внимательность и восхищение населения, среди которого мы остаёмся на отдых.

На этом походе царит радость и веселье; итальянским войскам присущи в высшей мере самолюбие, рождающее чувство собственного достоинства, соревнование и храбрость. Не зная, куда их ведут, солдаты знают зато, что идут они в защиту справедливости; им даже не интересно разузнавать, куда именно их отправляют.

Правда, у нас, как и во всех армиях, есть люди неразумные и необразованные, которые на всё взирают невежественным и недоверчивым оком и делят мир на две половины: счастливую, где растёт виноградная лоза, и совсем безрадостную, где нельзя получить вина. Слыша в начале каждой войны, что они должны нанести последний удар колеблющемуся могуществу Англии, солдаты, в конце концов, смешали с Англией все существующие державы. Они судят о расстоянии, которое их от неё отделяет, по числу переходов, которые уже несколько лет они совершают с одного конца Европы на другой, и все же никак не могут добраться до цели всех своих усилий — до этой пресловутой страны; она постоянно от них ускользает. Одни, своим безыскусственными и грубоватыми рассказами, своим философским и воинственным видом, учат других стоицизму, учат презирать страдания, лишения, самую смерть: они не знают другого божества, кроме своего повелителя, другого разума кроме силы, другой страсти, кроме стремления к славе.

Другие — этих больше всего — не имея той грубости, которая не подходит к пахарю, только что сделавшемуся солдатом, столь же привлекательны, но поразвитее и проникнуты патриотизмом и сознанием собственного достоинства. И всё это уравнивает дисциплина, пассивное повиновение — первая солдатская добродетель.

Новобранцы загрубевают, пройдя ряд различных биваков: постоянные марши дают им военный пыл и осанку.

Ветераны, своими военными рассказами, подстрекают новичков; частым преувеличением своих подвигов они ставят себя в необходимость подтвердить своим поведением те свои рассказы, которые нашли доверчивых слушателей.

Соревнование наше ещё больше возбуждается, когда мы узнаём о славных подвигах наших товарищей по оружию в Испании, и каждый из нас с волнением ожидает, скоро ли наступит момент, когда и мы срав-

няемся с ними, а то и превзойдём их. Да и полки, которые мы встречаем по дороге, не менее электризуют нас рассказами о геройских подвигах в последних походах. При таких разнообразных ощущениях, при постоянной перемене места, среды, при ежедневных новых предметах для разговора приятно совершить поход.

Но какова же цель нашей прогулки? Ничего об этом не знаю. Дипломаты окружают себя такой таинственностью, что как в Баварии, так и здесь, на границах Силезии, мы не можем сказать, с кем придётся сражаться. Солдаты живут весело, нимало не думая о том, будут ли они воевать с Россией или Персией, — есть между нами и такие, которые считают целью экспедиции Персию или Ост-Индию.

Гольдберг, 30 апреля. Тринадцать дней на биваке в Гольдберге и всё ещё не знаем цели, к которой нас направляют. Поживём, увидим! Пользуемся этим коротким промежутком времени, чтобы подучить наших солдат. Путь, который пришлось проделать сюда из Италии, придавал им более солидности и закала. Дружелюбная внимательность жителей областей, через которые мы проходим, показывает, что им известна и слава солдата великой армии, и его порядочность, и та суровая дисциплина, которой войско подчиняется.

Лигниц, 1 мая. Неожиданный приказ принудил нас покинуть сегодня утром наши милые квартиры в Гольдберге. Большую часть наших полков довольно далеко провожало это добродушное и гостеприимное население, память о котором навсегда останется нам дорога.

Лигниц, 2 мая. Сегодня утром, на походе прибыл курьер от начальника штаба князя Невшательского из Глогау: отдан приказ всем войскам итальянской армии расположиться на биваке до нового извещения в Нижней Силезии, а итальянской гвардии — вернуться на старые квартиры.

Гольдберг, 8 мая. Ничего не может дать представление о том, как встретили нас при возвращении в наш милый Гольдберг. Каждый обыватель сам отыскивал своего постояльца в рядах и не дожидаясь каких-либо разъяснений со стороны городских властей, вёл его на прежнюю квартиру. Если гостеприимство — добродетель, то благодарность — священный долг. Совершу большой грех, если не воздам доброму силезскому народу заслуженную им дань признательности. Но счастье это было преждевременно. Мы уже начинали жить обычной спокойной жизнью на биваке, когда сегодня утром в полученном от главного штаба приказе нам было объявлено, что итальянская армия отныне будет называться четвёртым корпусом Великой армии, и мы должны без замедления соединиться в Глогау-на-Одере, в главной квартире вице-короля Италии, принца Евгения Богарне, чтобы двинуться в направлении к Висле.

Лигниц, 10 мая. Лигниц — большой и красивый город Силезии, столица провинции того же названия; он лежит на Каубахе, впадающей в Одер. Окрестности покрыты каштанами и плодовыми деревьями. Есть ещё красивый густой парк вдоль стен — место для прогулок. Я был принят, как нельзя лучше учителями лютеранской гимназии и посетил библиотеку, где можно увидеть прекрасную коллекцию моделей и предметов естественной истории. Жителей в Лигнице — 9 300. Они выделывают сукно, шелковую материю и некоторые предметы роскоши.

11 мая. Выступили из Прахвицы.

13 мая. Прибыли в Глогау. Мы заменим здесь 8 корпус, состоящий из вестфальцев.

14 мая. Смотр на экспланаде Глогау. Весь 4-й корпус под ружьём; вчера прибыл вице-король в сопровождении графа Межана и своих ординарцев. Королевская гвардия занимает весь правый фланг в первой очень растянутой линии, на городском кладбище.

Могилы мешают правильному равнению. Несколько суеверных людей видят в этом обстоятельстве зловещее предвестие, — они жалуются на нашу позицию. Римские легионы, конечно, принесли бы жертву богам, чтобы предотвратить это роковое предзнаменование. Вице-король нашел нас в хорошем состоянии и только что выразил нам в приказе своё удовольствие.

Калиш, 20 мая. С 16 по 20 — когда мы прибыли сюда — ничего интересного не было. Один лишь Калиш, столица провинции того же имени, заслуживает упоминания: он лежит между двумя рукавами Просны, окружен старыми стенами и бастионами, и насчитывает тысячу домов. Улицы широки, прекрасно вымощены.

Каждый полк получил приказ временно устроить склад платья и амуниции и вице-король приказал генералу Лекки, командующему королевской гвардией, выбрать для этой цели город Калиш. Два следующих дня посвящены были выполнению этих предписаний.

Плоцк, 31 мая. Прибыли в Плоцк, расположенный на правом берегу Вислы. Дивизия Пино переправилась через Вислу на больших барках во Влоцлавск. Плоцк стоит на холме, омываемом рекой, имеет 3 000 жителей, из них добрая треть — евреи.

4 июня. Большой парад в присутствии вице-короля на главной городской площади. Кажется, в силу приказа императора от 27 мая, скреплённого главным штабом в Дрездене, каждый дивизионный командир должен сегодня сделать то же самое. Проверяют, в порядке ли оружие, снабжён ли солдат 150 патронами и темя ружейными кремнями. Начальники артиллерии осмотрели зарядные ящики и удостоверились, что всё в полном порядке. Его величество, кроме того, предписал нам «сохранять миролюбивый язык». И всё ещё мы живём в полном неведении

будущих судеб! Тем временем никому нельзя выходить за аванпосты без письменного разрешения, подписанного герцогом Бассано, и каждый прибывший путешественник или курьер должен быть допрошен и провождён в главную квартиру.

Принц убеждал нас особенно заботливо и тщательно поддерживать порядок.

«Беспорядки — сказал он нам, — помрачат добрый характер солдата; мало того, они лишь отвратят от нас жителей, которые должны помогать нам в нашем предприятии. До сих пор я не могу нахвалиться своими войсками, и недавно ещё император, говоря о малопохвальном поведении других полков, в лестных выражениях расхвалил мне корпус, которым я командую. Старайтесь по прежнему заслужить уважение и его и Европы, которая вся смотрит на нас».

А между тем, хоть провиант у нас в изобилии, но корма для скота совершенно нет. Кавалеристы, чтобы прокормить своих лошадей, видят себя вынужденными срезать рожь ещё зелёной и срывать снопы соломы с крыш домов. Жители бегут толпами жаловаться на эти насилия; но как удовлетворить их?

Мы уж вызвали недовольство жителей, когда пришлось, чтобы ускорить движение военного обоза, экстренно потребовать у них лошадей и телеги для перевозки съестных припасов, скота, хлеба, предназначенных для нашего пропитания в будущем. Чтобы выполнить эту неотложную операцию, выслали в деревни массу отрядов, которые затем и конвоируют до центрального склада вытребованные повозки и лошадей, причём их владельцы одновременно выполняют обязанности проводников и сторожей. Семьи трепещут и думают, что никогда больше не увидят ни людей, ни вещей, с которыми расстаются, между тем, последние часто составляют лучшую долю их имущества.

Многие из наших проводников, боясь, кроме того, что их принудят надолго следовать за армией, улучают первый удобный момент, чтобы убежать и оставляют лошадей и повозки на произвол судьбы.

Но скоро эти бедствия умножаются. Среди самых лучших войск попадают солдаты, недостойные этого наименования; они соединяются с бродягами, которые под видом прислуги или маркитантов, сопровождают армии с единственным намерением красть, и пользуясь удалением начальства, грабят жителей, — а в этих нападениях и грабежах не преминут обвинять всю армию.

Некоторые чиновники не стыдятся брать взятки под предлогом, что за это они освободят семью от реквизиции, потом, немного спустя — случайно или умышленно, является другой чиновник, который отнимает у этих несчастных то, что они уже откупили своими грошами.

Ограбленные таким образом жители в раздражении видят теперь в

каждом из нас нового грабителя. Отсюда пререкания, угрозы, жалобы, недовольство, ненависть.

Слишком мягко относятся к этим следующим в хвосте армии мнимым слугам и спекулянтам. Трусливые в беде, дерзкие при удаче, они сеют ужас, обкрадывают и мучают несчастных жителей, укрываясь под сенью храбрецов, поливающих свою кровью ту самую землю, которую опустошают эти злодеи.

Глава вторая. **В ПОЛЬШЕ**

Сольдау, 6 июня 1812. Выступили из Плоцка; наши слишком перегруженные повозки не могут поспевать за нами; на первом же переходе мы потеряли их из виду. Придётся их подождать, прежде чем выступить дальше.

15 июня. Прибыли в Растенбург и стояли тут два дня. Вице-король решил на здешнем озере сделать опыт переправы вброд. Для этого он распорядился, чтобы взятые из разных частей солдаты, под командой одного офицера и нескольких унтер-офицеров в полной амуниции, с ружьём на перевязи, с 50 патронами, хорошо упакованными в своеобразном тюрбане на голове, явились для переправы через озеро вплавь.

Приготовления к этому маневру приняли у нас размеры маленького праздника. И оживление было бы полным, если бы несчастье не опечалило армии. Солдаты счастливо переплыли первый раз. Но плывя обратно, один из молодых солдат исчез на полпути. Тотчас среди нас возникло состязание в самоотречении и храбрости. Озеро в мгновение ока покрылось пловцами, которые старались спасти несчастного, но напрасно! Полковник Лабедуайер, адъютант принца, почти не раздеваясь, бросился в воду. После долгих поисков рыбаки нашли наконец, тело: оно запуталось в густой траве. Все старания вернуть к жизни этого несчастного молодого человека, как со стороны профессора доктора Аццалини, так и со стороны бравого полковника Лабедуайера, были бесполезны.

18 июня. Выступили из Растенбурга.

24 июня. Прибыли в Кальварию. Никто не сомневался более в войне, но никакого официального приказа нам ещё не было объявлено. Мы провели ночь в Кальварии, а на утро нам был прочитан приказ: «Солдаты! Вторая польская война началась. Первая окончилась Фридландом и Тильзитом!...В Тильзите Россия поклялась быть в вечной дружбе с Францией и воевать с Англией. Она нарушает теперь свои клятвы; она

не желает более давать никакого объяснения своего странного требования, чтобы французские орлы не переходили Рейна, оставляя тем самым наших союзников в её распоряжении... Россия, увлекаемая роком, её судьба должна свершиться. Неужели она думает, что мы выродились? Разве мы уже не солдаты Аустерлица? Она ставит нас между бесчестьем и войной: выбор ясен. Итак, идём вперёд, перейдём Неман и внесём войну на её территорию. Вторая война польская будет столь же славной, как и первая, но мир, который мы заключим, принесёт с собой и гарантию: он положит предел тому губельному влиянию, который уже 50 лет оказывает Россия на дела Европы.

Наполеон».

Как описать впечатление, произведённое на нас словами нашего вождя? Горделивый трепет волнует нас. Скольким победам предшествовали подобные воззвания! Нельзя сомневаться, что и нынешнее воззвание окажется таким же пророческим.

Ещё не будучи осведомлены о войне с Россией, мы думали, что цель нашего путешествия — поход в Азию! Теперь наше предположение приняло вид вероятия. Если покорена Россия, то тем самым открыто уязвимое место Англии. Наполеон не замедлит со своей мезтью; мы явимся туда, куда не проникала ни одна южная армия. Предшествуемые шумной славой наших побед, мы вступим в эту богатую и обширную страну, полную славных воспоминаний для наших итальянских предков. Мы видим пред собою всеобщий мир, покорение вселенной, богатые и славные награды, чудесную героическую славу... А потом, как я уже сказал, наши, вернувшиеся из Испании, явились предметом всеобщего восхищения. Они рассказывают о своих подвигах, показывают свои шрамы, свои награды, говорят о своей славе — они счастливы тем, что их опять призывают к участию в новом предприятии. Что за вид представляет наш лагерь!

Ветеранов тотчас узнаёшь по их воинственным физиономиям; — слышатся рассказы, как молодые рекруты, сплошь и рядом отправляясь из дому жалкими, слабыми, после одной, двух кампаний, возвращались к своему очагу сильными, развившимися, с душой и чувствами старых солдат. Для нас, итальянцев, когда мы оглядываемся вокруг себя, как-то странно видеть, что столько наций вооружились для поддержки одной, ими повелевающей. Мы не можем не думать о нашем античном величии, не можем не сказать себе, что французы лишь подражают тому, что мы уже совершили. Мне вспоминается одно место из Монтескье. Всего более помогло римлянам, — говорит он там, — сделаться повелителями мира то, что они последовательно сражались со всеми народами земли и умели пользоваться своими завоеваниями для дальнейших завоеваний.

Вступили в Польшу, в великое герцогство Варшавское; перемена страны отчасти резко бросается в глаза. В Пруссии мы встречали хорошо отстроенные, красивые дома, порядок, чистоту и симметрию внутри. Здесь уже самая внешность возбуждает невесёлые чувства. Только ступишь на порог какого-нибудь дома, как уж тебя гонит отвратительный запах, несущийся оттуда; внутри такая грязь, что мы тысячу раз предпочтём ночевать под открытым небом.

Жители, хотя давно испытывают столь для них тягостные посещения войск, оказываются, тем не менее, гостеприимными и предупредительными; ушастые грязные евреи являются большею частью нашими новыми хозяевами. Но у нас очень мало времени заниматься ими: мы слишком спешим к Неману.

Берега Немана (без числа). Дороги загромождены массой телег со съестными припасами; но страшная сушь и трудность совладать с быстрым течением в разных местах реки замедляют прибытие барок, которых мы ожидаем; сплошь песчаная почва Польши, и наш очень быстрый марш всё более и более удаляют нас от телег, которые везут собранный провиант. Солдаты, сперва получившие умеренные порции, теперь нуждаются во всём.

Мало плодородная почва, слабые урожаи последних лет, в частности жалкий урожай текущего года — всё это делает страну бедной и не позволяет ей доставлять средства для пропитания столь многочисленной армии. Добывать для солдат пищу предписано с соблюдением человеческого отношения к жителям; но крестьяне видят одно — что у них отбирают накопленное ими. Хотя им и обещают уплатить стоимость взятого, они не слушают уговоров. Только слёзы, жалобы и проклятия со всех сторон! Они скоро начинают нас ненавидеть.

Но как поступить? Крестьянин не виноват, но не виноват и солдат; интересы первого нарушены — он боится, что после того, как его ограбили, голод заберётся к нему под кровлю; второй подчиняется властной необходимости.

Было бы несправедливо обвинять здесь в непредусмотрительности вождя армии. Так как мы двигаемся в страну, которую нужно завоевать, и отделены от неё всего лишь несколькими переходами, провиант неизбежно должен идти за нами, а не впереди.

Преграды, задержки были предвидены, но препятствия, которые мы встречаем на каждом шагу, выше всяких сил человеческих; что же тогда?

Надо же как-нибудь продержаться в данный момент, а затем надо стремиться к главной цели, т.е. нагнать врага, обрушить на него колоссальную массу людей, одержать решительную победу и заключить славный мир.

Нет сомнения, что мы сейчас близко от неприятельской армии. По-

этому, конечно, и она, и мы нетерпеливо ждём сигнала к началу враждебных действий. Но, по всей вероятности, русские думают, что мы гораздо дальше от них, чем на самом деле.

Прены близ Немана, 30 июня. Пройдя через лес, мы вдруг видим реку и подходим вплотную к её берегу. Тут мы застаём вице-короля, герцога д'Абрантес, и штаб, занятый наблюдением за постройкой моста. Артиллерия королевской гвардии заняла позицию на холме, доминирующем над противоположным берегом. Постройка моста окончена, и первые дивизии переходят по нему в самом строгом, молчаливом порядке.

Остальная армия становится лагерем на холмах и в соседнем лесу. Вице-король, в ожидании немедленного наступления неприятеля, запретил зажигать костры. Мы расположились биваком на отведённых участках, готовые к первой тревоге. От нетерпения, сырости, холода, глубокой ночной темноты, время тянется долго; вот, наконец, и желанный рассвет. Никогда ещё войска не строились в ряды с такой торопливостью и оживлением.

Правый берег Немана, 1 июля. Королевская гвардия, за которой следует дивизия Пино, т.е. всего 25 000 итальянцев, переправляются через реку в присутствии вице-короля: несутся произвольные восклицания; но маневр выполняется в том же самом порядке, с такой же дисциплиной, выдержкой и пылом, как если бы это был парад в Милане перед дворцом принца в праздничный день.

Нам говорят, что вице-король был вчера уведомлен, будто бы от 30 до 40 тысяч русских угрожают нашему левому флангу. Видели также отряд казаков со стороны Стоклишек. Мы не имеем никаких известий об армии Наполеона (1), и в ожидании возвращения адъютанта Батталья, посланного за инструкциями в главную квартиру, предосторожности удваиваются. Мы располагаемся лагерем на высотах, господствующих над правым берегом Немана.

Несколько хижин, покинутых хозяевами, послужили квартирой для вице-короля и для его штаба. Запрещено отлучаться с постов. Погода ясная и жаркая.

Сегодня, утром, около 11 часов, нам почудилась канонада: каждый жадно настораживал уши, чтобы явственнее разобрать шум. Но в конце концов оказалось, что это не что иное, как гром. Внезапно яростный порыв вихря повалил составленные вместе ружья и произвел беспорядок в лагере. Горизонт покрылся чёрными тучами. Скоро мы были окутаны тучей пыли и промочены проливным дождём.

(1) Нужно припомнить, что Наполеон переправился через Неман 24 июня без всякого сопротивления, и 28-го он совершил въезд свой в Вильну. Он решил сделать в этом городе необходимую остановку, чтобы дать перейти Неман войскам принца Евгения, составлявшим правый фланг, и стянуть сильно отставший обоз.

2 июля. Неслыханный проливной дождь шёл полтора суток. Дороги и поля затоплены; крайняя жара, которую мы терпели уже несколько дней, сменяется очень сильным холодом; лошади падают как мухи, много их погибло ночью и, вероятно, падёт ещё много других. Что касается нас, то мы принуждены были под открытым небом оставаться на ногах до утра. Мы не могли в этот ливень согреться у огня, — костры, которые пробовали разводить, тотчас же потухали — и мы не могли ни пошевелиться, ни улечься на этой грязи, в которую погружались как в болото.

К утру забрезжила бледная заря. Окоченелые, промокшие до костей, полусонные, измученные, мы похожи на призраки или на потерпевших кораблекрушение. Недостаток съестных припасов отягчает положение.

У нас, итальянцев, свои суеверия. Такое неожиданное зрелище, такое неожиданное несчастье для армии, вызывает среди нас печальные разговоры. Запоздание обоза, страх перед грядущей борьбой, потеря большого количества лошадей, всеобщее беспокойство, грозный вид неба, которое воспламеняется как раз тогда, когда мы проникаем в Россию, — кажутся нам печальными предзнаменованиями.

Но большинство армии — солдаты мало озабочены будущим; они всецело живут настоящим, и эти печальные предчувствия без сомнения скоро исчезнут и уступят место надежде вместе с появлением солнца во всё его сиянии.

Мы быстро-быстро удаляемся от этой топи. Земля, по которой приходится идти, промочена дождем. Мы находим приют в крестьянских хижинах в одной миле от проклятого бивака. Там мы находим водку, на которую жадно набрасываются солдаты; но мы не находим тут ни жителей, ни одной головы скота. Дома покинуты хозяевами; из них унесено всё ценное; сверх того, они были разграблены войсками, прошедшими раньше.

К чему этот уход? Эта пустыня подавляет нас. Литовцы союзники наши или нет? К чему уничтожать перед нашим приходом припасы?

Майор Батталья, вернувшись из Вильны, поставил нас в курс событий и сообщил об успехах армии Наполеона. Он вручил депешу вице-королю.

Мы торопливо покидаем деревню, чтобы уступить место следующим за нами войскам и идём в Жижмору по большой виленской дороге. Мы находим в этом местечке нескольких евреев, напуганных нашим движением. Мы думали здесь остановиться на несколько часов, но вице-король, желая наверстать потерянное время, едва только прибыл, как велел королевской гвардии следовать за собою.

Миланганы, 3 июля. Дивизия Пино присоединилась к нам в Жижмо-

рах (2), и гвардия стала здесь на биваке. С удовольствием я заметил в окрестностях прекрасно обработанную землю — признак более высокой цивилизации и более густого населения. Но я напрасно ищу жителей. Контраст между этими обработанными полями и покинутыми деревнями — загадка для нас. Мы не в состоянии разобрать, ненависть ли к нам, или страх перед нами причина этого бегства. Наше недоумение всё увеличивается.

Рыконты, 4 июля. Тогда как мы отдыхаем в Миланганах, 6-й корпус получил приказ продолжать путь. Проход этих войск продолжается всю ночь. Выйдя 3-его июля утром, из своих квартир, мы направляемся в Рыконты, чтобы провести там всю ночь.

В течении шестичасового похода мы находим вдоль всей дороги массу павших лошадей — знак, что по этой дороге император проследовал в Вильну. Смерд, исходящий от трупов, доказывает нам, кроме того, что это совершилось уже несколько дней тому назад. (3).

Мы полагали, что и мы идём в Вильну, и с большим разочарованием увидели, что наш авангард покинул виленскую дорогу и пошёл в другом направлении. Исчезли наши надежды отдохнуть в этом городе и забыть там свои страдания и лишения!

Вице-король получил новые приказания из Вильны: 6-й корпус должен направиться к этому городу, а мы должны выполнить возложенную на него задачу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Прибытие Императора.

Новые Троки, 5 июля 1812. После 4 часов трудного перехода по болотистой, покрытой лесом, местности, измученные удручающим зноем, мы прибыли в Новые Троки. Это местечко расположено на красивом холме, подножие которого омывается озером, сообщающимся через посредство канала с Вилией, притоком Немана.

(2) Дивизия Пино шла отдельно до Немана, и этот генерал имел время снабдить её всем необходимым: по едва 5 дивизии перешла Неман, как её поместили в хвост 4 корпуса. Предшествуемая таким образом королевской гвардией, 13 и 14 дивизиями и лёгкой итальянской кавалерией, она часто страдала от недостатка съестных припасов, фуража и нередко страдала до последней крайности.

(3) Вся эта местность от Немана до Вильны печальна и дика. Леса непрерывно тянутся вдоль всей дороги. Дороги, обыкновенно затруднительные в лесистой и болотистой местности, содержатся плохо. Они однако удовлетворяют нужды поселян, потому что зимой ездят на санях а летом на лёгких повозках. Невыдавние дожди напоминали весеннюю распутицу. Поэтому все корпуса были задержаны в своём движении. (Примечание автора).

На маленьком острове, посредине озера, высятся развалины крепости или замка, которые с одной стороны освещены солнцем, с другой — отражаются в озере, что представляет красивое зрелище. На вершине горы стоит великолепный монастырь, из которого можно вдали различить город Вильну.

Мы уже начали строить фантастические планы — подышать свежим воздухом под тенью ветвистых деревьев, окаймляющих берега озера и даже покататься в его прозрачных водах, которые, как говорят, никогда не замерзают; мы уже мечтали с комфортом отдохнуть и подкрепить свои силы, радуясь открытию «ледника», — где местные жители обыкновенно сохраняют свою провизию, как вдруг получаем приказ двигаться далее.

Вице-король, приближаясь к этой местности, увидел себя окружённым толпой евреев, один грязнее другого, за ней следовала длинная вереница женщин, стариков и детей. Простёршись перед ним, они вопили и плакали, умоляя охранить их от алчности солдат, которые, рассыпавшись по местечку, всё подвергли разграблению.

Лагерь в Новых Троках (без числа). Провиант у наших людей истощился за последние дни, и они делают большие переходы, не получая ни крошки хлеба; поэтому часто раздаются жалобы. Солдаты видят, что обозов всё ещё нет и тайком от офицеров направляются вглубь страны в поиски за пищей. Чтобы предупредить неизбежные злоупотребления, отправляют отряды, которым поручено водить людей на поиски пропитания. Но, увы! Ничего нельзя найти. Добывать удаётся только мёд; он здесь в изобилии. Сначала это очень обрадовало; но скоро настало разочарование, потому что очень многие солдаты заболели дизентерией.

Во избежание потерь, могущих произойти от недостатка припасов, вице-король требует присылки из Вильны хотя бы самого необходимого; но провианта, полученного оттуда, так мало, что его едва хватило на один день. Боюсь, что снисходительность, с какою допускаются хотя бы и урегулированные походы за провиантом, скоро уничтожат дисциплину. В покинутых домах, из которых жители уже вывезли имущество, всё переворачивается верх дном, в надежде найти съестное. Вице-король и его помощники с ужасом видят зло, которого не могут пресечь; и дисциплина, и умеренность, и честь солдата, и разумная предусмотрительность начальников — всё рушится.

Нам рассказывают, что неприятель готовится к столкновению с нами. Приходится поэтому принимать величайшие предосторожности, чтобы не быть застигнутыми врасплох. Однако, судя по распоряжениям вице-короля, мы, по-видимому, долго простоим здесь, может быть для того, чтобы не подвергнуться опять ужасам какого-нибудь нового урагана, а, может быть, и для того, чтобы найти корм лошадям. Добывать фураж

для кавалерии или солому для подстилок и для наших палаток приходится за три и за четыре мили.

В самих Троках расквартированы солдаты почётного караула, драгуны гвардии и драгуны королевы. В местечке три церкви, униатский монастырь, небольшой упразднённый форт и около 360 домов. Около местечка имеется большой стеклянный завод; он даёт работу 3 800 человекам, т.е. большинству жителей. Теперь все разбежались кроме евреев; их заражённые дома не избежали, однако, нашествия тех разнузданных солдат, о которых я говорил. Нет, это место, с виду такое привлекательное, не представляет для нас ничего отрадного.

Предприимчивость и деятельность восполняют однако все недочёты точно по волшебству. На этих холмиках появились временные жилища, устроенные настолько хорошо, что благодаря своему удобству, а с другой стороны благодаря царящим в войсках дисциплине и порядку, они оказались здоровыми, чистыми и приятными для глаз.

Полки посылали в Вильну разных комиссионеров с поручением закупить там необходимые припасы и разузнать о положении дел; благодаря этому я получил из Вильны письма от товарищей и целый пакет с журналами из Варшавы. Наполеон учредил в Литве своего рода временное правительство, и первой заботой этого правительства было сформировать пять пехотных и пять кавалерийских полков. Вид польских знамён, поднятых под стенами Вильны, вызвал в литовцах энтузиазм и пробудил самые славные их воспоминания. Цвет виленской аристократической молодёжи, под начальством князя Огинского, образовал почётную гвардию императора. Множество молодых людей из лучших семей, много студентов постуляют в армию. Какой контраст с покинутыми домами, и выселением обитателей в краю, через который мы идём!

Рассказы виленских товарищей, находящихся от нас в расстоянии всего нескольких миль, внушают нам бодрость, и мы не можем не полюбить храбрый польский народ, который мы до этой войны знали только в качестве солдат, с 1796 года сражающихся бок о бок с итальянскими легионами, да видели ещё с тех пор польских евреев.

Санитарное положение армии, по-видимому, совсем не блестящее; госпитали переполнены больными. Жестокие опустошения производит дизентерия, это роковое последствие запаздывания обозов, задерживаемых разливами рек и дождями. Наконец, внезапная перемена погоды вызвала у нас гибель массы ломовых лошадей.

6 июля. Мы думали, что в Троках останемся надолго, но получили приказ выступать. Сегодня, утром, в восемь часов мы двинулись по направлению к Неману. Нам пришлось, как и всем остальным корпусам, покидавшим окрестности Вильны, оставить в городе больных и склад

багажа под надзором офицера, обещавшего постоянно извещать нас о ходе революции в Польше.

Несмотря на то, что за последние дни стояния на биваках, нас почти непрерывно мочил дождь, солдаты наши воспользовались этим коротким отдыхом и приняли ту бодрящую осанку, по которой их всюду можно отличить. Таким образом, итальянцы, казалось, отдохнули в хорошей итальянской казарме. Вице-король гордился тем, что среди стольких лишений его солдаты одушевлены самыми благородными, самыми великодушными побуждениями; он выразил начальникам отрядов своё удовлетворение и просил их быть готовыми к ещё более тяжёлым испытаниям.

7, 8 и 9 июля. По параманемуньской дороге мы направились на Ошмянны и на пути как-то незаметно потеряли из виду вице-короля и дивизию Пино. Следуя за батальоном итальянского полка, под начальством подполковника Делла-Торе, вице-король, во главе всей кавалерии, двинулся по дороге на Рудники. Под начальством вице-короля кавалерия сначала пошла быстрым ходом. Пехота отстала, но дорога была настолько плоха, что и кавалерии скоро пришлось искать лучшую.

Через болото набросали переплетённые еловые ветви. Лошади на ходу отделялись друг от друга, спотыкались, ломали себе ноги. И если кто-нибудь бросался направо или налево, чтобы избежать таких препятствий, он проваливался в глубокие топи, из которых нельзя было выкарабкаться. Вице-король мало заботился о том, следуют ли за ним другие; в своём нетерпении найти корпус Платова, который, как ему сказали, держится неподалёку, он всё продвигался вперёд. Лошади сопровождавших его драгун гвардии падали одна за другою; таким образом, шли в продолжении двух дней, но никаких вестей о Платове узнать не удалось, хотя кавалерия эти переходы проделала почти всё время рысью. Что касается дивизии Пино, то никто не знает, куда она девалась.

15 июля, вечером. Сюда прибыли офицеры, присланные вице-королям. Все ещё неизвестно, что приключилось с дивизией Пино. Принимаются за поиски. Наконец, дивизия 13 июля присоединяется к нам, около Сморгони, вся измученная и истощённая. Вот что с ней случилось: Сначала она была оставлена в Новых Троках в качестве обсервационного отряда, затем, 6-го вечером, получила приказ двинуться как можно скорее в Рудники. В приказе прямо говорилось: «Вы должны завтра прибыть в Рудники; вице-король рассчитывает на вас».

Вынужденная охранять свою артиллерию на очень плохой дороге, сделавшейся непроезжей после того, как по ней уже прошла кавалерия, дивизия Пино, застигнутая темнотою, должна провести всю ночь в этих топях, где малейшее движение представляет величайшую опасность. Прибавьте ужасную грозу и всё затопляющий ливень.

8-го июля, на рассвете, генерал Пино, видя, что дорога вперёд совершенно непроходима, должен был примериться с неизбежностью и пошёл обратно, исследуя шаг за шагом почву, чтобы спасти пушки и зарядные ящики от какого-нибудь неосторожного движения.

Палящее солнце и томительный зной ещё больше истомили людей. В довершение бедствий, проводник, который вел дивизию, сбился с пути. Пришлось долгое время блуждать по громадным лесам без пищи, без воды, наконец после бесконечных обходов, возвратиться на прежнюю дорогу.

Во время этого, сначала медленного, потом быстрого передвижения, длившегося 48 часов без перерыва, пришлось, несмотря на все усилия генерала Пино и высших и низших офицеров, бросать в лесу отстающих больных солдат, истощённых дизентерией; пришлось бросать тех, которые заблудились, отбившись от своей части. Легко себе представить, что с ними будет; помощи ждать им неоткуда, разве некоторые из них соберутся с силами и смогут нас догнать.

Наконец-то весь четвёртый корпус опять соединился. Но со времени переправы через Неман, роковая случайность заставила нас потерять 5 дней, а гроза, бывшая 1-го июля, и несчастный переход 9-го, только увеличили число больных и дали жестоко почувствовать тяжесть всяких лишений. Человеческие силы имеют пределы.

15-го июля мы пришли в Вилейку по чрезвычайно песчаной дороге, идущей через громадный лес. Русские, в своём стремлении скорее уйти, бросили здесь кой-какие из своих запасов. Вице-король удваивает бдительность, опасаясь, как бы находящийся вблизи неприятель не напал на нас врасплох. Поэтому мы особенно осторожны при выборе позиции на ночь.

Конценевичи, 16 июля. Продолжая двигаться вперёд, мы сейчас в убогой деревушке, где кроме почты и дома священника, стоит только несколько хижин, крытых соломой. Королевская гвардия расположилась лагерем вокруг неё, а вице-король стал с своей главной квартирой в двух милях дальше.

Долгинов, 17 июля. С самого рассвета идём по прекрасной дороге, ведущей в Долгинов. Население его сплошь состоит из евреев, которые на вес золота достают для нас несколько бутылок водки. Непрерывное передвижение и недостаток у нас этого напитка заставляют меня упомянуть о таком событии; оно может показаться незначительным, но для нас оно много значит в данную минуту, — так велики наши страдания.

Докшици, 18 июля. В семи милях от Долгинова, мы попали в Докшици, населённые тоже почти исключительно евреями. Здесь имеется довольно большая площадь с храмом и скромный деревянный помещичий дом. Окраины городка лежат на двух небольших возвышенностях, между которыми протекает грязный ручей.

Докшищи, 19 июля. Отдых под ружьём. Нынешний день отмечен неприятным происшествием. Две дивизии — французская и итальянская — пришли одновременно. В Докшищах удалось найти запас сухарей, не попавших в мешки казаков. Французы, явились первыми, завладели всем запасом. За ними пришли итальянцы и стали требовать свою долю. Они разделяли с другими опасности и страдания и умирали от голода; права были равны. Генерал явился к принцу Евгению, чтобы добиться осуществления этого права. Но принц возразил, что тут право захвата, право первого взявшего; в ответ на это генерал стал ярко изображать тяжёлые лишения своих войск. С ним было несколько офицеров: «Ну, господа, то, чего вы хотите, невозможно. Если вы недовольны, возвращайтесь в Италию; мне нет до вас дела; знайте, что ваших шпаг я боюсь так же мало, как и ваших стилетов!»

До сих пор ничто не нарушало чувства привязанности итальянцев к вице-королю; его молодость, энергия, с какою он поддерживал порядок и дисциплину, его заботы о солдатах, наконец, то что он — приёмный сын императора, — всё это вместе заставляло любить его. Но оскорбительные слова, вырвавшиеся у него в минуту гнева, жестоко уязвили нас, как итальянцев. Принц забыл, вероятно, что он — вице-король Италии, что, будучи французом, он говорил с итальянцами.

Во время этого спора, вокруг дома, в котором поселился принц, показался сильный дым. Вскоре с одной стороны пробились языки пламени и обратили в пепел целый корпус. Прибегает королевская гвардия; под начальством тех самых офицеров, которых принц только что так неосторожно бранил, она старается разрушить всё, что сообщается с его домом, чтобы не дать ему загореться. Итальянцы стараются наперерыв и справляются с огнём; да и время было, потому что всё местечко могло сгореть. Но вдруг распространился слух, что этот случай имеет скверную подкладку; дело заходит так далеко, что его представляют принцу в самом невыгодном освещении. Это вызывает новую ссору между вице-королём и генералом Пино, ссору, во время которой последний держится в высшей степени твёрдо и в заключение говорит следующее: «Отлично, если ваше высочество не желаете соблюдать по отношению к итальянцам справедливости, которой они заслуживают, я найду её у императора». И с этими словами генерал кладёт свою шпагу на стол принца. Принц возвращает ему шпагу и старается его успокоить. Теперь первый раз итальянцы вспомнили, что принц Евгений — не итальянец.

19 июля. Движение на Березино. Находим по дороге множество печатных прокламаций, оставленных для нас русскими; переписываю несколько отрывков:

«Итальянские солдаты! Вас заставляют сражаться с нами; вас заставляют думать, что русские не отдадут должной справедливости вашему

мужеству; нет, товарищи, они ценят его, и вы в час битвы убедитесь в этом. Вспомните, что находитесь за 400 миль от своих подкреплений. Не обманывайте себя относительно наших первых движений; вы слишком хорошо знаете русских, чтобы предположить, что они бегут от вас. Они примут сражение, и ваше отступление будет затруднено. Как добрые товарищи, советуем вам возвратиться к себе; не верьте уверениям тех, которые говорят вам, что вы сражаетесь во имя мира. Нет, вы сражаетесь во имя ненасытного честолюбия государя, не желающего мира. Иначе он давно заключил бы его. Он играет кровью своих храбрых солдат. Возвращайтесь к себе, или, если предпочитаете это, найдите на время убежище себе в наших южных провинциях».

Подобная прокламация, попав к нам в такую минуту, могла бы вызвать у нас некоторое колебание, но на самом деле она возбудила только презрение, мы все смотрим на неё, как на оскорбление нашей национальной чести.

Березино, 20 июля. В походе и в лагере только и разговору, что про сцену в Докшицах и про прокламацию русских. Спорят, кому из нас составлять ответ, и самый младший капрал, отправляясь на передовой пост, откуда ведутся разведки, захватывает такую ответную прокламацию, чтобы передать её на передовые позиции русских. Наиболее распространённой является следующая, из которой выписываю главные места:

«Русские солдаты!

Итальянские солдаты удивляются, как вы могли хотя бы на минуту подумать, что их можно соблазнить таким низким способом, тогда как они всегда неизменно слушались голоса чести. Они потеряли к вам прежнее уважение, уважение, которое даже в разгар войны храбрый солдат сохраняет по отношению к своему противнику... Подобная провокация оскорбляет не только тех, к кому она отправлена, но и тех, кто её отправил...» Отрывок заканчивается так: «Между прочим, этот ответ вам доставит один из наших товарищей-гренадёров — француз».

Подписано: «Итальянский солдат».

Эти маленькие события вызвали у нас оживление, несколько большее, чем обычно. Наше изумление по поводу того, что мы нигде не встречаем препятствий нашему движению вперёд, всё более возрастает.

Пишно, 21 июля. Утром выступаем из Березина, местечка, в котором все дома выстроены по одной линии и имеют издали вид лагеря. Мы идём по дороге, проложенной по узкой полосе твёрдой земли, убитой еловыми ветками: от Березина до Улы почва сплошь болотиста. Дорога между этими реками тянется на протяжении 20 или 25 миль посреди болот и громадных лесов; в Пишно мы пришли только к ночи.

Бочейково, 23 июля. До рассвета выступили из Каменя, где отдохали вчера, и прибыли сюда довольно рано после пятичасового перехода.

Мы переправились через Улу и расположились лагерем на высотах за мостом, посреди широкого поля ржи. Неожиданно нас известили, что император приедет сюда из Глубокого и сделает смотр передовых позиций армии как раз около места, где мы разместились авангардом. Вице-король дал приказ встретить его в парадной форме. В лагере пошла суматоха. Офицеры и солдаты поспешно сбрасывают походное платье и надевают свои лучшие мундиры. И каждый из всех сил старается — выбивает пыль, чистит, белит, гладит... Чемоданы и сундуки вытаскивают на середину лагеря; раскладывают платье и бельё; нагружают и разгружают повозки; идёт непрерывная беготня взад и вперёд, со всех сторон раздаются песни, смех, шутки; лагерь оживает; жизнерадостная природа итальянцев сказывается и самые поля принимают праздничный вид, какого у них никогда не было, да, вероятно, и не будет больше никогда. В один миг пыльное дорожное платье сменяется чистыми и богатыми мундирами, украшенными золотом и шёлком.

Войска, выстроенные в боевой порядок, представляли блестящую картину к моменту приезда императора. Но он ограничился только тем, что вышел около моста из своей кареты, принял рапорты, осмотрел некоторые позиции, отдал приказы и возвратился к своей гвардии в Камень.

Какое разочарование! В скверном настроении снимали мы свои парадные мундиры и надевали медленно и в молчании своё походное платье, думая с досадой об этом человеке, для которого мы зашли так далеко, за которого готовы проливать кровь, ради которого мы уже перенесли столько трудов, а он даже не удостоил нас ни единым взглядом.

Это тем более унижительно для нас, что сегодня в первый раз со времени нашего выступления из Италии, мы находились в его присутствии! Если у него нет других побуждений, — говорили мы друг другу, — то простое любопытство должно бы было заставить его взглянуть на своих подданных, своих верных союзников, и поговорить с ними.

В чём может он упрекнуть нас? Один взгляд, одно слово, улыбка сочувствия — всё это так легко сделать. Так нетрудно доставить людям удовольствие; так легко завоевать привязанность массы. А вместо всего этого — ничего, ничего, ничего!

Вот какие разговоры долетали до меня, когда я в невесёлом настроении возвращался на свой бивак. Но тут же с гордостью прибавляли: «Ну, что же! Мы докажем ему, что заслуживаем его взгляда не меньше, чем его французы; тогда увидят, следует ли нас оценивать наравне с ними».

Снова начинаются толки о событиях в Докшицах, но скоро наступит молчание, в лагере прекращается оживление — нетрудно видеть, что всякая радость пропала.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ.

Первые столкновения с казаками.

Бочейково, 23 июля. Пикеты лёгкой кавалерии, отправленные на разведки к устью Улы, утверждают, что казаки посылают патрули к нашим флангам. Известие это радует нас, и мы начинаем думать, что недалеко и вся неприятельская армия. Вице-король отправил свой авангард к берегам Двины, где, — как говорят, — русские стянули значительные силы под начальством генерала Дохтурова.

Ознакомившись с донесениями, вице-король стал во главе авангарда, отправив вперёд 200 человек итальянской лёгкой кавалерии под предводительством начальника эскадрона Лоренци. Последний не замедлил натолкнуться на неприятеля; не обращая внимания на неравенство сил, Лоренци, со своими 200 кавалеристов пошёл рысью и, подойдя к неприятелю на расстоянии выстрела, бросился в атаку. Русские сначала стояли твёрдо, они не могли предполагать такой смелости у столь небольшого количества людей. Но в конце концов, до такой степени были озадачены, что отступили под напором отряда, и оставили человек 12 пленных, среди них одного офицера.

Отступая на Бешенковичи, русские перешли через Двину по мосту. Русская пехота, помогая кавалерии, забаррикадировалась в домах на правом берегу и открыла по нашим войскам сильный огонь.

Вице-король со своим штабом и остатками итальянской кавалерии поспешил сюда по первому выстрелу; он торопит движение авангарда пехоты, чтобы выгнать врага, который успел, тем не менее, сжечь мост. В этом деле у нас было ранено четверо, в том числе полковник Лакруа, адъютант принца. Разместив авангард в Бешенковичах, вице-король вернулся вечером на отдых в Бочейково. Он остановился в помещицьем доме на левом берегу реки. По общему признанию, этот дом лучший из всех, которые мы видели в Польше.

Бешенковичи, 24 июля. Мы оставили в усадьбе склад, под заведыванием итальянца, капитана 3-го линейного итальянского полка, чтобы приютить там утомлённых и больных людей. Вчерашнее дело дало нам повод думать, что нас двинут сегодня ночью, но вице-король, к нашему изумлению, отложил выступление до рассвета.

Итак, мы ещё в сумерки оставили Бочейково, переправились через маленькую речку, и прибыли в Бешенковичи, где всё было занято кавалерийскими дивизиями генералов Брюйера и Сен-Жермена, пришедшими с Улы.

Неприятель, которого отделяет от нас Двина, как будто не пугается той массы людей, которую видит перед собою. Его кавалерия проделыв-

вает эволюции на равнине, а стрелки не переставая обстреливают наших вольтижёров, старающихся захватить паром, отогнанный к тому берегу.

По приказу императора, вице-король наводит мосты, чтобы здесь переправиться через Двину, и приказывает выдвинуть батарею с двумя орудиями.

Они должны охранять наших сапёров и гардемаринов, наводящих мосты.

Поощряемые примером своих офицеров, эти солдаты под неприятельским огнём бросаются в реку, чтобы захватить паром; это удаётся. Наконец, русские, которых беспокоят наши пушки, отходят и перестают мешать наведению мостов. Тем временем лёгкая кавалерия в 200 шагах от первого моста нашла брод. Она переходит вместе с разными стрелками реку, и русские, не дожидаясь её, быстро отступают, зажигая всё, что оставляют.

Неожиданно в два часа дня к нам явился император, узнавший о сборе своей армии в Бешенковичах и о присутствии русских.

Он проезжает через реку по мосту, постройку которого не одобряет, присоединяется к лёгкой кавалерии и во главе её отбрасывает русских на 8 вёрст от Бешенковичей, в направлении к Ковалёвщине, деревне, занятой русскими. Затем войска возвращаются на свои позиции на берегах Двины, и Наполеон устраивает свою главную квартиру в Бешенковичах.

Трудно себе представить смятение и неурядицу, которые царят здесь. Представьте только себе, что разные части армии, разрозненные в течении целого месяца и разбросанные на пространстве ста миль, вдруг прибывают в одно место в один и тот же день и почти в один и тот же час.

Пехота, вздев на ружья штыки, ропщет и угрожает разорвать ряды экипажей, артиллерии и кавалерии. Кучера и всадники жмутся друг к другу и стараются никого не пропускать. Офицерам с величайшим трудом приходится удерживать солдат от кулачных расправ. Солдаты не в силах больше терпеть; они жалуются на непредусмотрительность главного штаба, которой и приписывают причину этого неопишуемого смятения.

Ночь 24-25 июля. Многие всю ночь проискали свои части. Итальянская армия, корпус Нея, три дивизии первого корпуса расположены лагерем перед местечком. Кавалерийский корпус генерала Нансути, вместе с двумя батальонами 8-го лёгкого полка и батальоном 2-го лёгкого итальянского полка, под начальством батальонного командира Делла-Торре, был продвинут вплоть до Будилова и составил, таким образом, авангард армии.

Всё время видишь курьеров, скачущих во всех направлениях. Всё предвещает на завтра битву. В этом никто не сомневается, и каждый сол-

дат перед тем, как идти на покой, приводит в порядок своё оружие. Горизонт освещён заревом пожаров, которые вспыхивают один за другим, составляя странный контраст с чёрною тенью лесов, стоящих перед нами.

Полковник Провази, адъютант военного министра, генерала Фонтанелли, приехавший из Италии, явился к нам в лагерь. Он привёз новости от наших друзей из Вильны.

25 июля. Пушечная пальба началась до рассвета. Мы сейчас же выступили и поспешили по направлению к выстрелам. Дорогой встретили адъютанта Мюрата, который ехал к вице-королю с просьбой двинуть войска.

Едва адъютант кончил говорить, как гром пальбы усилился. Вице-король остановил обозы и распорядился, чтобы солдаты по возможности ускорили шаг. Сам же он со своим штабом поскакал со всею поспешностью к Неаполитанскому королю.

Дивизия Дельзона, которая идёт во главе итальянской армии, первая напала на правое крыло русских. Последние, видя, что на них нападают с превосходными силами, отступили до опушки леса, приблизительно на 3 версты, за ними продолжали следовать наши войска. Что касается вице-короля, то он подоспел, когда битва была уже кончена.

Мы шли сюда так скоро, как только могли, и если русские проявляли радость, атакуя нас, то и мы с не меньшей радостью торопились вырвать из рук их победу. Мысль, что нам удастся померяться силами с врагом, до сих пор невидимым, удваивала наши силы, и на всех лицах можно было прочесть чувство удовлетворения: Кроме того, у нас ещё лежало на сердце желание отплатить за нахальство, проявленное ими в Докшицах.

Желание славы не давало нам думать о чём-нибудь другом. Пока мы шли вперёд, мы заметили, что канонада стихает: «Побежим, — кричали солдаты, — а то и сегодня потеряем случай сразиться!» И, действительно, прибыв в деревню неподалёку от места только что происходившей стычки, мы встретили там вице-короля, который спокойно ожидал нас, и приказал расположиться лагерем, около деревни, в которой он поместил свою главную квартиру.

Мюрат не хотел дальше воспользоваться своим успехом, не желая, вероятно, из опасности риска, углубляться в лес. Он остановился главной квартирой в Острове.

Мы захватили 8 пушек и 600 пленных. Убит русский генерал (Акулов).

26 июля. Наше движение началось сегодня утром в четыре часа. Дивизии должны следовать друг за другом в расстоянии часового движения.

Мы проходим через вчерашнее поле сражения по широкой, как и обыкновенно в России, дороге. Лучи восходящего солнца освещают место сечи. Похоронить мёртвых, 400 трупов, почти сплошь русских, ещё не успели. Оружие, разбитые колёса, проломанные ящики, каски и ран-

цы покрывали землю. Все это русское. Картина вдохновляет наших солдат, и они продолжают путь с горячим желанием сравняться со своими товарищами по оружию.

В 6 часов вице-король и король Неаполитанский отправляются на передовые позиции, занятые батальонами лёгких полков и получают представление о позиции неприятеля. Мне кажется, что неприятель спрятался в чаще густого леса, из которого можно видеть всё, оставаясь невидимым. Правым флангом он опирается на Двину, левым — на лес. Позиция его грозная; она — посреди деревьев и скал, и, таким образом, защищена по всей длине витебской дороги, где как говорят, недавно устроены большие склады.

8-й лёгкий полк развёртывается в боевом порядке, фронтом к неприятелю; он прикрывает, таким образом, размещение Кроатского полка, за которым в свою очередь располагается 84-й полк. Батальоны 92-го полка и стоящий перед ними батальон 3-го полка итальянской лёгкой пехоты приведены в боевой порядок и образуют эшелоны по ту сторону дороги. 106-ой полк составляет резерв, а кавалерия расположена таким образом, что может поддерживать движение. Одна из лёгких бригад переправляется через Двину, чтобы прикрыть наш левый фланг. Артиллерия и кавалерия итальянской армии расположены вдоль нашего фронта. Дивизия Бруссье и мы вместе с королевской гвардией должны были, как только пришли, стать плотными колоннами направо и налево от дороги, образуя вторую линию. В 10 часов началась перестрелка. Русские пушки открыли огонь по нашим колоннам, которые становились на свои места. Тогда артиллерия королевской гвардии получает приказ подойти. Она обстреливает русские батареи, заставляет их направить на неё свой огонь и тем даёт нам возможность с меньшей опасностью перебраться через не прикрытое место и занять наши боевые позиции.

Со всех сторон начинается смелая атака, отражаемая с величайшим мужеством.

Неприятельский генерал (граф Остерман), желая обойти наш левый фланг, двигает из леса на берег Двины сильный отряд кавалерии. Неаполитанский король направляет против него гусарский полк, но его разбивают и оттесняют. Тогда вице-король приказывает генералу Гюару, командующему левым крылом дивизии Дельзона, (Кроатский и 84-й полки), начать наступление. Гюар выказал здесь одинаково и своё мужество, и свою находчивость. Первое столкновение дало перевес; он переходит через ров, и всё отступает под напором его солдат. Направо батальон третьего лёгкого полка и 92-й полк выстраиваются под русским огнём, чтобы проникнуть в лес. Наконец, после продолжительных и повторных усилий, генералу Русселю удаётся захватить позицию на опушке; он прогоняет врага.

Тем временем центр и правый фланг приобретают новые преимущества. Тогда русские двигают несколько резервных полков на свой, сильно пострадавший правый фланг. Генерал Гюар, подавленный численностью неприятеля, отступает в беспорядке.

Почти в тот же момент какое-то необыкновенное возбуждение, как бы волной проходит по войску, и страшные крики привлекают наше внимание к нашему левому флангу. Дивизия кирасиров, жестоко обстрелянная, спешно отступает, давая место дивизии Брусье, идущей на помощь к дивизии Дельзона. Земля дрожит под тяжестью лошадей. Идёт какая-то сутолока от скрещивания наступающей пехоты и отступающей кавалерии, получается страшный беспорядок, и мы решительно не можем разобраться, что происходит: сообщение между двумя крыльями становится невозможным, царит неуверенность и какое-то досадное смятение. Плохие симптомы! Вице-король понял серьёзность опасности, он проехал перед королевской гвардией со словами: «Сегодня я доверяюсь моей храброй гвардии». Такие лестные слова, сказанные с доверчивостью и уважением, вызвали у нас восторженные отклики. Мы судорожно сжимаем своё оружие, обвиняем русских в трусости, жалуемся, что товарищи в цепи слишком храбры и для гвардии не оставляют работы. Происходит борьба самых благородных побуждений. В наших рядах раздаются крики: «*Avanti la Guardia*» (Гвардия вперёд!). Штаб-офицеры, которые сидят на лошадях и могут видеть все лица сразу, невольно вздрагивают от гордости и радости при виде такого героизма, являющегося залогом успеха.

Между тем, русские подходят. Крики, которые мы слышали, исходили от них, когда они устремились из леса и бросились на дивизию Дельзона, чтобы уничтожить её и захватить артиллерию.

Несчастливая минута! Она заставляет опасаться печального исхода дела, и каждый из нас спрашивает себя, чем кончится эта стычка.

Ободрённые успехом русские стрелки, до тех пор невидимые, выходят из своей засады и увеличивают собою число победителей. В эту минуту нашей артиллерии следовало бы обстрелять эти дерзкие толпы, но действие парализуется отступлением дивизии Гюара, так как наши выстрелы могли бы попасть не только в неприятеля, но и в своих. Наконец, стремительное отступление с первой линии на вторую могло вызвать невероятное смятение, непоправимый беспорядок, который сделал бы сопротивление бесполезным.

Земля уже покрылась мёртвыми и ранеными Кроатского и 84-го полков, все ещё делающих отчаянные усилия, чтобы устоять. Наша королевская гвардия обуреваема гневом и бешенством: ей приходится пребывать в бездействии с оружием наготове в то время, как русские безнаказанно убивают нас! О чём думал в это время вице-король? Хотел ли

он сохранить этот ценный резерв, чтобы двинуть его в штыки на неприятельские фланги на случай, если бы русские проявили ещё большую отвагу. Как бы там ни было, я никогда не забуду тех слов, которые он несколько раз повторил после сражения: «В этом критическом положении я не видел среди гвардии ни одного лица, которое не выражало бы горячего желания атаковать неприятеля и глубокого неудовольствия, вызванного тем бедствием, на которое я её обрёл».

Такое положение вещей не могло продолжаться долго. И, действительно, как только кирасиры отступили, как только место было очищено, Неаполитанский король, во главе польской кавалерии атаковал русскую пехоту, так жестоко преследовавшую бригаду Гюара, и не замедлил обратить её в бегство и рассеять.

Итальянская артиллерия, несмотря на близость неприятеля, сохраняла величайший порядок и, как только заметила перемену, сейчас же открыла огонь и, под прикрытием роты 8-го лёгкого полка, стала сеять убийство и смерть в русских рядах.

106-й полк спешит на помощь к генералу Гюару, переходит в наступление, занимает позиции, захватывает две пушки, и русские опять отступают в лес. Равновесие, таким образом, восстановлено у нас на левом фланге и в центре. Что касается нашего правого крыла, то после своих первых успехов, оно не рискнуло выдвигаться вперёд в виду неудачи левого крыла. Русские продолжали с этой стороны держаться в густой чаще. На 92-й полк, несмотря на занятую им хорошую позицию, падал из всех углов леса целый дождь пуль, и в его рядах началась уже чувствоваться некоторая неуверенность.

Вице-король заметил это опасное колебание и отрядил сюда гвардейский стрелковый полк. Стрелки без колебаний бросились в лес и заставили неприятеля очистить позицию. Тем временем, бригада лёгкой кавалерии на нашем правом крыле ударила в русских с тылу. Такое же движение производит на другом крыле пехотная бригада второй дивизии итальянской армии. В этот момент битва стала общей на почве, где и без того трудно действовать, а теперь ещё она шаг за шагом отстается русскими. Наконец неприятель не в силах дольше сопротивляться и покидает поле битвы, отступая эшелонами и продолжая перестрелку вплоть до деревни Комары, где он задерживается до 5 часов вечера.

Оба французских принца дали войску необходимый отдых, во время которого, после почти что общей путаницы, порядок восстановился. Кроме того, всё увеличивающиеся неудобства почвы, всё растущая численность неприятеля, его окопы среди лесов, его отчаянное сопротивление — всё это достаточные причины для того чтобы нам увеличить свою осторожность.

Вдруг объявляют о приезде императора. Оба принца едут к нему на встречу, чтобы дать ему отчёт о происшедшем. Наконец, мы останавливаемся в двух милях расстояния от Витебска, где первая дивизия располагается позицией около 8-ми часов вечера. На наших биваках недостаток воды. Люди едят траву и стебли.

27 июля. Бригада лёгкой итальянской кавалерии особенно отличилась в атаках, выполненных в эти два дня под начальством генерала Орнано. В сегодняшнем приказе упомянуты многие офицеры и унтер-офицеры.

Вчера вечером храбрый генерал Руссель, весь день водивший в огонь свои батальоны, был по ошибке убит во время объезда передовых позиций одним из наших часовых, который принял его за неприятеля. Пуля раздробила ему череп. Почему не заслужил он чести умереть на три часа раньше от русской руки на поле сражения?

Сегодня, 27-го, на рассвете, итальянские войска двинулись далее, следуя за артиллерией гвардии и лёгкой кавалерии второй дивизии Бруссье.

При восходе солнца мы заметили отступавший эшелонами неприятельский арьергард. Он, между тем, остановился, не доходя до Лучесы на удачно выбранной позиции правым крылом к Двине и лицом к Маркову монастырю. Лес, весь занятый пехотой и артиллерией, и глубокий ров защищают его фронт.

Бригадный генерал Бартран де-Сиврэ с 18-м лёгким полком, тремя ротами стрелков и бригадой лёгкой кавалерии, развёртывается направо и занимает высоты над большой дорогой. Генерал захватывает занятую русскими влево от их цели деревню.

Русские отступают тогда от краёв рва и предварительно сжигают мост, по которому перешли.

Генерал Бруссье, пользуется этим отступлением, восстанавливает мост, переходит по нему со своей дивизией и образует впереди из своих полков, расставленных эшелонами, двойное карре, под прикрытием сильного огня своей артиллерии. Карре 53-го полка было ближе всего к мосту. 16-й полк конных стрелков, под предводительством генерала Пирэ, а перед ним две роты 9-го пехотного полка с капитанами Гайаром (или Гийаром) и Савари первые перешли мост. Прежде всего надо было очистить почву и дать место войскам дивизии Бруссье. Но вдруг скрытая батарея с 12-ю орудиями открыла против них огонь в ту минуту, когда они окружены были казаками и сумскими гусарами. Стрелки остановились, стали твёрдо ожидать нападения и, когда русские подошли на 30 шагов, встретили их ружейным огнём. Но эта пальба недостаточно замедлила движение русской кавалерии; в нескольких линиях 16-го стрелкового полка произошло расстройство, и стрелки были оттеснены толпами на французскую пехоту.

Каре 53-го полка встречает русскую кавалерию сильным огнём. Чтобы избавиться от него, русская кавалерия поворачивает направо и обрушивается полным ходом на роты вольтижёров, стоящие тылом к Двине, а фронтом повернутые к неприятелю.

Их окружили, и мы думали, что они погибли, но эти храбрецы, сомкнувшись плотной массой, воспользовались всеми преимуществами, какие давала им почва, и оказали такое решительное сопротивление, что дали время кавалеристам 16 стрелкового полка собраться, получить подкрепления в виде свежей кавалерии и придти к ним на помощь. Между тем, остальная армия, расположенная амфитеатром на холме, с глущим интересом следила за этой славной борьбой и своими криками ободряла храбрых вольтижёров 9-го полка. Император велел им сказать, что все они достойны знаков отличия.

Тогда дивизия Бруссье пошла на неприятеля; дивизия Дельзона растянулась направо, чтобы атаковать стоящий в лесу левый фланг русских. Император внимательно следил с возвышенности за движением своих противников. Неаполитанский король направил огонь на батареи, расположенные в лесу, и заставил их отойти. В два часа все позиции были отняты у неприятеля. Теперь обе армии стояли друг против друга, разделённые только Лучесой, речкой узкой, не очень глубокой, но с крутыми берегами, затрудняющими переправу под неприятельским огнём. Рота дивизии Пино заняла хутора на возвышенном берегу Лучесы и будет, пользуясь этим естественным укреплением, защищать нашу переправу через реку.

Артиллерия обеих армий открывает вдоль обоих берегов сильный огонь. Убито по несколько человек с той и другой стороны.

В эту часть года дни очень длинные и император успел бы дать сражение. Но части подходят только постепенно, одна за другой; он делает им смотр; определяет каждой место в сражении. Он уверен, что победит, и, кто знает, не надеется ли он одним ударом решить судьбу России? Разве не так оканчивал он все свои войны? Разве не подчинил он своей власти всех своих врагов?

Вся армия воодушевлена одним желанием: перемогая утомление и жестокие лишения, она с нетерпением ожидает знака. Наполеон отправляется со своим штабом на небольшой холм позади центра итальянской армии. Отсюда ему удобно рассматривать русскую армию. Каждый из нас строит тысячи предложений, по большей части лестных для нашего вождя. Одни думают, что предстоит движение Сен-Сира, Понятовского или Даву (4). Другие, делая Наполеона новым Девкалионом,

(4) Автор, как и весь корпус, в котором он состоял, не знал, что Даву был в эту минуту уже вместе с ними в цепи.

ждут, что у русских с тыла появится столько же французов, сколько мы видим их вокруг себя и предполагают, что ждут только их, чтобы начать дело.

ГЛАВА ПЯТАЯ. **Император на биваке.**

27 июля. Адьютанты один за другим скачут вправо от нашей позиции; при виде этого начинают думать, что оттуда ожидается прибытие вестфальцев; сам вице-король поскакал в эту же сторону. Через некоторое время он возвращается, весь в поту и тяжело переводя дыхание. Император резко говорит ему: «Вы были проворнее, когда были только полковником моей гвардии!» Нас всех удивило это неожиданное замечание, оно было сделано очень громко и сейчас же стало передаваться. Чем заслужил его вице-король? По всей вероятности, Наполеон приписывал неполный успех кампании нерешительности своих заместителей и теперь изливает своё недовольство на одного из них. Так, по крайней мере, мы предполагаем.

В два часа по полудни мы опять видим, как от группы, всё ещё окружающей императора, поскакали к разным частям адъютанты.

Лица солдат сияют от радости. Барабаны бьют. Оружие у всех наготове. Молчание прерывается только частой пушечной пальбой со стороны русских.

Войска в энтузиазме устремляются вперед. Но вдруг приходит известие, что мы будем не атаковать, а располагаться лагерем. Вольгизёры получают приказ отступить с занятых позиций и прекратить перестрелку, и военные действия сменяются отдыхом солдат, настроение которых сильно понижается. Мы раздражены и с горьким недоумением переглядываемся между собой. Как! Мы, несмотря на страдания и голод, сделали столько непрерывных переходов, только затем, чтобы найти врага; и теперь, когда мы, наконец, видим, почти касаемся его, когда все обстоятельства складываются благоприятно, вдруг эти несвоевременные колебания, эта ненужная оттяжка. Из рук у нас вырывают победу! Изумление написано на всех лицах; и мы молча ищем ответа на лицах наших начальников, что бы угадать причину этой непостижимой помехи.

Войска расположены в следующем порядке: в первой линии Ней и итальянская армия; императорская гвардия, три дивизии корпуса Даву и кавалерийский корпус Нансути — занимают вторую и третью линии. Корпус Латур-Мобура остается на правом берегу Двины, недалеко от

Витебска. Между обоими лагерями по молчаливому соглашению царит перемирие.

Вечерние огни поддерживают в нас уверенность, что русские не собираются уходить. Вице-король разбил свою палатку среди полка велитов, расположенных около берега Лучесы.

Ночь с 27 на 28 июля. В полночь нас будит шум приближающихся шагов и крики часовых. Это император в сопровождении нескольких офицеров прибыл к вице-королю. Мы его узнали, когда он приблизился к королевской палатке, по повелительному восклицанию, которое он один мог себе позволить: «Что это? Разве здесь все спят?» Вице-король проводил Наполеона вдоль фронта цепи лицом к неприятелю. От офицеров, находившихся при этом осмотре, я узнал, что он дал распоряжение относительно сражения, которое он надеется дать сегодня. Затем мы разошлись по своим палаткам.

28 июля. Как только занявшая заря расчистила горизонт, мы все, точно по общему соглашению, не говоря ни слова, устремляем взгляд на расстилающуюся перед нами громадную равнину, вчера ещё усеянную врагами, на которых нам так хотелось напасть. Сегодня она лежит перед нами пустынная, покинутая. Неприятель не только исчез; неизвестно даже, по какой дороге он пошёл. Мюрат первый переправляется через Лучесу, за ним идёт сначала итальянская армия, потом и всё войско; он отправляет во всех направлениях отряды, чтобы обыскать всю местность, и найти следы русских, — но бесполезно! Невозможно даже получить какие-нибудь указания от жителей, так как все ушли. Мы находимся в полной неизвестности относительно того, что происходит вокруг нас. Император переправляется через Лучесу одновременно с армией, потом принимает депутацию от города Витебска. Она приносит ему ключи и умоляет о милосердии.

Мы проходим через Витебск. Он тоже оставлен жителями. Мы встречаем только нескольких грязных евреев и нескольких иезуитов. Они не могут или не хотят дать нам указание о направлении, в каком ушла русская армия. Кстати, следует отметить, что к Витебску ведут 5 дорог: из Петербурга, из Смоленска, из Орши, из Полоцка и из Вильны. Мы пришли по виленской дороге.

Вдруг слышится канонада: Неаполитанский король, в сопровождении кавалерии Нансути и Монбрена, а также батальона 2-го легкого итальянского полка настиг часть арьергарда Палена на большой дороге, ведущей в Поречье. Император спешит сюда с частью гвардии. Мы идём с самого рассвета, и теперь прибытие императора даёт нам возможность сделать привал. Неаполитанский король располагается на перекрёстке дорог на Сураж и на Яновичи, размещая свой авангард по обоим путям. Итальянская армия становится по обе стороны почтовой дороги за кавалерией.

По разным дорогам отправлены разведчики, и император, желая слышать их донесения, располагается в бедном деревянном доме влево от большой дороги; немного позже он велит разбить свою палатку на вершине холма, сзади центра итальянской армии; королевская гвардия обрывает кругом двойное каре.

В первый раз с начала похода мы получаем подобное отличие, на которое, впрочем, наша гвардия, при отсутствии императорской, имеет полное право. Очень длинный переход этого дня сделан нами быстро, в течении 6 часов. Шли мы по разрытой песчаной почве, до такой степени раскалённой солнцем, что она ослепляла нас своим блеском; густые тучи пыли поднимались под нашими ногами, жара стояла страшная, термометр поднялся до 29 градусов, наконец, был полный недостаток воды. День, поэтому оказался в высшей степени тяжёлым. В лагере отмечают много заболеваний лихорадкой и воспалением глаз. Правда, наш бивак представляет живописную картину. Но красивый нынешний вид не возмещает всего, чего нам недостаёт. Нам удаётся, и то с трудом, добывать только немного грязной и нездоровой воды.

Покуда каждый старается, как может, поддерживать огонь и отыскать себе хоть какую-нибудь пищу, мы видим, что в палатку императора входят несколько самых видных наших генералов. Мы заключаем из этого, что будет созван совет, на котором решат, что делать дальше (5).

Кавалерия и одна дивизия итальянской армии продолжают под предводительством Неаполитанского короля преследовать графа Палена по дороге в Поречье.

Сураж, 29 июля. Сегодня на рассвете на нашем биваке в Агапоновщине первая бригада дивизии Пино получает приказ двинуться в направлении к Суражу. Около 6 часов утра император выходит из палатки. Королевская гвардия приветствует его обычными восклицаниями. Наполеон без шляпы со шпагой на боку. Он садится на складной стул, который ему принесли, и обращается с расспросами к двум велитам, стоящим на часах при входе в палатку. Черты лица его выразительны, носят отпечаток силы и здоровья. Обращаясь к офицеры тех же велитов, тому который стоит всех ближе к нему, он спрашивает, какова действитель-

(5) Автор записок сообщает в примечании, что за этим советом последовал обед и при виде кушаний, которые получила прислуга, он не может не высказать здесь следующих соображений: «Созданы с изумлением и негодованием обратили внимание на изобилие кушаний и утончённых вин на столе прислуги. А сами солдаты переносили в то время величайшие лишения. Эта противоположность была отвратительна и унижительна. Начальствующим следовало бы извлечь отсюда хороший урок. Когда Катон проходил через пустыни Африки, он шел пешком впереди легионов с открытой головой, под лучами солнца, питаясь, как солдаты, чёрным хлебом. Бонапарт в Альпах и в Египте помнил об этом примере, зная, как действует такое поведение на войско. Теперь же он, может быть, был слишком озабочен и не подумал о дурном впечатлении, какое должен был произвести на солдат вид роскошного банкета, за который садились последние из его слуг, в то время, как у солдат, жертвующих для него жизнью, не доставало воды и хлеба».

ная численность его полка; сколько людей потерял он при переходе; много ли больных. Офицер отвечает ему:

«Ваше величество, у нас есть роты, которые от самой Италии не потеряли до сих пор ни одного человека».

Не выказывая изумления, император говорит в ответ: «Как! Они так же сильны, как были, уходя из Милана?»

«Да, ваше величество».

Потом, после небольшой паузы:

«Ваш полк ещё не мерялся силой с русскими?»

«Нет, государь, но он страшно желает этого».

«Я это знаю», — прервал император.

Он покрыл себя славой в Испании, Далмации, Германии, — всюду, где только ни был... А, вот они, старые аустерлицкие усы! (этот шуточный намёк относился к гренадёрам гвардии). Итальянцы храбры ... У них такие славные летописи! У вас в жилах течёт кровь римлян ... Вы не должны никогда этого забывать.

Слова императора всегда оставляли глубокое впечатление. Мы внимательно слушали его, как вдруг явился австрийский штаб-офицер — курьер из главной квартиры князя Шварценберга. Он передал императору конверт, затем проследовал за ним в палатку. Потом среди нас говорили, что он принёс известие о соединении Ренье и Шварценберга и о скором прибытии этого австрийского генерала. Но мы так много в течение долгих лет воевали с австрийцами, что присутствие среди нас штаб-офицера этой национальности вызвало общее удивление. Его простой белый мундир составляет странный контраст с богатым платьем офицеров, окружающих императора.

Последний вскоре сел на лошадь и отправился к Витебску. Тогда королевская гвардия последовала за 13-й и 15-й дивизией в обход Суража. Она расположилась в этом городе, где вице-король поместил сою главную квартиру.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Снабжение провиантом.

Сураж, от 30 июля до 6 августа. Город Сураж, который мы занимаем вместе с итальянской дивизией, не крепость, но на него можно смотреть, как на очень сильную позицию. Он лежит при слиянии Каспли с Двиною; здесь перекрещиваются почтовая дорога С-Петербургская и Московская. Несмотря на то, что в Сураже постройки деревянные, он

всё же один из лучших пунктов, какие мы до сих пор видели, отчасти благодаря здоровому местоположению.

Королевская гвардия может только радоваться, что стоянкой ей назначили Сураж. Население здесь многочисленно, но состоит по обыкновению главным образом из евреев, которым приходится за их предприимчивость прощать отталкивающий вид. Они оказывают нам кое-какие услуги; рады и этому, так велики наши нужды.

Вице-король поместился в прекрасном, выстроенном из камня, господском доме над Двиною; перед домом — площадь, и на ней он, подражая примеру императора, производит смотры королевской гвардии. Вице-король убеждён, что порядок — лучшее доказательство силы, и сейчас же принялся его насаждать.

Дисциплина, чистота, порядок, учения, распределение времени, правила службы, установленные в Милане, — всё это применяется и в Сураже. Но самый отдых вызывает массу заболеваний, которые до тех пор, в виду непрерывной деятельности и напряжения сил, перемогались. Ещё королевская гвардия вместе с одной дивизией счастливо устроились и отдохнули от пережитых бедствий, но далеко не для всех выпало такое счастье. Многие отряды и теперь испытывают слишком тяжёлые лишения; настоящего отдыха, в котором они так нуждаются, для них нет.

Кто стоит далеко от реки, те страшно страдают от жажды. Чтобы достать воды, солдаты штыками разрывают землю, но когда им посчастливится найти её, она оказывается мутной, так что пить её можно только профильтрованной через платок.

Верные своей системе, русские и здесь (как и везде, где успели) сожгли свои магазины, рассыпали зерно и уничтожили всё, что не могли захватить.

Отдельным отрядам приходится для поддержки своего существования прибегать к собственным средствам: они делают набеги, которые в результате только подрывают основы дисциплины, разоряют население и озлобляют его против нас.

Армия уже уменьшилась на треть со времени перехода через Неман. Многие солдаты, под влиянием голода, отделялись от армии, отыскивая пищу, и были убиты на флангах; другие заперлись в покинутых господских домах, где нашли достаточно припасов, чтобы жить в довольстве, выбрали себе начальника и охраняют себя по-военному, не помышляя об армии, к которой принадлежат. Считите ещё больных, отсталых, мёртвых и раненых, и вы представите уменьшение наличного состава армии.

Мне тяжело постоянно говорить на эту тему. Уменьшение армии следует, конечно, приписать недостатку провианта, происходящему от запозывания в подвозе, истреблении русскими всяких источников про-

довольствия и препятствиям, которые самый характер почвы и жаркое время года создают нам на каждом шагу. Но всё же, может быть, предусмотрительность начальства могла бы предупредить такое сильное и быстрое развитие зла.

Высшее начальство, насколько это возможно, всё ещё запрещает мародёрство и набеги солдат в поисках пропитания. Но иногда, в силу необходимости, приходится разрешать такие экскурсии. Тогда действуют методически и с возможным соблюдением требований гуманности. Дело заведуют особо выбранные офицеры из числа наиболее развитых.

В каждом полку образована команда булочников, чтобы молоть рожь, которую удаётся собрать, и готовить сухари, когда можно достать муки.

Захваченные на пути быки и другие съедобные животные, следуют за полками, ведомые и охраняемые теми же булочниками. С величайшей строгостью следят, чтобы солдат ничего не утаивал, как это обычно делается при обилии добычи, после какого-нибудь счастливого набега.

За полками следует несколько повозок. В них складываются припасы, находимые по дороге.

Довольно часто бывало, что расположимся на биваке, раздобудем топлива, изготовим скудную порцию мяса, разобьём палатки, и вдруг неожиданный приказ — идти дальше. Тогда при новой остановке приходится опять начинать всё с начала! Это может быть единственные случаи, при которых теряются и забрасываются припасы. Ничего неизвестно, далеко ещё идти или нет; а может быть даже предстоит сражение. И вот, солдаты усталые, раздосадованные, приведённые в уныние этими приказами и контр-приказами, опрокидывают котелок с готовым уже супом, и, придя на новый этап, подавленные усталостью, бросаются на землю и засыпают, ни о чём больше не думая.

Мы часто теряем людей, остающихся на полях; с которых мы уходим. Сколько раз из-за стремительности наших выступлений отставшие солдаты не знали, где найти свой отряд. Они бродят тогда на авось по здешним обширным равнинам, по громадным лесам, прорезанным столькими дорогами; охваченные усталостью, побеждённые ею или сном, они становятся жертвою озлобленных крестьян или добычей казаков, кружащихся около наших флангов.

А между тем эти усиленные переходы мы делаем, чтобы спастись от голода, скорее кончить войну и добраться до неприятеля. И тем не менее, в конце концов войско теряет пыл первых дней. Оно истощает свои силы и с каждым днём уменьшается. Войско ослабело, поэтому поневоле сокращается и число отрядов, отправляемых на поиски провианта. А питаться людям надо, и в результате, во имя гуманности, из сострадания, по тяжёлой необходимости, мы должны терпеть мародёрство, которого хотели не допускать.

Поддаются мародёрству и самые твёрдые люди; иногда они возвращаются, иногда — нет. Возвратившись, приносят с собой очень немного. Биваки, недоедание, форсированные марши всё более разрежают наши ряды. Иные солдаты, непоколебимые в своём чувстве чести, предпочитают скорее умирать от голода, чем переносить жизнь, ставшую для них ужасной. Они падают изнурённые, ослабленные; но до этого с неизменным постоянством, с твёрдостью, поистине геройской, они несут на себе ранцы и оружие. Увы! Мало у кого хватает мужества остановиться, чтобы помочь им; да и средств нет для помощи. А страх потеряться в громадных пустынях в связи со страхом перед мстящими крестьянами побеждает сострадание. Но, повторяю, в итальянской армии, особенно в королевской гвардии, эти злключения меньше чувствуются; достойные своего имени, она хочет отличиться прежде всего сохранением дисциплины, своей выправкой, безропотностью и твёрдостью.

Порождающий героизм дух товарищества привит нам нашими доблестными начальниками, как Пино, Фонтанелли, Лекки, Цукки и многими другими, одинаково храбрыми и развитыми людьми.

Полное отсутствие хлеба вынуждает солдат неумеренно потреблять мясо и мёд, которые легче достать; вода на биваках мутная, скверная; варёная рожь — холодная и трудно перевариваемая пища; ночи стоят холодные — вот бедствия, которые мы переживаем и которых нельзя избежать; и, наконец, как неизбежное их следствие — дизентерия.

Перед лицом стольких страданий я заранее радуюсь при мысли, что не только солдаты, но и все, кто будет читать это повествование, будут признательны мне за то, что я изобразил здесь героизм итальянцев во время настоящей кампании и сообщил ряд деталей, которые могли бы остаться неизвестными.

31 июля вице-король отправил сильный кавалерийский отряд королевской гвардии на разведку на противоположный берег Двины по Великолукской дороге. Полковник Нарбони, начальник отряда, провёл его до Усвятыя. Тут он встретил неприятеля, охранявшего большой транспорт, и с такою стремительностью напал на него с первыми кавалеристами, каких только успел взять с собою (остальным он приказал выстроиться и следовать за ним), что конвой поспешно пустился в бегство, оставив у нас в руках капитана, 40 солдат и 200 повозок, нагруженных мукою. Этот быстрый набег, при котором мы не потеряли ни одного человека, делает большую честь командиру и драгунам королевы, участвовавшим в нём.

1-го августа вице-король узнал, что большой русский транспорт должен под сильным конвоем выйти из Велижа. Он приказал своему адъютанту, полковнику Бланко, взять 200 отборных людей и преследовать его. Отряд подошёл к Велижу в тот момент, когда транспорт выходил из

него и собирался по мосту переходить Двину. Его охрану составляли четыре батальона пехоты и 300 человек кавалерии.

Русская кавалерия заграждала путь к мосту, прикрывая его вместе с пехотою. Видя, что ему не избежать нашего преследования, русский отряд построился в каре за Двиною и укрепился за повозками обоза.

Численное превосходство и позиция всё давало им громадное преимущество перед нами.

Тем не менее, полковник Бланко, повинувшись полученным инструкциям и сообразуясь лишь с своей собственной храбростью и храбростью двухсот бывших с ним егерей, скомандовал атаку. Неприятельская кавалерия была смята и изрублена, но по другую сторону моста нашу итальянскую кавалерию встретил дождь пуль.

Глубокий ров отделял ещё наших от поля, на котором выстроилась русская пехота. Переправа была разрешена, но почва в этом месте оказалась всё-таки более удобной, чем в остальных. Два человека кое как могли пройти тут рядом.

Несколько стрелков, наиболее отважных, попытались было преодолеть препятствие, но, встреченные ружейными выстрелами, вынуждены были вернуться.

Наши видели, что без артиллерии, без пехоты, перед угрожающей вдоль всей дороги русской кавалерией, сначала было рассеянной, но теперь опять сомкнувшийся, дело становится сомнительным, что разделиться, значило бы идти навстречу верной неудаче. Полковник Бланко был выведен из оцепенения криками егерей. Они все вместе просились в атаку. Увлечённый их порывом, Бланко отделил взвод для наблюдения за бежавшей русской кавалерией и для следования за нею в случае надобности, а сам с остальными людьми попытался пробить себе путь по этой узкой и опасной тропинке.

Вахмистр Грассини первый перешёл по ней, а за ним и другие смельчаки. Но после шести залпов с фронта, постепенно оттесняемые итальянцы ни откуда не могли ждать помощи. Бланко, Росси, Джовио, Эльдингер, двое Виани, Грассини и многие другие скакали вокруг этого убийственного укрепления, как голодные львы, отыскивая в нём слабое место. Они обращаются тогда к солдатам и кричат им: «Что же! Храбрые егеря! Вернёмся ли мы к вице-королю, не исполнив долга? Сюда! У кого итальянское сердце, пусть следует за нами! А теперь, да здравствует Италия!»

Они бросаются сплочёнными рядами, наклонив голову, чтобы смелее идти против адского огня, прорываются по одиночке через промежутки, отделяющие дышла от повозок, опрокидывают всё, что препятствует им и проникают в страшное двойное каре, где все теперь в ужасе и смятении. Ошеломлённые такой отвагой русские в ужасе бросают оружие, бе-

гут и прячутся, чтобы спастись от первых проявлений ярости и, взывая к великодушию победителей, молят о пощаде. 500 пленных, 500 повозок, нагруженных припасами и провизией, не говоря уж о том, что земля покрыта убитыми и ранеными — таковы трофеи этого блестящего дела, в котором отличился каждый из наших.

Мы потеряли в этом сражении приблизительно 40 человек убитыми и ранеными, в числе последних шестерых офицеров.

В высшей степени лестный приказ императора познакомил всю армию с храбрым поведением итальянцев, а наиболее отличившимся были выданы награды. После сражения при Велиже, вице-король почувствовал необходимость укрепить этот важный пост; он послал туда целую кавалерийскую бригаду под начальством генерала Виллата с тремя ротами вольгигёров дивизии Пино.

Не следует забывать, что Велиж — место, в котором сходятся почтовые дороги из Петербурга в Смоленск и из Витебска в Тверь, через Белый. Наконец, Велиж лежит всего в ста милях от Москвы, как Усвяты — всего в ста десяти милях от Петербурга.

Генерал Виллата только что разослал по округе разведчиков. Нашли некоторое количество припасов, которые переправлены были в Сураж; обратили в бегство казачьи патрули из соседних равнин и из леса.

Эти непрерывные набеги военных отрядов в результате дали итальянской армии возможность как следует питаться, а в Сураже магазины наполнились достаточным на некоторое время количеством припасов. Безлюдье, окружающее нас, незначительность сопротивления казачьих отрядов, убегающих при нашем приближении, заставляют нас думать, что враг очень далеко, и относительный покой нам обеспечен. К сожалению только, отдых в конце концов подрывает дисциплину: итальянцы и французы становятся слишком беспечными, как только начинают чувствовать себя покойно. Сколько несчастий вызвано было такой беспечностью.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Переправа через Днепр.

Сураж, 7-го августа 1812 года. Наш отдых оказался непродолжительным. Полковник Бланко, командующий вторым конно-егерским полком, в совершенстве владеет местным языком. Несколько подкупленных им шпионов сообщили ему, что русские готовятся врасплох атаковать бригаду. Получив такое предупреждение, генерал Виллата делает секретные приготовления для встречи русских; он обставляет их так, чтобы неприятелю не пришло в голову, будто мы что-нибудь знаем. Ны-

нешним утром, задолго до рассвета, сигналы известили, что подходят в полном безмолвии русские колонны. Наши вольтижёры уже были расставлены на возвышенностях. Передовым сторожевым отрядам приказано было сделать вид, что они застигнуты врасплох, и они действительно галопом отбежали назад. Русский авангард скорее поспешил за ними, боясь, как бы не успели беглецы предупредить гарнизон; остальная колонна подходила рысью, в походном порядке. Хорошо спрятанные в засаде вольтижёры пропустили её вперёд, а потом открыли в упор ей страшный огонь. Пехотинцы и кавалеристы были опрокинуты. Немногие уцелели в ужасе умчались, бросаясь на тех, кто следовал за ними, и распространяя всюду беспорядок и смятение.

Будем надеяться, что русские откажутся после этого случая от намерения нападать врасплох на пост, защищаемый такими храбрецами.

Действительно, хотя в Сураже живётся так же спокойно, как и в Велиже, но служба на передовых позициях исполняется всё время с величайшей заботливостью и бдительностью. Сураж — место, открытое с северо-востока. Цепь постов образует полукруг; в довольно густом лесу по берегу Каспли стоят гвардейские гренадёры, по левому берегу Двины — сторожат егеря. С этой стороны русские ещё раз пытались пробраться через промежутки, отделяющие один пост от другого.

Сейчас же поднялась тревога; прибежали солдаты ближайших постов. Тщетно русские, желая обмануть, кричали «Кто идёт? — Франция!» (в эту самую ночь ждали прибытия нескольких драгунских отрядов, посланных за фуражом). Когда, при свете бивачных огней стали видны казачьи длинные копыя, офицер, командовавший постом, решил, как прославленный рыцарь д'Ассас, пожертвовать собою, если бы это оказалось нужным: он предупреждает сначала обо всём своих людей, которых было до тридцати человек, затем приказывает открыть огонь и ведёт их на казаков.

Эти последние, заметили, что их хитрость не удалась и, не желая попасть в ловушку, отступили. Жалко, что не могу назвать этого офицера по имени, так как похвалы распределяются между Гверра, Джованнини и Висконти (6).

(6) Автор прибавляет в примечании следующие грустные размышления: «И что же! Кто бы поверил этому. В то время как в армии рассказывали и комментировали доблестные подвиги итальянских егерей и драгун гвардии, в то время как император в депеше на имя одного из своих ближайших помощников перечислял этих храбрецов и ставил их в пример другим, в то время, как сами французские бюллетени, обычно столь скудные на похвалу другим, давали о них краткий отзыв ... одной несчастной Италии оставались, как я позднее узнал, неизвестными все прославляющие её подвиги её сынов. Напрасно я во всех итальянских журналах отыскивал имена людей, покрывших славою свою страну и награждённых императором. Эти листки, дававшие отчёт о славных деяниях всех остальных, молчали о наших!... Прочтите эти журналы, и вы не подумаете, что в великой армии, шедшей в Россию было итальянское войско! Но принц Евгений, несмотря на все свои (и очень многие) выдающиеся достоинства, никогда не умел заставить итальянцев любить себя; он не оставил после себя хороших воспоминаний в стране, несмотря на то, что столько лет ею повелевал.

Сураж, 8-го августа. Сегодня, в два часа пополудни, вице-король получил приказ выступать. В одну минуту все дивизии заколыхались, и до вечера мы будем уже на дороге в Яновичи. Оставляем в Сураже только второй итальянский линейный полк — он должен дожидаться прибытия бригады Виллата, которая придёт только поздно ночью.

Яновичи, 9-го августа. Мы двигались всё время с разными затруднениями; каждую минуту приходилось останавливаться, чтобы чинить мосты и сделать дорогу возможной для артиллерии и обоза. В довершение бед нам пришлось, вскоре после нашего отправления, выдержать ужасную грозу. Дождь портит дороги, затрудняет движение. Обозы и артиллерия всё время в большом затруднении.

10-го августа. 9-го вечером дошли только до Яновичей. Мы расположились лагерем вокруг этой деревни по дорогам и полям, очень плохо защищённые от непогоды. Большая часть войска осталась под открытым небом, под проливным дождём. Сегодня утром, когда мы собирались выступать, пришел контр приказ. Только первая и вторая дивизии пойдут в Лиозну; третья же и королевская гвардия останутся здесь; вышедшая из Суража кавалерийская бригада вернётся обратно и займёт позицию вместе с 2-м линейным полком. Все ещё идёт дождь.

11-го августа. Движемся около Лиозны; кругом равнина, там и сям прорезанная холмами, леса, потоки. Дождь, льющий целый день как из ведра, только увеличивает трудности пути.

Лиозна, 12-го августа. Дождь ни на минуту не прекращался; мы устроили биваки на возвышенностях. Теперь мы, не говоря уже о грязи, — это неизбежное следствие дождя, — стали биваком на болотистой почве, всюду прорезанной маленькими ручейками, впадающими в пруды; это очень тяжёлое препятствие для колонны, везущей с собою артиллерию и большие обозы. Для переправы войска служит шаткий, плохо построенный мост, какие можно часто встретить в России на поперечных тропинках... Принц занял господский дом, в расстоянии четверти мили от Лиозны. В маленькой деревушке, приблизительно в двух верстах от Лиозны, проходит главная дорога на Рудню и на Смоленск.

Любавичи, 13-го августа. В Любавичи ведёт прямая дорога. Мы вышли по ней утром, затем нас вернули и заставили идти по рудненской дороге. Мы переправились через один из многочисленных маленьких притоков Лучесы; но только свернули с прямой дороги, как заметили, что новая дорога не лучше прежней; дождь сделал её во многих местах непроезжей. Колонны вынуждены останавливаться посреди этой ужасной топи, и мы ждём, пока сапёры исправят дорогу, или вернее сказать, проложат новую при помощи фашин, веток и земли. Мы проходим по-

том через несколько жалких деревушек, расположенных неподалёку одна от другой: все они покинуты, все разорены.

14-го августа. Мы получили сегодня утром в Любавичах приказ идти на Рассану, чтобы переправиться через Днепр. По пути местность продолжает быть дикой и пустынной. Разорённые избы попадающихся на пути деревень похожи на разрушенные стойла, а это по видимому единственные жилые постройки. Если дорога, пройденная вчера, была непривлекательна, то нынешняя ещё хуже, потому что тянется насыпью через бесконечное болото, в котором мы едва не растеряли половины своей поклажи. После долгих усилий мы наконец добрались до Днепра, который греки называли Борисфеном; это имя наводит на мысли о былых, мрачных временах. Ведь эта река была предлогом славы наших предков!

Хотя мы сейчас только союзники великой нации, а не главные лица разыгрывающейся драмы, мы все же не можем без гордости думать, что перейдём через Борисфен. Честолюбие в человеке, как воздух в природе; уничтожьте его в нравственной области, уничтожьте воздух в области физической, и движение остановится.

Но Борисфен в том месте, где мы перешли его, только жалкая маленькая речка с крутыми берегами, поросшими небольшими деревьями. Кто не знает громадности этой реки, не представляет себе, какое пространство она орошает, тот при виде её почувствует разочарование. Понятно, что у нас было о ней совсем другое представление.

Сообщают, что Наполеон вчера вечером прибыл в Расану в ту минуту, когда кончали наведение мостов. Он выехал из Витебска накануне ночью. Три дивизии Даву и корпус Груши первыми перешли реку на рассвете. Мы с императорской гвардией располагаемся на левом берегу. Император велит разбить себе палатку перед Расаной.

Ляды, 15-го августа. Сегодня на заре двинуты были все корпуса в таком порядке: кавалерия, Ней, Даву, итальянская армия и императорская гвардия.

Звуки пальбы в стороне авангарда одно время заставили нас думать, что там завязалось дело. Войска прибавили шагу, но вскоре узнали, что это залпы были сделаны по приказу Мюрата, захваченным вчера у неприятеля порохом, в честь дня рождения императора.

Начальники отправились его поздравить по этому случаю, но солдаты и не подумали праздновать этот день, как обыкновенно. Впрочем, у нас не было для этого возможности, если бы даже и хотели. Мы ждали первой победы.

Новый край, через который мы теперь идём, плодороднее и красивее пройденного до сих пор.

Мрачные леса Литвы кончаются у Днепра и не доходят до Смоленска.

Дорога идёт по обширной равнине, усеянной деревнями; это показывает, что здешние земледельцы и вообще здешние жители более деятельны и зажиточны. Гораздо легче покупать провизию.

Рожь начали жать, потом бросили; кавалеристы радуются, что есть чем покормить отощавших лошадей; жители бежали.

Колонны пехоты, кавалерии и артиллерии идут рядами ускоренным шагом на небольшом друг от друга расстоянии, чтобы быстро развернуться при первой же необходимости. Такое необходимое боевое расположение тем однако удобно, что вытантывается рожь на триста шагов в обе стороны от дороги.

Отставшие, отбившиеся от разных корпусов, солдаты соединяются вместе и затем начинают заводить между собой ссоры. Они по большей части из корпусов, шедших впереди; следующие отряды нисколько о них не заботятся; таким образом они остаются от всех оторванными и делают, что хотят, как будто при таких обстоятельствах судьба отдельного человека не связана с общею судьбою. Но это уж несчастье всех почти армий; из неуместной беспечности или ложного самолюбия, офицеры воздерживаются делать замечания низшим чинам, не стоящим непосредственно под их начальством, хотя бы они принадлежали к другой роте того же самого батальона. Нечего и говорить, что такая отчуждённость ещё чувствительнее, когда дело идёт о разных батальонах и полках, а тем более о разных дивизиях или корпусах.

Корпусам, к которым эти солдаты принадлежат, мудрено позаботиться о них. Бывают, правда, минуты, когда колонны останавливаются, но это не обычные остановки для отдыха или подбирания отставших: их делают из-за какого-нибудь препятствия — оврага, сломанного моста, задерживающего на короткое время движение. Ядро войска тогда сплачивается и напирает в ту сторону, где всего легче пройти, чтобы сделать это возможно скорее. От подобных злосчастных задержек всего больше страдают артиллерия и обозы.

Город Ляды, куда мы пришли, пограничный город Польши и, как говорят, последний, где мы видим евреев. Все деревни, через которые мы до сих пор проходили, были заселены евреями, а не поляками. Большинство литовцев всегда бежало при нашем приближении. Напротив того, слишком хитрые и жадные евреи никогда не следовали их примеру. Их скудные и жалкие жилища слишком дороги для них, чтобы они могли решиться их покинуть. По фигуре, лицу, манерам, одежде, языку, по обычаям — по всему можно отличить еврея от поляка. Довольно высокие, с длинной рыжей бородой, худые, гибкие, подвижные, болтливые, они жадно и недоверчиво смотрят на вас исподлобья. Они носят длинную чёрную одежду, подпоясанную кожаным поясом; головы их покрыты ермолкой, тоже чёрной. Когда наши полки проходят, они не-

подвижно стоят на порогах своих хижин. Если они заметят направляющихся к ним офицеров, они уже думают, что те хотят поместиться под их вонючим кровом, бегут им навстречу, целуют края платья и предлагают себя для всевозможных услуг.

Побуждаемые жаждою наживы, они предлагают себя в шпионы обоим армиям, очевидно соображая, что, как бы ни было скверно это ремесло, оно всё же является новой, открывающейся для них отраслью промышленности. Но надо быть справедливым: мы часто пользовались их знанием немецкого языка (они все его знают и пользуются им для торговли) и их проницательностью в понимании нужд тех, кто им хорошо платит, и их ловкостью в добывании для нас часто самых необходимых вещей. Кто знает, будем ли мы иметь таких деятельных помощников, когда дойдём до самой России?

Синяки, 16-го августа. Вчера, 15-го, итальянская армия из Ляд продолжала движение к Синякам, жалкой кучке избышек, лежащей приблизительно в 200-х шагах от большой дороги. Император очевидно нашёл эту позицию очень важной для наблюдения по течению Днепра и для прикрытия тыла армии и поэтому увеличил наши силы дивизией Домбровского. Даву и другие построились эшелонами, последним из которых является итальянская армия. Императорская квартира устроена в Корытне.

Сегодня, 16-го утром Ней двинулся к Лубне, находящейся только в четырёх милях от Смоленска. В девять часов Наполеон осматривал местность под прикрытием сильного отряда разведчиков. Пушки грохочут. День проходит в том, что мы смотрим на все корпуса армии, идущие мимо нашего лагеря в Синяки и слушаем канонаду со стороны Смоленска.

В лесу близ Корытни, 17 августа. Вчера, в шесть часов вечера мы получили приказ, направиться к Красному, первому городу в этих местах, где мы увидели каменные дома. Поставив несколько постов для поддержания сношений с тылом армии, мы двинулись в путь, перешли речку и стали лагерем в большом сосновом лесу, где провели ночь с 16-го на 17-ое.

Сегодня утром мы покинули лагерь, и, как нам было приказано, стали в боевую позицию в миле от Корытни, на правом берегу Лосьмины, т.е. между Корытней и Лубней. Таким образом мы служим резервом левого крыла. Местность живописна и разнообразна.

Впереди берёзовый, довольно редкий лес, а дальше, между деревьями виднеется озеро, лежащее в самой середине леса, — его чистые воды манят нас купаться. На южном берегу озера — маленький холмик, а на нём — палатка вице-короля. Экипажи и повозки принца, генералов и других офицеров рассеяны по лесу; офицеры и солдаты отдыхают группами, прислонившись к деревьям или вытянувшись во всю длину на земле. Некоторые заняты приготовлением супа и огней; дальше образовался

кружок мирно беседующих. Другие, наконец, отправляются или возвращаются с фуражировки. Многие заняты стиркой белья на берегу озера, между тем как некоторые по нужде или для удовольствия охотятся за дичью. По временам в лагере начинается движение: это прибыл адъютант или какой-нибудь солдат, покинувший битву под стенами Смоленска. Все окружают прибывшего, спешат узнать новости, а пушки между тем продолжают грохотать. Эти картины несколько оживляют однообразие предшествующих переходов.

Вдруг нам сообщают о прибытии бригады лёгкой итальянской кавалерии, с которой мы давно расстались и которую мы оставили в Сураже. Суматоха идёт во всём лагере. Все кидаются навстречу товарищам, обнимаются, целуются, как будто не виделись целые годы. Все наперебой рассказывают про подвиги, про опасности, которым подвергались. Радуются полученным наградам; обойдённые утешаются мыслью, что мы не замедлим вступить в дело под Смоленском, а это без сомнения даст им получить отличие. Радостные егеря с удовольствием выслушивают похвалы и с гордостью показывают свои шрамы и ордена. Они делятся с товарищами хлебом, мясом, водкой, в которых давно уже чувствуется недостаток.

Вечером на радостях зажигают костры; материал для них поставляет нам лес, в котором мы расположились.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Смоленск.

Перед Смоленском, 18 августа. Сегодня утром мы получили приказ выступить и расположиться на небольшой возвышенности близ поместья Новый двор (немного меньше полумили от Смоленска); мы стали лагерем в лесу, через который идёт большая дорога.

Вице-король отправился в Смоленск, чтобы получить приказание от императора, оставив свою армию построеной колоннами, фронтом назад. Приходящие из Смоленска рассказывают нам, что все солдаты заняты тушением пожара в городе, но нет возможности его прекратить.

Смоленск, 19 августа. В 2 часа пополудни отдан приказ идти в Красный, где мы соединимся с дивизией Пино. Дивизия Домбровского, бывшая с тех пор с нами, ушла от нас, чтобы заменить в Рогачёве корпус Латур-Мобура, который должен присоединиться к армии.

Единственными свидетелями нашего вступления в опустошённый Смоленск являются дымящиеся развалины домов и лежащие вперемежку трупы своих и врагов, которые засыпают в общей яме.

В особенно мрачном и ужасном виде предстала перед нами внутренность этого несчастного города. Ни разу, с самого начала военных действий, мы ещё не видали таких картин; мы ими глубоко потрясены. При звуках военной музыки, с гордым и в то же время нахмуренным видом проходим мы среди этих развалин, где валяются только несчастные русские раненые, покрытые кровью и грязью. Наши уже подобраны, но сколько трупов, должно быть, скрыто под этими дымящимися грудами! Сколько людей сторело и задохнулось!

На порогах ещё уцелевших домов ждут группы раненых, умоляя о помощи. Подбирают наиболее пострадавших и переносят их на руках. Я видел повозки, наполненные оторванными частями тела; их везли зарывать отдельно от тел, которым они принадлежали! Город кажется покинутым. Немногие оставшиеся жители укрывались в церквях, где они, полные ужаса, ждут дальнейшей своей участи. На улицах встречаем в живых только французских или союзных солдат, уже водворившихся в городе. Они отправляются шарить по улицам, надеясь отыскать что-нибудь, пощаждённое огнём.

Потушенный теперь пожар истребил половину зданий: базар, магазины, большую часть домов, так что почти ничего нельзя найти... Что касается военной добычи, то она сводится к нескольким плохим железным пушкам.

И вот среди этих груд пепла и трупов мы готовимся провести ночь с 19-го на 20-е.

Близ Смоленска, 20 августа. Сегодня утром, с зарёю, мы получили приказ перейти реку и приречную часть города, чтобы занять позицию на возвышенности, с той стороны, в соседстве с монастырём, налево от петербургской дороги. В этот короткий переход мы могли дать себе отчёт в огромном опустошении, причинённом пожаром. В нижней части города, которая почти целиком состояла из больших деревянных домов, остались только груды обломков. Жалко возвышаются среди них почерневшие от пламени стены каменных домов.

Позиция, которую мы занимаем, кажется нам очень сильной, и мы спрашиваем себя, как могло случиться, что русские не защищали её лучше. Не было ли это единственным средством задержать наше движение, загородить нам московскую и петербургскую дорогу и тревожить нас, пока мы остаёмся в городе?

Однако император, боясь, без сомнения, что Витебск будет блокирован, только что приказал генералу Пино выступить с его дивизией, состоящей из 8000 человек и с бригадой лёгкой кавалерии Пажоля. Отдохнув несколько часов, эти полки двинулись в путь под начальством генерала Пино, направляясь через Инково, Рудню и Лиозну. Мы продолжаем стоять лагерем на возвышенностях против старого Смоленска.

Чтобы достать провиант и знать, что происходит в городе, мы все спу- скались туда по очереди. Там мы могли сделать закупки у маркитантов императорской гвардии и следующих за армией торговцев; не дёшево продают они то, что сами здесь сумели найти, но мы, по крайней мере, получаем теперь вино и разные консервы. Проходя по городу, мы замечаем, что здания, пощажённые огнём, превращены в госпитали для больных и раненых. К несчастью, большое количество последних нуждается даже в соломе и должно долго ждать первой перевязки! Но немного может быть найдено в этом городе для оказания врачебной помощи. Средства, которыми здесь располагают, далеко недостаточны, чтобы облегчить столько страданий. Уже со второго дня всё было исчерпано. Хирурги должны пользоваться бумагой и паклей вместо корпии делать бинты из найденных в архивах бумаг; доктора теряют голову. Один из госпиталей, заключающий в себе сто раненых, оставался без врачебной помощи в течении двадцати четырёх часов! Генерал Рапп, случайно вошедший в эту обитель отчаяния, выходит оттуда в ужасе и пускается на поиски за хирургами и за лекарствами.

Чтобы немного отвлечься и отвернуться от этих грустных сцен, где я ничем не могу быть полезным, я решил посмотреть Смоленск с левого берега. Город в этом месте предстал передо мной в виде крепости, приблизительно в три мили длиной. Среди прекрасных зданий, которые пошадил пламя, выделяются два собора, которые должно быть были очень красивы, но, увы, сильно пострадали от войны.

На красивой площади ещё возвышалось здание суда, оставшееся неприкосновенным. В общем, все эти здания в готическом стиле.

Главная дорога пересекает насквозь старый Смоленск; эта дорога широка и хорошо вымощена; другие улицы почти все узки и извилисты; в городе было коммерческое и духовное училища, в последнем преподавались древние языки. До пожара в Смоленске было 18 000 жителей и 2 200 домов.

Продолжая свой осмотр дальше, я проник в один из соборов, о которых я говорил, но зрелище, открывшееся перед моими глазами заставило меня быстро забыть цель моего посещения.

Целые семьи, покрытые лохмотьями, с выражающими ужас лицами, в слезах, изнурённые, слабые, голодные, съжились на плитах алтарей. Их взгляды, устремлённые на нас, выражали тоску; все дрожали при нашем приближении; ещё немного, и эти несчастные люди, кажется, испустили бы вопли ужаса.

К несчастью, большинство этих несчастных отказываются даже от помощи, которую им предлагают. Я до сих пор ещё вижу с одной стороны умирающего старика, простёршегося во весь рост, с другой — хилых детей, прижавшихся к грудям матерей, у которых пропало уже

давно молоко! Особенно много женщин; они жмутся к своим мужьям или братьям; все смотрят на нас с недоверием, следят за малейшими нашими движениями, потом поворачиваются к алтарям, как бы для того, чтобы просить у Бога защиты от нас. Я видел там и больных, между прочим, раненого русского солдата, стоны которого разрывали сердце.

В то время, как я созерцал это ужасное зрелище, дверь церкви открылась, и появился русский священник, сопровождаемый несколькими вооружёнными гренадёрами императорской гвардии; за ними следовали другие, неся припасы от имени императора.

Но несчастные впали в ещё больший ужас при виде оружия — они вообразили, что пришли жестоко расправиться с ними. Общий крик страха и ужаса раздался со всех сторон. Наступил неопикуемый беспорядок; все бросились по направлению к главному алтарю. Дети бежали с воем за своими до смерти напуганными матерями.

Даже гренадёры остановились, как бы поражённые молнией.

Священник возвысил голос и ему удалось водворить тишину. Тогда он произнёс длинную энергичную речь, и нам, которые его не понимали, казалось, что по мере того, как он говорил, страх рассеивался, уступая место грустному и покорному доверию. Потом каждый медленно возвращался на своё место. Началась скудная раздача пищи: одни жадно хватали её; другие брали равнодушно; понемногу на нас стали смотреть с меньшим ужасом.

После раздачи священник опустился на колени на верхней ступени лестницы, ведущей к главному алтарю, поднял руки к небу и запел молитву. Присутствующие повторяли её, стоя на коленях и прикинув лицом к земле. Я никогда не видал, чтобы молились с таким жаром.

Я покинул это место страданий с щемящим сердцем и после стольких ужасных картин, виденных мною в один день, решил не выходить больше из лагеря.

Сделав несколько шагов, я встретил одного польского офицера из штаба вице-короля, который в Бочейкове опровергал обвинения, возводимые нами на поведение его нации в этой войне.

«Вы приходите кстати, — сказал я ему: — посмотрите на результаты упрямства ваших сограждан. Взгляните кругом. Посмотрите, какими ужасами мы окружены. Разве всё было бы так, если бы литовцы пошли за своими братьями поляками!»

Этот честный поляк, удивлённый таким резким и неожиданным обвинением, сказал мне: «оно зачем же приписывать все эти бедствия литовцам? И почему не приписать их главным образом тем, кто в своих бесчисленных повозках привёз с собою бордо и шампанское, не позаботившись даже о продовольствии и лекарствах для своих несчастных солдат.

Кто виноват в поджоге домов? Чего хотят от литовцев? Могут ли они сделать больше, чем сделали? Я постоянно слышу такие жалобы. Я вам докажу, когда хотите, несправедливость ваших упреков; я докажу вам, что литовцы всегда были такими же хорошими патриотами, как поляки!»

21 августа. Генерал Дессоль, начальник штаба итальянской армии, заболел и заменён генералом Гильемино. Сейчас император делал смотр всей итальянской армии, за исключением, конечно, ушедшей накануне дивизии Пино.

Вот некоторые подробности этого смотра. Так как император предупредил, что приедет в пять часов вечера, то у войск было время приготовиться и одеться в парадную форму. Хорошо было бы, если бы те, кто вдалеке отсюда думают, что наша армия изнурена, разочарована, уменьшилась до нескольких человек в каждом отряде, могли бы присутствовать при том действительно внушительном зрелище, которое представляла итальянская армия, развёрнутая на высотах перед Смоленском. Какие крики восторга вырывались при приближении императора! Это не были крики по приказу или с поощрения офицеров, они шли из сердца жадных до славы и состарившихся в лагере солдат.

Величественно проехал император по фронту войск и обращался к офицерам и многим солдатам с вопросами: «довольны ли они, не страдают ли они в походе». В ответ часто слышалось: «Наше единственное недовольство, ваше величество, в том, что мы не так часто видели врага, как другие отряды», на что он с довольным видом, в свою очередь, отвечал: «Вы его увидите». Это не были слова пустой лести: солдаты лести не любят. Это — чувства всей армии.

За смотром следовала раздача наград.

Церемония закончилась уже после заката солнца. В тот же вечер войскам был прочитан приказ принца Евгения. От имени императора он выражал в нём полное удовлетворение их хорошей выправкой, их опрятностью, их шегольским видом и храбростью, успевшей уже проявиться в разных обстоятельствах. В приказе особенно подчёркивалась необходимость духа дисциплины. Всю ночь в нашем лагере царит самая искренняя радость.

Владимирово, 23 августа. Утром мы установили лагерь ввиду Смоленска и направились к Москве. Деревня Владимирово, куда мы пришли в тот же день, расположена на склоне холма, на котором находится большой деревянный дом. Следуя инструкции, вице-король хотел обойти Духовщину, чтобы потом отступать к Дорогобужу; но адъютант генерала Груши, возвращаясь из этих мест, сообщил нам, что эта местность несколько дней тому назад оставлена генералом Винцингероде, ушедшим на северо-восток, несомненно, для соединения с корпусом Витгенштейна.

В заключение вице-король решил, что мы завтра отправимся по дороге, идущей от правого берега Днепра в Пологое. Ночь проводим здесь, в окрестностях Владимирова.

Пологое, 24 августа. Местность после Смоленска стала красивее и богаче. Там и сям красивые дома; поля возделаны. Наконец, сегодня утром мы видим, — для нас это — совершенно необычайное событие, — в окрестностях Прудич пасущийся на полях скот. Видим деревенских жителей, видим дома, оставшиеся в стороне от движения войск и, следовательно, уцелевшие.

Несколько офицеров и солдат отправлены были к местным жителям, чтобы в мирных выражениях попросить у них пищи на сегодня и несколько голов рогатого скота.

Солдат, попадая в гостеприимные места и видя, что существование его обеспечено, легко забывает усталость, вызванную долгим переходом, тянувшимся без остановок 10 часов. Наконец, мы добрались и до деревни Пологое, стоящей не очень далеко от почтовой дороги.

Заселье, 25 августа. Довольные тем, что хорошо отдохнули ночью, мы весело переправились через Вопнель в том месте, где эта речка примыкает к дороге в Духовщину. Но глубина её настолько значительна, а берега настолько круты, что артиллерию нельзя было переправить вброд. Канониры должны были много поработать, чтобы перевести с одного берега на другой орудия и повозки, должны были в этот жаркий летний день побороть много всяких затруднений. В конце концов на это мы убили много времени. Продолжая наш путь, мы опять подошли к болотистым берегам Днепра. Ещё миля — и мы видим высокие башни замка у одной деревни, находящейся в расстоянии дня ходьбы от Дорогобужа. Кавалерия Груши, недавно приехавшая сюда по духовщинской дороге, прохлаждается в лежащем рядом озере. Биваки устроены около замка.

Кавалерийские пикеты, принадлежащие к корпусу Груши, пускаются на разведки вперёд и по сторонам; они стараются узнать, приехал ли император в Дорогобуж и свободно ли сообщение с этой местностью. В этой неуверенности вице-король, не решаясь посылать ординарцев в императорскую квартиру, вместо этого приказал им переправиться через Днепр и затем перейти на почтовую дорогу между Смоленском и Дорогобужем.

Михайловка, 26 августа. Сначала было решено, что мы должны пройти путь в Дорогобуж до наступления вечера, но из лагеря императора прибыл его адъютант и от его имени передал принцу Евгению, чтобы тот озаботился приисканием подходящего места в здешних окрестностях для лагерной стоянки. Недостаток воды заставил нас переправиться сюда, в деревню Михайловку.

Около деревни мы образовали длинную цепь: королевская гвардия в центре, Дельзон на левом фланге, Брусье — на правом; лёгкая кавалерия впереди, линейная кавалерия в арьергарде.

Гапоновщина, 27 августа. Сегодня утром мы двинулись из Михайловки, прошли болотистой приднепровской долиной по пути к Славкову, где надо переходить реку; вправо от нас холмы, на которых стоят деревни. Подымающийся над крышами дым показывает нам, что они ещё не брошены; и действительно, издали мы видим их мирных обитателей, очень видимо удивлённых, что никто не хочет нарушать их покоя, разорять их хижины. Отряд гвардии отправился туда, чтобы собрать съестных припасов, и кто принимал в нём участие, та рассказывали нам потом, что они могли достать лишь ничтожное количество провизии, так как в этих печальных местах нет положительно ничего. Зато приняты были жителями очень приветливо. Последние не разбегались, так как видели, что наши солдаты были крайне сдержаны и очень умеренны. Истоки Днепра недалеко отсюда. Здесь его русло очень узко и совсем не глубоко; только высота его берегов представляла затруднения для перевозки артиллерии. Вице-король всё время лично наблюдал за этой операцией.

Мы шли слева от главного отряда; нам приходилось идти по длинным, извилистым, очень неудобным тропинкам; мы проходили деревни, не обозначенные на карте, шли по дорогам, где не было никаких следов; тогда колонны шли и через поля. Вице-король, желая, чтобы мы как можно меньше теряли отсталыми, приказал полковнику Нарбонни, командовавшему арьергардом, расставить там и сям группы драгун для наблюдения за отставшими. Эта разумная мера оказалась очень полезной; она сослужила свою службу и для отрядов, посылавшихся за фуражом. Никто в пути не терялся, не сворачивал на неверную дорогу, и вечером все собрались в Гапоновщину.

Мы стали лагерем вокруг деревни, где видим большой господский дом и красивую каменную церковь. Церковь очень богата внутри; построена она по греческому образцу и украшена образами, напоминающими те, которые привозили с собою греки в четырнадцатом веке в Италию, когда основали там свои школы.

28 августа. Трудности, которые мы преодолели сегодня, отыскивая дороги, были ещё значительно больше прежних. Переход был один из самых тяжёлых. Наконец, мы пришли в Какушкино, деревню, хранившую совсем ещё свежие следы недавнего перехода войск. Три дороги открылись здесь перед нами; мы взяли правую дорогу, и она привела нас к господскому дому.

Кавалеристы авангарда встретились с хвостом неприятельской колонны (отрядом Багговута); между ней и нашими завязалась стычка.

Наши итальянцы давно уже ждали такого счастливого момента и теперь, поддержанные артиллерией, не давали передышки неприятелю, быстро выгнали его из всех позиций. Затем они открыли ещё несколько русских колонн, отступавших в направлении к Вязьме.

Вице-король, опасаясь, как бы его авангард не попал в беду, приказал ему остановиться и занять позицию. Бдительность удваивается, и так мы проводим ночь на нашем новом месте.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. В опустошённой стране.

Новое, 29 августа. Мы проснулись в тумане, вокруг невозможно было ничего различить. Двигаемся далее, но вице-король то и дело принужден останавливать колонну; по окрестностям разосланы патрули, чтобы отыскать следы императорской колонны; до нас глухо доносились её выстрелы (7).

Скоро наступила изнурительная жара. У солдат на уме было одно: найти источник, чтобы утолить жажду. Царит невыразимый беспорядок: вновь прибывающие пробирались между ног тех, которые пришли первыми; были такие, что бросали свои котелки через головы впереди стоящих, лишь бы получить хоть немного илистой воды; ссорились, доходили и до кулачных расправ. Сам вице-король принуждён был утолить жажду этой мутной водой.

Наконец, мы подошли к Вязьме. Несчастный город был ещё в пламени. После Витебска, кажется, это была наиболее красивая местность. В городе, расположенном по обоим берегам Вязьмы (приток Днепра), было 32 церкви и 1900 домов с населением в 13 000. Но что случилось с его торговлей мукой, мылом и пряниками? Магазины, полные мукой, в огне; да, этот пожар — истинное несчастье для нашей армии.

Мы пересекаем объятый пламенем город и затем занимаем позицию влево от него, где и стоим добрых два часа в ожидании приказаний. Ко-

(7) 28 августа Наполеон остановился на ночлег в Семлеве в двух верстах от Вязьмы. Затем Итальянская армия колоннами пустилась через поле в поход с несколькими передовыми полками. По большой дороге шла только артиллерия и повозки. Русские хотели помешать переходу через Вязьму. Эта река протекает через город того же имени, затем делает поворот; и возвращается, чтобы перерезать дорогу в четверти версты от города. С другой стороны генерал Коновницын, командуя арьергардом, приказал поджечь находившиеся в городе магазины со съестными припасами, в которых было много провианта. Русские солдаты заставляли жителей уходить, и огонь распространялся повсюду. Так что Мюрат и Даву не столько сражались с неприятелем, сколько тушили пожар.

ролевская гвардия, расположенная на довольно высоком холме, могла обозреть всю живописную окрестность. Направо от нас разрастался пожар; дальше, впереди нас, слышен был треск сражения авангарда. В этот момент он прогонял врага из деревни Козлово. Затем надвигается новый приток громадных масс кавалерии и пехоты, которые развёртывались в полном порядке и становились в линию; непрерывные разъезды адъютантов; поднятие раненых; повсюду всеобщая деятельность, и в короткие минуты отдыха еда на свежем воздухе или расстановка барачков в надежде провести в них ночь. Ничто не ускользнуло от наших взглядов с нашей обсерватории.

После двух часов ожидания явился наконец адъютант с приказанием нам вновь перейти один из рукавов Вязьмы и отправиться в Новое по сычѳвской дороге. Но берега этого потока были так болотисты, что мы вязли в грязи и двигались поэтому очень медленно. Сами мы шли на другой берег по небольшому мосту, но для переправы артиллерии пришлось устроить плоты из больших брёвен. Но всюду одна и та же неудача! В деревне Новое, над которой возвышается прекрасный господский дом и красивая церковь, всё уже было уничтожено и разгромлено казаками. Барский дом занял принц. Королевская гвардия и 14-я дивизия, вытянувшись в колонну, расположились биваками, соблюдая по возможности изящную симметрию, по левую сторону дома против сычѳвской дороги. Артиллерия была расположена на удобной позиции, вблизи от тех больших дорог, откуда мог прийти неприятель.

Новое, 30 августа. Мы остаѳмся на наших позициях. Непродолжительный, но сильный дождь освежил немного температуру и уничтожил сильную пыль, которая так надоела во время переходов. В Вязьме нашлись газеты с известиями, что в Петербурге было молебствие по случаю побед, одержанных русскими над нами. Неужели же там до сих пор не знают о разрушении Смоленска и о нашем походе в Москву!

Покров, 31 августа. В момент оставления Нового адъютант императора принѳс нам инструкции насчѳт сегодняшнего марша и тех мест, которые должны быть нами заняты. На пути мы встретили две великолепные усадьбы.

Русские, покидая литовские земли, пытались с помощью казаков поджигать всякую деревню, усадьбу. Но, начиная со Смоленска, они, без сомнения, слишком стеснѳнные нашими, довольствовались тем, что обворовывали и грабили лишь населѳнные пункты, расположенные на почтовой дороге; вот почему им ничего не оставалось, как сжигать города.

Вице-король остановил колонны перед второй из этих усадеб. Офицеры штаба вице-короля, которые туда проникли, рассказывали нам, что внутренность барского дома была, должно быть, богата и красива, насколько можно было судить по тому, что там осталось.

Хорошо распланированный парк с длинными, прекрасными аллеями, беседки, недавно построенные, указывали на хороший вкус и на крупные средства хозяина, но сейчас все носит на себе следы варварского разрушения.

Роскошная мебель, драгоценный хрусталь, вазы из тонкого фарфора — всё было разбросано или разбито; дорогие книги валялись на полу. Это место называется Покров, и мы здесь проводим ночь на 1-е сентября.

Павлово, 1 сентября. Строгие предосторожности, которые нам были предписаны вице-королём перед переходом через Вязьму, были уместны. Враг, вероятно, близко от нас.

Действительно, сегодня на полпути канонада нашего авангарда известила нас о его присутствии. Кавалерия королевской гвардии шла весь день впереди. Обширная равнина позволила ей растянуться, и, предшествуемая большим числом стрелков, она могла приблизиться к трём казачьим полкам, которые, как казалось, сначала не прочь были поспорить с ней за место. Однако, они скоро отступили, подчиняясь, без сомнения, приказаниям, которые были ими получены. Наш авангард из предосторожности шёл почти рядом с авангардом Мюрата, и мы приблизительно в одно время с ним вступили в город Гжатск.

Расположенный по обоим берегам реки того же названия, приток Вазузы (Вазуза — приток Волги), город этот, как по числу населения, так и по торговле, является самым крупным из всех, лежащих на пути между Смоленском и Москвой. Совсем близко от Гжатска мы увидели верфь, где строились плоские суда. Подобное адмиралтейство в месте, совсем, казалось бы, недоступном для навигации, привело нас в изумление. Но нам сказали, что в период дождей, продолжающихся несколько месяцев, все эти ручьи изобилуют водой. С помощью таких судов гжатские купцы сообщаются с Волгой и Днепром и, следовательно, с Каспийским и Балтийским морями.

Дома в этом городе ещё теснее стоят один к другому, чем обыкновенно бывает в других городах России. Более крупные магазины, которые здесь имеются, благодаря большой транзитной торговле, были опустошены или сожжены русскими при отступлении.

Неаполитанский король восстановил переправы, перешёл реку, преследовал русских по московской дороге и остановился в 10 верстах от Гжатска. Во время въезда императора в город его сопровождали несколько казаков, взятых в плен кавалерией Мюрата.

Он расспрашивал их через своего переводчика о движении русской армии, и их ответы вполне согласовались с тем, что было уже известно и раньше.

Сюда император перенёс свою главную квартиру. Императорская гвардия расположилась в окрестностях; 1-й и 3-й корпуса в городе и во-

круг него, один справа и другой слева; поляки образовали один правый фланг и расположились в направлении к Будаеву. Жюно стоял в арьергарде. Так как мы составляли левое крыло, то нам пришлось перейти реку Гжатъ, частью вброд, частью на плотах, вообще как только было возможно. Преследуя всё время казаков, чтобы занять назначенную нами позицию, мы наконец к вечеру устроили себе бивак вокруг деревни Павлово.

2 сентября. Пока остаток армии оставался на своих вчерашних позициях, нас заставили придвинуться вперед, чтобы встать в линию с Мюратом.

Вице-король занимает очень красивый дворец, принадлежащий князю Кутузову. Спустя немного времени после своего прихода в сопровождении адъютантов и обычного конвоя драгун он пожелал ознакомиться с окрестностями, но едва прошёл версту, как увидел, что впереди вся долина полна казаков. Они надвинулись, чтобы захватить довольно малочисленную группу, состоящую из вице-короля и его конвоя. Лейтенант Бокканера во главе нескольких драгун, понимая опасность, которой подвергался принц, бросился смело им навстречу, решая скорее погибнуть, чем допустить, чтобы рука неприятеля опустилась на его начальника. Не знаю, случайно, или благодаря отваге, которую блестяще выказали наши храбрецы, или быть может, в силу новых полученных приказаний, но только казаков, собиравшихся помериться с нами оружием, стало значительно меньше. Их скоро привели в расстройство, и они спешно, галопом, поскакали догонять своих.

Нам прочитан был приказ императора, помеченный сегодняшним днём, в Гжатске, предписывающий дневной отдых и общую перекличку в три часа дня; перекличку, несомненно, для того, чтобы знать число людей, которыми можно располагать в сражении. Нам было приказано тщательно осмотреть оружие, патроны, артиллерию и госпитали; мы должны были также предупредить солдат, что момент большого генерального сражения наступил, что нужно быть к нему готовым.

Перекличка показала, что боевые силы состоят из 103 000 пехотинцев, 30 000 кавалерии и 587 орудий.

Все менее необходимые повозки приказано было поставить в хвосте колонны и сжечь все повреждённые. Несомненно, что движение артиллерии, благодаря этому значительно облегчилось. Но многие из генералов и начальников войск не желали терять из вида, как своих, лично им принадлежащих, повозок, так равно и тех, которые были нагружены провиантом для их отрядов. Наконец, мы постоянно нуждаемся в наиболее необходимой утвари для лагеря, для кухни, для съестных припасов. И тем не менее, желая показать пример, император приказал в своём присутствии сжечь две повозки своего адъютанта Нарбонна.

3 сентября. Новые приказания: ещё один день отдыха, чтобы люди, отставшие от своих отрядов, могли вновь к ним присоединиться. Повторяются инструкции начальникам отрядов относительно солдат, сопровождающих повозки: они должны для пополнения числа встать в ряды в день сражения. Надо сказать, однако, что многие начальники закрывали глаза на то, как этот приказ приводился в исполнение. Такая снисходительность породила немало злоупотреблений, которые могут иметь очень досадные последствия. Многие по небрежности, по слабости, усталости или из сострадания к своим подчинённым не исполнили предписаний.

Отсюда эти беспорядки, которые император хотел бы навсегда прекратить.

4 сентября. Сегодня все время, пока мы шли, не переставая раздавалась сильная канонада на нашем правом фланге; мы сами видели в этом направлении густые облака дыма, поднимающиеся к небу, и горящие деревни. Из этого заключаем, что находимся сейчас в небольшом расстоянии от московской почтовой дороги, на которой стоит центральная колонна.

Скоро мы заметили в отдалении русскую кавалерию, которая собрала свои ряды и, по-видимому, хотела преградить нам дорогу. Вице-король приказал 3-му стрелковому итальянскому полку атаковать. Русские смотрели на их движение, не трогаясь; но когда наши готовы были их настичь, толпа врагов внезапно выскочила из леса, испуская обычный крик русских: «ура!».

Из атакующих наши скоро перешли в положение атакованных. Завязалась общая схватка; но наши стрелки жаждали отличиться на глазах принца и всей армии; число их возросло и подвиг совершён. После отчаянной стычки неприятель обращён в бегство. Рукоплескание армии и похвалы вице-короля вознаградили их за доблестный подвиг.

Артиллерия и пехота неприятеля, остававшиеся в лесу во время стычки, прикрывали отступление кавалерии и пытались задержать наше движение; но, несмотря на все препятствия, мы соединились с авангардом центрального отряда.

Соединённая армия стала лагерем вокруг одной деревни — Гриднева. Итальянская армия расположилась биваком перед другой.

В виду Валуева, 5 сентября. Сегодня на заре мы выступили в поход в обычном порядке; мы шли по кровавым следам войск Коновницына. При выходе из леса, запруженного казаками, обращёнными в бегство итальянской кавалерией, мы прошли несколько деревень, опустошённых русскими. Разорение, которое оставляли за собой эти татарские орды, указывало нам дорогу. Подойдя к склону холма, мы увидели на одной из возвышенностей несколько их эскадронов, развёрнутых в бое-

вом порядке вокруг прекрасной усадьбы, возвышающейся над местностью. Вице-король тотчас отделил лёгкую кавалерию авангарда, и она, несмотря на трудности пути, вошла на возвышения в прекрасном порядке. По мере того, как она подвигалась вперёд, враг отступал.

По другую сторону холма лёгкая артиллерия гвардии, которая успела построить батарею в несколько орудий на террасе господского дома, послала им вдогонку несколько пушечных выстрелов, затем лишь, чтобы заставить их только ускорить шаг. И мы видели, как длинные ряды неприятельских колонн удалялись, прогоняемые нашим авангардом; видели, как они взобрались потом на возвышенность, стоящую в полмили от нас.

Трудно представить себе окружающую нас картину опустошения. Ни травы, ни соломы, ни дерева; нет ни одной деревни, которая не была бы разрушена вконец. Невозможно найти в них хоть сколько-нибудь пищи для лошадей, или съестных припасов для себя, ночью нечем поддерживать огонь. Одно только притягивает к себе наше внимание в этой печальной и жалкой картине, это — Колоцкий монастырь, который сам по себе составляет целую деревню. Он находится в трёх верстах от Гриднева и в полуверсте от речки Колочи, протекающей направо от него. Построенное во времена готов, это сооружение часто служило цитаделью во время междоусобных войн, да и до сих пор оно окружено траншеями.

На первый взгляд этот огромный монастырь, снизу поднимавшийся перед нами, производил впечатление города. Разноцветные крыши его блестили под лучами солнца. Наша кавалерия торопилась и на бегу своём поднимала густые облака пыли. Это было полным контрастом печальному и безжизненному виду, окружавшему нас. Было два часа дня. Одни только авангарды медленно подвигались. Итальянская армия остановилась и выстроила свои батальоны колоннами на нескольких возвышенностях.

Вице-король после прогулки некоторое время прохаживался по террасе господского дома, а затем направился к авангарду, сопровождаемый гвардейскими драгунами, между которыми было несколько стрелков; он обозревал русские позиции. Только что он прибыл туда, как подъехал император; они долго беседовали вместе, осматривая окрестность. Затем, сделав необходимые распоряжения, император ускакал галопом, чтобы присоединиться к корпусу, с которым он шёл. Вице-король, не покидая занятого им холма, разослал своих адъютантов с приказаниями снова продолжать движение.

Мы среди песков, с длинными рядами ив и кустарника по сторонам; за ними скрывается Валуево, где император устроил свою главную квартиру. Только что мы расположились в нашем лагере, как перед нами открылось грандиозное зрелище: русские, стоящие лагерем на возвышении в форме

амфитеатра, зажгли массу огней, которые в целом образовали большой полукруг. Огни отбрасывали яркий отблеск на горизонт и производили поразительный контраст с нашими, слабо мерцавшими кострами. Дело в том, что мы в совершенно незнакомой местности, ничего у нас не приготовлено, и в топливе недостаток. То немногое, что мы находим второпях и в потёмках — мокро и сыро. Наши огни поэтому не только не сияют, но они распространяют вокруг нас облака густого чёрного дыма и отбрасывают во мрак лишь бледный отсвет. Одни стараются как-нибудь устроить себе шалаши из листвы, так как погода суровая. Другие сидят вокруг котлов и присматривают за своим скромным ужином. Те, у кого есть ржаная мука, готовят род теста, который зовут, не знаю почему, пульта. Около полуночи начинает накрапывать мелкий холодный дождь при сильном ветре, и очень скоро наш лагерь становится сплошной топью.

На заре мы с радостью узнали, что русская армия осталась на своих позициях: мы смотрели, как они окапываются.

Император сам поехал под выстрелы батарей обозревать передовые посты. Почти весь день, как с той, так и с другой стороны, прошёл в разведках и приготовлениях.

Тишина нарушалась время от времени или пушечными выстрелами, или перестрелкой на аванпостах. Впереди нас на возвышении выставлена батарея из 12 орудий, взятых из итальянских резервов. И хотя Колочу можно почти всюду перейти в брод, было все таки построено два моста с одного берега на другой.

Около полудня мы заметили в русском лагере необычайное оживление, затем наступила полная тишина, потом снова слышались крики. Было ясно, что вся русская армия была на ногах и под оружием. Без сомнения, там происходил смотр или читалось воззвание к войскам. У нас, увы! Никакого смотра, никакого развлечения. Чистили одежду и оружие, так как был отдан приказ на завтра надеть парадную форму. Лишь бы только неприятель не воспользовался ночью для отступления! Но в этот вечер огни его ещё ярче, чем накануне. Хотя ведь под Витебском он сыграл с нами такую шутку. Так прошёл в ожидании весь день 6 сентября.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Битва под Москвой 7 сентября 1812 г.

7 сентября. Всю эту ночь мы принуждены были провести на сырой земле, без огней. Дождливая и холодная погода резко сменила жару. Внезапная перемена температуры вместе с необходимостью обходиться

без огня заставила нас жестоко страдать последние часы перед рассветом. Кроме того, мы умирали от жажды, у нас не доставало воды, хотя мы и лежали на влажной земле.

В эту ночь пришёл к нам наконец приказ о решительной атаке. Наступал великий, столь нетерпеливо ожидавшийся, день. Вице-король должен будет овладеть деревней Бородино и, затем, перейти три моста, занять высоты, а находящиеся под его начальством; генералы Моран и Жерар должны будут двинуться вперёд для захвата главного неприятельского редута — все это в порядке и методически, сохраняя по возможности войска в резерве. Таковы распоряжения императора, поскольку они касаются нас. С восходом солнца мы находимся уже на позиции. Я не могу не провести параллели между русской армией и нашей. Мы выступаем натошак, плохо одетые, наполовину замёрзшие, утомлённые, невыспавшиеся. «Слава и честь, — шутят солдаты, — вот единственные напитки, которые дают нам смелость для того, чтобы сражаться и побеждать».

Вице-король нашел, что мы чересчур открыты, и сейчас же приказал заняться кое-какими защитительными работами — их начинают вести вокруг итальянской батареи, стоящей под руководством генерала Антуара. Батарея находилась в расстоянии около 850 туазов от главной русской батареи, но её двинули вперёд на 500 туазов. Русские, вопреки ожиданиям, нисколько этому не противились.

Дивизия Морана, разбившаяся на эшелоны, имела справа от себя дивизию Жерара, потом дивизию Груши. Они размещаются вдоль московской дороги, справа от нас. Мы, таким образом, очутились в первой линии. Налево, вдоль течения Войны, около Бородина, двумя линиями расположилась дивизия Дельзона и по берегу Колочи — легкая кавалерия под предводительством генерала Орнано; соприкасаясь с левым флангом отряда Морана, стала дивизия Брусье. Позади неё в резерве стояла итальянская королевская гвардия.

В 5 часов утра солнце рассеивает туман. Тотчас же новые адъютанты рассылаются императором во всех направлениях, чтобы окончательно увериться, хорошо ли выполнены приказания, отданные в эту ночь. Бьёт барабан, и каждый полковник громким голосом читает своему полку прокламацию императора.

У нас, в королевской гвардии, читает её начальник штаба Бадаласси (8). Мы слушаем его, тесно сомкнувшись, ротами, без различия батальонов, на покатосях холма, на котором расположилась итальянская батарея. Император возвещает нам, что столь желанный день битвы, на-

(8) Этот brave офицер был родом из Сан-Миниато в Тоскане. Раньше он служил в качестве военного инженера, затем сделался адъютантом доблестного и учёного генерала Бьянки д'Адда.

конец, наступил, что победа зависит от нас; победа необходима, чтобы доставить всё нужное, получить хорошие зимние квартиры и ускорить возвращение на родину. «Сражайтесь так, — говорит он нам, — как вы сражались при Аустерлице, при Фридланде, при Витебске, при Смоленске». Пусть самое отдалённое потомство ставит себе в образец наше поведение в этот день, пусть о каждом из нас будут говорить: «Он был в великой битве под Москвой!».

Тысячекратные возгласы: «Да здравствует император!» были ответом на это лаконическое приглашение. Все удивляются выразительности, простоте и мощной силе императорской прокламации, которая так хорошо соответствовала теперешним обстоятельствам. «Она достойна главы армии» — слышались замечания. Пушечный выстрел, понёсшийся с батареи на правом фланге, дал наконец сигнал к сражению. Было ровно 6 часов.

В 6 часов вице-король даёт приказ генералу Дельзону атаковать деревню Бородино, занятую егерским полком русской гвардии. В момент, когда 106-й полк, которому поручено было это дело, пробирался в деревню, стоявший во главе его генерал Плезони падает смертельно раненый. Деревня взята, и русские стрелки отброшены по ту сторону Колочи.

Этим, собственно, ограничились инструкции, данные 106 полку; но охваченный наступательным пылом он быстро переходит мост, устроенный неприятелем на Колоче позади деревни, и двигается к неприятельским рядам.

Русские стрелки, подкреплённые двумя новыми полками, ставят себе задачей отразить 106-й полк. Последнему дорого пришлось бы заплатить за свой риск, но 82-й полк на звуки пушечных выстрелов устремляется на помощь к нему беглым шагом, атакует три неприятельские полка, освобождает 106-й, и с триумфом возвращается в Бородино, согласно полученным приказаниям.

Помощник полкового командира Буассероль заменил несчастного Плезонна. Он тотчас делает несколько превосходных распоряжений для сохранения за собой Бородина, за которое, по общим инструкциям, нельзя было переходить в данный момент. В 8 часов с небольшим император посылает принцу Евгению приказ повести решительное наступление на главный неприятельский редут, поддерживая этим движение Нея и Даву.

Принц, только что выбивший из окопов русских стрелков, засевших в засаде перед главной батареей и по берегам Колочи, сейчас же делает соответствующие распоряжения: первая бригада дивизии Дельзона направляется в деревню Бородино; вторая бригада и лёгкая кавалерия генерала Орнано идёт влево от Бородина через небольшую речку Войну, другие дивизии, разбитые на эшелоны, расположены так, чтобы

могли поддержать одна другую; дивизия итальянской королевской гвардии влево от Колочи стоит в резерве таким образом, чтобы ей можно было в случае надобности устремиться и в правую, и в левую сторону.

Мне, по своей молодости, не пришлось участвовать ни в одной из битв, покрывших славою армии французскую и итальянскую; я участвовал лишь в кампаниях, приводивших, правда, к стычкам, но не знавших сражений, собиравших такие громадные массы участников. Поэтому я не мог теперь отделаться от охватившего меня любопытства. Вся каталонская кампания знакомила меня только с частичными действиями, с осадами, наконец, с сражениями, где принимало участие всего от 16 до 18 тысяч человек. Сколько раз хотелось мне быть свидетелем колоссальной битвы, вроде той, на какой я присутствую теперь!

Поле битвы скрыто было от королевской гвардии возвышавшимся перед ней холмом, и мне решительно ничего нельзя было видеть. Но на другом склоне холма стояла итальянская батарея, и я выпросил у полковника Морони разрешение направиться к ней. Капитан Дальштейн и лейтенант Гвидотти также получили разрешение, и мы трое пустились в путь. Да, до конца жизни не позабуду я возвышенного впечатления, какое произвёл на нас вид этого длинного и широкого поля сечи. Нельзя представить более благоприятной для наблюдения позиции, чем та, где мы находимся. Наш взгляд обнимает все изгибы широкого пространства, расположение различных армий, все действия, какие где-либо завязываются. Дивная панорама раскрывается перед нами.

Прежде всего нам бросается в глаза позиция русских; она образует половину амфитеатра, или полукруг, кривая которого соответствует на другой стороне месту, где находится Наполеон. Находясь на левом фланге этого полукруга, я вижу перед собой в далёком расстоянии густой лес, заставляющий меня вспомнить о чудесных описаниях Тасса и Ариоста. Из этого леса всё время вырываются громадные столбы огня, сопровождаемые страшными ударами; под действием этих вихрей огня и дыма колеблются глубокие массы, чтобы идти навстречу другим огням, не менее страшным. Под блеском солнца сверкает оружие и амуниция пехотинцев и кавалеристов, марширующих навстречу одни другим. Внизу холма на нашем левом фланге бригада Плезонна уже овладела Бородиным, этим необыкновенно важным стратегическим пунктом при слиянии Колочи и Войны. Покатости этого холма спускаются к Колоче; несколько мостов ведут к широкой и открытой плоской возвышенности, через которую идёт большая дорога в Москву, охраняемая расположенным влево от неё главным редутом.

В данный момент 30-й полк, под предводительством генерала Бонами, бросается в атаку. Солдаты держат себя удивительно, и я не мо-

гу оторвать глаз от этой группы героев. От этой картины отвлекает меня только не перестающий треск пальбы, поднимаемый во всех пунктах, где завязывается стычка, при различных шансах на успех. Мной овладевает неопишное волнение. Ведь я смотрю на всё это, как посетитель цирка может смотреть на всё, происходящее перед ним на арене.

Но экстаз, овладевший мною, внезапно уступает место чувству сострадания. Несчастный полк, которым я только что восторгался, подставляет себя на убой, и новые русские батареи выдвинуты для отражения итальянских батарей, расположенных на возвышенности, на которой я стою (9).

В тот же момент звуки барабана заставляют меня вопреки желанию покинуть свою позицию. Сила обстоятельств вынуждает королевскую гвардию браться за оружие. Я спешно возвращаюсь к своему полку, который идёт, чтобы принять участие в деле. Теперь я уже не могу видеть того, что происходит на нашем правом фланге. Я могу говорить лишь о том, что делается около нас. Несчастный 30-ый полк не мог удержаться на занятой позиции. Русские, окрылённые успехом, стараются выгнать нас с высот и атакуют правый фланг дивизии Морана; вице-король немедленно противопоставляет им дивизию Жерара. Наш 1-й полк лёгкой кавалерии, атакованный русскими драгунами, моментально разбивается на каре, подпускает к себе русских, затем открывает пальбу рядами. Пальба отличается такой силой, что в мгновение ока площадь покрывается телами людей и лошадей, мёртвых или раненых — и они создают новый барьер вокруг наших доблестных батальонов (10).

Русская кавалерия исчезает. Батальоны 7-го полка, прикрытые дивизией Бруссье и итальянской артиллерией, и выступом холма защищённые от огня русских батарей пытаются сохранить свои позиции. Часть холма открывается нашим взорам, и мы видим ужасное зрелище корчащихся и изуродованных тел людей и лошадей, делающих последние усилия в борьбе со смертью; перед нами и вокруг нас обезображенные трупы, туловища, оторванные части тела — всё это покрывает землю.

Русские опять получили новые подкрепления и удваивают усилия, чтобы выгнать с позиции наши дивизии.

(9) 30-ый полк действительно был буквально расстрелян. Оторванные части тел летали в воздухе, и солдаты умирали с криками: «да здравствует император!» Русская дивизия Паскевича, защищавшая редут, должна была однако уступить. Только несколько человек 30-го павка проникли туда вместе со своим генералом. В этой атаке особенное удивление выказывает адъютант Мармона Фальеве. Писануне он приискал из Испании, чтоб сообщить Наполеону о проигранной битве. Он принят был очень плохо. Желая показать, чего стоила Испанская армия, он на другой день добровольно сражался в первых рядах. Он пал раненный на этом редуте рядом с генералом Бонами, который также был ранен.

(10) В этом именно деле убит наповал русский генерал Кутайсов, смело ведший в огонь своих кавалеристов.

Вице-король, видя, что его первая линия удерживается с трудом, дал приказ отрядам лёгкой артиллерии, гренадёрам и стрелкам гвардии броситься вперёд на небольшой бугорок подле Колочи. В королевской гвардии мы получаем приказ перейти эту речку, чтобы пойти на помощь атакованным дивизиям.

Огонь наших новых батарей в конце концов совершенно истребил русскую дивизию, стоящую напротив нас, но взамен её мы сейчас же видим другую. Вся ярость битвы сосредоточивается теперь на пункте, где мы стоим. Четыре часа мы держимся под градом железа и свинца. Стойкость принца Евгения и доблесть его солдат выше всякой похвалы.

Общий бой ведётся и в деревне Бородино и захватывает пространство до старой смоленской дороги. Более тысячи орудий сеют смерть. Пальба непрерывная, ужасная.

Вот новое положение, в каком мы очутились: дивизия Жерара, Морана и Брусье, поддерживаемые королевской гвардией, борются с многочисленными русскими силами, упорно стремящимися к тому, чтобы выгнать их с возвышенности, которая ведёт к главному редуту.

Вице-король, в свою очередь, решается сделать ещё одно усилие; он соединяет войска, чтобы овладеть редутом. Королевская гвардия до сих пор пассивно переносила потери, причиняемые ей пушечными выстрелами, не будучи в состоянии отвечать на них, но теперь она волнуется от своего бездействия. Она убеждена, что от взятия этого окопа может зависеть результат дня; она ревниво хочет взять на себя честь за это дело и через посредство своих начальников добивается от вице-короля, чтобы исключительно ей поручен был натиск. Вице-король уступает. Все мы испускаем радостные крики. Полки строятся во взводную колонну. Лёгкие отряды открывают путь, за ними идут гренадёры, стрелки и драгуны. Радость, гордость, надежда сияют на всех лицах.

Русские заметили наше движение, и тотчас же направляют в нашу колонну огонь из сотни орудий. Одни только крики: «Да здравствует император!», «Да здравствует Италия!» раздаются в шуме падающих бомб и гранат и непрерывного свиста железа и свинца. Почти в тот же миг приходят спешные эстафеты от вице-короля, что многочисленные отряды неприятельской кавалерии выступают из леса, чтобы отрезать наш левый фланг, и угрожают нас обойти. Последний прибывший адъютант сообщает нам, что Дельзон и Орнано смяты превосходящими силами неприятеля и вынуждены отступить для прикрытия итальянской батареи, Бородина, Войны и багажа. Они требуют поддержки, прежде чем неприятель получит подкрепления и ещё подвинется вперёд.

В сопровождении своего штаба принц Евгений сам скачет к этим местам, чтобы дать себе отчёт в положении дела, предупреждает об этом императора, задерживает движение вперёд королевской гвардии, за-

ставляет её повернуть и приказывает ей следовать за собой беглым шагом на другую сторону Колочи. Королевская гвардия к огорчению своему видит, что её движения вперёд остановлено, но не теряет надежды, что найдёт случай вознаградить себя за вынужденный перерыв. Мы идём назад и в хвосте колонны доходим до атакованного пункта.

Новые неприятельские отряды (корпуса Уварова и Платова) с каждым мгновением увеличиваются, выступают из леса, испуская пронзительные крики, и бросаются между войсками Дельзона и Орнано.

Эти последние, как слишком слабые, отступают в полном порядке после отчаянной схватки и стараются прикрыть Бородино и итальянские батареи. Русские батареи с удвоенной яростью стреляют по нашему правому флангу и покрывают своими огнями деревню. Артиллерийский полковник Демэй убит.

Генерал Антуар и полковник Милло, не прекращая огня впереди, вынуждены теперь обратить главное внимание на арьергард. Они немедленно ставят туда несколько орудий, чтобы подготовиться ко всякой случайности. Итальянские артиллеристы, сохраняя порядок и хладнокровие, быстро проделывают все маневры, хотя всё пространство покрыто трупами наших товарищей.

Вице-король галопом прискакал на позицию и, не находя другого, более подходящего пристанища въезжает в каре 84-го полка, на который тут же поведена была атака. Вице-король подбодряет людей, обещая, что скоро на помощь им явится королевская гвардия; и действительно, мы в этот момент переходим уже вброд Колочу и быстро двигаемся туда. Несмотря на внутренний пыл, усиливающийся от слухов, что принц находится в опасности, мы сохраняем величайшее хладнокровие. А тем временем силы русской кавалерии, непрерывно увеличивающиеся, возобновляют свои атаки против колонны 8-го кроатского, 84 и 92 полков.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. Переход через Москву-реку.

7 сентября. (Продолжение). Мы без конца повторяем свои крики, чтобы предупредить о нашем приближении принца и войска, его окружающие. Но наши крики в то же время привлекают к себе и внимание наших противников (т.е. войска Уварова и Платова). Только что прибывшие полки королевской гвардии очутились лицом к лицу с неприятельской кавалерией. Разбившись на каре, мы устремились ей навстречу. Русские почти уже подступили к итальянским батареям и заставили их

прекратить огонь; затем они опрокинули полки Дельзона. В этот-то момент они очутились перед королевской гвардией, поджидающей их со скрещёнными штыками. После одной неудачной попытки русские в конце концов были отброшены сильным огнём с нашей стороны и побежали во всю прыть. Лёгкая кавалерия Орнано, которая перед тем должна была укрываться за нашими рядами, теперь желает взять свой реванш. С помощью драгун и отряда стражи она вновь нападает на русских. Эти последние, страшно напуганные, спешно бегут через Войну и Колочу и не осмеливаются возвращаться.

Вице-король оставляет тогда кавалерию гвардии на этой позиции, лицом к лесу, и галопом возвращается на возвышенность к главному редуту в сопровождении гвардейской пехоты. Было около 3-х часов.

Все усилия сосредоточиваются теперь на редуте, который представляется поистине адской пастью. Но вот, как-то внезапно, на этой самой высоте, которая господствует над нами, и которая в течении стольких часов сеяла смерть над нами и кругом нас, мы не замечаем больше огня; все приняло вид какой-то горы из движущейся стали.

Кирасы, каски, оружие — всё это блестит, движется и искрится на солнце и заставляет нас забыть об остальном. Это — кирасиры Коленкура. Вице-король следует за ними во второй линии (11).

Командир батальона Дель-Фанте, из штаба вице-короля, обходит тогда слева редут во главе 9-го и 35-го полков и, несмотря на храбрую защиту отчаянно бьющихся русских, захватывает его. Осаждённые не хотят сдаваться, и там происходит поэтому ужасная резня. Сам Дель-Фанте, увидав в схватке русского генерала, — это был генерал Лихачёв, — бросился к нему, обезоружил, вырвал его из рук освирепевших солдат и спас ему жизнь против его воли. «Ваше поведение, brave Дель-Фанте», — сказал ему вице-король, — было нынче геройским!» Он тут же, на поле битвы, назначил его адъютантом, награда, равно украшающая и принца и солдата. В тот же приступ мы завладеваем 21-им русским орудиём; — наши враги не успели увезти их с редута.

Взятие этого редута, воздвигнутого нашими противниками с такими заботами, кажется, заканчивает в данный момент наши подвиги. Действительно, приходит приказание держаться на нём в ожидании новых предписаний. Обе армии опять располагаются лицом к лицу, причём наша на поле битвы, захваченном ценою таких героических усилий.

Ночь настала, и битва везде прекратилась.

Бородино, 8 сентября. Ещё одна ужасная ночь! Проведя предыдущую в грязи, истребив, несмотря на всю нашу бережливость, весь провиант

(11) Атака в первой линии направлялась 2-м армейским полком дивизии Жерара, 17-ым — дивизии Морана, 9-ым — дивизии Брюссье.

до последней крохи, мы остались без продовольствия: нечего есть, нечего пить. Колоча, куда многие кидались, чтобы избегнуть резни, запружена трупами; вода окрашена кровью. Нам пришлось расположиться среди мертвецов, стонущих раненых и умирающих. Усталые и изнурённые, мы не можем помочь им. Наконец, погода, прекрасная в течение всего дня, с наступлением ночи стала сырой и холодной. Большинство полков осталось без огня, его разрешили зажечь только в полночь, когда усталым людям, умирающим от голода, не осталось другого средства от страдания, как согреться!

Утром мы были изумлены: русская армия исчезла. Какое грустное зрелище представляло поле битвы! Никакое бедствие, никакое проигранное сражение не сравняется по ужасам с Бородинским полем, на котором мы остались победителями. Все потрясены и подавлены. Армия неподвижна; она теперь больше походит на авангард. Многие солдаты отправляются в окрестности искать пропитания или дров; другие стоят на часах, а некоторые, наконец, заняты подачей помощи и переноской раненых. Несчастных отправляют или в Колоцкий монастырь, в миле от поля битвы, или в соседние дома. Но места для всех не хватает.

Часть утра Наполеон употребил на осмотр вчерашних русских позиций.

Решительно, ни на одном поле сражения я не видел до сих пор такого ужасного зрелища. Куда ни помотришь, везде трупы людей и лошадей, умирающие, стонущие и плачущие раненые, лужи крови, кучи покинутого оружия; то здесь, то там сгоревшие или разрушенные дома.

Огромная площадь трёх главных редутов взрыта ядрами; на ней виднеются тела, оторванные части тела, глубокие ямы, вырытые снарядами, с погребёнными на дне их трупами. Ясно видны те места, где разорвавшимся снарядом разбиты лафеты пушек, а кругом убиты все — люди и лошади. В некоторых местах битва была такой ожесточённой, что трупы нагромождены там кучами. Солдаты роются не только в мешках, но и в карманах убитых товарищей, чтобы найти какую-нибудь пищу. Говорят, что Наполеон велел переворачивать трупы офицеров, чтобы определить, чем они убиты. Почти все изранены картечью. Трудно представить себе что-нибудь ужаснее внутренних частей главного редута. Кажется, что целые взводы были разом скошены на своей позиции и покрыты землёй, взрытой бесчисленными ядрами. Тут же лежат канониры, изрубленные кирасирами около своих орудий; погибшая тут почти целиком дивизия Лихачёва, кажется, и мёртвая охраняет свой редут.

Иногда под кучами мертвецов завалены раненые, призывов и стонов которых никто не услышал в течение ночи. С трудом извлекают некоторых из них. Одежда и оружие, всё покрыто грязью и кровью; штыки согнулись от ударов по лошадям.

Пасмурное небо гармонирует с полем битвы. Идёт мелкий дождь, дует резкий однообразный ветер и тяжёлые, чёрные тучи тянутся на горизонте. Всюду угрюмое уныние.

Не один император объезжает поле сражения; генералы, офицеры, солдаты, движимые любопытством, молча бродят везде, осматривая с изумлением каждый кусочек земли. Они смотрят друг на друга, как бы изумляясь, что ещё живы. Незнакомые начинают разговаривать, каждому хочется рассказать, что с ним случилось за этот день. Вокруг рассказчиков образуются кружки слушателей; разговор оживляется, и картинные рассказы несколько оживляют это унылое место.

Во время отдыха мы узнаём о приходе нагнавшей нас дивизии Пино. Мы припоминаем, что оставили её 25 августа у Лиозны; она отправилась в Сураж, где генерал граф Пино хотел убедиться в отступлении Винценгероде.

Наконец армия выступает под начальством Неаполитанского короля. В полдень двинулся авангард, состоящий из четырёх кавалерийских корпусов и из дивизии Фриана, под командой Дюфура, принявшего начальство после того, как его товарищ был ранен. Ней и Жюно остаются на поле битвы, где всё ещё подбирают своих и чужих раненых.

В четыре часа Наполеон отправляется вслед за авангардом.

Мы тоже выступаем. Идём вдоль Колочи и Москвы-реки, проходим тем местом, где было правое крыло русской армии, и везде видим оборонительные приготовления, ставшие бесполезными вследствие наших действий.

Дальше, перед деревней Успенским, мы видим многочисленные шрапнели и четыре больших покинутых редута. Ночью мы проводим частью в деревне, частью около неё. Ночью одно время мы слышали со стороны авангарда грохот пушек (12).

9 сентября. Перейдя Москву реку сегодня утром, мы думали, что пойдём к Можайску. Но вице-король в сопровождении своего эскорта драгун один поехал в этом направлении. Против воли пришлось нам ждать новых распоряжений для дальнейшего движения. Вдали виден пожар; говорят, что горит Можайск.

По словам одного очевидца, дома, церкви, улицы, площади были запружены ранеными русскими. Их насчитывали до 10 000. Мёртвых выбрасывали в окна. Жители бежали. Кутузов, видя невозможность удержаться и не заботясь о раненых, которым грозила гибель в огне, занял соседние высоты и засыпал город гранатами, чтобы выгнать оттуда французов.

(12) Это был Мюрат, нагнавший у Можайска арьергард Платова.

Деревянные дома пылали. Тогда рота гренадёров и 3-я рота стрелков 1-го батальона 33-го полка, около ста человек, под командой капитанов Колье и Себастья захватили холм, вершина которого была занята неприятельской конницей и артиллерией. Моментально они были окружены неприятельскими эскадронами, которые потребовали сдачи. Капитан Колье ответил командой: «пли!». Русский командир был убит. Отряд, расположенный двумя взводами, стрелял в образцовом порядке во все стороны; неприятельская кавалерия отступила, отказавшись от намерения победить эту горсть храбрецов.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

Москва.

Руза, 9 сентября. Приказ из Можайска, из главной квартиры: идти нам в Рузу и строить мосты в Сергиеве. Мы идём намеченной дорогой: нам попадаются две красивые деревни, из которых вторая особенно нравится нам. Там же помещичий дом, отделанный внутри красиво и со вкусом. Моментально без всякой пользы было всё в нём перевернуто вверх дном. Несколько тысяч бутылок, найденных в погребке, послужили для поддержания некоторых, других же погубили, так как отставшие попадают в руки спящих вокруг нас казаков.

Это место называется Введенское. Мы переходим один из притоков Москвы реки и углубляемся в леса, за которыми тянутся равнины; наконец, попадаем в большую деревню Куришово. Жара делала этот длинный переход особенно тяжёлым.

Уверенные в близком отдыхе, мы уже заметили с радостью, что окрестность здесь лучше, что на соседних холмах виднеются деревушки; но по приказу вице-короля, едущего впереди во главе кавалерии и королевской гвардии, нам пришлось идти дальше, до Рузы.

Уходя с этого места, на котором мы предполагали переночевать, мы встречаем массу жителей соседних деревень, везущих с собою всё ценное. Это новое для нас зрелище приводит нас в хорошее настроение; солдаты кричат, веселятся и удивляются этой встрече. За беседой мы забываем усталость и недовольство длинным переходом.

Лёгкая кавалерия авангарда, преследуя за Рузой гверильясов (13),

(13) *Т.е. партизан. (примечание перев). Следует сказать несколько слов об этих гверильясах, которых подражая испанцам, организовал из вооружённых крестьян дворянин Тикина. Эти малообученные люди, поражённые победой под Москвой и быстрым движением французской армии, наступившие нашим авангардом, бежали, покинув своего вождя. Он сделался буйно-сумасшедшим и бросался на всякого, подходившего к нему и, несмотря на желание спасти его, пришлось его пристрелить.*

первых, встреченных нами, неожиданно натолкнулась на длинную вереницу телег и остановила их в ожидании прихода принца; он решил скорее отправить их под конвоем обратно в их деревни.

Грустно было смотреть на эти телеги, нагруженные детьми, стариками и больными, с ужасом на лицах возвращавшихся домой; с угрызением совести думали мы о том, что эти телеги, являвшиеся всем добром многих из этих несчастных, будут взяты и разделены в полках, так как нужда в повозках и в лошадях была в армии очень велика.

Руза, 10 сентября. На адъютанта генерала Пино, капитана Цезаря Рагани, посланного утром к Неаполитанскому королю, напали на возвратном пути казаки. После ожесточённой защиты он был ранен, а лошадь у него отобрана. Вице-король, пользуясь коротким отдыхом, поручает своему начальнику штаба, генералу Гильемино, составить донесение. В этом донесении подробно указаны все события знаменитой битвы 7 сентября, в которой итальянская армия особенно отличилась. Это донесение будет сообщено только начальникам дивизий. Прочтёт ли его когда-нибудь император?

Мы узнаём, что все деревни по дороге к Москве теперь покинуты неприятелем.

Наш приход в Рузу изумил население. Здоровые люди, присоединившиеся к гверильясам, бросают пики и скрываются со своими семьями в непроходимые леса, подальше от дороги. Запустение деревень поощряет солдат к грабёжам. Хозяева огромных поместий заставляют своих крепостных зарывать, прятать и сжигать всё, на что-нибудь пригодное, потом уезжают вместе с ними, оставляя голые стены.

Алпалщина, 11 сентября. Ещё такой же пример мы встретили здесь; кажется, ещё нигде мы не видели таких результатов слепой ярости при уничтожении всего. Дома не только пусты, но вся обстановка разломана. Посевы уничтожены; всё подвергалось систематической порче. Полное разорение, показывающее, до каких крайностей может дойти народ, решивший сохранить свою независимость и честь.

Звенигород, 12 сентября. Наше движение продолжается. Выйдя 11-го из Алпалщины, мы направляемся к Коринскому. Наш авангард столкнулся с арьергардом Виценгероде. Цепь холмов тянется вдоль нашей дороги. Их верхушки покрыты неприятельской кавалерией, которую преследуют наши стрелки.

Двигаясь вдоль Москвы-реки, мы приходим в Звенигород. На вершине одного из холмов, по которым идут казаки, среди соснового леса, открываются стены и колокольни старого, почти разрушенного Саввинского монастыря. У подошвы холма лежит маленький городок Звенигород, расположенный по обоим берегам Москвы-реки.

Выведенный из себя дерзостью казаков, вице-король посылает нескольких кавалеристов авангарда, с приказом во что бы то ни стало нагнать их, что и было скоро исполнено.

Итальянский лагерь расположился у ворот пустого, как и другие, города. Дома, избы, деревни — всё представляет самый ужасный вид полного запустения.

13 сентября. Проведя спокойно ночь, мы пускаемся в путь по дороге, параллельной Москве-реке, и проходим через три деревни. Перед каждой из них казаки делают вид, что заграждают нам вход; наша кавалерия атакует их, они исчезают, чтобы начать немного дальше тот же маневр.

Около деревни Успенской мы вброд переходим Москву-реку. После шестичасового перехода нам попадается помещичий дом, стоящий на возвышенности, окружённый лесом, из которого вытекает ручей, приток Москвы-реки. Дивизии развёртываются и располагаются лагерем вокруг дома, где остановился принц.

В виду Москвы, 14 сентября. Сегодня утром за деревней Черепово, при нашем приближении к Хорошеву, пока сапёры перекидывали мост через Москву-реку для третьего перехода через неё, несколько человек из наших разведчиков успели взобраться на один холм... последний!

Новый мир, — так буквально говорят они, — открылся им. Прекрасная столица под лучами яркого солнца горела тысячами цветов группы золочёных куполов, высокие колокольни, невиданные памятники. Обезумевшие от радости, хлопая в ладоши, наши, задыхаясь, кричат: «Москва! Москва!» Я не смогу, конечно, лучше и красивее выразить наше впечатление при виде этого города, как напомнив стихи Тасса, когда он в третьей песне изображает армию Готфрида Бульонского, увидавшую впервые башни Иерусалима.

«Ali ha ciascuno ai cuore ed ali piede
Ne del suo ratto andar pero s'accorge;
Ma quanto il sol gli aridi campi fiede
Con raggi assai, e in alto sorge,
Ecco apparir Gerusalem si vede,
Ecco additar Gerusalem si scorge,
Ecco da mille voci unitamente,
Gerusalemme salutar si sente...»

«У каждого как бы крылья выросли на сердце и на ногах; как легко стало идти! Солнце лило свои горячие лучи на бесплодные поля, оно дошло до зенита, когда Иерусалим предстал перед нами! Да, это Иерусалим, мы видим его, и осязаем его; тысячи голосов, как один, звучат в воздухе, приветствуя Иерусалим!...»

При имени Москвы, передаваемом из уст в уста, все толпой бросаются вперёд, карабкаются на холм, откуда мы слышали этот громкий крик. Каждому хочется первому увидеть Москву. Лица осветились радостью. Сoldаты преобразились. Мы обнимаемся, и поднимаем с благодарностью руки к небу; многие плачут от радости, и отовсюду слышишь: «Наконец-то! Наконец-то Москва!»

Мы не устаём смотреть на огромный город с его разнообразными и причудливыми формами, с куполами, крытыми свинцом или аспидом; дворцы с цветущими террасами, островерхие башни, бесчисленные колокольни, заставляют нас думать, что мы на границе Азии.

От нетерпения войти в Москву мы, не дождавшись постройки моста, вброд переходим Москву-реку. Вице-король, видя настроение войск, даёт своей кавалерии приказ тронуться; пехота следует за ней.

Наше сердце разрывается от радости по мере приближения; но нас изумляет то, что все окрестные дома покинуты, как и везде, где мы проходили. Мы всматриваемся в огромный город и не решаемся верить, что он так же пуст, как и его окрестности.

Мы скорее склонны думать, что жители предместий, устрашённые нашим приближением, массами укрылись в столицу. Всякого, высказывавшего предположение, что Москва покинута, сейчас же поднимают на смех товарищи. И, действительно можно ли предположить, что столько роскошных дворцов, великолепных церквей, богатых магазинов покинуты своими обитателями?

Беседуя так, дошли мы до Хорошево, находящейся в расстоянии полутора миль от Москвы. Колонна остановилась, чтобы привести себя в порядок, надеть парадную форму и подождать возвращения адъютанта вице-короля с приказаниями от императора. Приказания эти жестоко нас разочаровали. Наше вступление в столицу царей было отложено на завтра.

Москва, 15 сентября. С зарёю мы покинули это скверное Хорошево, и в парадной форме двинулись к Москве. Приближаясь, мы заметили, что город открыт. Простой земляной вал служит ему единственной защитой. В то же время мы не замечаем ни одного дымка над домами, — это плохой знак. Дорога наша идёт прямо в город; мы нигде не видим ни одного русского и ни одного французского солдата.

Страх наш возрастает с каждым шагом; он доходит до высшей точки, когда мы видим вдаль, над центром города, густой столб дыма.

Сначала мы все думали, что горит какой-нибудь магазин; русские приучили нас к таким пожарам. Мы уверены, что огонь скоро будет потушен солдатами и жителями. Мы приписываем казакам все эти ненужные разрушения и опустошения.

У звенигородской заставы вместо того, чтобы идти прямо в город, мы получаем приказ двинуться вдоль окраины; мы пересекаем другую, идущую в город, дорогу и начинаем уже думать, что опять наши ожидания будут обмануты; но, наконец, дойдя до С-Петербургского шоссе, королевская гвардия получает приказ войти в город через эти ворота.

Иначе обстоит дело с дивизиями, которые, повернув налево, идут от Москвы и располагаются лагерем: 15-я — У Петровского дворца, 13-я — в Алексеевском, а 14-я — на Бутырках. Лёгкая кавалерия под начальством генерала Орнано развернулась по фронту этих дивизий во Всехсвятском и Останкине. Вице-король во главе королевской гвардии въезжает в Москву по прекрасной дороге, ведущей от предместья Петровско-Разумовского. Этот квартал, один из наиболее богатых в городе, назначен для квартирования итальянской армии. Дома, хотя большей частью и деревянные, поражают нас своей величиной и необычайной пышностью. Но все двери и окна закрыты, улицы пусты, везде молчание! — молчание, нагоняющее страх.

Молча, в порядке, проходим мы по длинным, пустынным улицам, глухим эхо отдаётся барабанный бой от стен пустых домов. Мы тщетно стараемся казаться спокойными, но на душе у нас беспокойно: нам кажется, что должно случиться что-то необыкновенное.

Москва представляется нам огромным трупом; это-царство молчания: сказочный город, где все здания, дома воздвигнуты как бы чарами нас одних! Я думаю о впечатлении, производимом развалинами Помпеи и Геркуланума на задумавшегося путешественника; но здесь впечатление ещё более гробовое.

Мы выходим на красивую и широкую площадь и выстраиваемся в боевом порядке в ожидании новых приказов. Они скоро приходят, и мы одновременно узнаём о вступлении императора в Москву и о пожарах, начавшихся со всех сторон. При таких обстоятельствах решено, что, не имея возможности обратиться к местным властям, мы разместимся по военному. Вице-король даёт приказ полкам, и назначенные для этого офицеры пишут углём на наружных дверях каждого дома указание постоя, а также новые названия улиц и площадей, так что теперь улицы будут называться только «улицей такой-то роты», будут ещё «кварталы такого то батальона», площади Сбора, Парада, Смотры, Гвардии и т.д.

Это странное распределение даёт какому-нибудь офицеру возможность занять для себя одного великолепный дворец. Он размещается, как ему заблагорассудится в этих богатых покоях, с их пышной обстановкой, не встречая никого, кто бы оспаривал его права на обладание им или объявил бы себя хозяином.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Уничтоженная Москва.

Москва, 15 сентября. С самого начала мы не могли отделаться от подозрительности, когда проходили по пустынным улицам или входили в покинутые дома. Было почти невозможно поверить, что за этим не скрывается ловушка. А потом, незаметно, мы завладели Москвой, как будто она была построена нарочно для нас. Все розыски открывают только несколько несчастных бедняков, спрятавшихся в церквах, и раненых, которые не могли бежать. Как и в Смоленске, некоторые жители надеялись в церквах найти верное пристанище. Алтари в этих церквах украшены и свечи зажжены, как для большого праздника.

Встречаются ещё некоторые отсталые, русские солдаты в госпитале, несколько мародёров, привлечённых крепкими напитками и задержавшихся при разграблении погребов. При встречах с этими последними, от времени до времени раздаётся выстрел, скорее, как результат изумления, чем злобы. Некоторых арестовывают, других оставляют бродить, чтобы не было с ними затруднений.

Французская армия, кроме избранных корпусов, кольцом окружает Москву.

Даву расположился со своим корпусом в самом городе, в той его части, которая примыкает к Смоленскому шоссе. Он охраняет все пути между тульской и звенигородской дорогами. Пехота императорской гвардии занимает Кремль и прилегающие к нему дома. Кавалерия держится в предместьях, чтобы легче доставать фураж. Что касается Мюрата, то он, поддерживаемый Понятовским, должен преследовать русский арьергард. Наконец, вестфальцы для охраны сообщений между частями армии, остались в Можайске.

В городе постоянно вспыхивают пожары и теперь уже ясно, что причины их не случайны. Много схваченных на месте преступления поджигателей было представлено на суд особой военной комиссии. Их показания собраны, от них добились признаний, и на основании этого составляются ноты, предназначенные для осведомления всей Европы. Выясняется, что поджигатели действовали по приказу Растопчина и начальника полиции Ивашкина.

Большинство арестованных оказываются агентами полиции, передетыми казаками, арестантами, чиновниками и семинаристами. В наездание решают выставить их трупы, привязанные к столбам, на перекрёстках или к деревьям на бульварах — зрелище, которое не может нас веселить.

Ночью видишь ракеты, которые все время с целью поджога пускают с колоколен, с крыш домов и даже на улицах. Схваченных на месте преступления немедленно расстреливают. Часто несчастные бывают пьяны и, не успевают протрезвиться, прямо переходят в царство смерти. Нашлись даже такие, которые подливая дёготь, старались разжечь поту- хавший огонь. Носясь, как сумасшедшие, они на наших глазах бросали в дома, где мы жили, пылающие головешки, которые они прятали под полами платья.

За поджигателями появляется масса жителей, оставшихся в надежде на возможность грабежа. Замки сломаны, двери выбиты, магазины, которым грозит пожар, разграблены. Прежде всего, истребляются сахар, кофе, чай; затем кожи, меха, материи и различные предметы роскоши.

Солдаты исполняли до сих пор приказы начальства, они заняты были тушением пожара и спасением кусков сукна, драгоценностей, тканей, самых дорогих европейских и азиатских материй и товаров. Но теперь, заражённые примером грабящего на их глазах народа, они сами с увлечением начинают всё расхищать. Мучные, водочные и винные ма- газины разграбляются прежде всего. Да и что же, говоря откровенно, де- лать, когда городу непрестанно грозит пожар? Разве солдат в нём вино- вен? Не исходит ли проект сожжения города от русского правительства? При таких условиях расхищение является неизменной мезью.

Нет, солдаты совсем не грабили, пока не убедились, что поджигают сами русские. Разве можно назвать преступлением то, что они захваты- вают вещи, никому больше не нужные, которые сгорят и в которых они, все лишённые, крайне нуждаются? Если бы жители не бежали, город не потерпел бы никаких убытков.

Среда, утро. В центре города нет ни одного уцелевшего от огня мага- зина, кроме книжного и ещё одного в помещении Управы благочиния. Смола, водка, купорос, самые дорогие товары — всё горит. Потоки огня вырываются из этого огромного костра, увенчанного густой тучей дыма. Самые смелые солдаты решаются ещё бросаться в это горнило; они вы- скакивают оттуда обожжённые, но нагруженные драгоценностями. Ви- дя это, другие следуют их примеру; но, менее счастливые, они часто не возвращаются.

Улицы около базара загромождены самыми разнообразными товара- ми, и скоро начинается торговля между офицерами и солдатами.

Москва, 16 сентября. Приводим подробности о вечере 15-го. Он был ужасен. Кажется, сама природа стала сообщницей русских. Ужасный се- веро-восточный ветер увеличивал пожар. В девять часов подул юго-вос- точный ветер и достиг силы урагана. В девять часов город пылал.

В несколько часов этот огненный океан истребил приречные кварта- лы, вся Солянку, а с другой стороны ту же картину представляли Мохо-

вая, Пречистенка и Арбат. Надо было быть свидетелем этого зрелища, чтобы иметь о нём представление.

Всюду только и бродят ошупью, покрытые потом, почерневшие от дыма и нагруженные добычей солдаты; волочатся раненые русские, пытаясь спастись от огня, да обезумевшие жители, не зная, где им найти пристанище, мечутся со стонами, криками и воем.

С балкона царского дворца, возвышающегося над городом, Наполеон сразу мог окинуть взором это море огня, уничтожающего город, на обладании которым основывались все его заветные мечты.

Говорят, что всю эту ночь, с 15-го на 16-е, он не переставал давать приказания разным частям своей армии. После продолжительных занятий с секретарями, он около 2-х часов ночи пошёл отдыхать. Но дежурные офицеры, видя устрашающий рост пожара и боясь за жизнь императора, поспешили разбудить его. И, действительно, к четырём часам утра огонь распространился с такой быстротой, что захватил уже дома, прилегающие к Кремлю; пламя не давало проходить по улицам. Жара от этого костра была невыносима, и целый дождь гонимых ветром искр и головёшек падал на крыши внутренних зданий Кремля.

Около полудня был захвачен человек, только что перед тем пустивший летучую ракету. Виновник покушения был арестован и представлен на суд императора. Ракета, упав на смежную с арсеналом башню, подожгла её; переброшенные ветром искры подожгли дворцовые конюшни, а на дворе лежали зарядные ящики гвардейской артиллерии. Грозил неминуемая гибель. Император, немедленно оповещённый, явился туда и увидел, что вся площадь покрыта горящей паклей. Генерал Ларибуазьер отдавал приказание вынести всё из арсенала, когда заметил присутствие императора. Артиллеристы и солдаты гвардии, испуганные опасностью, которой он подвергался, стали принимать ещё большие усилия для его охраны. Спеша, они хватали горящую паклю руками и выбрасывали её. Генерал Ларибуазьер умолял императора удалиться, к своему начальнику присоединились и артиллеристы, терявшие голову от присутствия императора.

Император вернулся во дворец, и после этого пожар, грозивший такой серьёзной опасностью, был быстро потушен.

Но и этот пожар не мог заставить Наполеона покинуть Кремль; мысль об опасности, по-видимому, даже удерживала его. Принц Евгений, маршалы Бессьер и Лефевр напрасно заклинаят его уехать. Их убеждения тщетны. Ординарца, кажется, Гурго, который пришёл сообщить, что дворец со всех сторон окружён огнём, посылают с князем Невшатальским на одну из самых высоких терасс дворца, чтобы убедиться в этом. Сила ветра и разрежение воздуха, вызванное пожаром, мешают им дышать и принуждают спуститься. Все сообщения оказываются вер-

ными. Император всё ещё колеблется уезжать. «Если бы неприятель, — сказал ему тогда князи Невшательский, — сейчас напал на те части вашей армии, которые находятся вне Москвы, то ваше величество никаким способом не могли бы с ними сообщаться».

После долгих размышлений, Наполеон уступает желанию своих приближённых, и посылает одного из своих ординарцев, де-Мортемара, отыскать путь через горящий город к кварталу, занимаемому итальянской армией. Но последний скоро возвращается, говоря, что он не мог проехать через огонь.

Немного спустя, другой офицер сообщает, что путь свободен. Император велит подавать лошадей и покидает Кремль, оставляя в нём корпус своей гвардии.

Ворота, через которые Наполеон вышел из Кремля, обращены к Москве-реке. Пламя загородило все другие выходы. Верхом, предшествуемый агентом московской полиции, служившим ему проводником, он долго ехал вдоль реки и, сделав большой крюк, приехал в такой квартал города, где все деревянные дома были обращены в пепел. Этот маршрут был так хорошо выполнен, что император не подвергся ни малейшей опасности. Итак, он прибыл сегодня вечером в императорский Петровский дворец, заботливо окружённый дивизией Пино, которая временно заменяет Наполеону его гвардию. Это и дало нам возможность узнать подробности предыдущего. Удерживаемые здесь этой службой люди жалуются, что не могли взять в городе своей доли добычи. Но генерал пожелал сохранить вокруг дворца свою дивизию в целости и ввёл строгую дисциплину. События оправдывают его.

17 и 18 сентября. Сильный восточный ветер. Загорелись ещё нетронутые части города, огонь овладел частью Мясницкой, Красными воротами. Лесной площадью, Новой и Старой Басманной и всей Немецкой слободой. Потоки огня несутся во всем кварталам, всё слилось в один пожар. Волны пламени, колеблемые ветром, образуют как бы огненное море, взволнованное бурей. Днём большие облака дыма поднимаются отовсюду и образуют густую тучу, которая закрывает от нас солнце; ночью пламя пробивается через чёрные столбы, далеко освещая всё злоеущим светом.

Жители пригорода, перегоняемые пожаром с места на место, в поисках безопасного пристанища, укрылись на кладбищах, лежащих за госпиталем, или бежали к Петровскому дворцу, где находился император. У всех этих несчастных, женщин, мужчин, стариков, детей, калек, больных, лица искажены ужасом и отчаянием.

Тронутый их судьбой император обещает заняться ими и помочь им в несчастьи.

Более четырёхсот из них великодушно помещены в запасном дворце у Красных ворот, где они получают не только верное пристанище, но и уход, помощь и пропитание. Другие направляются во дворец Разумовского, где остановился Неаполитанский король, который гуманно относится к ним и старается оказать им всякого рода помощь.

Но сколько этих несчастных, изнурённых голодом, усталостью, страданиями, ужасом, питаются только овощами, которые они находят в огородах.

Иностранные купцы почти все находятся под защитой генералов и офицеров. Что касается некоторых женщин, оставшихся в Москве, то они выдают себя за несчастных, всеми покинутых женщин и стараются пристроиться гувернантками в дома офицеров. Сколько из них, под давлением нужды, ищут покровителя, друга!

Но среди всех этих зрелищ самое ужасное, самое плачевное — пожар больниц. Там было более 20 000 тяжело больных и раненых. Только что пламя охватило эти здания, как из открытых окон послышались страшные крики: несчастные двигались, как призраки, и после томительных, мучительных колебаний, бросаются вниз.

Считают, что таким образом погибло 10 000 больных и раненых — т.е. приблизительно половина.

Тем временем пожар продолжает свирепствовать, истребляя низкую часть Петровки и уничтожая все магазины с низу до верху по Кузнецкому мосту, вплоть до Лубянки.

Большую часть этих ужасов я видел со своего поста в пригороде и у Петровской заставы. Приходившие из Москвы рассказывали мне остальное. Я записывал всё это по мере того, как слышал. В то же время я могу свободно наблюдать солдат разных полков, которые ходят взад и вперёд, нагруженные различной провизией и товарами: мукой, сахаром, ликёрами, бутылками вина, кофе, ящиками икры, сукном, мехами, дорожными тканями и другим. Все это они сваливают кучами в домах, где живут, и скорее идут за новой добычей.

Они слишком много страдали дорогой от голода и понятно, что теперь они, прежде всего, стараются запастись съестными припасами на будущее. За припасами следует одежда, наконец, солдаты тащат полные мешки серебра, жемчуга, ювелирных изделий и другой ценной добычи, которую они сейчас же рады спустить, хотя бы за самую ничтожную цену.

«Идём! — говорят они, — постараемся вырвать у огня всё, что можно. Не дадим русским радоваться их варварскому торжеству и воспользуемся, по крайней мере, тем, что они бросили. Имеем же мы право воспользоваться тем, что они оставили огню!».

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. В горниле.

Москва, 19 сентября. Мы узнали, что казакам и русским солдатам, спрятанным в городе, удалось, с помощью жителей и под прикрытием ночи и пожара, собраться и, перебегая с места на место, разжигать огонь там, где он затихал; они даже чуть не захватили один из наших пороховых обозов, который, во избежание взрыва, объезжал город; вследствие этого вчера вечером нам был дан приказ преследовать этих поджигателей, всюду задерживать их и исполнять обязанности городской полиции. Мы отправились с батальоном велитов, и я собственными глазами видел следующее: солдаты всех европейских наций, не исключая и русских, маркитантки, чернь, каторжники, масса проституток, бросались взапуски в дома и церкви, уже почти окруженные огнём и выходили оттуда, нагружившись серебром, узлами, одеждой и пр. Они нападали друг на друга, толкались и вырывали друг у друга из рук только что захваченную добычу; и только сильный оставался правым после — кровопролитной подчас — схватки. Треск пламени, грохот падающих зданий, драки грабителей, крики, жалобы, проклятия схваченных поджигателей, которых казнят на месте; стоны растерявшихся семейств, в отчаянии бегущих куда-нибудь спастись, причём родители тащат на руках плачущих детей; при нашем проходе, они, дрожащие, бросаются нам в ноги, умоляя о сострадании; самая поспешность, с какой мы идём к указанному месту — всё это заставляет сжиматься наши сердца; дыхание прерывается и мы содрогаемся от ужаса.

Спасаясь от сильного жара, мы бесконечное число раз сворачиваем из стороны в сторону и всё же попадаем на дорогу, преграждённую пламенем. Тем не менее мы подвигаемся вперёд, пробегаем через горящий дворец, выходим с другой стороны и попадаем в другую улицу, где снова оказываемся окружёнными морем огня. Понятно, что первые ряды батальона, в поисках выхода заколебались, и мы ещё успели бы выбраться из этого ада той же дорогой, которой пришли но скоро оказываемся уже не в состоянии двинуться ни вперёд, ни назад. Положение становится невыносимым. С каждой минутой треск пожара вокруг нас увеличивается. Мы оглушены шумом вихря крутящегося пламени; нам грозит гибель под обломками зданий, которые, разрушаясь воздвигают перед нами новые препятствия; мы ослеплены искрами и пылающими головёшками, — мы в ужасном положении.

Мы чувствуем, что задыхаемся в этом раскалённом и разрежённом воздухе. Обливаясь потом, мы не можем даже осматриваться кругом себя, потому что огненная пыль, поднятая ветром, слепит нас; и во избе-

жание опасности нам приходится закрывать глаза. Руки горят, когда мы их поднимаем для защиты лица от этого нестерпимого жара. Мы совсем не знаем куда идти. Не видно даже мостовой; всё исчезло в дыму, в развалинах. Нетерпение, почти безумие охватывает нас.

Патронташи, наполненные патронами и заряженные ружья только увеличивают опасность, которой мы подвергаемся.

Сделав попытку пробиться в ту и другую сторону, мы начинаем падать духом. Вдруг ужасный шум раздаётся сзади батальона. Это разом рушится со страшным грохотом здание, через которое мы только что пробежали. Несколько гренадёр ранено. Задние ряды напирают на центр и кричат, чтобы мы двигались вперёд, так как они не в состоянии дышать дольше в этой огненной атмосфере. Нам ежеминутно приходится тушить руками искры и головёшки, падающие на нашу, уже почерневшую, одежду. Земля горит, небо в огне, и мы окружены морем пламени.

Наконец голова батальона приходит в движение. С огромным усилием сапёры намечают нам проход на маленькую площадь, где скучившись, мы останавливаемся, чтобы перевести дух и прийти в себя. Но, осмотревшись хорошенько, мы видим, что и маленькая площадь охвачена пожаром. Мы уж не знаем, где мы и с какой стороны дует ветер; дым и огонь застилают небо и мы теперь уверены, что погибнем. Во всех взорах одна мысль; смелейшие бегут, и не обращая внимания на духоту и огонь, ищут выхода; все — бесполезно. В сопровождении нескольких товарищей, я проникаю во двор горящего дворца; там стояла прислонённая к противоположной стене здания карета, в которой крепко спал нагруженный добычей и совсем пьяный русский барабанщик. Внезапно проснувшись, в ужасе, пьяница хотел бежать. Не умея говорить по-русски, мы жестами объясняем ему, чего мы ищем; придя в себя и видя, что его судьба связана с нашей, он понял нас.

Проходив некоторое время кругом площади, он указал нам кратчайшую и наиболее безопасную дорогу. Под наблюдением полкового адъютанта (самого автора) и в сопровождении сапёров, он идёт впереди батальона. Он направляется к маленькой избушке и даёт нам понять, что через неё можно попасть в безопасное место.

Сапёры работают, гренадёры и офицеры помогают им, и через дым и пламя мы достигаем узенького и извилистого переулка, в котором большая часть лачуг уже сгорела. Это странное место является для нас тем не менее единственным выходом из вулкана. Мы идём по черепицам и обломкам; земля жжёт наши подошвы. Барабанщики бьют одной рукой в барабан, а другой держатся друг другу за платье, чтобы не сбиться с пути. Полковник Морони, батальонный командир Бастида, капитан Дальштейн, Росси, Феррати, лейтенанты Гвидотти, Монфрини, Баклье да и все вообще офицеры ободряют солдат во время этого опасного пе-

рехода. А мы, все следуя за сапёрами и нашим проводником, подходим, наконец, к какой-то стене; в несколько минут её разрушают; и вот мы на большом поле, на берегу Москвы-реки.

Последнее слабое препятствие — я говорю о стене — разрушенное после пятичасовой борьбы с ужасной стихией, и мы спасены. С какой радостью вздохнули мы полной грудью на свежем и чистом воздухе! Было два часа утра; собирался дождь.

Только что батальон построился на этом лугу, как некоторые закричали, что судьба нам благоприятствует, так как они увидели приближающихся казаков. Побежали в указанном направлении, но полковой адъютант, посланный посмотреть, в чём дело, увидел только толпу несчастных, бродивших без пристанища. Испуганные нашим неожиданным появлением, они кинулись бежать в беспорядке, с криками и плачем.

Мы нагнали некоторых и хотели ободрить их; но они так перепугались, что пришлось оставить их в покое.

Мы направились к нашему кварталу, но его уже не было. В наше отсутствие он целиком сгорел. Зато мы получили приказ отправиться в Петровский дворец, вокруг которого мы под проливным дождём расположились биваком.

Бивак у Петровского дворца, близ Москвы, 20 — 23 сентября. Самое необычайное зрелище представляет победоносная армия, расположившаяся лагерем вокруг пылающего города и теряющая зараз и плоды своей победы и средства к восстановлению своих физических сил. И это за 800 миль от Милана и Парижа!

И как требовать от солдата, привыкшего обходиться без всяких удобств и считать победу своим провидением, как требовать от него, чтобы он не проматывал безрассудно добычу, которой у него по горло?

Я не могу здесь удержаться, чтобы не изобразить странный вид нашего лагеря в данный момент. Среди обработанных, размокших от дождей полей, виднеются не скромные бивачные огни, а настоящие праздничные костры, на которых горят картины и роскошная мебель. Кругом, на изящных стульях, на обитых шелком диванах, сидят покрытые грязью и чёрные от дыма офицеры и солдаты. По земле, в грязи, разбросаны там и сям кашемировые шали, дорогие сибирские меха, персидская парча; дальше вокруг кастрюлей стоят серебряные блюда и чашки.

Большинство солдат, одни для шутки, другие для защиты от дождя, переменили свою изношенную одежду на найденную в Москве. Один нарядился казаком, у того на голове персидский чепец, этот надел женское платье, а товарищ его рядом нарядился попом, в то же время искусные и неумелые руки играют на роялях, флейтах, скрипках, гитарах, производя большею частью самые нестройные звуки. Настоящий карнавал!

24 сентября! Мы жили таким образом пять дней в веселии и изобилии, как вдруг сегодня вечером получили приказ вернуться в Москву вместе с дивизией Пино и разместиться в ещё уцелевших домах предместья.

Сильный дождь, идущий несколько дней, ярость ветра и пожара.

За последние дни было только несколько отдельных и незначительных пожаров.

Москва, 25 сентября. Москва, действительно, вся сожжена. Девятидесятью огромной столицы не существует. Говорят, что дворец Растропина охраняется, но что теперь император отдал приказ разрушить его (14). Защищённый стенами Кремль остался невредим также благодаря особой предосторожности; туда впускались только военные. Что касается складов всякого рода, наполненных с таким трудом приношениями горожан, то они все уничтожены. Уничтожены и только что возникшие мануфактуры, например, суконная, основанная в 1809 году знаменитым механиком Кестером.

Итак, мы среди дымящихся обломков, грозящих падением стен и наполовину уничтоженных деревьев. Многочисленные столбы с надписями издали кажутся одинокими колоннами или памятниками на обширном кладбище. Смрад подымается от этой груды лепла и пропитывает нашу одежду.

Москва 26 — 29 сентября. Император возвратился в кремль, как только затих пожар, и теперь занимается главным образом больницами; он отдал приказы, чтобы всем несчастным предоставлены были жилища и пропитание. Он отправился затем в Воспитательный дом, уцелевший от пожара. Там он был принят генералом Тутольминым, директором этого благотворительного учреждения и, может быть, единственным русским чиновником, оставшимся в Москве. Император дал здесь доказательство своего человеколюбия и благородства чувств.

Мы располагаем несколькими помещениями для раненых и больных, которые тащились за армией. Маршал Мортье, назначенный генерал-губернатором, и генерал Мило, комендант, стараются устроить муниципалитет и полицию, чтобы восстановить порядок и получить возможность добывать продовольствие. Город разделён на 20 кварталов; для каждого назначен особый начальник.

Но как сделать все это быстро среди такого хаоса? Пятьдесят тысяч рублей медной монетой переданы в распоряжение муниципальных старшин, чтобы ускорить выдачу пособий бедным. Однако, переноска

(14) Это не было исполнено, во-первых, потому что один генерал гвардии, остановившийся там, не мог себе найти другого жилища, а главным образом вследствие просьб аббата Сюрюжа, казначея французской колонии, деревянная церковь которого прилежала к этому дворику.

такой тяжести оказывается очень затруднительной, и это лишает возможности осуществить на деле благородный приказ императора.

Что же происходит за это время в русской армии? Ходят самые разнообразные слухи. Мюрат и Бессьер отправлены на её розыски.

Приказ быть готовыми к выступлению 28-го вызвал всеобщую радость. Но непрерывный ряд получаемых инструкций, по-видимому, указывает на намерение императора провести зиму здесь или в окрестностях. Недолог был восторг, вызванный мыслью об отбытии; но удивительна стойкость солдат; она помогает им перенести все затруднения. Корпусные командиры получили приказ позаботиться о способах запастись провиантом на шесть месяцев. Интендантская часть армии передана в ведение графа Дюма. Он очень способный офицер, но, к сожалению, окружен помощниками, которые получили места по протекции, и в государственной службе видят только удобный случай маскировать свою праздность.

Вот результаты наших первых справок: вино, ликёры, сахар, кофе, сухари и т.п. в изобилии. Большие сады, огороды в состоянии доставлять зелень нам и траву для скота. Имеется и кожа, чтобы сшить новую обувь, и сукно, чтобы дать людям новую одежду.

Можно также пользоваться овчинами, которые здесь в большом ходу; они довольно хорошего качества, и русские одеваются в них в течение зимы. Таким образом, мы не умрём от голода, как можно было одно время этого бояться; мы, можно сказать, плаваем в изобилии, и обязаны этим не администрации, а случайным результатам наших открытий. Приказы о выходе из Москвы были даны сначала на 22, потом на 28 сентября, но затем отменялись. А пока мы каждый день отходим на расстояние приблизительно от 10 — 12 миль от города, отрядами, составленными из разных частей армии, чтобы раздобыть съестных припасов и фуража.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Первый снег.

Москва, 30 сентября. Было бы слишком скучно подробно говорить об этих наших экскурсиях. Но надо сказать, что они всё таки поднимают бодрость наших солдат и почти всегда, за редким исключением, сопровождаются стычками с казаками и партизанскими отрядами. Иной раз, впрочем, нам приходится оплачивать добытые нами припасы гибелью кого-нибудь из товарищей; иные возвращаются ранеными. Эти потери, эти несчастные случаи очень чувствительно действуют на нас.

Полковники королевской гвардии чередуются с бригадными генералами войск итальянской армии в начальстве и командовании колоннами.

Добрый и неустрашимый Морони, полковник велитов, несколько раз принимал на себя командование, и я, по своему положению, должен был сопровождать его при каждом выступлении. Но я буду говорить только об одном случае, вчерашнем, как представляющем особенный интерес. Вчера, 29 сентября, около 1 000 человек пехоты, 200 кавалеристов и два орудия были переданы в распоряжение Морони для разведки вдоль тверской дороги, а также для защиты многочисленных маркитантов, выступивших с телегами и ломовыми лошадьми.

Большая часть деревень, через которые мы проходим, были совершенно покинуты и уже сверху донизу обысканы при предыдущих рекогносцировках. Между Черной грязью и Воскресенском, в расстоянии около 28 вёрст от Москвы, мы подошли к крайнему пределу, до какого доходили раньше. Мы нашли здесь на равнине несколько разбросанных селений, нашли деревенские хижины, хотя и покинутые, но оставшиеся совершенно целыми и нетронутыми; так что можно было судить о внезапном бегстве оттуда жителей. Ночью мы расположились лагерем в этой местности. На рассвете обнаружено было присутствие неприятеля; пехота, разбитая на две колонны, продолжала, однако, свой путь без принятия каких-либо предосторожностей. И в самом деле, неприятель отступал, по мере того, как мы поднимались вперёд.

Мы обошли ещё несколько деревень и без затруднения забирали себе провизию, охраняемые цепью пехотных и кавалерийских постов. Жара стояла сильная, великолепный лес вырисовывался впереди наших передовых постов — вправо от меня, я ехал в сопровождении нескольких унтер-офицеров. Мне очень захотелось туда съездить.

Я сделал всего несколько шагов, как вдруг услышал шум голосов. Я, один, спокойно двинулся туда, откуда нёсся этот шум и через ветви деревьев заметил среди леса лужайку, где находилась толпа мужчин и женщин всякого возраста и всякого положения. Они внимательно смотрели на меня, не выказывая при этом ни страха, ни изумления. Несколько человек, манеры и внешность которых не предвещали ничего доброго, подвинулись мне навстречу.

Сделав им знак, чтобы они близко не подходили, я позвал к себе одного из них, в котором узнал русского священника. При помощи латинского языка я учтиво попросил его объяснить мне, не принадлежат ли эти люди к числу жителей деревень, занятых в настоящий момент нашими войсками.

«Мы, — ответил поп (le pope), окинувши меня внимательным взглядом, — мы — группа тех несчастных жителей священной столицы, кото-

рых вы превратили в бродяг, в жалких и отчаянных людей, которых вы лишили крова и отечества!» И при этих словах слёзы ручьём покатались из его глаз.

Спутники его начали подходить тогда с угрожающими жестами. Священнику удалось их успокоить и заставить отойти. Они отошли на небольшое расстояние, желая, как будто, слушать то, что мы говорим. Поп обернулся ко мне.

«Каким духом варварства, какой бесчеловечной жестокостью, — говорил он, — охвачен дух вашего вождя, если он мог сжечь нашу дорогую столицу!» Тщетно я пытался убедить его, что он глубоко ошибается. Он ограничился в своём ответе словами, что я сам ошибаюсь, что ни для кого нет сомнения в том, что Наполеон, а не другой кто, устроил пожар Москвы.

Во время нашей беседы я имел возможность наблюдать эту толпу несчастных, постепенно приближавшихся к нам. Мужественные, энергичные, обросшие бородой лица сохраняли отпечаток глубокого, мрачного и сосредоточенного горя. У женщин в лицах видна была большая покорность судьбе, но и здесь не трудно было угадать, какие тревоги пришлось им пережить. Поп не видел, что моё внимание часто отвлекалось, он продолжал свои обличения и затронутый каким-то моим замечанием, дошел до того, что коснулся рукой моей лошади, и положил руку на луку седла. Он увидел моё волнение и заговорил с удвоенной энергией; а мне горько было за участь стольких несчастных семейств, женщин, стариков, детей, которые из-за нас очутились в таком грустном положении.

Эта мысль всецело охватила меня и заставила забыть об опасности, которой я так неосторожно себя подвергал. Вдруг один из русских, присутствовавших при этой сцене, подошёл к попу, сказал ему что-то на ухо и взглянул на меня с видом бесконечного презрения.

У меня шевельнулось подозрение, я сделал вид, что собираюсь уезжать, но поп удержал меня вопросом, христианин ли я. Эти слова удивили меня только наполовину, так как я уже знал, что нас расписывали в глазах русского народа, как банду еретиков. Мой утвердительный ответ сейчас же сделался известным всем, и я заметил, что на меня стали смотреть с большим интересом, и разговоры кругом оживились. Поп взял меня за руку, с чувством пожал её и сказал: «Уходите скорее; Иловайский с местными партизанами и совсем свежим кавалерийским отрядом подвигается, чтобы вас атаковать; оставаясь здесь, вы рискуете подвергнуться опасностям. И помешайте, если вы только можете, тем неистовствам, в которых винят вашего вождя и ваших».

Прежде чем уехать, мне хотелось ещё раз внушить ему, как ошибочно думают и он, и другие русские; хотелось убедить его, что все они свобод-

но, не подвергаясь никакому риску, могут вернуться в Москву; но он, всё время уговаривая меня уезжать, захотел сам проводить меня до опушки леса; и мы расстались только тогда, когда он увидел разыскивающих меня унтер-офицеров. Поп не обманул меня. Несколько велитов, удивлённых моим отсутствием, искали меня и вызвали меня из лесу; а в это время длинная колонна неприятельской кавалерии появилась около Клязьмы; казаки и вооруженные крестьяне приближались по дмитровской дороге. Часть наших фуражиров, перешедших за линию передовых постов, повернула назад во всю прыть, причём многие из них побросали и свои тележки и уже нагруженных лошадей. Неприятельские разведчики их преследовали. Драгуны королевской гвардии бросились вперёд; мариупольские гусары приготовились их отразить, но встревоженные артиллерийским огнём, побежали. Казаки, неосторожно выдвинувшиеся, остались таким образом без защиты; они приведены были в расстройство и понесли довольно серьёзные потери.

Не желая начинать боя, так как было уже 4 часа пополудни, а фуража было запасено достаточно, Морони приказал готовиться в обратный путь. Но так как неприятель шёл близко за нами, то полковник счёл опасным начинать движение сразу и приказал прежде всего образовать многочисленный конвой. Потом впереди двинуты были телеги и прочий груз, а далее следовали войска, сохраняя полный порядок. Неприятель ободрился; он выпустил своих лучших кавалеристов; они с пронзительными криками понеслись на нас, сделали несколько ружейных выстрелов, но всё таки вплотную подойти не осмелились.

Но когда наш конвой вступил на пересекающую лес дорогу и стрелки размещены были по его сторонам для защиты на случай атаки, наши колонны внезапно переменили фронт, из оборонительного положения перешли в наступательное и двинулись против неприятеля. Многочисленные группы вооружённых крестьян тотчас же пустились в бегство, бросая на землю своё оружие. Уже спускалась ночь в это время присоединились к отряду. Они заблудились в лесу, разыскивая меня, и поп, с которым я вёл беседу, спас их от казаков, советуя им укрыться до нашего возвращения. Не следует, конечно, думать, что все наши экспедиции за фуражем протекали в таких же условиях.

Москва, 1 — 4 октября. Решительно всё заставляет нас думать, что наше пребывание в столице царей продолжится на долгий срок. Открыли даже театр, где французская труппа каждый вечер даёт представления. Полковнику Ларибуазьеру поручено укрепить Кремль на основании детальных инструкций, переданных ему самим императором, так как эта крепость в настоящем своём виде не в состоянии была бы выдержать правильной осады; воздвигают новые укрепления, которые могли бы по крайней мере удержать её при неожиданной атаке.

Вот уже (4 октября) значительная часть трудов окончена, в Кремле можно теперь видеть батарею из 12 пушек большого калибра; другие 18 орудий должны будут занять место около них.

Тюрма, расположенная в предместье, обращена итальянцами в нечто вроде укреплённой цитадели. Два монастыря, занятые депо 1-го и 3-го корпусов, получают такое же назначение.

Многочисленные больные и раненые постепенно возвращаются в строй; приходят новые полки, и благодаря этому пехотные войска приобретают почти ту же численную силу, какую они имели до битвы под Москвой; но кавалерия и в особенности артиллерия находятся в жалком положении. А между тем для армии эти три рода оружия одинаково необходимы, так как они взаимно друг друга поддерживают. Лошади гвардии, наименее заезженные и наименее пострадавшие, ещё туда-сюда; у них недурная внешность; но лошади в войсках Мюрата, но лошади лёгкой кавалерии, находившиеся при пехотных отрядах! На бедных животных тяжело смотреть, и долго они не продержатся. Ни одно из них не пользовалось хотя бы моментом отдыха с самого начала войны!

Что касается артиллерийских орудий, то хотя число их далеко непропорционально общему количеству наших сил, но всё же каждый день прибавляются новые, и армия насчитывает теперь 501 орудие. Зато возят орудия тощие лошади, не способные на большие переходы. То же можно сказать и про экипажных лошадей, про лошадей походных госпиталей и про других. Задают себе вопросы, как же перевозить ту драгоценную добычу, которая собрана была в Москве, которую уже нагрузили на телеги, если только император не даст приказания оставить её здесь.

Москва, 5 и 12 октября. Мы в полном бездействии. Говорят, что ждут результатов миссии генерала Лористона (15), но будет ли мир? Мир — наше самое заветное желание.

А пока, чтобы занять солдат, чтобы не охладить их воинского пыла, чтобы постоянно будить в них чувство соревнования и поддерживать дисциплину, Наполеон каждый день устраивает смотры на Кремлёвской площади, и каждому в присутствии суверена хочется показаться и самым довольным, и самым мужественным, и самым воинственным. Император приходит, и у офицеров возрождается уверенность. Он электризует сердца, он расточает награды, он вызывает в солдате желание заслужить их; все это окружается торжественностью, которая нас чарует. Так в один из этих пышных смотров бравый Левье, полковник 3-го линейного полка, корсиканец родом, возводится в ранг бригадного генерала. Батальонный командир Дель-Фанте произведён в подполковники; ба-

тальонный командир Колли получил чин майора; превосходный полковник Крови назначен полковником гренадёр гвардии; начальник артиллерийского эскадрона Клемент назначен майором королевской гвардии. Затем идут ещё раздачи знаков отличия в итальянской армии; одни получают Железную Корону, другие — орден Почётного Легиона.

Москва, 13 октября. Со дня на день ждём подтверждения наших ожиданий. Начинают уже спрашивать друг друга, по какой дороге пойдём обратно; по той ли, по которой пришли, или двинемся на юго-запад? В Смоленск послан приказ — никого более не пропускать в Москву, за исключением офицеров главного штаба, имеющих специальные поручения, курьеров и эстафеты. Из маршевых полков, из некоторых разрозненных отрядов, из оторвавшихся от своих частей, из вышедших из госпиталей сформировали дивизию в 12 000 человек пехоты и 4 000 кавалеристов; к ним присоединили 12 орудий; эта дивизия должна стоять наготове, чтобы по первому сигналу двинуться в путь.

Генерал Бараге д'Ильер получил приказ идти в Смоленск, принять там главное начальство и устроить в Ельне продовольственные магазины.

С другой стороны я узнал, что Жюно получил секретный приказ — сжечь ружья, находящиеся в Колоцком монастыре, взорвать артиллерийские подводы, которые нельзя с собой захватить и, наконец принять все необходимые меры для эвакуации страны, занятой его войсками.

После нескольких прекрасных осенних дней, необыкновенно жарких, погода резко переменилась и наступили холода. Сегодня выпал первый снег.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. Оставление Москвы.

Москва, 14 октября. Лошади императора отправились третьего дня вечером по неизвестному назначению. Все повозки нагружены съестными припасами. Генерал Борелли, адъютант Неаполитанского короля, возвратился вчера к нему с секретными приказаниями императора (16). Что касается старой императорской гвардии, то она готова уже к пути, точно так же и молодая гвардия с двумя артиллерийскими полками.

(16) Мюрит действительно отправил 12 октября своего адъютанта к императору, чтобы уведомить его о критическом положении своих войск. Делегацией, помеченной: Москва, 13-го, 2 ч. ночи, — император приказал Мюриту занять позицию около Воронова и оповестил его об уходе из Москвы армии. Второй делегацией император предложил ему поднять всех больных и раненых его отряда, бросить багаж и отправить повозки в Москву, чтоб нагрузить их там съестными припасами в количестве, достаточном на продолжительный срок.

Офицерам, имеющим лошадей больше, чем то предписывает регламент, приказано продать лишние лошадей в артиллерию и в обозы. За них платят смотря по качеству, по соответствующему тарифу. Но и эти лошади почти не в лучшем состоянии, чем другие; во всяком случае они представляют скудный ресурс.

Послан приказ в дивизию Дельзона итальянской армии, расположенной в Дмитрове. Ей предписано очистить этот город и стать в тыл Москве. Вчера Наполеон снова отправлял к Кутузову своего адъютанта Лористона.

Москва, 15 — 16 октября. Император дал приказ расположенному в Чёрной Грязи итальянскому отряду вернуться в Москву, оставив там одну кавалерию. Дивизия Бруссье, драгуны королевской гвардии, стоящие вдоль смоленской дороги, отправляются к Фоминскому.

Москва, 17 октября. Сегодня генеральная раздача по всей армии: раздают кожаную одежду, бельё, хлеб, водку. Разумная мера, которая принесла бы большую пользу, если бы принята была несколько раньше, но теперь слишком поздно. Солдат выбрасывает всё, чем он не может воспользоваться сейчас же; к тому же теперь он чересчур и без того нагружен, и я очень боюсь, как бы вся нынешняя раздача не оказалась брошенной на ветер.

Выступление из Москвы, 18 октября. Мы расставлены в боевом порядке на первой кремлёвской площади, — несколько батальонов императорской гвардии, королевская гвардия и дивизия Пино. Император произвёл нам смотр. Смотр продолжался около двух часов. Собрались приступить к раздаче наград, до которых так лакомы войска, как вдруг показался адъютант Мюрата Беранже с тревожным видом, с искажившимися чертами.

Смотр прекращается. Император уходит в покои Петра Великого. Через минуту мы получаем приказ возвращаться на наши квартиры и приготовиться к немедленному походу. Очевидно, прощай последние надежды на мир! Мы все ещё будем игрушкой в руках Кутузова, и вот теперь наступает зима, а мы на русской почве, где повсюду царствует одно лишь опустошение (17).

Мы спешно возвращаемся на наши квартиры, складываем свои парадные мундиры и с удовольствием надеваем походное платье. Всё на-

(17) *Вести, привезённые адъютантом Мюрата, были в самом деле очень дурные: как раз в это утро завязалась битва под Вороновым и была проиграна нами. И в то время, как адъютант беседовал с императором, отступление ещё продолжалось. Мюрат потерял — это сделалось известным на другой день 2000 человек убитыми, среди них генералы Лери и Фишер; в плен было взято 1500 человек, отнято знамя, 30 пушек, 40 фур, громадный багаж, между прочим и часть собственного багажа Мюрата. Дивизия Клапареда и полки корпуса Понятовского напрасно покрывали себя славой. Но решительный удар был нанесён кавалерии Неаполитанского короля. Лошади оставались 24 часа без пищи. Русские утверждали, что в кухнях Мюрата в кастрюлях найдены были кошки и что вместо говядины люди питались кониной.*

строение совершенно переменилось; на всех лицах сияет радость. Одно только огорчает нас: нам приходится оставить наших товарищей, которые не могут идти. Многие из них собирают все свои силы, чтобы попытаться идти за нами. В 5 часов мы с барабанным боем, с громкой музыкой проходим по улицам Москвы ... Москва! Так страстно хотелось нам в неё попасть, но уходим мы отсюда без сожаления. Мы думаем только о родине, об Италии, о наших, которых мы увидим теперь, после такой славной экспедиции.

Мы в последний раз смотрим с Кузнецкого моста на Кремль и на уцелевшие от огня постройки на берегу Москвы-реки. Войска, нагруженные добычей, выходят наконец из пределов Москвы и выступают на Калужскую дорогу. Молчание скоро прерывается и дорогой начинаются песни, начинаются рассказы. Радость общая, этапы проходят весело.

Калужская дорога, 19 октября. Мы располагаемся лагерем вдоль калужской дороги на большом протяжении в следующем порядке: итальянская армия составляет авангард, затем следует Даву, императорская гвардия и, наконец, в арьергарде корпус Нея. Маршал Мортье, молодая гвардия, спешенные и разбитые на батальоны кавалеристы временно остаются в Москве. Император перенёс вчера вечером свою главную квартиру на Коломенскую заставу.

Около Игнатова, 20 октября. До нас начинают доходить подробности поражения, нанесенного русскими Мюрату. Хотя оно и оказалось, благодаря доблести французских и польских войск, частичным, но всё же мы видим отсюда, что русские решили продолжать кампанию. Следуя по калужской дороге через Боровск и Малоярославец, мы имеем, быть может, шансы обойти русскую позицию при Таругине. Но надо спешить, надо достиг Калуги раньше их. К несчастью, нам нужно ещё соединиться с расстроенными войсками Мюрата. Говорят, что вчера вечером император перенёс главную квартиру в Троицкое, возле деревни Ватутинки, где он встретился с Неаполитанским королём.

В два часа пополудни, все время в авангарде, мы перешли Пахру в Горках и затем взобрались на холм, на котором влево от дороги возвышается красивый дом Красно-пахорской усадьбы. С этой возвышенности мы видим в правой стороне колонны, движущиеся к Фоминскому, где стоит дивизия Бруссье вместе с бригадой Виллата, которая сумела выдержать славный бой с лёгкой кавалерией корпуса Дохтурова. Ночь мы проводим подле Игнатова. Принц расположился в господском доме, который доминирует над равниной, где мы ночуем.

Фоминское, 21 октября (ныне г. Наро-Фоминск). Смелость казацких отрядов невероятна. Они устроили засаду в лесах, невдалеке от места, где мы провели ночь, и поджидают, когда уйдут последние солдаты, чтобы напасть на отставших или на повозки, которые не могли идти

непосредственно за войсками. Вечером мы приходим в Фоминское, где находим дивизию Бруссье, стоявшую на другом берегу Нары, среди квадрата, образованного телегами, артиллерийскими повозками и орудиями. Таким образом почти вся итальянская армия теперь соединилась.

Около Фоминского, 21 октября. Порядок движения установлен такой: лёгкая кавалерия, дивизия Дельзона, дивизия Бруссье, дивизия Пино, королевская гвардия.

Император провёл ночь в Плескове (ныне с. Плесенское).

Все войска собираются на Фоминской дороге, кроме войск Нея и дивизии Клапареда, оставшихся позади р. Мочи, а так же дивизии Морана и бригады Кольбера, размещённых на позиции за Десной. Мы переходим р. Нару. Падают дожди, дороги становятся скверными; идти по ним скорее невозможно. Каждый мост загромождён людьми, лошадьми и багажом. Большая часть мостов узки и мало надёжны; часто онигибаются под тяжестью повозок. Все эти затруднения в связи с медлительностью пути, утомляют солдат и отнимают все силы у артиллерийских лошадей. Многие телеги сломались или попортились до того, что дальше везти их невозможно. Грустью веет над армией.

Уваровское, 23 октября. Нынешним утром, в 5 часов, отправлены инструкции герцогу Абрантесскому; приказано сжечь всё, чего нельзя захватить с собой и быть готовым к тому, чтобы по первому сигналу двигаться к Вязьме; начальники вплоть до Смоленска предупреждены о движении армии; генералу Эверсу приказано выступить из Вязьмы с 4 — 5 тысячами человек для того, чтобы обеспечить сношения армии через Юхнов с Смоленском.

Мы переходим покинутый Боровск и располагаемся лагерем дальше от него на одну милю, около Уваровского. Дивизия Дельзона отправлена в Малоярославец. Этот небольшой город стоит на правом берегу реки Лужи, на склоне очень крутого холма.

Малоярославец, 24 октября. Сегодня, в 4 часа утра, все ещё спали в лагере Дельзона — исключая часовых, как вдруг четыре отряда русских стрелков неожиданно выступили из лесов, покрывавших здешние возвышенности, заставили часовых спешно отойти к передовым постам, посты — к стоявшим впереди батальонам, а эти последние, поражённые неожиданным нападением, должны были после слабой обороны покинуть деревню, чтобы соединиться с остальной частью дивизии, находившейся на равнине.

При первой же тревоге Дельзон велел братья за оружие и бежать на помощь к своим. Но русские успели уже выдвинуть свои батареи и на высотах, и с двух сторон от города, чтобы обстреливать мост и тем воспрепятствовать всякому наступательному движению. Наконец, и рус-

ская кавалерия развернулась в боевой порядок, справа от пехотных войск.

Сражение завязалось. Та и другая сторона бились с жаром, но невыгодное положение Дельзона было очевидно: он принимал на себя весь огонь русских, а сам отвечать на него не мог, так как неприятель был прикрыт скрывавшим его гребнем холма.

Принц Евгений, эскортируемый драгунами королевской гвардии и драгунами королевы, двинулся на соединение с Дельзоном ещё раньше, чем прозвучал первый пушечный выстрел. Почти в тот же миг явился офицер, посланный Дельзоном для оповещения принца обо всём происходящем. Нам был отдан приказ немедленно вооружаться.

В это время новые русские колонны под предводительством Кутузова выступили тесно сомкнутыми массами из лесов, лежащих за Малоярославцем, и также двинулись в бой. Можно было видеть теперь, как за неприятельским фронтом воздвигались четыре редута, приводившиеся в состояние обороны с помощью бруствера и рва уже во время самого сражения.

Положение Дельзона было критическое. Пронизывающий огонь русских градом падал в глубь воронки, где Дельзону нельзя было двигаться. Вице-король приказал ему немедленно, во что бы то ни стало, выбраться оттуда и пробиться вперёд. Путь идущий от моста, лежит по дну оврага, между двумя тяжёлыми каменными навесами, вершины которых заняты многочисленными русскими стрелками; этих последних, в свою очередь, поддерживают массы, расположенные на холме.

Несмотря на убийственный огонь, brave, доблестный Дельзон успел всё таки овладеть кой-какими из этих верхних позиций; он начал уже развёртывать свой блестящий план атаки, но картечь вдруг сваливает его. Брат Дельзона, состоявший в это время его адъютантом, хочет помочь ему, но сам падает, поражённый пушечным выстрелом.

Принц Евгений не перестаёт требовать новых подкреплений; новые отряды спешат на помощь, но кажется, что им никак не удастся поспеть во-время. Принц отправляет полковника Ла-Бедуайера, чтобы ускорить наше движение и вместе с тем, чтобы дать императору отчёт о событиях. Королевская гвардия встречает этого славного офицера при своём спуске с холма, доминирующего над долиной Лужи. «Спешите, brave итальянцы, — говорит он нам; — вице-король ждёт вас с нетерпением. Ваши товарищи в опасности, если вы не подоспеете во время. Не теряйте случая выказать вашу отвагу!» На эти слова, передаваемые из уст в уста, все батальоны отвечают радостными криками — предвестниками победы. Колонны даже не идут; они летят, но с какой быстротой ни ведут нас наши вожди, нам всё кажется, что мы идём ещё недостаточно быстро. Раздаются воинственные песни; радость заставляет нас забывать об усталости.

Мы спускаемся к подножию холма, следуем по равнине Лужи и влево от дороги, на опушке соснового леса, находим стоящую здесь в резерве итальянскую кавалерию. В этот момент шум пушечной пальбы удваивается, и пули русских стрелков свистят уже над нашими головами. Мы не видали наших храбрых товарищей с конца сентября; но знали об их подвигах, и теперь спешим заключить их в свои объятия. Встреча не могла быть более кстати.

Едва только заметив нас, они бросаются к нам навстречу; они смеются с нашими рядами; каждый ищет друга, родственника... Они предлагают нам съестных припасов, предлагают напитки, дают ряд советов и великое множество наставлений. Они отводят своих лошадей и непременно хотят нас сопровождать. «Помните, — говорят они, — что мы, как и вы, итальянцы; мы должны озарить это имя новой славой! Какой ещё один чудный день для родины!» Мы пожимаем друг другу руки и плачем от волнения. Мысль о родине пронизывает нас.

Было около 10 часов, когда мы соединились с своими товарищами, вызванными уже с утра. Настал час расставаться с нашими храбрыми кавалеристами. Долг призывает нас. В последний раз обнимаем мы друг друга в молчании возвращаемся в свои ряды и ждём приказа принца.

А он, зная свою численную слабость, распорядился уже двинуть часть 14-й дивизии на помощь 13-ой, которая, лишившись своего славного вождя, один момент ещё колебалась, но затем вынуждена была вторично покинуть высоты.

Начальник штаба итальянской армии, неустрашимый Гильемино, принимает теперь на себя командование дивизией, собирает её за построениями и затем борется с неприятелем за каждую пядь земли. Чтобы сохранить все приобретённое, несмотря на все невыгоды позиции и на ничтожество своих сил, он приказывает нескольким гренадёрским ротам занять церковь и два дома, лежащие в преддверии города и господствующие над оврагом, по которому проходит путь. Эти позиции были приведены в состояние обороны, чтобы служить прикрытием для наступательных попыток на всякий случай, когда наших станут выбивать с высот.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Битва под Малоярославцем.

(24 октября 1812 г., новый стиль 12 октября 1812 г.).

Малоярославец, 24 октября. (Продолжение). События вскоре же показали разумность и полезность этого распоряжения. Всякий раз, когда русские переходили за эти передовые посты, они обстреливались сзади,

бежали в беспорядке, и наше опять возобновляли наступление, чтобы отбросить их окончательно. Гильемино лично, соединившись с первой бригадой Бруссье, выбил, наконец, русских. Три бригады завладели теперь позицией перед линией неприятеля. Первая и вторая бригады 13-ой дивизии находились в Малоярославце и впереди города, часть 14-ой дивизии стояла в предместье, по ту сторону глубокого оврага, простирающегося более, чем на 600 туазов (1 туаз = 1,95 м) в длину и идущего параллельно калужской дороге.

Генерал Кутузов, видя, что успех дня зависит единственно от завладения этим важным пунктом, посылает тогда целый корпус (корпус Раевского) на помощь к Дохтурову. Сражение возобновляется с ещё большим ожесточением. Город взят, потом отнят, и так до трёх раз. Гильемино и Бруссье вынуждены отступить перед численным превосходством неприятеля, собираются около места, где находится вице-король, чтобы, дать себе отчёт в общем положении дел и подготовить резервы. Он тотчас же посылает к ним вторую бригаду Бруссье. Положение как будто готово измениться. Но едва батальоны перешли цепь домов, едва они отошли от центрального пункта, откуда были выдвинуты и появились на равнине совершенно открытыми для неприятельского огня, как силы их стали ослабевать.

Поражаемые огнём целой армии, они приходят в смятение и отступают. Подкрепления притекают к русским без конца; наши ряды уступают и прорываются неприятелем. Беспорядок продолжает расти; орудийный огонь в разных местах зажигает город, построенный из дерева, и это ещё более затрудняет и движение и атаку двух дивизий. В пятый раз они вынуждены отступить. Русские продвигаются дальше, и оборона на один момент парализована.

Вице-король двигает тогда им на помощь дивизию Пино. Войска, руководимые своим вождём, идут сомкнутыми колоннами, в тревожном молчании, жаждущие славы. Что касается нас, то всю пехоту королевской гвардии оставляют пока в небольшом селении на левом берегу Лужи. Русская батарея на гребне холма влево от линии их войск, не только страшно бьёт по войскам, взбирающимся и проникающим в Малоярославец, но ударяет по флангу и наших полков королевской гвардии; мы терпим такие потери, что должны каждую минуту менять свою позицию. Неприятельской батарее вице-король противопоставляет несколько пушек лёгкой артиллерии нашей гвардии, и мы имеем тогда возможность удивляться вблизи энергии, разумности и храбрости наших артиллеристов. Совершенно открытые, подставленные под неприятельские удары, вынужденные отвечать снизу вверх, они маневрируют с таким хладнокровием, с такой рассчитанной точностью, что заставляют неприятельскую батарею сперва замолчать, а потом и отступить.

В течение этого времени итальянцы Пино перешли мост, не производя выстрелов, перебрались затем через овраги, выгоняя отовсюду неприятеля, и дошли до церкви, находящейся в преддверии города. Там они переводят дух и оправляются; затем первая бригада, во главе с генералом Пино и генералом Фонтана идёт от города, для защиты 13-ой дивизии; вторая бригада, под начальством генерала Левье (корсиканца) переходит на противоположную сторону, чтобы зайти в тыл русским колоннам, вытеснившим 14-ую дивизию.

Неприятель, удивлённый, поражённый, ошеломлённый столь неожиданным общим натиском, отступает, и мы с радостью замечаем, что наши итальянцы овладевают всеми позициями, которые были намечены для них вице-королём и прибывшим на место боя адъютантом императора, генералом Гурго. Первая бригада проникает в город и выбивает оттуда русских. Страшная стычка завязывается среди пламени, пожирающего постройки. Большая часть падающих раненых сгорели живыми на месте, и их обезображенные трупы представляют ужасное зрелище. Вторая бригада следует по оврагу под убийственным орудийным и мушкетным огнём. Предместье снова в наших руках, так же, как и увенчивающие его высоты.

Генерал Левье и много высших и низших офицеров ранены. Генерал Пино, после того, как лошадь под ним была убита, на ногах, с саблей в руке, словами и примером продолжал подбадривать своих солдат. Ружейный выстрел убил у его ног его брата и адъютанта, начальника эскадрона; его племянник Фонтана, адъютант дивизионного командира ранен; генерал Фонтана, полковник Лашес и множество офицеров выведено из строя. Генерал Галимберти, сопровождаемый полковником Ла-Бедуайером, принимает на себя начальство, и сражение продолжается с ещё большей яростью.

Милло, полковник итальянской артиллерии, старается теперь поставить свои орудия на высоты. Солдаты королевской гвардии прибегают к нему на помощь. Ряд невероятных усилий, и мы, наконец, на вершине.

Натиск дивизии Пино поднял дух у солдат 13-ой и 14-ой дивизии. Они соединяются с войсками 15-ой дивизии и пускаются на русских. Артиллерия, в свою очередь, действует: она крошит тела мёртвых и умирающих, распростёртых по дорогам, ужасающе их уродуя.

Я расскажу здесь об одном случае, который хорошо выказывает всю отвагу наших солдат. Вице-король заметил бледность на лице одного итальянского солдата из обоза. «Что это? — сказал принц. — Ты трусишь, а между тем ты из гвардии...» «Нет, принц, — ответил несчастный, показывая ему изуродованную картечью ногу, — только вот это мешает мне твёрдо держаться на стремях». Принц, видимо, был тронут, хотел оказать ему помощь и раскрыл свой кошелёк. «Ни помощь, ни деньги

не нужны мне, — отвечал храбрец, — я хочу только видеть, как мои товарищи побеждают!»

Гренадёры взобрались на высоты, вздымавшиеся над мостом, и там оставлены были в резерве подле церкви, расположенной за пригородом. Но стрелки, помещённые впереди войск бригады Пино, бегут навстречу русским, идущим с намерением овладеть мостом и отрезать отступление войскам, находящимся в Малоярославце. Мужественный полковник Перальди выступал впереди стрелков. Он постепенно развернул их в боевые колонны и крикнул: «Не стреляйте, солдаты, штык — вот оружие гвардии. В штыки, brave итальянцы!» Возбуждённые этими словами и примером своего вождя стрелки стремглав бросаются на русских, подвигавшихся вперёд в беспорядке после жестокой стычки с дивизией Пино.

Одновременная атака стрелков в городе и за чертой города выгнала неприятеля из всех занятых им раньше домов. Все время, орудуя штыком, они отбрасывают русских до перекрёстка дорог.

Стрелки не довольствуются этим. Опылённые дымом, пожарами, ударами, нанесёнными ими и им, опылённые, наконец, своей победой, они продвигаются в верхнюю часть долины и стремятся овладеть неприятельскими орудиями; но, достигнув края, ведущего к глубокому рву и очутившись на выступе, окруженном густой изгородью, они подвергаются снова страшному огню и целому граду картечи. Это — русская батарея, неожиданно открывшаяся, посылает свои заряды и наносит нашим стрелкам страшные потери. Беспорядок вносится в их ряды; неприятельская кавалерия атакует их, и весь 7-й корпус Бороздина вступает в бой. Русские снова отвоёвывают себе сады и предместье. Все итальянцы тесно сжимаются там, строят баррикады и готовятся к отчаянной защите.

От отряда Перальди остаётся половина, но он соединяет своих стрелков со второй бригадой Пино, выстраивает их в колонны, оставляет оборонительную позицию и, несмотря на численное несоответствие их силам неприятеля, ведёт их в новый бой. В довершение всего этого он возбуждает национальный энтузиазм. «Вспомните, солдаты, — обращается он к ним, — что в этой битве итальянцы должны победить или умереть!». «Да, да! — кричат в ответ солдаты. — Победить или умереть! Барабанщики, к атаке!» Из садов они выходят, подобные стае львов, снова бросаются в штыки, но на этот раз обходят знаменитый ров, послуживший причиной их первого поражения, и двигаются, опираясь на небольшой лес, где они скрыты от огня батарей и от артиллерийских атак, тщетно старающихся отогнать их.

Часть итальянской артиллерии вступает теперь в строй и к вечеру получает, наконец возможность наносить удар за ударом, и победа уже вне

сомнения. Русские, притиснутые к своим фортам, замедляют атаки; итальянцы спешно окапываются для обеспечения своей победы.

Перальди просит тогда принца дать ему остальную часть гвардии, ручаясь за полную победу. Но принц не хочет лишать себя столь ценного резерва. Эта гвардия, оставаясь неподвижно в лощине в течение целого дня, принимала, однако, на себя все выстрелы русской артиллерии: русские ядра, пролетая над головой наших товарищей, стоявших в боевой линии, падали как раз туда, где мы находились. Неподвижно и невозмутимо держась на этой опасной позиции, мы не могли даже мстить за наших убитых и раненых, а потеряли мы много лихих товарищей, а потеряли мы много лихих товарищей, и между ними доблестного Маффеи, батальонного командира, который убит был ядром на наших глазах.

Пришла ночь, а вместе с нею и французская армия. Старая гвардия заняла позицию в Городне; Ней и Даву выстроились между Городней и Малоярославцем.

В 9 часов вечера генерал Кутузов, который выдвинул уже большую часть своих войск, хочет завладеть городом. Из резервов он строит глубокие колонны, которые и выступают, прикрываясь артиллерией. Дивизии Жерара и Компана, корпус Даву отправлены Наполеоном с приказанием стать в боевую линию — одна справа, другая слева от Малоярославца. Полковник Серюрье, командующий отрядом лёгкой французской артиллерии, превозмогает трудности переправы вброд через Лужу и прекрасное задуманным и ещё лучше выполненным маневром проникает в небольшой лес, и оттуда обрушивается на неприятеля градом картечи и гранат. Итак, собранные теперь и приведённые в порядок итальянцы идут вперёд, чтобы довершить свои успехи. Кутузов, не могший победить даже одного корпуса наполеоновской армии, считает теперь благоразумным ретироваться. Сражение мало помалу ослабевает, но ружейная перестрелка прекращается только к 11 часам вечера. Неприятель ставит свои передовые посты у опушки леса и занимает позицию вдоль калужской дороги, приблизительно в двух милях от Малоярославца. Итальянцы остаются господами положения и в долине и в городе, но этот последний представляет теперь собою лишь кучу пепла и груды трупов.

Так закончилась битва, длившаяся 18-ть часов, в течение которых горсть французов и итальянцев, из глубины оврага держалась против русской армии, позиции которой казались неприступными.

Малоярославец, 25 октября. Армия расположилась биваком на своих позициях; император провёл ночь в Городне. Ночь была очень холодна. Задолго до рассвета все уже поднялись и жались около больших костров. Мягкий сезон сменился суровым, и этот переход показался нам очень резким. Император, прежде чем отправиться на ночь в Городню,

послал своего адъютанта Гурго на передовые посты, чтобы выяснить характер движений неприятеля. Нынешним утром, около 5 часов, Гурго доложил о своих наблюдениях. Нам передавали, что император имел совещание с Неаполитанским королём, маршалом Бессьером, графом Лобо и Гурго насчёт того, желательна ли новая битва, или, напротив, её следует бояться. В 7 часов он выехал из Городни в сопровождении большей части своего штаба, герцога Виченцкого, князя Невшательского и генерала Раппа, но вскоре возвратился обратно (18). В 10 часов состоялся новый выезд императора, пожелавшего взглянуть на поле вчерашней битвы.

По первым сведениям выявляется уже, что мы потеряли более 4 000 человек. Из генералов и штаб-офицеров Пино, Фонтана, Джифленга, Левье, Маффеи, Лакесси, Негресоли, Болоньини и др. Убиты или ранены. Рассказывают про батальонного командира Негресоли: получившего первую рану, он вернулся в строй; но затем поражён был ещё одной пулей и упал со словами: «Вперёд, итальянцы! Я умру счастливым, если вы победите!»

Казачи приближались к разным частям нашей армии, включая и наши экипажи. Отряд драгун королевской гвардии, под начальством капитана Колеони и лейтенантов Брамбилла, Кавалли и Бокканеры саблями разогнали их. Затем император сделал нам смотр. «Честь за этот день всецело принадлежит вам, — сказал он, обращаясь к вице-королю, — вам и вашим храбрым итальянцам, которые решили эту блестящую победу». В 5 часов, осмотрев все и отправив разведочные отряды вдоль калужской дороги, он возвратился в Городню. Недовольный вид, какой у него был при отъезде, заставил нас думать что у него возникли несогласия со своими старшими генералами, и что если бы дело зависело только от него, то битва возобновилась бы.

Что бы то ни было, но мы, волнуясь готовимся к новому сражению и с нетерпением ждём сигнала. Однако проходит день, и к нашему великому изумлению, никакого приказа нет. К вечеру по войскам передаётся распоряжение отступить. Мы должны этой же ночью достичь Уваровского, регулируя своё движение с движением корпуса Даву, шедшего в арьергарде. Отступление должно начаться нынешним вечером, в 10 часов. Отдан приказ сжигать всё, что мы ни найдём на пути.

Уваровское, 26 октября. Это неожиданное отступление после выигранной битвы произвело на нас самое тяжёлое впечатление. Верно или

(18) Как раз в эту экскурсию император едва не был схвачен группой русских казаков. Об этом факте много раз говорилось. Генерал Рапп выступил с тремя взводами конвоя, чтоб защитить Наполеона, но его лошадь была откинута ударом копыя. Спешно прискакавшая кавалерия гвардии покончила с этим довольно критическим положением.

ошибочно, но мы начинаем считать себя окружёнными опасностями. Громадность пути, полная опустошённость страны, через которую мы переходим, обескураживает нас, и никто не может уяснить себе мотивы этого внезапного отступления (19).

Итальянская армия приходит в Уваровское к закату солнца.

Алфёрьево, 27 октября. Мы оставляем справа от себя город Боровск, весь в огне, как и большинство тех селений, которые нам приходится видеть на некотором расстоянии. Надо переходить Протву. Ищут броду для артиллерии; один находят, да и тот оказывается неудачным. Приходится артиллерию и багаж перевозить через Боровский мост, а для этого надо сначала переправить артиллерийские обозы и вооружение через объятый пламенем город. С левой стороны показываются казаки; несколько солдат гвардии обращают их в бегство. Мы перешли громадное число небольших речек, что беспрестанно замедляло нам движение, заставляя нас оставлять позади себя массу телег и обозов, и вечером приходим в Алфёрьево, где генералы с великим трудом отыскивают себе подходящее место для ночлега.

Митяево, 28 октября. Ночью термометр ужасно упал. Да, это зима. И тем не менее, погода хорошая. Солнце достаточно пригревает. Только ночи тяжелы. Мы снова переходим Протву выше Вереи, которая пылает, и идём в Митяево.

Успенское, 29 октября. Вышли на рассвете, переходим среди пламени через Борисов-Городок, оставляем вправо от себя Можайск и попадаем на биваки императорской гвардии в Успенское. Деревни больше нет; стоит один только господский дом, и вокруг него мы располагаемся лагерем. Я долго буду помнить о наслаждении, с каким мы улеглись в эту леденящую ночь на здешнем, всё ещё тёплом, пепле.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ. Затруднения возрастают.

30 октября. Сегодня утром, после 54-х дневного отсутствия, мы вернулись на поле битвы под Москвой. Солдаты, ещё продрогшие и чувствовавшие себя плохо, вследствие неожиданных по времени года холодов, шли не останавливаясь; но как пройти мимо этих мест, полных вос-

(19) Отступление было приказано согласно мнению генералов, которые, видя приближение зимы и боясь громадности пути, спешили скорее дойти по крайней мере до Немана. По странному совпадению в этот самый час обескураженная русская армия стала отступать в противоположную сторону.

поминаний, не нарушив молчания и не бросив сочувственного взгляда на могилы стольких друзей!

8-й корпус, оставленный на поле битвы для того, чтобы подобрать раненых и похоронить мёртвых, исполнил возложенное на него поручение. Но тем не менее, видно ещё множество не убранных трупов русских и лошадей, — холод не давал им разлагаться.

Оружие, одежда, мешки, тысячи различных предметов лежали разбросанные вперемешку на огромном пространстве.

Мы перешли Колочу по двум наведённым мостам, из которых один находился правее, а другой в самом Бородине. Прошли мимо Колоцкого монастыря, и тут нашим глазам предстало тяжёлое зрелище, глубоко нас поразившее.

Император несколько раз посылал приказы из Москвы о том, чтобы все раненые были эвакуированы. Покидая этот город, он ещё раз подтвердил, чтобы все без различия повозки, не исключая и его собственных, были оставлены под раненых, которые не были в состоянии идти. Не делал ли он того же самого в Египте или при возвращении из Сирийской экспедиции? Не шёл ли он сам пешком по пескам пустыни, уступая для раненых свою собственную лошадь? И вот теперь в этом монастыре нашлось около 1000 раненых, о которых сказали, что они не способны перенести дорогу. Узнав о таком положении вещей, император, говорят, сильно рассердился на Жюно. Он досадует, что его распоряжения не были исполнены, и приказывает поместить всех этих несчастных в свои парадные экипажи, в экипажи его офицеров, в тележки маркизантак, в повозки из-под провианта и багажа.

Все дело в небрежности, эгоизме и торопливости этих презренных возниц: они с неудовольствием смотрят на то, что их заставляют нагружать повозки ранеными, так как боятся, что потеряют те богатства, которые они туда сложили. Они доходили до того, что ссаживали массажи несчастных раненых, просивших хлеба и воды и умолявших дать им местечко на телеге. Вице-король старался спасти кое-кого из них. Говорят, что Даву делал тоже самое, но все же значительное большинство раненых было брошено на произвол судьбы.

Пройдя ещё некоторое время, мы остановились около маленькой деревушки, находившейся в двух верстах от большой дороги, между монастырём и Прокофьевым, где на эту ночь принц расположился со своею главной квартирой.

На развалинах Ивашкова, 31 октября. Покинувши на заре нашу стоянку, мы подходили к Прокофьевским высотам, когда услышали оживлённую канонаду. Вице-король послал узнать, что там происходит. Тот вернулся и донёс, что Платов напал утром на Даву около Колоцкого монастыря, но что бой был незначительный. Даву ответил на атаки врага ар-

тиллерийским огнём и продолжил свой путь. Отряды снова двинулись, но с постоянными остановками. Эта медлительность, эти остановки утомляют войска и оттягивают их приход на стоянку; при недостатке провианта, страдая от сильного холода, мы волнуемся вследствие этих несвоевременных задержек и виним в них Даву, тактика которого слишком медлительна для нынешних обстоятельств.

Вице-король, всё время державшийся в хвосте колонны, располагаясь, наконец, лагерем в двух верстах от Гжатска, чтобы, таким образом, быть ближе к Даву, остановившемуся в Грядневе.

Подле Величева, 1 ноября. Мы провели очень тяжёлую ночь, показавшуюся нам самой длинной из всех, до сих пор пережитых нами. Мы провели её на возвышенности, близ того места, где когда-то находилась маленькая деревушка Ивашково, от которой не осталось теперь ни одного дома. К довершению несчастья, поднялся сильный ветер; лишённые огня, мы прижались друг к другу и прикрылись всем, чем только можно было: платьем или кожами. Весь наш лагерь состоял из нескольких тесных групп, едва заметных в темноте.

Сегодня утром отступление продолжается. Ней должен прийти в Вязьму. Платов вновь пытается напасть на Даву, вследствие чего происходит только задержка движения войск, так как Даву при каждой такой попытке выстраивает своих солдат и не двигается до тех пор, пока не пропустит артиллерию и багаж.

Вскоре после полудня, когда багаж итальянской армии проходил близ деревни Царёво-Займище, в недалёком расстоянии, влево от пути, появился неприятельский авангард. Затем стала приближаться казачья бригада, желавшая завладеть обозами. Нельзя было выбрать более удачного момента. Масса отставших солдат, служащих, женщин и раненых шли вперемышку около повозок; тут были также пушки, лошади, которых вели под уздцы, фуры, всё это двигалось так, как будто было в полной безопасности.

Возницы, служители, маркитанты пустились в бегство по полю в направлении уже прошедших колонн, толкая друг друга, падая и увлекая за собой несчастных раненых, которых они перевозили. Самые храбрые сдвинули свои повозки и засели за ними, решившись защищаться в ожидании помощи, и хорошо поступили, так как генерал Галимберти, командующий дивизией Пино, тотчас же повернул сюда 2-й батальон лёгкой кавалерии, построенной в каре. Он быстро приблизился к ним. При виде его, казаки и вся неприятельская кавалерия быстро ретировались, успевши только ранить кое-кого из возниц и разграбить несколько фургонов. Что касается нас, т.е. королевской гвардии, то хотя мы и часто видим гарцующих вокруг нас татар, но нам дан приказ не ускорять нашего движения. Наконец, мы останавливаемся в лесу, близ Величева.

Там под разными предложениями некоторые из солдат уходят из строя, чтобы ответить дерзостью на дерзость, чтобы в свою очередь подразнить и подзадорить противников. Затем вице-король, остававшийся за всё время движения в хвосте колонны, чтобы поддерживать Даву, располагается лагерем среди нас. Даву прошёл Гжатск и достиг Царёва-Займища.

Фёдоровское, 2-го ноября. Движение продолжается отдельными корпусами, которые находятся на расстоянии нескольких вёрст друг от друга. Таким образом, при помощи всевозможных усилий и терпя всяческие лишения, мы остановились всего в восьми верстах от Вязьмы, хотя приказ императора на этот день был: прийти в Вязьму и соединиться с Неем, избегая битвы. Вице-король предложил Даву, следовавшему за ним в расстоянии полумили, двинуться далее. Но тот ответил, что его войска слишком утомлены, чтобы опять пускаться в путь. Холод становился всё сильнее, хотя погода продолжает быть ясной, и солнце не перестаёт ещё греть.

Положение армии становится довольно печальным. Нужны вся отвага, нужна вся выдержка, чтобы его переносить; только стойкость и влияние главных начальников и офицеров мешает нашим ежедневным потерям разрастаться в ужасающих размерах. Армии нужно собрать все свои нравственные силы, чтобы не погибнуть под тяжестью физических страданий, доставляемых нам резким климатом, переходом по пустынной местности и непривычной для нас температурой. Прошло только семь дней с тех пор, как мы покинули Малоярославец, а наши потери уже очень значительны.

Ни соломинки нельзя найти на полях и в деревнях; лошади выбились из сил, и теперь ясно, что им не вынести тяжести безостановочного передвижения. К этому надо ещё прибавить бесчисленные затруднения, с которыми нам приходится бороться: подмёрзшие дороги, испорченные броды, разрушенные мосты, болота, гололедица, одним словом, препятствия, преодолеть которые не в силах истощённые люди и лошади.

Сперва легко заменяли лошадей, падавших в артиллерийских обозах и повозках, на которых лежат больные и раненые, лошадьми, освободившимися в большом количестве после сожжения багажа, или теми, на которых ехали маркитанты, или даже взятыми из кавалерии; но теперь все приведены в одинаковую негодность. Их впрягают по двенадцати, пятнадцати в пушку. Малейший подъём является непреодолимым препятствием для несчастных животных.

В Верее в первый раз взорвано было несколько зарядных ящиков, в Колоцком монастыре в первый раз разбили и бросили пушки. Каждый день что-нибудь приходится бросать, чтобы спасти хоть часть артиллерии.

Положение людей столь же мало утешительно. У кого нет повозок, у тех провизия уже истощилась. Мы проходим по местности, совершенно

опустошённой вёрст на пятнадцать, на двадцать по обе стороны дороги, по которой уже прошли две многочисленные армии, не считая всех отрядов, за ними следовавших. Таким образом, солдат должен значительно углубиться в сторону, если хочет отыскать какое-либо пропитание для себя и для своих лошадей (20).

Слева русская армия; справа многочисленные сотни казаков; всюду вооружённые крестьяне местных деревень. Конечно, отряды регулярных войск легко бы справились с этими последними, но быстрота движения, опасность отделить ещё людей от и без того уже слишком уменьшившихся корпусов, невозможность остановиться, страх быть обойдёнными русскими, заставляет армию довольствоваться тем, что они находят на дороге. Увы, на их долю приходится только мясо лошадей, павших от голода, усталости и истощения.

Кто не желает довольствоваться этой пищей, те уходят от войск в глубь страны и редко возвращаются.

С пренебрежением смотрят теперь на драгоценные камни и вещи, на кожи или меха, которыми можно покрываться, и пища в каком бы то ни было виде, не имеют цены.

Страшные биваки! Ужасные ночи!

В виду загромождённости дороги, движение ещё более замедляется, а холода становятся всё сильнее и сильнее. Очень много людей больных, раненых или слишком слабых для того, чтобы следовать за войском, начинают отставать. Сперва они бросали свои мешки, потом оружие, в надежде что им будет легче идти, и что они смогут не отставать от своих частей; идя вперемешку, в беспорядке, они ещё не хотят поддаваться, и в отчаянии делают сверхчеловеческие усилия, чтобы не терять из виду арьергард, но в конце концов падают... Бог знает, какова будет их участь!

Подле Вязьмы, 3 ноября. Ночь со 2-го на 3-е ноября — ночь самая ужасная из всех!

Предупреждённый о приближении неприятеля (21), вице-король отправил обозы ночью. Мы снимаемся до рассвета и двигаемся по направлению к Вязьме; корпус Понятовского нам предшествует; в восемь ча-

(20) Только императорская гвардия наделена была при раздачах в Гжатске и Вязьме достаточным количеством водки и муки. Что касается больных и раненых, лежавших в повозках, то вот что говорит о них автор в одном из примечаний к своим запискам: «Участь этих несчастных была поистине ужасна, и мне во время этого отступления пришлось убедиться в их действительно героической покорности судьбе. Они лишены медицинской помощи, размещены в повозках без соломы, без сна, без одеял, ничем не защищены от холода на эти бесконечно-долгие ночи. Увы, тщетно взывают они к нашему милосердию. И как в самом деле помочь им, когда нас преследует мысль, что та же участь грозит нам самим каждую минуту. Как признательна должна быть тебе вся королевская гвардия, человеколюбивый Филипп! (Филипп — главный хирург королевской гвардии). Как много из нас, — и первый я, — обязаны тебе жизнью!»

(21) Генерал Милорадович, желавший опередить французский арьергард на пути к Вязьме и действительно двинувшийся в эту ночь.

сов мы проходим деревню Максимово; Даву следует за нами, но на некотором расстоянии.

Вдруг значительный отряд казаков вылетает на большую дорогу и мгновенно отрезает нас от корпуса Понятовского; королевская гвардия, находящаяся сегодня в авангарде, немедленно их рассеивает; но в то же время кавалерия неприятельского авангарда атакует левый фланг наших последних колонн и старается отрезать им дорогу. Гвардия выстраивается тогда колонной, идёт на неприятеля в штыки и освобождает наших товарищей.

Между тем, позади дело обстоит не так благополучно. Даву, который ещё не прошёл Фёдоровского, был атакован значительными силами. Вице-король, уведомлённый об опасности, которая ему угрожает, заставляет наши колонны отступить, собирает их в отряд и спешно двигает их на помощь маршалу. Понятовский тоже возвращается и занимает позицию перед Вязмой, влево от дороги. Небольшое количество кавалерии, которым мы ещё располагаем, стоит вправо от поляков.

Вице-король, видя, какие силы русские выдвинули против Даву, чтобы отрезать его от нас, продолжает двигать назад свои дивизии до деревни Мясоедово и занимает высоты, стремясь зайти в тыл левому крылу Милорадовича. Артиллерия занимает позиции, и наши стрелки под прикрытием изгороди атакуют неприятельские ряды. В то же время главная часть корпуса Даву начинает действие, чтобы пробить себе дорогу.

Итальянские стрелки постепенно достигают русских центральных батарей и едва не овладевают ими. Подбегают неприятельские канониры и быстро их увозят. Вице-король отправляет тогда колонну пехоты через кусты в левый фланг русских. Вынужденные отражать нападение сзади, атакуемые со всех сторон, эти последние покидают свои позиции на дороге; сообщение между нами и Даву восстановлено.

Тем не менее, все единогласно стояли за то, чтобы отойти к Вязме. В то время как мы намечали этот план действий, канонада русских возобновляется и становится очень оживлённой. Мы храбро сопротивляемся, но корпус Даву, деморализованный усталостью и всякого рода лишениями, которые ему приходилось переносить со времени выхода из Малоярославца, уже не держит себя так блестяще, как за всё время кампании. Неприятель это замечает, становится отважнее и усиливает артиллерийский огонь. С нашей стороны дурное состояние наших лошадей задерживает движение артиллерии. Убеждённый в своём превосходстве, Милорадович делает ещё одно сильное нападение, стараясь охватить оба наши крыла. Но итальянские стрелки, баварцы и польские уланы (хотя лошади под уланами и были очень плохи) решительно устремляются на встречу русским и обращают их в бегство.

Наконец, главным образом, благодаря нашим кавалеристам, пехота достигает высот, защищающих Вязьму, и располагается на них в следующем порядке.

Итальянская армия, состоящая приблизительно из 13 000 человек, стоит перпендикулярно к почтовой дороге, причём большая её часть расположена по правую, а меньшая по левую сторону, образуя на левом фланге крюк, чтобы стоять лицом к лицу с казаками, которые нас окружают. Левое крыло Даву, дивизии которого могут выставить всего от 11 000 до 12 000 человек, соединяется с правым крылом итальянской армии. Правое крыло Даву доходит до Нея (приблизительно 6 000 человек), который выставил бригаду, чтобы поддержать первый корпус. Таким образом, боевая линия Даву образует очень острый угол с почтовой дорогой. 3 500 человек Понятовского и 3 000 оставшиеся от 1-го и 3-го кавалерийских корпусов занимают свои прежние места на второй линии.

Холод увеличивается, истощение солдат, ещё ничего не евших, таково, что многие падают в обморок; другие почти не в состоянии нести оружие, но тем не менее желают боя, чтобы согреться, а может быть надеются найти смерть, которая избавит их от этой долгой агонии. Среди командующих ими офицеров встречаются многие с рукой на перевязке или забинтованной головой. Одни ранены ещё под Москвой, другие под Малоярославцем. Все стараются поднять мужество у наиболее отчаявшихся из солдат.

Три французских корпусных командира, войска которых были в деле, стояли на возвышенности около королевской гвардии, вправо от почтовой дороги, и старались на этом пути сосредоточить свои действия; в это самое время русские колонны вдруг начали атаку. Стрельба вспыхнула по всей линии с необычайной силой. Наконец, в 5 часов вечера русские, утомлённые таким упорным сопротивлением, прекращают атаку, и наши войска продолжают отступление.

Ней составляет арьергард; город в огне, и русский генерал (Чоглоков) входит в него с барабанным боем и развевающимися знамёнами. Вязьма разделяет обе армии.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ. **Общее расстройство.**

Близ Вязьмы, 4-го ноября. Ней остался на берегу реки. Итальянская армия расположилась лагерем по левой стороне дороги, лицом к неприятелю. Топливо оказалось в изобилии, мы всю ночь поддерживали громадные костры. Палатка вице-короля была раскинута посреди полка

велитов. Они всеми силами старались высказать принцу свою радость, которая однако не была искренней и не соответствовала общему настроению. Другие отряды выстроились в порядке движения эшелонами в лесу, который пересекается почтовой дорогой. Вся ночь время от времени слышались пушечные выстрелы. Наконец, в пять часов пополудни, мы покидаем окрестности Вязьмы, чтобы направиться по почтовой дороге, которая ведёт в Новосёлки. Мы встречаем обоз больных и раненых. Несчастные, лишённые в продолжении нескольких дней всякой помощи, стояли в лесу. Проводники, которые нигде не могут достать корму лошадям, решились, наконец, всё бросить.

По пути к Дорогобужу, 5-го ноября. В половине второго ночи вице-король нашел нужным, прикрываясь темнотой, сделать отступление и опередить немного русских. Мы идём ощупью по боковой дороге, загромождённой повозками и артиллерией. Останавливаемся на каждом шагу. Слабость, как последствие всевозможных лишений, — наша ежедневная пища состоит из небольшой порции жареной конины, — и отсутствие отдыха, заставляют нас ещё сильнее чувствовать всю суровость погоды. Многие страдают от холода ещё больше, чем от голода, и выбывают из строя, чтобы погреться около какого-нибудь большого костра. Но когда настает время уходить, эти несчастные предпочитают попасть лучше в руки неприятеля, чем продолжать свой путь

Уже совсем рассвело, когда показалась деревня Поляново, близ которой протекает маленькая речка Осьма. Мост, построенный через неё, в неисправности и очень узок. Огромная толпа производит невообразимую толкотню, неслыханный беспорядок. Вице-король старается лично установить порядок при переправе.

Снег показался снова, хотя и не в большом количестве, а холод сделался ещё резче.

Сегодня мы располагаемся лагерем в большом селе, в котором осталось теперь только несколько уцелевших домов.

Дорогобуж, 6-го ноября. В эту ночь, с 5-го на 6-е, нам пришлось присутствовать при агонии одного из лучших наших товарищей, лейтенанта Бенде. Почти все офицеры велитов старательно ухаживали за ним, но напрасно. Укрывшись в каменном доме, который был без крыши, мы посреди развалин развели жалкий огонь. Около 11 часов Бенде, который с трудом дотащился сюда, позвал своего друга Раффалья и попросил придвинуть его ещё ближе к огню. «Я чувствую, что умираю, — сказал он ему едва слышным голосом, — хорошенько запомни мои последние слова, но ты не расслышишь, если не наклонишься ко мне ближе».

Затем в присутствии всех нас Бенде сделал словесно своё духовное завещание. Мы старались его ободрить. «Вы все отлично знаете, что мы не боимся смерти, — продолжал он. — Смерть покончит с моими страда-

ниями. Я жалею только о двух вещах ... что я не умер за свободу и независимость нашей Италии ... и что перед смертью я не мог взглянуть на мою семью. По воле Провидения этого не случилось ... Но сегодня вы мне заменяете её ... видеть вас, для меня утешение ... Умоляю вас, идите отдохнуть ... Вам предстоит перенести ещё много страданий ... Для этого надобны силы ... Меня же через час не станет ... Любите родину; небо, быть может, сподобит вас умереть в её защиту». Он улыбался, глядя на нас и пожимая руки Раффалья и Пьерони.

Эта смерть сильно подействовала на всех нас, так как это была первая кончина такого рода в нашем обществе офицеров. Поразило нас и то, что он умер в ту самую минуту, которую сам себе предсказал. Он сказал, что ему остался только один час жизни, и ещё раз стал требовать, чтобы мы шли спать. По прошествии 50 минут (Раффалья по его приказанию держал часы в руках) он спросил у своего друга который час. «Одиннадцать часов пятьдесят минут», — ответил тот. — «Итак, мне осталось ещё десять минут жизни, и страдания мои окончатся! — сказал он. — Подвиньте меня ещё немного к огню». И в назначенный момент он испустил последний вздох.

Новый враг появился, ещё более страшный, чем холод — это северный ветер. Небо сумрачно, снег падает хлопьями, гонимые стремительным ветром, они заволакивают всю армию. Мы уже ничего не видим кругом. Каждый прикрывается чем может. Неужели мы так и погибнем в неизвестности, без славы?

Заселье, 7 ноября. Ночь продолжалась 16 часов. Дует ледяной ветер. На рассвете мы перешли Днепр в Дорогобуже через наведённый там мост и направляемся на Витебск. Наше движение становится всё медленнее и тяжелее. То и дело встречаются умирающие от холоду и голоду; смешанные группы из офицеров и солдат стараются развести где-нибудь костёр, чтобы погреться, лошади измученные жаждой, проламывают лёд, чтобы достать хоть немного воды. Таков наш лагерь.

8 ноября. Двигаться дальше невозможно — так трудна дорога. В два дня мы потеряли 1 200 лошадей, на которых держались все наши надежды. Казаки то идут впереди нас, то за нами следуют, и мы больше не можем посылать ни отрядов, ни фуражировщиков, так как у нас осталось лишь небольшое количество всадников. Пушки перекликаются на ходу, и в этом плачевном обмене выстрелами, мы теряем значительно больше, так как неприятельская артиллерия на лёгких санках и движется свободно, запряжённая хорошими лошадьми, кованными железом.

Среди потерь, которые особенно нас огорчили, надо отметить смерть генерала Антуара, начальника нашей артиллерии; он пал на своём посту раненый вбок.

Никакого пропитания по дороге найти нельзя. Поэтому, увидев в да-

ли деревню, которая кажется уцелевшей, многие солдаты выходят из строя и, перестреливаясь с казаками, идут туда на удачу. Некоторые из наших были таким образом захвачены в плен, другим удалось купить немного ржаного хлеба, сухого и чёрствого.

Вице-король, почти совершенно лишённый кавалерии, не в состоянии теперь защищать те части, которые каждый день отрывались от нас, а пехоту он не хочет подвергать опасностям, связанным с подобного рода экскурсиями.

Приблизительно на расстоянии мили от реки Вопи, принц Евгений посылает вперёд инженерного генерала Пуатвена с солдатами инженерного отряда и сапёрами, чтобы навести мост для переправы армии.

Переправа через Воль, 9 ноября. На рассвете вице-король двинул войска. Но каково было наше изумление, когда, достигнув берегов реки, мы очутились перед препятствием, которое в это время года и для людей, столь ослабевших и изнурённых, как мы, кажется непреодолимым.

Воль, на которую мы смотрели как на ручей во время нашей первой переправы, превратилась в реку, протекающую по тинистому дну, между крутыми берегами. Понтонёры, несмотря на отсутствие необходимых инструментов, полузамёрзшие, пытались навести мост; но он оказался недостаточно крепким, чтобы выдержать движение войска; поэтому ночью, все было снесено в одно мгновение. Отчаявшись, рабочие не хотят больше приниматься за дело.

Остальные, больные, раненые, которые идут впереди колонны, останавливаются на берегу Вопи, не будучи в состоянии идти дальше. Семьдесят пушек с артиллерийскими фурами и всякого рода поклажа ещё усиливают загромождение, и наконец, хвост колонны стоит на две мили позади. Люди там стоят, точно прикованные к своему месту, без огня, среди снежной бури, при 20 градусах ниже нуля по Цельсию.

Вскоре все теряют терпение, и каждому хочется взглянуть на то, что происходит. Многие оставляют ряды, кидаются вправо и влево, чтобы отыскать брод. Однако, при виде поднявшейся от снегов воды, при виде торчащих оттуда острых льдин и при мысли, что придётся окунуться в ледяную воду при таком невыносимом холоде, подошедшие начинают колебаться. С часу на час опасность растёт: положение становится отчаянным. Платов, догадавшись о нашем бедственном положении, не замедлил открыть усиленный огонь по нашему арьергарду. Казаки, воодушевлённые надеждой на богатую добычу, набрасываются на нас со всех сторон. Служащие при администрации женщины, больные раненые, отсталые, гонимые артиллерийским огнём, обезумев, бросаются к берегам реки, но не осмеливаются, однако, через неё переправляться. Вице-король видит, что ему надо немедленно принять какое-нибудь решение. Некоторые солдаты выведе-

ны из терпения дерзостью казаков и не будучи в силах выносить более такое промедление, группируются в отряд и начинают стрелять в них. Приятель, ободрённый превосходством своей артиллерии, открывает по ним страшный огонь. Принц посылает отряд для поддержки своих.

Тем временем надо переходить реку в брод. Вице-король приказывает королевский гвардии показать пример.

Тогда раненый генерал Пино верхом на лошади, полковник Дель-Фанте и генерал Теодор Лекки обратились к гренадёрским велитам, которые стояли взводами во главе каждой колонны и в тоске ожидали приказаний. «Спасёмте армию! Вперёд, за нами!» — воскликнули они. Для этих юношей было достаточно такого побуждения. Поразительная вещь! В минуту такой невзгоды слава и любовь к родине пробудила их силы. Велиты отвечают криками: «Да здравствует Италия!» Барабаны бьют атаку, и королевская гвардия, а следом за ней и другие полки, бросаются в реку. Люди погружаются по плечи в воду и пробивают лёд на своём пути. Многие вязнут в тине и пропадают, у других от холода стынет кровь. Иные делают нечеловеческие усилия, чтобы двинуться вперёд, но промокшая одежда, ранец и оружие, которые они не хотят бросать, скоро становятся для них непосильною тяжестью, и они погибают. Остальные, более счастливые, достигают противоположного берега, но тут представляются новые затруднения. Ноги скользят по обледенелому берегу; люди скатываются друг на друга, некоторые вновь падают в реку. Наконец те, которые достигли своей цели, промокшие и продрогшие, воодушевлены одним желанием помогать друг другу, они протягивают товарищам, которые идут за ними руки и оружие. Невозможно описать ни состояния войска после этого перехода, ни перенесённых физических мучений, ни страданий, причинённых этим ледяным купанием.

Вице-король, вместе со своим штабом переправляется через реку после гвардии. Тем не менее, наиболее слабые и наиболее робкие остались ещё на том берегу. Вице-король усиленно требовал артиллерию. Но уже при спуске орудий уже начались затруднения. Несчастные сапёры и смелые канониры всячески старались исправить дорогу, которая каждую минуту вновь покрывалась льдом. Неустрашимый и неутомимый полковник Милло, один из тех людей, которые действительно выдаются по своей энергии и капитан сапёров Ферари показывали пример своим людям; стоя в воде, они работали сами и ободряли других. Первые пушки были переправлены; но воля ежеминутно прибавлялась, брод углублялся под тяжестью колёс и от усилий канониров. Одна повозка увязла, другая также, и все остановилось. В короткий срок весь переход был загромождён опрокинутыми повозками. Кто хотел воспользовался остатками моста, чтобы не влезать в воду, всё же были туда сброшены.

Надвигалась ночь, и оставаться в таком положении было невозмож-

но. Мороз всё увеличивался, и пушечные выстрелы казаков делались всё ближе и ближе. Вице-король был принуждён в конце-концов бросить всю артиллерию и все повозки, которые не были переправлены. Как только это, вызванное жестокой необходимостью, распоряжение сделалось известным, на берегах Вои открылось зрелище, не виданное в летописях военной истории. У кого были ещё повозки, и кто вынужден был теперь бросить их, те поспешно стали навьючивать на лошадей наиболее ценные вещи и припасы. Как только окончилась эта переборка вещей, толпа отсталых кинулась к повозкам, выбирая наиболее роскошные экипажи. Они разбивали, ломали всё, что ни попадалось им под руку, вымещая, должно быть, этим на богатых и имевших излишек свою нищету и свои лишения. Казаки, сдерживаемые горстью солдат, скачут вокруг и наблюдают, но не смеют приблизиться. Между тем жадная толпа кидается скорее на съестные припасы, чем на богатства. Ценные картины, вышитые одежды, серебряные канделябры валялись разбросанными, и никто не обращал на них внимание.

Храбрые канониры и сапёры пытаются сделать последнюю попытку спасти орудия, но затем в отчаянии, принимают их разбивать, а порох пускают по ветру. Другие посыпают им дорогу к артиллерийским повозкам, которые находятся позади обоза. Они ждут, не решаться ли самые смелые из казаков приблизиться. И когда они видят, что уже число казаков, собравшихся вокруг добычи значительно, они кидают на этот порох бивачные огни. Огонь, с быстротою молнии пробегает по проложенной дорожке, зарядные ящики взрываются, гранаты лопаются, и уцелевшие казаки в ужасе стараются спастись.

Эти повторяющиеся взрывы, внезапные вспышки огня, густой дым, который после них остаётся, горе женщин, которые нас сопровождают, отчаяние больных и раненых, предчувствующих ожидавшую их судьбу — вот картина, которая раскрывается на левом берегу Вои (22).

По воде плывут бранные останки многих храбрецов, а также трупы лошадей.

Вице-король видел, что солдаты погибали и после переправы через Воль и дал приказ королевской гвардии, а также 1-й и 3-й дивизии остановиться около нескольких домов, стоящих невдалеке. Эти дома вскоре подождгли, чтобы близ огня могли согреться и обсохнуть. На левом берегу оставалась только 2-я дивизия, которая должна была задерживать казаков, чтобы дать время перейти брод всем, кто только мог (23).

(22) Атаман Платов стеснил корпус Евгения на реке Воль при селе Ярцево, ... в течении 26 и 27 окт. взял 64 пушки. (Руск. Инвалид №242 1912 г.)

(23) Накануне вечером вице-король отправил в главный штаб две депеши, чтобы известить его о нашем критическом положении. Но прикомандированный к его штабу офицер, лейтенант Терца, которому вручены были депеши, был окружен казаками и после тщетного сопротивления взят ими в плен.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ. От берегов Вои к Смоленску.

Духовщина, 10 ноября. Промокшие до костей, без всякой помощи, лишённые какой бы то ни было пищи, наши войска провели ночь вокруг костров, среди снега. Вся ночь не переставая раздавались крики и проклятия тех, которые старались перейти реку и обрывались с крутых берегов, или исчезали подо льдом, а также стоны раненых и отсталых. Какая ужасная вещь эти ночные биваки при таком климате! Несчастные солдаты напрасно ищут покоя: боль, страдания от холода, мокрые одежды, голод, чрезвычайная слабость, ужасные сцены, которые происходят вокруг их — всё разгоняет сон, в котором они так нуждаются. А что будет завтра? Ни кавалерии, ни артиллерии, даже обуви почти нет. Отдать оружие! Нет, лучше умереть! Люди сидят на своих мешках, поставив локти на колени и опершись лбом на руки, и выходят из своего оцепенения только для того, чтобы посмотреть на небо, не приближается ли день, чтобы пуститься опять в путь и ходьбой согреть заокоченевшие члены.

Наконец-то рассвет! 2-ая дивизия, стоявшая лагерем на противоположном берегу, переходит место, заваленное обломками, остатками, которые побросали там накануне, и которые станут добычей казаков; но, не обращая на них внимание, дивизия переходит вброд реку и образует арьергард.

Мы продолжаем наш путь. 2-ая дивизия сделала достойное дело, сумев в течение 20 часов, среди стольких лишений и ввиду такого количества добычи, сдерживать не только дерзость, но и алчность казаков. 58 заклёпанных пушек с их фурами, и большая часть багажа, всё это без упрежних лошадей, осталось на левом берегу.

Как только двинулись сейчас же стали перестраивать полки; голод, холод, слабость — всё против этого. Тем не менее удаётся организовать, в общем 2 600 человек очень слабых, но вооружённых и решившихся на всё, чтобы только не сдаваться.

Вице-король, чтобы не было беспорядка, собрал нескольких уцелевших кавалеристов и поручил им группировать отсталых всех родов оружия, следующих за нами. Но эти, последние едва увидят какой-нибудь не разрушенный дом, как все кидаются к нему.

Сегодня, к несчастью, они попадают впросак. Деревня, куда они направились, была занята русским отрядом генерала Иловайского, который шёл немного впереди корпуса Винцингероде. Неожиданно атакованные, эти несчастные пустились бежать и бросились на голову колонны. Велитам кавалерии, шедшим впереди, пришлось проявить всю свою стойкость, чтобы не дать нарушить порядок нашего движения и не

навести панику на всю армию. Офицеры ударами сабель, солдаты прикладами принудили их разместиться вдоль багальонов.

Вице-король, как всегда — на своём посту. Он быстро отдаёт приказ гвардии построиться полками в карре, в эшелоны и в этом порядке двинуться на врага.

Чтобы атаковать, надо было перейти глубокий овраг по мосту, наполовину разрушенному. Для восстановления его не брезгует работать и сам принц. Он остался на этом месте, чтобы регулировать движение своего корпуса и нескольких экипажей, следующих за нами. Тогда мы заметили многочисленную неприятельскую конницу, рассыпанную по равнине. Гвардия атакует его с большим подъёмом, неприятельская кавалерия пускается в бегство, и мы занимаем местность, не потеряв урона.

Там мы узнали, что ни один полк не проходил здесь раньше нас, кроме кавалерии Груши и Дивизии Пино. Поэтому, деревня почти не тронута. Жители убежали при нашем приближении, оставив немного скудной провизии, которую мы с жадностью захватываем. Но особенно ценным было для нас то, что мы могли изготовить себе кушанье под крышей, в закрытых домах, где мы могли приютиться от страшного холода и северного ветра.

Пока мы пользовались этим пристанищем, принц обдумывал, каким образом нам выйти из затруднительного положения. Продолжать своё длинное отступление на Витебск — значило подвергнуть свой изолированный корпус верной гибели, тем более, что он был лишен большей части артиллерии, и почти всей кавалерии, а при таких условиях становилось невозможно бороться с многочисленными казачьими отрядами, окружавшими нас со всех сторон. Он только что послал одного поляка, наряженного крестьянином, чтобы узнать, что делается в стороне к Витебску и что там говорится о других армиях.

11 ноября. Мы проводим день почти спокойно и в хороших жилищах. Мы пользуемся этим, чтобы немного привести в порядок полки. Спокойствие, которым мы сегодня наслаждаемся, кажется нам чем-то чудесным.

12 ноября. Увы! Ему не суждено было продолжаться. Действительно, пока мы вчера вечером спокойно спали, наши передовые посты были окружены со всех сторон. Одни, захвачены врасплох, сдались; другие защищались, и их выстрелы призвали нас к оружию.

Посты велитов, размещённые слишком далеко от места, на протяжении двух дорог — на Смоленск и на Киселёво, — оказались окружёнными. Они отчаянно боролись, отказываясь от всех условий сдачи.

Полковой адъютант велитов де-Ложье (т.е. автор) был сейчас же послан полковником узнать о численности неприятеля, собрать посты и

вернуть их в деревню. Под прикрытием ночной темноты этот офицер мог выполнить полученный приказ.

Один только маленький пост под командой капрала Гверрини не отзывался до конца. Атакованный раньше всех и окружённый казаками, он едва успел кинуться к оружию. Напрасно ему обещали жизнь за прекращение стрельбы. Этот мрачный герой сейчас же сообразил, что это будет гибелью для своих, и верный своему долгу, этот новый рыцарь д'Асса решительно воскликнул: «Велиты, пли! Иначе погибнут товарищи!»

Это послужило к нашему спасению и к их смерти.

Между тем казаки не рискнули ночью двинуться дальше и скрылись. Между тем, поляк разведчик вернулся, сообщив, что Витебск с 6-го ноября занят Виттенштейном. Принц сейчас же решил двинуться на Смоленск. Полки, поспешно выходят из домов, не успели потушить огней в печах и вытащить оттуда те немногие хлебы, которые там пеклись.

В результате вспыхнуло несколько пожаров, уничтоживших скудные припасы, которые мы там нашли. Хотя мы и привыкли уже к подобным зрелищам, но всё же не могли оторвать взоров от ужасной и великолепной картины леса, покрытого снегом и друг осветившегося во мраке потоками пламени. Все деревья, подёрнутые инеем, казались разноцветными призмами, а ветви елей, похожие на ветки плакучих ив, сверкали, как бы покрытые бриллиантовой росой. Итак мы вступаем на смоленскую дорогу в очень тёмную ночь. Другие деревни, горящие вдали, кажутся северными сияниями. Вправо от нас идёт дорога в Пологое, по которой мы, три месяца тому назад шли в гораздо большем числе, чем теперь.

Снег, покрывающий поля, почти засыпал деревни, которые издали сле виднеются чёрными точками на белом покрове. В пять часов вечера мы приходим в Владимирово; вице-король располагается в усадьбе, где он уже останавливался раньше.

Казаки постоянно следуют за нашим арьергардом, состоящим из 1-ой и 2-ой дивизии, соединённых в одну, под начальством генерала Бруссье. Мысль о приближении к Смоленску заставляет нас ускорить шаги; быть может, там мы найдём изобилие припасов и отдых. Говорят, что генерал Виктор ожидает нас там с продовольствием, хорошими квартирами, приготовленными для нас, что там есть всё необходимое для поправления нашего здоровья и восстановления сил.

13 ноября. Сегодня утром, пускаясь в путь, мы говорили друг другу: «Вот, наконец, предел наших бедствий; сегодня вечером кончатся наши страдания; благодаря нашей храбрости и нашей выносливости, это роковое отступление будет закончено». Лица стали веселее, настроение — спокойнее. Увы! Боюсь, что наши несчастья станут такими же необычайными, какими были наши победы.

Дойдя до возвышенности Стабны, где дорога из Духовщины разветвляется на смоленскую и витебскую, мы вдруг оказались у подножия ледяной горы. Люди и лошади тщетно пытаются перейти через неё: они скатываются друг на друга. Счастливы те, которые, благодаря своей бодрости, благодаря своему упорству могут добраться до верху, опираясь и руками и ногами. Особенно тяжело положение везущих фуры, орудия и повозки: каждую минуту разыгрываются самые плачевные сцены, когда несчастные возницы напрягают все старания, чтобы как можно скорее провести свои повозки, запряжённые выбившимися из сил лошадьми.

Авангард вскоре останавливается и занимает позицию на холме подле небольшой часовни, поджидая, пока остальные части покончат со всеми затруднениями и присоединятся к нему. А тем временем казаки, догадываясь, без сомнения, о наших новых невзгодах и рассчитывая, что теперь легко навести на нас панику, собираются атаковать наш арьергард, оставшийся у подножия холма. Мы возможно скорее удаляемся, и казаки могут захватить только половину нашей артиллерии, брошенный багаж, лошадиные трупы, да ещё там и сям нескольких несчастных солдат, опрокинутых и полузадавленных колёсами орудий и фур.

Выносливость, смелость, самолюбие войск, пример, который подаёт принц Евгений и его офицеры — только это и способно побороть чувства безнадежности и отчаяния, и поддерживать дисциплину.

Один из гренадёр королевской гвардии упал в полном бессилии. Этот храбрец не желал, как и многие другие, умолять о помощи и смотрел стоически на приближающуюся смерть. Товарищи подбежали к нему, чтобы его поднять, но наш ветеран собирает тогда свои последние силы и говорит одному из них: «Твои заботы — бесполезны. Но если хочешь мне удружить, то сделай мне удовольствие, передай капитану мой итальянский знак отличия. Я заслужил его под Аустерлицем, сражаясь против них, и я не хочу, чтобы он попал в их руки». И едва кончил он своё славное завешание, как испустил последний вздох на руках у своих друзей.

В кожаном мешочке, висевшем у меня на шее, я храню уже пять таких знаков отличия, принадлежавших велитам, и генерал Теодор Лекки, с своей стороны, сохраняет те из них, которые доставлены ему таким же способом. Да, каждый итальянский солдат, награждённый Железной Коронай счёл бы себя глубоко несчастным, если бы перед смертью не попросил кого-нибудь из офицеров или из своих товарищей об этом небольшом одолжении.

Две мили только отделяют нас от столь желанного Смоленска; сердце в нас бьётся от радости, мы тихо благодарим Провидение и с признательностью обращаем к небу наши взоры: наконец-то мы находим защиту от непогоды, обретаем пристань. Кровь сильнее движется в наших жилах, наш пыл удесятряется, мы почти не чувствуем страшного холода.

Нам остаётся час пути до Смоленска. Но приходится стоять на месте, выстроившись в колонну на главной дороге, чтобы прикрывать движение второй дивизии. Платов, раздражённый тем, что от него ускользает добыча, удваивает быстроту своего преследования. Со всех сторон многочисленные отряды надвигаются на нас. Мы должны поэтому идти медленно, должны быть готовыми к внезапной атаке и время от времени нам приходится останавливаться и поворачиваться лицом к неприятелю. Наконец, на вершине, господствующей над городом, мы решительно поворачиваемся лицом к неприятелю и оспариваем у него каждую пядь земли. Неприятель со всей яростью обрушивается тогда на отсталых, на повозки и на арьергард.

Вице-король вступает в Смоленск со всем своим штабом, чтобы дать императору отчёт в своих действиях. Генерал Брюссье подвигается с арьергардом вправо, в небольшом расстоянии от главного пути. В это время неприятель пробует выбить нас с нашей позиции, старается разгромить нас своей артиллерией, которая, однако, в общем причиняет нам меньше зла, чем леденящий ветер. С минуты на минуту мы ждём прибытия войск Виктора, которые должны выйти из Смоленска, чтобы заменить нас; мы удивляемся, что они медлят и по прежнему остаёмся в полном неведении относительно событий, совершившихся позади нас в то время, когда мы стояли в Москве.

Поэтому даже заряды, разрывающиеся у наших ног, не могли так подействовать на нас, как глубоко поразившее нас неожиданное известие, что 9-й корпус, т.е. Виктор с 30 000-ным уцелевшим отрядом, на который мы возлагали все наши заветные мечты, отправлен на встречу Витгенштейну. Мы узнали, что Витгенштейн, изгнавши Сен-Сира из Полоцка, угрожал теперь тылу нашей армии; мы узнали, что войска, вступившие в Смоленск 9-го числа, успели взять себе и истребить весь провиант, который был сложен. Мы узнали далее, что генерал Бараге д'Ильер потерял одну из своих бригад, взятую в плен казаками, т.е. половину сил, которыми можно располагать в Смоленске. Мы раздавлены такими новостями, и в отчаянии не хотим им верить. Несколько человек покидают тогда ряды, так как не в силах более выносить отчаянной обстановки, в какой мы очутились; они спускаются в Смоленск, рассчитывая найти там какое-нибудь пристанище и желая сами удостовериться в положении дел. Вскоре они возвращаются, чтобы подтвердить нам справедливость этих ужасных известий и сказать ещё, что смоленский гарнизон вынужден питаться мясом лошадей, павших после стольких путевых лишений.

Император, однако, приказывает раздать нам пищевые припасы — наделить нас порциями муки, риса и сухарей. Но в этот момент новая ужасная сцена разыгрывается на наших глазах. Часть солдат, принадле-

жаших к арьегарду, значительное число прислужников и отсталые, решили присоединиться к нам, чтобы вместе с нами спуститься к Смоленску. Израненные, окровавленные, преследуемые казаками, они с воем подбегали к нам и умоляли о помощи. Весь путь покрывается этими несчастными; они представляют собою самую жалкую картину, особенно в тот момент, когда спускаются с горы, где не чувствуют себя в безопасности. Но спуск настолько крут, а покрывающий его лёд делает его таким опасным, что все эти несчастные, которые и без того едва держатся на ногах, свергаются по покатости прямо вниз, и большинство их гибнет, образуя целое озеро крови, и испускают последний вздох под стенами, бывшими злосчастливым предметом их пламенных стремлений. Несколько кавалерийских офицеров и драгуны гвардии, ещё составляющие свиту принца, не могут сдержаться при виде этого зрелища и пускаются на своих плохоньких лошадях против казаков. К счастью для них, генерал Лекки выдвигает пехоту гвардии вдоль дороги, по которой двигались бежавшие от русских. Движение Лекки приводит неприятеля в бегство и спасает известное число этих жалких людей, совсем уже ставших добычей казаков. Но эти последние при нашем приближении сейчас же их оставили.

В ту же минуту к генералу Бруссье является офицер и от имени принца обещает ему что подкрепление придёт скоро. Вместе с тем Бруссье передаётся приказ удерживаться на позиции до появления новых войск. Генерал размещает тогда обе свои злополучные дивизии в деревне, стоящей позади небольшого леса; в качестве защиты служит им усадьба, окружность которой обрамлена изгородью. Таким образом этот доблестный генерал увеличивает свои оборонительные средства и с благородной покорностью ожидает решения судьбы.

Нам пришлось до поздней ночи оставаться на назначенной нам позиции. И несмотря на столько ударов, обрушившихся на нас, чувство чести и дисциплина по прежнему сохраняют свою власть. Представьте только себе наших солдат, которые с полной невозмутимостью держатся на обледенелой почве, представьте себе, что они стоят на возвышенности, открытой бешеным порывам ветра при 29 градусах холода; они без припасов; у них нет одежды, перед ними только одно — лучше умереть от холода, чем покинуть своё знамя. Пусть же слава покроет этих славных воителей, которые заснут здесь вечным сном!

Однако ночь положила конец предпринятой казаками своеобразной охоте. Ищут биваков, и войска, за исключением сторожевых отрядов, идут устраиваться в первых попавшихся домах на высоте, которую мы занимаем.

Таким образом мы едва добрались до заветного города, как узнали, что он заполнен отсталыми, разграбившими съестные припасы, и те-

перь мы находимся под гнётом нужды, усталости, голода и холода, и осаждены врагами. И тем не менее, мы предпочитаем сражаться и погибнуть от неприятельского оружия или от суровости зимнего времени, чем покинуть пост, доверенный нашей чести. Разве это не такие характерные черты, которые Плутарх мог бы собрать, чтобы поведать о них потомству? И разве наши герои не черпают этих чувств, в примерах своих вождей, таких как превосходный генерал Лекки, как полковники Морони, Крови, Бонфанги, Бастида, Берретини, Саккини или другие brave офицеры, как Росси, Джакопетти, Ферретти, Айрольди, Феррари, Киези, Банки, Гвидотти, Раффалья, Бацци, Данези, Цукки, Баклер и многие другие, которых мне хотелось бы назвать, чтобы увековечить их память? Таковы же и французские офицеры, не менее достойные похвал. Они, сражаясь среди нас, гордятся нашей славой; и из них с особенным удовольствием я всегда буду вспоминать таких людей, как Жак, Клеман, Сюбервиль, Дальстейн, Блан Шардон, Жермен.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ. **Полная анархия.**

Смоленск, 14 ноября. Ночь прошла довольно спокойно, но с рассвета до нас, через каждые 5 минут, стали доноситься звуки пушечных выстрелов. Находившийся в Смоленске вице-король был уверен, что это тревожные сигналы генерала Бруссье; он немедленно вскочил на лошадь и в сопровождении своих адъютантов отправился в путь. Дивизия Пино, идя по дороге от Вопи к Смоленску, встретила войска русского генерала Грекова около Каменки; они находились на прекрасной позиции, защищённой двумя пушками. Полковник Баталья их атаковал, и, опрокидывая всё на своём пути, пришёл в Смоленск. Лишения и опасности, перенесённые остатками итальянской армии, не миновали также и солдат армии Пино, которая совершила свой путь, поистине, среди тучи врагов, тревоживших её со всех сторон.

Утром 14-го вице-король поднялся на нашу позицию. Возбравшись на возвышенность, принц Евгений стал во главе королевской гвардии и повёл её на неприятеля. Холод был такой, что 32 гренадёра упали, замёрзнув в строю, где они ждали приказа о выступлении. Вице-король не ошибся. Платов, до восхода солнца атаковал деревню, где укрепился Бруссье. Артиллерия Платова зажгла дома и Бруссье должен был оставить позицию. Он отступил с своим небольшим отрядом в полном порядке, но всё же оставался в крайне затруднительном положении. Наш

приход вернул мужество этим смельчакам и остановил горячность нападающих.

Глубокая рытвина препятствовала Брусье двигаться вперёд. Казаки поставили на возвышенности батарею, которая делала переход чрезвычайно опасным. Принц поставил сюда две пушки и гаубицу и послал 50, выглядевших скелетами, солдат из двух рот на атаку позиции. Эта горсть смельчаков, не обращая внимание на картечь и пики, вошла на высоты, как стая львов. Враг, напуганный такой отвагой, вскачь понёсся назад с своей артиллерией и отказался от намерения отрезать отступление Брусье. Повозки, войска, отсталые прошли на его глазах и спаслись от полной гибели, которую готовил им Платов.

Наконец, днём 14-го, королевская гвардия, к которой принадлежал и я, и спешенная кавалерия итальянской армии получают приказание спуститься к Смоленску. Дивизии Брусье и Пино остаются на позициях на возвышенности вдоль петербургской дороги.

В момент нашего вступления в Смоленск мы узнали, что император выехал отсюда сегодня утром, в восемь с половиной часов, в сопровождении старой гвардии, и предшествуемый, в расстоянии 3-х часов ходьбы, молодой гвардией.

С 9-го ноября — день его прихода в Смоленск, — император старался, насколько это было возможно, реорганизовать свою армию; он соединил в один корпус, под командой Латур-Мобура, остатки кавалерии; роздал ружья тем солдатам, у которых их уже не было; каждый поясной патронташ снабжён 50 патронами; переносные мельницы были распределены между различными корпусами. Большая часть раненых и больных, которых всего было здесь 3 678 человек, была эвакуирована из Смоленска в Оршу; в отделившиеся отряды были отправлены приказы и инструкции, велено было правильно распределить находившийся в магазинах города провиант по всем войскам, стоящим под оружием. Императорская гвардия при этом распределении должна была получить запасов на 15 дней; остальные части — на 6. Раздача началась с гвардии, в первый же день её прихода, но она замедлилась, и тем замедлила раздачу прочим войскам.

Отсталые, которых отчасти жадность, отчасти необходимость побудили снова вступить в ряды войск, получают теперь несколько горстей ржаной муки, овощей и немного водки. Этим они остаются неудовлетворёнными, и снова уходят и живут тем, что нападают на нестроевых людей, которые возвращаются с полученным провиантом к своим полкам.

Только благодаря бдительности офицеров и дисциплине императорской гвардии, удаётся улаживать ссоры и успокаивать беспорядки, то и дело возникающие у дверей магазинов. Многие солдаты отказываются

разносить провиант по войскам, а если их заставляют, то они берут его, прячут и потом распределяют между собой.

Принц Евгений получил приказ удержать до вечера высоты новой части города; нам была обещана раздача провианта, и завтра мы должны следовать за гвардией, которая отправилась в путь сегодня утром; днём раньше её вышли Жюно, Зайончек, заменивший раненого при падении лошади Понятовского, и Клапаред, которому было поручено сопровождать гвардию, казну, трофеи и имущество главной квартиры.

К несчастью, после отъезда императора порядок сразу нарушился. Нам было очень трудно найти себе пристанище, и весь штаб, королевская гвардия и кавалерия 4-го корпуса, на эту ночь должны были довольствоваться несколькими домами, уцелевшими в предместье Красном, наполовину разрушенном огнём.

Прежде всего мы ищем съестных припасов. Мы рассыпаемся по улицам, чтобы их купить. Иногда у тех, кто имел неосторожность их показать, хотя бы и не желая продавать, запасы вырываются из рук. Офицеры и солдаты идут вперемешку, одетые самым странным и необычайным образом, вступают друг с другом в драку и едят посреди дороги! Увы! Наши физиономии, похудевшие и почерневшие от дыма, наши разорванные одежды, изношенные и грязные, плохо соответствовали тому воинственному и величественному виду, который мы являли собой три месяца назад, проходя через этот самый город.

Нам была обещана раздача провианта, но долгие формальности, которые надо было выполнить, утомляли изголодавшихся солдат. Волнения возобновляются, идёт какая-то путаница, и от всего этого беспорядка страдают прежде всего сами солдаты.

Больные и раненые, оставшиеся в покинутых среди улицы повозках, не находят пристанища ни в домах, ни в госпиталях, которые уже переполнены. Эти несчастные не в силах были перенести холода и теперь умирают в ужасных мучениях.

В конце концов, отдых, который мы должны были найти в этом зловещем Смоленске, не говоря уже о его мимолётности, оказался отдыхом только кажущимся. Многие из нас здесь растеряли остатки своего увлечения, которое ещё поддерживало в них надежду. На нас напали ужасные сомнения, и всё нас окружающее, только подкрепляет наши подозрения. И тем не менее, мы решили всё превозмочь во что бы то ни стало, смотрим на всё с оттенком безразличия; мы негодуем только на судьбу, но и тут делаем вид, будто сохраняем полное бесстрашие.

Вечером слышим страшный шум, и скорее бросаемся к дверям наших домов. Это, оказывается, отряды, оставленные на высотах; их заменил корпус Нея, и они теперь ищут убежища и стремятся хоть немного от-

дохнуть от невыразимых страданий. У многих из этих несчастных были отморожены ноги, руки, нос и уши; те, кто приближался к огню, скоро испытывали последствия своего неблагоразумия.

Мы только что принялись за пищу, добытую ценою стольких усилий, как многие из наших товарищей прибежали с криками: «Бежим скорее, грабят магазины!» Множество голодных людей, услышав, что другие части войск ушли или уходят и, боясь быть забытыми при раздаче, сломали, несмотря на стражу, двери и проникли в магазины, чтобы их разграбить. У всех тех, кто оттуда выходил одежда была полна мукой или проткнута ударами штыков. Одни сгибались под тяжестью мешков с мукой, которых они не могли нести; слишком слабые, должны были довольствоваться ящиком сухарей, порцией говядины, рисом, горошком или водкой.

Итак, это верно, что Смоленск был снабжён обильным и разнообразным провиантом; и здесь сказалась предусмотрительность императора. Неожиданное изобилие вызвало у нас улыбку удовлетворения. После нашего беспрестанного беспокойства об обеспечении себя пищей на завтрашний день, мы можем, наконец, рассчитывать на провиант в течении нескольких дней.

Мы понемногу восстанавливаем силы и мужество, и готовы идти навстречу новым приключениям. К несчастью; вид всего, нас окружающего, портит наше удовольствие и нагоняет на нас мрачные мысли; всюду только и видишь, что несчастных, лежащих на мёрзлой земле, в жестокой лихорадке или с отмороженными членами; все это умирающие, которые хотят повторить друзьям свои последние мысли.

Хотя в воздухе стало тише, чем в предыдущие дни, но холод не менее резок и смертелен для тех, кто не мог найти места, чтобы укрыться. Жестоким доказательством тому были громоздившиеся у порогов дверей трупы. Поковник Баталья, командующий почётным конвоем итальянского королевства, только что испустил свой последний вздох!

Смоленск, 15 ноября. Мы, генералы и офицера итальянской армии, ночью 14 и 15 ноября занимались тем, что собирали отсталых, вооружили их, возможно лучше одели, накормили, заставили их отдохнуть и подготавливали к походу сегодняшнего дня.

Несмотря на то, что таким образом сгруппировано было немного народу, всё же решено было этим новым отрядам дать наименование 1-й и 2-й дивизии. Только место генерала Гильемино, опять вступившего в обязанности начальника штаба, занял генерал Филиппон, который будет командовать второй дивизией. Мы соединили в одном помещении всех тех, кто не мог следовать за нами и должен был остаться в Смоленске. Мы достали им средств к существованию и, утром 15-го, для большей осторожности вице-король, который собирал провиант повсюду,

где только было возможно, приказал раздать его как отъезжающим, так и остающимся. Эта мудрая мера, к несчастью, затянула наш отъезд на добрый час.

Как описать разлуку, которая лишила нас наших товарищей и друзей? Они безнадежно жали нам руки, обнимали колена, рыдали кричали, они цеплялись за нас и умоляли не покидать их, найти средства к их передвижению: «Сжальтесь, — с плачем говорили они нам, — не бросайте нас в руки казаков! Если у вас есть хоть капля человеколюбия, не оставьте нас; избавьте нас от наблюдения за тем как шаг за шагом к нам будет приближаться смерть. Мы уже перешли через столько несчастий, через столько ужасных опасностей! И всё для того, чтобы стореть живыми, чтоб попасть на костёр, как только вы оставите нас, и они придут. Товарищи, друзья, сжальтесь, возьмите нас!»

А мы, чем могли мы доставить им какое-нибудь облегчение? Разве только несколькими словами утешения, поддержки. Мы удаемся с стеснённым сердцем. Тогда эти несчастные начинают кататься по земле, возбуждаясь точно одержимые; их стоны, их крики звучат в наших ушах добрую часть пути и мы забываем думать о них только перед новыми опасностями, которые уже охватывают нас со всех сторон.

При выходе из Смоленска, мы бросаем последний взор сострадания на трупы стольких храбрецов, которые лежат по улицам без погребения. Толпа отсталых и прислужников, которые следовали за нами из Москвы, ждали нас у ворот города. Многие из них едва могут подниматься сами, и с отчаянием указывают нам на казаков, которых можно было заметить на возвышенностях по правому берегу реки.

Что касается людей, способных сражаться, ты мы оставили в Смоленске около 8 000 человек первого корпуса, включая сюда и 2 565 солдат, которые здесь были найдены Даву, и 6 000 корпуса Нея, два полка гарнизона и обозы.

Путь продолжается в молчании; только слышны были удары лошадиных копыт, да короткая и частая брань проводников, когда они попадали на обмёрзший косогор, через который не могли перебраться. Сколько падало в изнеможении в таких случаях? А иногда, несмотря на деятельное усердие канониров, приходилось даже бросать повозки, зарядные ящики и пушки, У артиллерии гвардии сравнительно лучшие лошади, но и ей потребовалось 13 часов, чтобы пройти расстояние от Смоленска до Корытни, т.е. всего 5 миль.

Выехав поздно из Смоленска, подвигаясь медленно вперёд и с бесконечным числом проволочек, мы не могли в этот вечер пройти дальше Лубни, которая находится всего в трёх милях от Смоленска. Вся дорога загромождена зарядными ящиками, повозками, покинутыми пушками. Никому и в голову не приходит взорвать всё это, разрушить, разобрать,

сжечь (24). Тут и там умирающие лошади, всякого рода оружие, ящики без дна, опорожненные мешки указывают нам дорогу тех, кто шёл впереди нас. Мы видим деревья, у стволов которых пытались разводить огонь, и вокруг этих стволов, ставших надгробными памятниками, несчастные жертвы испустили дух после бесполезных усилий согреться. На каждом шагу многочисленные трупы; возчики пользуются ими, чтобы завалить рвы, колеи, чтобы выровнять дорогу. Сначала нас от этого бросало в озноб, затем мы привыкли. Всякий, у кого нет хороших лошадей и верных слуг, почти уверен, что не увидит своей родины.

Что меня касается, то достаточно было моей недолгой отлучки из своей колонны, чтобы я потерял свою провизию и маленький багаж (25).

Полковой командир и начальник батальона Бастида предписали мне оставаться в хвосте полка и следить за тем, чтобы никто из наших не отставал. Я почти всегда удачно справлялся с этой опасной и тяжёлой обязанностью, благодаря которой я был зрителем всех несчастий нашей колонны.

Я несколько задержался в Смоленске, чтобы позаботиться о судьбе несчастных велитов, которые там оставались, и чтобы торопить отсталых, и эти мои обязанности заставили меня на довольно продолжительное время отделиться от колонны. Верхом на усталой лошади я спешил потом её догнать; но моя лошадь, не подкованная железом, несколько раз падала. Я увидел казаков, показавшихся слева дороги и на высотах около Смоленска, и боялся стать их добычей.

При последнем падении моей лошади вся моя амуниция отвязалась. Я был в сильном возбуждении в виду опасности, которой я подвергался; мои руки коченели от холода и ноги замерзали во время вынужденной остановки. Наконец, приведя всё кое как в порядок, я, держа лошадь в поводу, бросился бежать, чтобы согреться. Лошадь скользила на каждом шагу, увлекая и меня за собой; раны на ногах, образовавшиеся вследствие слишком узкой обуви, открылись и увеличивали мои страдания. Наконец, я присоединился к колонне, выбившись окончательно из сил. Свою лошадь я поручил сапёру Маффеи с приказанием не удаляться от меня.

Потом, мало-помалу, он отстал, и я увидел его только через несколько дней, но без моей лошади и без багажа, который был на ней.

(24) На семнадцатой версте от Смоленска к Красному неприятель бросил 112 пушек. (Русск. Инвалид № 243 1912 г.)

(25) Быть может, дальнейшие непосредственно вылившиеся строки падут когда-нибудь на глаза Антуана Дальстейна, тоже капитана и полкового адъютанта велитов, моего товарища, и докажут ему благодарность, которую я храню за помощь, оказанную им мне и за его великодушные при этих ужасных обстоятельствах.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Горсть героев.

Лубня, 16 ноября. Терзаемый жестокой лихорадкой, мучимый острыми болями, под тяжестью стольких зол, я был почти не в силах двигаться. Когда какой-то человек, проходя вплотную около меня, толкнул меня, я свалился и во время падения мои раны дали живо себя почувствовать. Ошеломлённый толчком, вне себя от бешенства, и видя собственное бессилие, я остаюсь здесь и не имею возможности двигаться. Два отставших итальянских солдата меня подняли и прислонили к откосу направо от дороги. Я почувствовал тогда, как стыла моя кровь, я видел приближающуюся смерть и мало-помалу стал терять сознание.

Капитан и полкой адъютант Дальстейн (француз) не знаю зачем, но на моё счастье, принужден был остаться в хвосте колонны. Он увидел меня в этом плачевном состоянии, подбежал ко мне на помощь, привёл в чувство, ободрил, приподнял, почти насильно дал мне выпить водки и увез меня с собой. Поистине, жизнь очень часто бывает только бременем, но тот, кто среди невообразимых бедствий мог спасти её одному из своих ближних, достоин вечной признательности. Быть может, повторяю, до тебя, мой чудный и храбрый Дальстейн, дойдёт когда-нибудь это выражение моей признательности не за жизнь, которую ты мне сохранил, а за твой доблестный и великодушный поступок, какой ты способен был совершить. Ты узнаешь, что если ты доблестно служил в рядах итальянцев, то и они с своей стороны никогда не забудут добрых дел, где бы они их не встречали.

Итак, мы покинули Лубино до рассвета и всё утро шли, не встречая никаких препятствий. Принц Евгений, сопровождаемый своим штабом и ротами сапёров и гардемарин, ехал впереди войска. Отъехав на ? мили, он около 3 часов дня увидал перед собой группу отсталых и оторвавшихся от своих отрядов; они занимали дорогу на большом пространстве, атакуемые казаками.

Принц приказал генералу Гильемино, начальнику своего штаба, присоединить всех этих несчастных к отрядам сапёров и гардемарин, затем занять позицию в пересекавшем дорогу лесу, и там держаться.

Вдруг русский офицер, князь Кудашев, полковник и адъютант генерала Милорадовича, предшествуемый трубачём, возвещавшем о парламенте, приблизился к группе вице-короля. Он объявил, что император и его гвардия вчера были разбиты. «Двадцать тысяч русских, сопровождаемые всей армией Кутузова, окружают вас, — сказал он, — и вам ничего не остаётся лучшего, как сдаться на почётных условиях, которые предлагает вам Милорадович».

Уже несколько офицеров, желая скрыть вице-короля, чтоб он не был узнан, двинулись вперёд, и сами хотели ответить, но вице-король отстранил их: «Вернитесь скорее откуда пришли, — сказал он парламентёру, — и скажите тому, кто вас послал, что если у него 20 000 человек, то у нас 80 000!» И русский, который собственными глазами мог видеть всю слабость этой горсти непреклонных людей, удалился, изумлённый таким ответом.

Затем вице-король галопом догнал свой отряд, остановил его и обратился к нему с речью, в которой обрисовал опасность положения. И солдаты, которые за минуту до того чувствовали себя изнурёнными и подавленными, нашли в себе остатки прежней энергии; их лица озарились тем же светом, какой в былые времена предвещал победу. Все, у кого было ещё оружие, становятся в ряды, хотя многие из них изнурены лихорадкой и едва живы от холода. Вице-король развёртывает свои батальоны; они, правда, не представляют собой достаточно растянутой и глубокой линии, но всё же держаться они гордо и неустрашимо.

Пока Евгений приготавлился к сражению, Гильемино под прикрытием своих сапёров и итальянских гардемаринов, не взирая на жестокий артиллерийский и мушкетный огонь, формировал роты из разрозненных солдат, сохранивших своё оружие. Он сформировал таким образом 1 200 человек. Кругом толпились солдаты, потерявшие свои части, чиновники, служащие, а также женщины. Можно было видеть, как штаб-офицеры за отсутствием солдат сами с гордостью становились в ряды. Зато гардемарины не хотят, чтоб ими командовал кто-нибудь чужой, тогда как каждым из остальных взводов командовали генералы.

Первой мыслью было направиться к Красному, но угрожаемые со всех сторон, они должны были отказаться от этого намерения и остаться в лесу и здесь защищаться; это станет потом вечной славой наших воинов: 1 500 итальянцев и французов, один против десяти, имея в своём распоряжении малое количество оружия, которым можно было пользоваться, сумели однако удержать врага в течение часа.

Вице-король всё ещё не подходил, а дальнейшее сопротивление становилось невозможным. Требование сдать оружие следовали одно за другим, а в краткие промежутки итальянцы слышали издали пушечную стрельбу и впереди, и позади, так как принц Евгений был также атакован. Надо было на что-нибудь решаться. Достигнуть Красного? Невозможно, это было слишком далеко и всё заставляло думать, что там шло сражение. Покориться необходимости и отступить? Но русские нас окружили со всех сторон.

И всё-таки казалось более благоразумным идти отыскивать принца Евгения, возвратившись назад, соединиться всем вместе и, уже раз соединившись, двинуться вперёд к Красному.

Таково было предложение Гильемино. Его слова были встречены еди-
нодушным одобрением. Немедленно он строит колонну в карре и бро-
сается против 10 000 ружей и пушек неприятеля.

Сначала русские в глубоком изумлении расступились; они смотрели,
что хочет делать это небольшое число почти безоружных воинов; но за-
тем, когда они поняли план Гильемино, они, не то от удивления, не то
от другого какого-то чувства, закричали, чтобы отряд остановился.
Смелые и благородные русские офицеры заклинали его сдаться; но вме-
сто всякого ответа наши решительно продолжали своё наступление в
зловещей тишине, надеясь только на свои штыки.

Тогда против них вспыхнул вдруг весь неприятельский огонь, и после
нескольких шагов вперёд, половина героической колонны покрыла со-
бой почву.

Но те, кто остался, продолжали свой путь в полном порядке — ре-
зультат, действительно, необычайный достигнутый отрядом, состоя-
щим из самых разнородных элементов — до того момента, когда их
встретила итальянская армия с громкими криками радости и освободи-
ла их от всякого преследования.

Тем временем Евгений, видя, что Милорадович хотел ему преградить
дорогу, поставил королевскую гвардию в центр, вторую дивизию — сле-
ва, первую — справа от дороги, а дивизию Пино — позади, в резерве.
Оторванные от отрядов солдаты и багаж укрылись в маленьком лесу,
расположенном позади правого крыла дивизии Пино. Многочисленная
русская кавалерия двинулась вперёд и начала битву. Дивизии, построен-
ные в карре, её оттеснили, и русские не решаясь атаковать вновь, от-
крывают артиллерийский огонь. На него мы можем отвечать только
медленно и слабо, ввиду бедности запасов, которыми мы располагаем.

Принц Евгений, утомлённый столькими бесполезными жертвами,
посылает королевскую гвардию атаковать правый фланг русских; но ди-
визия эта, слишком слабая, чтобы оперировать против линии войск, не
медлит принести себя в жертву под ужасный огонь картечи. Новый от-
ряд неприятельской кавалерии выступает в дело, и хотя наши храбрецы,
сильно разрежённые пулями, с великим хладнокровием опять выстроили-
сь в карре, — но всё-таки вынуждены отступить.

Пользуясь тем, что слева королевская гвардия осталась таким обра-
зом без прикрытия, русские драгуны пытаются атаковать её. Но доволь-
но плохо принятые, они не возобновляют своей попытки.

Направо, первая дивизия получает приказание атаковать левый фланг
русских, стоящий в лесу. Вначале этот маневр как будто удаётся, но вско-
ре же, под натиском новых масс неприятеля, под губительным орудейным
огнём, наши принуждены вернуться на старое место, чтоб не быть окру-
женными. Подполковник Дель-Фанте, в сопровождении 200 волонтёров

бросается, по приказанию принца, вперёд, вдоль большой дороги, чтоб догнать первую дивизию и прикрыть её отступление. Смелый итальянец, под градом пуль и картечи, почти уже выполнил с горстью бесстрашных солдат полученное приказание, когда вдруг две тяжкие раны свалили его на землю. Де-Виль-Бланш видит, что Дель-Фанте, весь залитый кровью, пробует подняться, подаёт ему руку и старается помочь ему поползти до леса, где находились отсталые и где можно было оказать ему помощь. Но в этот момент снаряд настигает смелого Дель-Фанте, разбивает ему плечи и обезглавливает Де-Виль-Бланша (26).

Но что сказать ещё о трогательных мольбах, просьбах, раздирающих душу прощальных словах наших несчастных раненых? Мы покидаем их залитыми кровью, от которой алел снег. Какие муки и какая агония! У старого велита, который был моим товарищем со времени вступления в этот корпус, ядром сломало ребро. Звали его Веньяли. Я отдал бы свою жизнь за его спасение, но не было ни повозки, никого, кто захотел бы помочь мне перенести этого несчастного. Каждое движение, которое я делаю, чтоб помочь ему подняться, вызывало у него ужасные судороги. «Нет — сказал он мне, — я не могу более двигаться, окажите мне милость, и пусть ружейный выстрел закончит начатое, или заколите меня вашей саблей, чтобы я умер сразу». Все мои усилия помочь ему оказались тщетными, и в конце концов я должен был предоставить его злощастной судьбе, ставшей уделом многих наших товарищей. Глаза мои закрываются при этом воспоминании, мне кажется, что я слышу его грустные жалобы, его раздирающий сердце голос.

Вице-король соединил свои войска. «Не остаётся других средств, — сказал он, — как продолжить себе дорогу остриями наших сабель. Тишина и порядок! Следуйте примеру королевской гвардии, которую веду я!»

Забили все барабаны, которыми управлял сержант Костальди, и вслед затем, первым выступил пикет велитов, с ним шёл полковник Клиссский, поляк говорящий по-русски. Колонны следовали за ними. Ночь развернула уже над полем сечи свой густой покров. Мы шли без шума, с большой осторожностью; мы проходим по полям, по оврагам, по волнообразной местности, покрытой снегом, оставляя слева от себя левый фланг боевой линии русских, минуя их огни и их посты. Первая же неосторожность могла погубить эти уцелевшие после боя, силы. Ночь благоприятствовала нам, но луна, скрывавшаяся до последнего момента за густым облаком, вдруг вышла, чтоб осветить наше бегство.

(26) Вице-король почтил память Дель-Фанте, предоставив пенсию его несчастным родителям. Город Ливорно позаботился о сохранении памяти Козимо Дель-Фанте: одна из улиц носит его имя и на доме под № 33 на улице Виктора Эммануила сохраняется посвящённая ему надпись.

Скоро русский голос нарушает эту таинственную тишину, приказывая нам остановиться и закричал: «Кто идёт!» Мы все остановились, только полковник Клиссский отделился от авангарда, подбежал к часовому и сказал ему тихо, по-русски: «Молчи, несчастный; разве ты не видишь, что мы из корпуса Уварова и назначены в секретную экспедицию?» Часовой больше не сказал ничего.

Чтобы скрыть своё движение, мы должны были обойти деревню Фомино, затем выйти на большую дорогу, между Кутьковым и Ксендзовым, где мы надеялись найти французские войска; вместо этого мы были здесь встречены ружейными выстрелами. Вице-король остановил колонну и послал узнать, откуда стреляли. Мы считали себя погибшими, так как были совершенно отрезаны от императора. Мы уже начали готовиться к отчаянной защите, но вернулся полковник Клиссский и к великой нашей радости сообщил нам, что он нашел только посты молодой гвардии, которые будучи всегда настороже, в виду соседства с корпусом Карпова, по ошибке выстрелили в нас. Тогда мы продолжаем путь, проникаем в Красный и там соединяемся с войсками шедшими впереди. Дивизия Пино пришла только часом позже.

Наши потери сегодня были велики; нам пришлось бросить все пушки, повозки, зарядные ящики, багаж. Оказалось также, что наши силы сократились почти на 4 000 штыков. Многие из выдающихся офицеров погибли, поражённые ядрами, которые пронизывая ряды сражающихся, сеяли также ужас и смерть и в массе отсталых, раненых и больных. Таким образом покончили жизнь капитаны Бордоньи и Мастини, которые входили в состав обломков нашей почётной стражи.

Красный, 17 ноября. Наполеон и Евгений совещались всю ночь. Позваны были Бертье, Мортье, Лефевр. Было решено, что дальше идти нельзя, пока не будут получены известия от оставшихся позади Нея и Даву. Мортье с рассветом пустился в атаку, старая гвардия, с 30 орудиями, следовала за ним, заняв дорогу между Красным и Кутьковым. Артиллерия молодой гвардии подкреплена батареей генерала Друо, одного из тех людей, которые способны просто и спокойно решиться на величайшее самоотвержение.

Кавалерия гвардии и кавалерия Латур-Мобура получают приказ следовать за этим движением. Итальянской армии и Клапареду, соединяющему под своим начальством свою собственную дивизию, разрозненные отряды и части артиллерии гвардии, поручена оборона Красного.

Наше движение приводит в изумление неприятеля, даёт возможность Даву и Нею присоединиться к армии, а нам, в два часа по полудни, начать отступление к Лядам.

К ночи мы туда приходим, и новая местность даёт нам иное и более бодрящее зрелище. Видны жители, и хотя они по большей части евреи,

но мы забываем об их неопрятности в виду услуг, которые они могут оказать нам по нашей просьбе и за наши деньги. Таким образом их жадность, вызывающая в нас презрение к ним, оказывает нам теперь великую поддержку, так как они готовы пренебрегать всеми опасностями, чтобы доставить хоть часть того, что мы у них требуем.

Ляды, 18 ноября. Ночь с 17 на 18 прошла довольно спокойно, если не считать тревоги, вызванной разведчиками Кутузова, которые пытались было нарушить наш покой. Но нескольких храбрецов, стерегших нас, оказалось достаточно, чтобы обратить их в бегство.

Я не могу здесь не коснуться, хотя бы бегло, тех причин, которые вместе с климатом и тяжкими лишениями содействовали разложению наших полков.

Как только армия перестала идти вперёд и повернулась спиной к завоеваниям, доверие тех, кто продолжал забирать добычу, найденную в Москве, было поколеблено. Дисциплина, порядок, рвение к службе — всё это для многих стало делом второстепенным. Сначала равнодушно смотрели на все опасности, какие могла породить такая распущенность; думали почти исключительно о том, как спасти добычу и в помыслах о ней стали забывать о том, что надо делать, чтобы спастись самим. Иные вскоре же начали откалываться от армии, воображая, что опережая её, скорее и легче сохранять свою жизнь; этим давался дурной пример и разрывалась моральная связь, спаивавшая до сих пор все части войска. Другие не покидали, правда, своих частей, но занимались по преимуществу, своими личными делами и все заботы, всё внимание посвящали своим повозкам, своим лошадям, мало интересуясь своими полками... Дурное как и хорошее, действует заразительно, и эта роковая бесчечность распространилась повсюду, с верху до низу иерархической лестницы. Солдаты отлучались из своих частей, сперва небольшими группами, потом всё в большем количестве, и всё чаще и чаще.

Исключениями являлись только некоторые отряды, где начальники зорко наблюдали за своими подчинёнными, но и там невозможно было за всем усмотреть. Мы видели, в каких тревожных размерах росло со дня на день число вырывавшихся из своих рядов солдат. И если бы начальники, если бы жандармы задерживали первых же встреченных ими «одиначек» и поступали с ними так, как они того заслуживали, то, быть может, зараза не распространялась бы с такой быстротой, может быть и наши позднейшие несчастья оказались бы менее тяжкими. Но когда об этом подумали, было уже слишком поздно; не было уже благородных обстоятельств, ослабевала сила, а зло пустило слишком глубокие корни, чтобы его можно было вырвать.

Затем наступила эта страшная зима, к которой мы совсем не подготовились. С 6 ноября всё изменилось: и пути, и внешность людей и наша

готовность преодолевать препятствия и опасности. Армия стала молчаливой, поход стал трудным и тяжким. Император перестал работать; он взваливает всё на плечи своих помощников, а те, в свою очередь, на своих подчинённых. Бертье, верное эхо, вернее зеркало Наполеона, бывало всегда на чеку, всегда ясный, всегда определённый, ночью, как и днём, теперь только передаёт приказы императора, но ничего уже от себя не прибавляет.

Масса офицеров растеряла всё — взводы, батальоны, полки; в большей своей части больные и раненые, они присоединяются к группам одиночек, смешиваются с ними, примыкают на время то к одной колонне, то к другой, и видом своих несчастий ещё более обескураживают тех, кто остаётся ещё на своём посту. Порядок не в состоянии удержаться при наличии такого беспорядка, и зараза охватывает даже полковых ветеранов, участвовавших во всех войнах революции.

Но вот что замечательно: в полках, где командиры выказали себя и справедливыми, и строгими, офицеры с большею твёрдостью отстаивают требования дисциплины; к этим начальникам всегда относятся с большим уважением и охотно помогают им в их бедствиях. Полная противоположность наблюдается в полках, где царит слабость, снисходительность и мягкая распушенность; там солдаты отказывают и в уважении, и в преданности, и в подчинении; да, сердце человеческое даёт необыкновенные уроки!

Но надо сказать и то, что борьба оказывается выше сил человеческих. Солдатам, ещё стоящим под ружьём, всё время одним приходится стоять лицом к лицу перед неприятелем; они мучаются от голода и часто вынуждены спорить с вышедшими из рядов, которых они презирают, из-за какого-нибудь куска павшей лошади. Они подвергнуты всем ужасам зимы, они массами падают в местах, где властная необходимость заставляет их задерживаться и повернуть лицо к неприятелю. Они умирают во сне, умирают на долгих переходах. Каждый шаг, каждое движение требуют от них усилий; а, кажется, что им надо хранить все свои силы, чтобы воспользоваться ими в момент битвы.

Вечером в полях, где приходится останавливаться для ночного отдыха, они укладываются у подножия елей, белых берёз или под повозками, — кавалеристы с уздой в руках, пехотинцы оставляют на спине ранец и прижимают к себе оружие; точно как в стаде они плотно прижимаются друг к другу и обнимаются, чтобы разогреться. Сколько раз при пробуждении среди этих обнявшихся находят уже остывший труп; его оставляют, не бросивши на него ни одного взгляда. Иные, чтобы развести огонь, вырывают с корнем деревья, иные в отчаянии поджигают дома, где расположились генералы. Иные наконец, настолько изнурены усталостью, настолько слабы, что уже не в

состоянии шевелить ногами; прямо и неподвижно, как призраки, сидят они перед кострами.

Лошади грызут древесную кору, проламывают лёд ударами копыт и лижут снег, чтобы утолить жажду.

Каждый бивак, каждый трудный переход, каждый сожжённый дом открывает для взора кучу трупов, наполовину уже истреблённых (27).

К ним скоро подходят новые жертвы, которые, стараясь как-нибудь облегчить свои муки, устраиваются возле дымящихся остатков среди испускающих последний вздох товарищей, и сами вскоре подвергаются той же участи. Что же касается тех, кто попадает в руки казаков, то слишком нетрудно отгадать, как с ними поступают! Таково положение армии при возвращении из Москвы. Большую часть этого долгого пути единственной пищей служит для неё лошадиное мясо; спиртные напитки отсутствуют, а все ночи приходится проводить на открытых биваках при 20-градусном морозе.

Немыслимо описать, как страдают наши несчастные раненые! Всего сказанного недостаточно, чтобы выразить, какое сострадание возбуждают они к себе даже в самых загубелых сердцах. В беспорядке наваленные на повозки, лошади которых падают, они оказываются покинутыми посреди дорог, около биваков, без помощи, даже без надежды получить её. Открытые всем ужасам климата, ничем не прикрытые, умирающие, они ползают между трупами, поджидая смерти с минуты на минуту; и нет никого около, кто дал бы им хоть каплю воды, чтобы смочить их уста.

Товарищи, друзья, — даже самые преданные, — этих жертв, проходят мимо них, притворяются, будто не узнают их; они отводят свои взоры из боязни, как бы не пришлось поступиться чем-нибудь, что ещё у них осталось, или как бы не решиться на какое-нибудь ужасное действие, о чём эти несчастные умоляют всё время.

Нет больше друзей, нет больше товарищей. Жестокие друг к другу, все идут, одетые в какие-то нелепые лохмотья, смотря вниз и не произнося ни единого слова. Голый инстинкт самосохранения, холодный эгоизм заменили былой душевный пыл и ту благородную дружбу, которая обычно связывает братьев по оружию...

В ночь с 17-го на 18-е император оставил Ляды и двинулся к Дубровне, куда должен был приехать до рассвета. Даву поддерживаемый Мортье. Командует арьергардом. Перед ним идёт императорская гвардия, а ещё впереди итальянская армия. Зайончек и Жюно составляют авангард.

(27) Первые свидетельства о случаях людоедства в армии Наполеона, появились в районе г. Вязьмы. (Примеч. составит.)

Ляды — литовское местечко, и мы надеялись, что оно будет пощажено. Но и вчера вечером и ночью значительная часть домов была уже разрушена, а в момент нашего отъезда мы с грустным удивлением смотрели, как все остальные дома предавались огню. Печальная, суровая необходимость! Это нужно было для того, чтобы замедлить движение преследующих неприятелей.

Кавалерии великой армии, кроме итальянских кавалеристов гвардии, уже нет больше. Из её остатков составлены только 4 роты, по 150 человек в каждой; в состав их входят большею частью офицеры, лошади которых ещё уцелели. Генералы играют здесь роль капитанов, полковники — роль лейтенантов и т.д. В рядах можно видеть офицеров, бывших саксонских драгун, итальянцев, принадлежавших к лёгкой кавалерии, тосканских стрелков 28-го полка.

Вечером, наконец, мы приходим в Дубровну. Эта местность уцелела гораздо лучше всех, какие нам попадались на пути по выходе из Москвы. Здесь находятся польский су-префект и местный комендант. Евреи выказывают здесь ещё больше недоверия, чем обычно, и только с большим трудом можно добиться, чтобы они что-нибудь продали или купили.

Здесь не так холодно, тает. Кое-какие припасы мы получили. Император поместился у одной русской дамы, которая имела мужество не покидать своего дома.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ. **Переход через Березину.**

Орша, 19 ноября. С рассветом армия трогается в путь. В два часа дня мы приходим в Оршу, достигаем Днепра, не встретив ни одного казака.

Главная квартира устроена в иезуитском доме. Император осмотрел укрепления, возвышающиеся у двух мостов, и в 12 часов перешёл Днепр.

Благодаря устроенным здесь магазинам, можно было произвести задачу, — правда скудную, — припасов, оружия снарядов. Здесь находим также 36 орудий; из них формируют 6 батарей и распределяют их по разным отрядам, у которых они отсутствуют.

Наконец, Наполеон в меру возможности, занимается реорганизацией армии. Он включает в нее войска Зайончека, гарнизоны Орши и её окружностей, между ними отряд польской кавалерии, составляющий сильную и очень полезную при нашей бедности в лошадях поддержку.

Офицеры и жандармы задерживают у днепровских мостов толпу оторвавшихся от своих отрядов солдат и заставляют их возвращаться под

свои знамёна. Как на что-то новое, необычайное, от чего мы уже давно отвыкли, смотрим мы на чистую экипировку жандармов, на блеск их оружия, на их сверкающую амуницию, на их заботливость о своих мундирах. Все это составляет удивительный контраст с грязью и лохмотьями, к которым мы привыкли. Императорская гвардия и итальянская королевская гвардия должны энергично, с оружием в руках, охранять магазины, которые без этих предохранительных мер подверглись бы беспощадному разграблению.

Начальники отдельных корпусов представляют сегодня следующие цифры о количестве людей, остающихся в строю, из которых можно судить о потерях, понесённых с начала кампании:

Императорская гвардия	35 000	теперь 7 000
1-й корпус (Даву)	67 000	теперь 5 000
4-й корпус (Итал. Арм.)	41 000	теперь 4 000
6, 8-й корпус		
Кавалерия все составл	86 000	теперь 2 000

К этим цифрам вооружённых людей следует прибавить приблизительно втрое их превышающее (а может быть и больше) число оторвавшихся от своих частей.

Император, желая побудить людей вернуться под знамёна, приказывает громко прочесть в разных частях города свой сегодняшний приказ.

Орша, 20 ноября. Император хотел остаться здесь несколько дней, чтобы армия оправилась, отдохнула, восстановила свои силы. Но получается известие о взятии Минска, о невыполнении приказаний, отданных маршалу Виктору, атаковать и отбросить Витгенштейна по ту сторону Двины. Поэтому необходимость отправить на помощь Домбровскому и минскому губернатору 2-й корпус с одной стороны, а с другой — наша неизвестность о теперешних действиях Шварценберга, заставляют императора отказаться от этого плана.

Вот уже четыре дня, как до нас не доходит никаких известий о том, что делает русская армия, ничего не могут сказать о ней и евреи, несмотря на то, что им обещают за сведения крупные вознаграждения. В этот вечер император уезжает в Борисов, находящийся отсюда в расстоянии 4-х миль. Там он устроит свою главную квартиру. Принц Евгений, Мортье и Даву остаются здесь. Они без конца посылают разведчиков по смоленской дороге, но те возвращаются, повстречав только неприятелей, готовых грозить мостам через Днепр.

Орша, 21 ноября. Принц Евгений, Мортье и Даву получили вчера от императора приказ дожидаться Нея до середины ночи с 20 на 21-е; не имея никаких известий, мы должны продолжать наш путь и отказаться

от надежды когда-либо вновь с ним свидеться. Всё войско уже разделяло скорбь главы нашей армии, когда вдруг в полночь прибыли офицеры, посланные Неем, и сообщили нам, что маршал не погиб, но близок к гибели и умоляет о помощи.

Солдаты мирно отдыхали в тепле; под крышей — какой исключительный отдых! Розданные припасы произвели лучшее действие, чем угрозы, и при вести, что Ней в опасности, все поднимаемся на ноги. Выступаем в путь, две мили проходим в темноте, часто останавливаемся, чтобы прислушаться. У нас нет средств сообщения в этом море снега, и вице-король приказывает сделать несколько пушечных выстрелов; отряд Нея, в свою очередь, даёт ответные выстрелы. После этого боя корпуса продвигаются навстречу один другому.

Ней и Евгений первые встречаются и бросаются друг другу в объятия. Никто при этом зрелище не мог оставаться на месте. В темноте, не узнавая один другого, все обнимаются; вюртембергцы, иллирийцы, французы, тосканцы, генуэзцы, итальянцы вице-короля, сгруппировавшиеся вокруг вновь прибывших. Мы слушаем рассказы об этой новой одиссее, мы рассыпаемся в похвалах, расточаем заботы и внимание прибывшему войску, забываем в эту минуту все испытанные нами несчастья, забываем эгоизм людей, жестокость судьбы и грядущие опасности. В беспорядке, как попало, но составляя как будто одну семью, мы возвращаемся в Оршу, помогаем нашим несчастным товарищам восстановить свои силы и укладываем их на под нашей охраной.

Коханов, 21 ноября. Дорога от Орши до Толочина — одна из красивейших в Европе.

Совершенно прямая, она с обеих сторон окаймлена посаженными в два ряда берёзами. Ветви деревьев, усыпанные инеем, печально склонились до самой земли. Вся окрестность была покрыта хвойными деревьями разных пород.

Положение армии несколько улучшилось благодаря тому, что после сильных морозов наступила оттепель

Эта перемена погоды давала армии возможность расположиться биваком. В период холодов бывало иначе: высшие чины поселялись в деревнях, где назначался постой, а простые солдаты бродили по окрестностям. Дома, не занятые офицерами, подвергались разорению, причём выгоняли лиц, нашедших там себе пристанище, а здание разбиралось и шло для костров. Большим подспорьем являлось то обстоятельство, что вблизи биваков можно было достать сухое топливо. Дело не обошлось, правда, без схваток с теми, которые не желали нас подпустить.

Но с другой стороны, в силу той же перемены погоды, передвижение стало гораздо труднее, так как дороги покрылись теперь густым слоем

грязи, а люди ослабли, обувь у них была плохая, или лучше сказать, её почти не было.

Наш печальный жребий несколько облегчился тем, что мы имели кой-какие припасы и кроме того у нас всегда была возможность где-нибудь укрыться. Однако болезни, раны, сырость долгие переходы, плачевное состояние наших ног, почти полное отсутствие отдыха, — всё это производило между нами огромные опустошения. В добавлении ко всем нашим тяжким невзгодам явилось новое бедствие: люди, недостаточно одарённые от природы энергией, нужной для того, чтобы мужественно выносить все выпадающие на нашу долю ужасы, — впадали в крайнее удрученное состояние, иногда даже граничившее с острым умопомешательством. Многие солдаты не в силах больше крепиться; у них опускаются руки, и то самое оружие, которое раньше служило им в стольких славных боях, — вдруг оказывается для них слишком тяжёлым, и они уже не в силах его нести.

До Смоленска число строевых значительно превышало число отпавших, но после Красного, наблюдается обратное.

В таком жалком положении 21-го ноября мы прибыли в Коханов. Здесь Наполеон устроил свою главную квартиру, а мы расположились вокруг города.

Толочин, 22 ноября. Двигаемся эшелонами от Коханова к Бобру, следуя за императором, перенесшим главную квартиру в Толочин и встречаем на пути прискакавшего к нам во весь опор адъютанта Удино.

Не принёс ли он нам весть о прибытии Шварценберга, или о победе, или быть — может о каком-нибудь благородном решении Воьлини, Подолии или поляков? Увы! Счастье уже перестало нам улыбаться и это были только тщетные надежды. Русские овладели не только оборонительными укреплениями на Борисовском мосту, но в их руки попал также и весь город со всеми складами.

Известие о потере нами борисовского моста было настоящим громовым ударом, тем более, что Наполеон, считая утрату этого моста делом совершенно невероятным, приказал, уходя из Орши, сжечь две находившиеся там понтонные повозки, чтобы везших их лошадей назначить для перевозки артиллерии.

Император приказал генералам распорядиться сожжением всех повозок и даже всех упряжных экипажей, принадлежащих офицерам; лошадей приказано было немедленно отобрать в артиллерию, всякого же, нарушившего этот приказ — подвергать смертной казни.

И вот началось уничтожение всех лишних экипажей; офицерским чином, включая сюда и полковников, не разрешалось иметь больше одного. Генералы Зайончек, Жюно и Клапаред также принуждены были сжечь половину фургонов, колясок и разных лёгких экипажей, которые они везли с собой, и уступить своих лошадей в артиллерию гвардии.

Один офицер из главного штаба и 50 жандармов должны были при этом присутствовать. Император дал разрешение брать в артиллерию всех лошадей, какие только понадобятся, не исключая и лично ему принадлежащих, только бы не быть вынужденным бросать пушки и зарядные ящики. Наполеон первым подал этому пример, но к несчастью, мало нашлось подражателей.

23 ноября. Колонны главной армии двигаются с трудом. Вышли ещё с рассвета и остановились уже тёмной ночью. Эти бесконечные переходы, медленные и скучные, раздражают и утомляют солдат; в конце концов они разбегаются, и ряды войск всё более редкуют. Многие сбиваются в дороги в мрачных огромных лесах и нередко лишь проблуждавши целую ночь, находят, наконец свой полк. Сигналы не давались больше ни к выступлению, ни к остановкам; заснув, рисковали пробудиться в неприятельских руках.

Бобр, 24 ноября. Прибыв сюда на рассвете, император приказал генералам Эбле и Шаслу выступить в 6 час. Утра со всеми своими сапёрами, захватив все оставшиеся у них инструменты и идти немедленно в Борисов для починки мостов на реке Березине в тех местах, какие будут им указаны герцогом Реджио; они должны быть там ещё до наступления ночи и 25-го на рассвете уже начать работы. Наступил холод, и дороги опять заледенели. Император переносит главную квартиру в Лошницы.

Близ Начи, 25 ноября. Итальянская армия, уменьшившаяся до 2 600 человек, расположилась лагерем около одной заброшенной церкви близ Начи. Даву стоял между Начей и Крупками. Подойдя к Лошнице, мы неподалёку справа слышали громкие крики. Это кричат солдаты Виктора, теперь соединяющиеся с нами. Они думают, что видят перед собой императора, вместе с армией, увенчанной лаврами Москвы и Малоярославца и восторженно нас приветствуют, чего мы так давно не слышали. Нам было чрезвычайно приятно смотреть на войско в образцовом, давно не виданном порядке. Мы забыли всё, и все опасности, грозящие нам, по слухам, в будущем; теперь мы считаем преувеличенными. Мы предаёмся беззаботному веселью, хотя оно и мало гармонирует с нашим измученным и бледными физиономиями.

9-й корпус ещё ничего не знал о наших бедствиях, скрывались они даже от его генералов; так что можно себе представить — какое изумление вызываем мы в них своим видом: вместо грозных завоевателей, люди видят проходящие мимо них один за другим, какие-то призраки, одетые в лохмотья, в женские салопы, закутанные в оборванные плащи, или в куски оборванных ковров с ногами, обёрнутыми тряпками.

Идёт только тень Великой армии. Эту Великую Армию победила природа, но всё же, несмотря на всю свою слабость и своё угнетённое состояние, она, пока её ведёт Наполеон, не впадает в отчаяние.

Солдаты Виктора, такие радостные вначале, потом, когда мы в молчании дефилируем перед ними, начинают с каким-то растерянным видом на нас смотреть. Они видят только измученных, бледных, прокопчённых дымом людей с небритыми, покрытыми грязью, лицами. Многие от голода и утомления падают у их ног.

Но какое однако удивление, какое восхищение они должны почувствовать перед этими воинами, которые, одолевая все препятствия, предпочитали умереть с оружием в руках и пасть, теряя сознание, под сенью своего знамени, но не сдать его неприятелю.

Солдаты и офицеры 9-го корпуса, очень обеспокоенные, выходят нам навстречу. Боясь нас чем-нибудь оскорбить, они застенчиво расспрашивают о нашем походе, мы рассказываем вкратце все наши приключения.

Нас поздравляют, нашей храбрости и выносливости удивляются. «Будьте покойны, — говорят они нам, — с этого дня мы будем защищать вас своей грудью. Вид наш придаёт нам новые силы. Теперь мы вместе и все пойдёт хорошо», и с этими словами они дают нам и провизию, и одежду. Они делятся с нами всем, что у них было.

Неманица, 26 ноября. Сегодня утром принц Евгений получил депешу от князя Невшательского и Ваграмского с пометкой: Старый Борисов, 4 часа утра. Предписывается перекинуть мосты по реке Березине около Студянки и сделать немедленно попытку силой пробраться через реку в виду неприятеля, стоявшего на противоположном берегу.

В 8 ч. Утра, когда были собраны все необходимые материалы для постройки мостов, эскадрон поляков (причём каждый кавалерист сажал с собой на лошадь по пехотинцу) перешёл реку вброд и стал в боевую линию на правом берегу, чтобы таким образом удалить казаков и облегчить этим постройку мостов. Остальные части бригады двинулись вслед за ними. Император приказал Эбле выступить из Студянки с своими понтонёрами. За ними ехала фура, наполненная собранными по дороге колёсами, что значительно облегчило работы. Тридцать пушек были установлены на возвышенностях Студянки для обороны работающих.

Сапёры спускаются к реке, становятся на лёд и погружаются по плечи в воду; льдины, гонимые по течению ветром, осаждают сапёров со всех сторон, и им приходится отчаянно с ними бороться. Куски льда наваливаются один на другой, образуя на поверхности воды очень острые края. Глубина достигала до 96 футов, дно было тинистое и неровное, ширина была не в 40 саженей (туазов), как думали, а по крайней мере 54 (приблизительно 106 мет. 92 сент., считая сажень в 6 фут., а фут равным 0 мет. 33 сент.).

Таким образом, всё затрудняло работы. Несмотря на сильную стужу, Наполеон сам присутствовал на работах, делая при этом ряд распоряжений. Нельзя умолчать и о благородном самопожертвовании и преданности понтонёров; память о них никогда не померкнет, и всегда будут их вспоминать при рассказах о переходе через Березину.

Все они без различия — французы, итальянцы, поляки и немцы, лишённые пищи и питья, обессиленные, измученные, забывали однако все свои беды и страдания и одушевлялись, глядя на своего императора. Деятельность и рвение храбрых офицеров подбодряли их; они работали без отдыха и с нечеловеческими усилиями одолевали все препятствия, самоотверженно жертвуя собой для спасения армии.

В 1 час дня уже окончен мост, предназначенный для пехоты. Войска маршала Удино с кавалерийской бригадой впереди тотчас же перешли через него, на глазах самого императора при тысячекратном повторяемых криках: «Да здравствует император!», несмотря на то, что мост не был достаточно прочен, чтобы безопасно выдержать тяжесть двух пушек со всеми боевыми запасами и многих ящиков с патронами для пехоты.

В часа второй мост, на 100 саженей ниже от первого и предназначавшийся для переправы возов и артиллерии, был также готов.

Для настилок, вместо досок, употребили перекладыны в 15 и 16 футов длины и в 3 — 4 дюйма толщины и покрыли всё соломой и навозом.

Вышина подставок под мостами была от 3 — 9 футов, на каждый мост их требовалось 23. Тройной ряд перекладин, снятых с крыш домов, и густая настилка из соломы, составляли главную часть моста. Трудно себе представить, сколько рвения, сообразительности, труда и расторопности должны были проявить падающие в изнеможении сапёры и понтонёры, чтобы в одну ночь разрушить столько домов и наготовить достаточное количество дерева для сооружения двух мостов.

Артиллерия 2-го корпуса и артиллерия гвардии, тяжёлая артиллерия под начальством генерала Нейгра, проходит по мостам по очереди со всеми повозками.

К несчастью, некоторые подставки, врытые в русло реки, во многих местах обрушились, и починка их потребовала продолжительной работы. Во время починки приходилось часто погружаться в воду, а это значило для работающих идти навстречу верной смерти. Наши славные понтонёры все жертвовали своей жизнью во имя общего блага.

Они повиновались беспрекословно, без жалоб и без единого вздоха. Сколько их тогда навсегда исчезло на дне реки!

Катастрофа на мостах.

27 ноября. Всю ночь наблюдал император за переправой войска, заставляя ускорять ход и восстанавливая на мостах нарушаемый ежеминутно порядок. Когда ему приходилось, хотя бы на короткое время, удаляться, его заменял Мюрат, Бертье или Лористон.

Ночью Ней переправился через реку, утром Клапаред присоединился к нему на правом берегу.

Бесконечные переходы последних дней сделались гораздо затруднительнее, вследствие усилившегося холода, и слабые силы войска вновь подверглись испытанию, так что количество ратников всё уменьшалось, а число беглецов прибавлялось. В ночь с 26-го на 27-е нужда сделала из людей варваров. Люди чуть не на смерть дрались за краюху хлеба, за шепотку муки, за кусок лошадиного мяса или за охапку соломы. Когда кто-нибудь, весь продрогший, хотел подойти к огню, его грубо отталкивали, говоря: «Пойди, сам тащи себе дров». Иной, страдая от жажды, тшетно вымаливал у товарища, который нёс целое ведро воды, хоть один глоток и получал в ответ оскорбительные слова и отказ в самой грубой форме. И всё это происходило между людьми порядочными, которые до сей поры питали друг к другу чувства искренней дружбы. Надо сказать правду, что этот поход (в чём и заключался весь его ужас) убил в нас человеческие чувства и вызвал пороки, каких в нас до сей поры не было.

Среди ночи мы должны были покинуть высоты Неманицы; многие из отсталых, слишком слабые для того, чтобы следовать за нами, принуждены были остаться, а потом уже присоединиться к дивизии Партуно. Эта дивизия должна была выйти из Лошницы и быть теперь следом за нами в пути к Борису.

Прибыв сюда около 5 часов утра 27-го числа, мы нашли здесь всё загромождённым бесчисленным количеством возов и отставших солдат, принадлежащих ко всем полкам. Виктор опередил нас и уже в 4 часа отправился по дороге в Студянку.

В Борисове мы застали адъютанта императора, Мортемара, который привёз вице-королю приказ торопиться с переходом, что было трудно исполнить в виду сильного утомления войска. Пока солдаты пользовались кратковременным отдыхом, на берег реки был послан отряд для преследования русских разведчиков с целью отвлечь их внимание. Даву получает приказ удержаться на позиции до прибытия Партуно, которого ожидали только к полудню.

Что касается нас, то мы, выступив, пришли на высоты Студянки приблизительно в то же время и раскинулись лагерем по холму, направо от дороги.

В 1 час пополудни, Наполеон, в сопровождении своего штаба, императорской гвардии, дивизии Жерара и Дендельса и корпуса Виктора перешёл мост и перенёс главную квартиру в маленькую деревушку Занивку, среди леса, в одной миле (4 версты) от моста и поблизости от дороги на Борисов.

Благодаря тому, что эти войска вышли из расположения налево от дороги, деревни, — многие хижины освободились и в одной из них вице-король устроил свою главную квартиру, а в остальных постарался разместить оставшихся от своих полков солдат.

В 3 часа дня прибыл Даву и занял на возвышенностях ту позицию, которую мы только что покинули. Наши солдаты мирно отдыхали, как вдруг, около четырёх часов дня, на дороге к Дубени появился отряд из корпуса Витгенштейна, с несколькими пушками позади, и внезапно стал надвигаться на тяжёлую артиллерию Виктора, стоявшую на равнине, под нами. Мы бросились к оружию и, кинувшись навстречу неприятелю, после короткой, сильной схватки, стоившей жизни многим храбрецам, победили.

Капрал велитов Паганелло с несколькими своими товарищами, кинулся на неприятельские пушки, желая ими овладеть, но все они за эту попытку заплатились жизнью, получив в награду только восторженное чувство удивления, как с нашей стороны, так и со стороны самого неприятеля. После этого мы возвратились в наши хижины, но они оказались занятыми толпой беглых и только с помощью кулаков нам удалось отвоевать себе места для отдыха. Половина ночи прошла в этих спорах.

Эта новая битва, а главное, дальность расстояния, в каком находилась от нас дивизия Партуно, сильно обеспокоили императора, который боялся за безопасность мостов. Он вернул на левый берег дивизию Жерара и поручил Виктору организовать, для охраны перехода, очередное дежурство и разослать по всем направлениям сторожевые пикеты, во избежание всяких неожиданностей. Вице-король подошёл уже близко и возвестил через свой штаб, что 4-й корпус может перейти мост, приблизительно около 8 часов вечера. Приказ этот не был объявлен во всех хижинах, так как многие по неведению, а другие по лени и беспечности остались. Остатки королевской гвардии — около 500 человек, — последовали тотчас же за принцем. Как только Евгений ступил на правый берег, он обратился к командиру гвардии, генералу Теодору Лекки с следующими словами: «Оставьте здесь какого-нибудь офицера, чтобы он мог указать дорогу дивизиям Брусье и Пино в горящую деревню, где мы станем лагерем» и, говоря это, он указал рукой на пожар в дали. Я был

альютантом великого полка, и генерал назначил меня для исполнения этого опасного поручения. Опасно оно было потому, что стояли сильные морозы, и кроме того ночью легко можно было заблудиться в громадных болотистых лесах и с трудом найти потом направление, по которому ушел мой полк.

Некоторое время, приблизительно минут двадцать, мост оставался свободен. Потом подошли первая и вторая дивизия сразу и перешли мост повзводно, по 5 или 6 человек в рядах. Спустя четверть часа мост опять был свободен, а затем уже пришла дивизия Пино. По собранным мною документам состав нашей армии в наличности был тогда около 32 500 пехотинцев и 4 060 кавалерии.

Зембин, 28 ноября. Почва позади сожжённой деревни, где мы стояли лагерем, была сплошным болотом до самой реки. Чтобы пройти через неё, надо было выискивать более замёрзшие места, иначе был риск увязнуть или провалиться.

Такая была темень, такой ветер, снег, сырость и холод, что мы принуждены были всё время двигаться и бегать, чтобы не замёрзнуть. В довершение нашего бедственного положения, в лагере дров почти совсем нет; чтобы раздобыть огня, вице-королю пришлось напомнить баварским солдатам, что он женат на дочери их короля.

Из остатков итальянского войска император сформировал авангард, который должен был конвоировать кассу, а также раненых генералов и офицеров, и приказал ему явиться в Зембин на рассвете 28-го, чтобы занять там мосты.

В остальную часть ночи с 27 на 28, Даву с своей артиллерией и с артиллерией итальянского войска перешёл на правый берег. На левом берегу и в Борисове оставалась только дивизия Партуно и кавалерийская бригада Делетра. На высотах Студянки стояла дивизия Жерара и бригада лёгкой кавалерии под командой Фурнье — всего было 6 700 пехотинцев и 900 кавалерии, да ещё огромное количество отставших солдат, которые не успели или не желали перейти реки, и повозки.

Цель императора заключалась главным образом в том, чтобы привлечь внимание противников на низовье Березины и благодаря этому свободно соорудить мосты на Студянке. Ему кажется поэтому ненужным оставлять французский арьергард в Борисове и всем войскам отдан приказ соединиться с передовыми отрядами.

Партуно водворил некоторый порядок в толпе отсталых солдат и тех лентяев, которых нельзя было никак принудить выступить в поход, но которые хоть теперь могли перейти мосты, оставшиеся свободными в течении части ночи. Вслед затем Партуно вчера в 2 часа дня уже собрался в поход, но неожиданно явился офицер из главного штаба и по своей ли инициативе, или в силу данного приказанья, но объявил ему, что он

должен ночевать в Борисове. Несчастливая ошибка! Это поставило вскоре в самое отчаянное положение французского генерала.

Слыша всё время пушечные выстрелы со стороны дороги, по которой мы должны были отступать и видя кучу возов и множество солдат, быстро бегущих, мы подумали, что Партуно захвачен врасплох и отрезан от армии. Бегущие рассказывали, что там пронёс слух, что все войска перешли мосты и их уже сожгли, а эта злополучная дивизия была Наполеоном предназначена заранее, как жертвоприношение, чтобы дать своей армии возможность своевременно отступить. Через несколько минут мы узнали, что русские в огромном числе заставили Партуно сдаться.

Сегодня утром, на рассвете, сражение завязалось на обоих берегах. До сих пор переправа через мосты совершалась в полном порядке, но когда раздались пушечные выстрелы и пришло известие, что дивизия Партуно попала в руки неприятеля, а Витгенштейн приближается, то все — мужчины, женщины, фуры, пушки, багаж, — все очутились в узких проходах мостов и сразу загромодили их. Нельзя описать всего смятения, шума и беспорядка, какой произошёл там. Тщетно старались офицеры и солдаты успокоить обезумевших людей. Все усилия были напрасны, и это только ещё более мешало и задерживало толпу. Сумятица и толкотня были невообразимые. Как я уже сказал, император дал приказ понемногу сжигать все лишние экипажи, а большинство офицеров придало особую важность этому предписанию. Всю ночь они ходили по лагерю, торопили уничтожить все экипажи и уговаривали и принуждали нерадивых солдат идти в поход, предупреждая, что с восходом солнца мосты будут сожжены. Но все просьбы, угрозы офицеров и уговоры ни к чему не привели.

В это же время на правом берегу неприятель сделал нападение на Нея и Удино. Большинство французских генералов были ранены. Все, наравне с последним солдатом, подвергались опасности; и можно было часто видеть, как офицеры быстро хватались за ружья и шли в ряды, чтобы заменить павших солдат. Потери были громадные с обеих сторон. Наполеон на опушке леса, окруженный своей гвардией, смотрел, как проходили мимо него один за другим две тысячи русских военнопленных.

На левом берегу, в это время Виктор, поддерживаемый дивизиями Жирара и Дендельса, отстаивал в окрестностях Студянки каждую пядь земли. Несмотря на жестокую картечь, они принудили неприятельские батареи прекратить огонь. Беглецы возвратились в свои отряды и в полном отчаянии бросились на отряды русской кавалерии и нашли там смерть. Наши товарищи: Пьеронни, Тирабоски, Пизони, Манегати и многие другие храбрецы из офицеров и солдат, также оставших от своих полков, сочли своим долгом принять теперь горячее участие в этой борьбе и первыми напали на русские орудия.

Наступившая ночь не прекратила боя; стрельба главным образом направлена была на мосты, на обезумевшую толпу беглецов, где царили уже смерть и полное отчаяние.

В данном случае, как и часто бывает в жизни, нам пришлось быть свидетелями с одной стороны очень гнусных поступков и наоборот, других, в высшей степени благородных. Одни, надеясь на свои силы и думая только о себе, с яростью, с оружием в руках пробивали себе проход, другие же с презрением отвергали такой способ спасения своей жизни, и сами подвергаясь опасности приходили на помощь слабейшим. Колесование и волнение в толпе было таково, что издали, казалось, будто на мосту было громадное поле ржи во время бури. Беда тому, кто ближе стоял к краю. Сильные толчки сталкивали их вниз, и несчастные падали стремглав, хватаясь руками за перекладины, за острые края льда и за обледенелые берега, но толпа оттискивала их, и они летели прямо в реку, погружались, вновь выплывали и бледные, как привидения, исчезали навеки. Экипажи, воза и фуры, стараясь освободиться друг от друга, опрокидывались на несчастных, находящихся вблизи. Вопли бегущих, стоны раненых, задавленных и умирающих, голоса солдат, крики потерявших свои отряды, куча всякой одежды, всякого оружия, повсюду валяющиеся мёртвые, гул толпы, грохот возов и всеобщее иступление. Всё вместе создаёт потрясающую и в то же время величественную картину. Некоторые, видимо, решились отказаться от всего; они побросали все свои воза и вещи, и, предоставляя себя воле Божией, садились поодаль и глядели тупым взором на этот снег — будущую их могилу.

Только поздно ночью, когда уже пыл сражения утих и выстрелы прекратились, порядок на мостах начал понемногу восстанавливаться.

В 9 часов вечера войска Виктора, а за ними артиллерия, начали переходить реку.

Генерал Эбле, заслуги которого всегда будут вызывать восхищение, с своими храбрыми понтонёрами выполнил с изумительной стойкостью все повеления императора. (28).

В 9 часов и вице-король получил депешу от генерал-майора, заключающую в себе приказ выступить на рассвете из Зембина в Плещаницу со всеми нашими доспехами.

Плещаница, 29 ноября. В Зембине нас заменили немногие солдаты, уцелевшие от первого полка; им было поручено охранять пока эту важную позицию. Виктор идёт вслед за императорской гвардией; Ней, командовавший арьергардом, был принужден остановиться на перекрёст-

(28) На самом деле только на другой день в 9 часов утра генерал Эбле, видя приближение неприятельских войск, по приказанию Императора поджог мост, притом последовали опять сцены ужаса. Пять тысяч людей всякого положения, возраста и пола не успели или не могли его перейти.

ке дорог на Зембин и на Борисов, так как путь был совершенно непроходим.

Катастрофа на мостах была единственным предметом разговоров, хотя они заключались в одних только восклицаниях, а все мысли наши и надежды обращены были к австрийской армии. Солдаты, не вполне осведомлённые о ходе событий, только и думали о Шварценберге: «Где он? Что он делает? Почему до сих пор не появляется?» Вот что слышалось от времени до времени во время похода.

29-го вечером французская армия должна была расположиться в следующем порядке: Ней на позиции за Зембином; Виктор — внутри страны; Наполеон со своей гвардией в Камене; а Евгений и Даву, составляли авангард — в Плещанице.

Между тем, новая неожиданность. Сегодня около полудня, перед тем, как остов того, что составляло когда-то Великую Армию, прибыл в Плещаницу, генерал неприятельской армии Ланской проник внезапно в этот город. Ланской опустошил местность, напал на наших несчастных оторванных солдат и взял затем в плен генерала Каминского и нескольких фурыеров, посланных вперёд для того, чтобы приготовить главную квартиру. Затем Ланской вернулся и расположил свою кавалерию в боевом порядке перед домом одного еврея. Вход в этот дом был закрыт деревянной решёткой и охранялся карабинерами 3-го полка итальянской лёгкой кавалерии.

Генерал Пино, сопровождаемый генералами д'Антуар, фонтана и другими ранеными генералами и офицерами (между ними был полковник Варез и полковой адъютант, капитан Фонтана, племянник и адъютант генерала того же имени) только что приехал из Плещаницы и устроил себе и своей свите квартиру в этом доме. Десяти карабинерам 3-го итальянского летучего полка была поручена охрана их любимого генерала.

Два итальянских часовых, увидя подходящие русские эскадроны, крикнули: к оружию! Выстрелили и убили одного всадника и ранили другого. В то же время остальные карабинеры быстро и решительно развернулись за решёткой. Эта встреча заставила Ланского предположить, что нас было здесь много, и он решил отойти. Маршал Удино, герцог де-Реджио, получивший вчера серьёзную рану в грудь и находившийся здесь вместе со своим адъютантом, просит у Пино приюта; рассыпанные люди ретируются во внутренний двор, и дом остаётся под охраной только тех же десяти карабинеров.

Генерал Пино спешит навстречу маршалу, и пока они беседуют о сопротивлении, оказанном маленьким отрядом из 10 человек, Ланской, не сомневавшийся ни минуты, что он справится с этой горстью храбрецов, защищавших маршала Франции и других генералов, принимается снова за атаку, чтобы доставить себе честь захватить таких блестящих

пленников. Он вновь развёртывает свою кавалерию перед домом, занимаемом Пино, и предлагает маленькому гарнизону сдать под угрозой полного уничтожения. Генерал Пино приказывает немедленно поместить маршала на самой лучшей вязанке соломы и уверяет, что его итальянцы и он сам, Пино, все готовы умереть прежде, чем отдадут его в руки осаждающих. Затем он отправляется к своим десяти, приказывает им стрелять только по его команде, другим же своим товарищам предписывает полное абсолютное молчание.

Ланской угрожает всех истребить и все сжечь; но вид 150 или 200 человек, собранных во дворе и глубокое молчание, царившее в этой маленькой крепости, заставляет его переменить план: он приказывает разбить ворота и войти туда силой. Но кавалерия напрасно вертится кругом дома: кроме решётки нет другого входа, а те которые приближаются, находят неминуемую смерть, падая от пуль храбрых и безмолвных карабинеров.

Взбешённый этим, столь же смелым как и неожиданным, сопротивлением, Ланской отступает на высоты Плещаницы, устанавливает на свою маленькую артиллерию и в течении часа обстреливает деревянный дом, где нашли себе приют итальянские храбрецы. В конце концов десять русских было убито, более двадцати ранено и один взят в плен. В доме же некоторые стены были пронизаны пулями. Маршал Удино и генерал Пино были несколько раз серьёзно контужены.

Под вечер появляется королевская гвардия с остатками итальянской армии, и с ними вице-король; тогда Ланской исчезает.

Маршал Удино возобновляет свои похвалы десяти карабинерам, благодарит генерала Пино за гостеприимство и удаляется на свою первую квартиру, откуда он должен уехать в ночь, чтобы продолжать свой путь. Генерал Пино послал вице-королю донесение о всём случившемся. Его передал капитан Мильборини, который много раз отличался во время всей этой кампании. Капитан представил принцу казака, взятого им в плен (29).

(29) Я так распространился по поводу этого маленького события только для того, чтобы внести больше ясности в рассказы г-г. де-Лабом, Сегюра, Камбре и Гильома де-Водонкура. Последним трём историкам можно извинить то, что они представляют факты не в настоящем их виде, упоминая исключительно о заслугах маршала Удино в ущерб генералу Пино, игравшему главную роль в этом деле. Удивительно только, что Г-н де-Лабом, который находился со свитой принца Евгения и должен был видеть пленного казака, приведённого капитаном Мильборини и слышать его донесение, ничего не упоминает об этом.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Отъезд императора.

Нестановичи, 30 ноября. Форсированный марш без отдыха, чтобы не попасть в руки неприятеля; мучение ещё более ужасное, чем сама смерть. Вечером мы останавливаемся биваком в Нестановичах; император имеет квартиру в Плещаницах, вместе с императорской гвардией, Виктором и Неем.

Илия, 1 декабря. Французский авангард, состоящий из остатков корпусов Евгения и Даву, прибывает в Илию 1 декабря. Евреи, находящиеся там в большом количестве, нам очень полезны в нашем положении. Самая омерзительная пища предпочтительнее всякого золота. Император находится в Стойках.

Молодечно, 2 декабря. Мы сделали мучительный, 12-часовой, переход, нигде не отдыхали, боясь быть обойдёнными, и в 11 часов утра приходим в Молодечно. Этот переход довершил растройство наших полков. Много способствовали этому и медлительность движения, вызванная необходимостью эскортировать казну и раненых. Холод сильно увеличился; он утомляет наши ослабленные, обессиленные, плохо прикрытые, ещё хуже питаемые тела.

Император осведомляется о нашей действительной численности; он спрашивает, начали ли реорганизовывать полки (30). В итальянской армии те люди, которые находятся налицо и которые составляют кадры рот, где сохранилось очень малое число солдат, большею частью принадлежат к офицерам.

И что же! Эти несколько человек должны нести на себе всю тяжесть службы; днём они принуждены быть всё время на чеку, чтобы отбивать частые атаки казаков; ночью они подвергаются ужасной суровости климата; они должны следить за безопасностью отсталых, сами не имея ни минуты отдыха, который им так необходим.

С рассветом вся армия продолжает своё отступление без всякого сигнала, а из внутри страны появляются в большом количестве солдаты отдельно или группами. Они направляются в беспорядке к большой дороге, на которой из них скоро составляется целая колонна разрозненных солдат. Да это уже не только одни солдаты, как прежде. После перехода через Березину офицеры, полковники, генералы перемешались с солдатами, они принуждены молить о помощи у тех, которыми ещё так

(30) Три дня спустя после перехода через Березину, число годных к битве доходило до 7 300 человек, включая сюда пехоту, Старую и Новую гвардии, 1-й, 4-й корпуса, соединённые под командой Нея, 9-ый корпус Виктора и ещё 1 700 кавалеристов.

недавно командовали; они кажутся ещё более несчастными, так как впали в ужасное положение после сравнительного благополучия. Часто солдаты делают вид, что их не узнают, или смотрят на них с презрением, когда они просят умоляющим голосом немного огня, каплю воды, или кусок лошадиного мяса. Нет речи о том, чтобы платить серебром, берут только золото. Я заплатил луидор за кусок свинины и должен был жарить его со страшными затруднениями на горящих углях пылающего дома и всё же съел его почти сырым. На узких, загромождённых экипажами и возами дорогах, стояла невообразимая толкотня. Всякий раз, когда лошади падали — мы страшно волновались, так как это и нам грозило падением. Казаки не осмеливались близко подходить к вооружённому войску, но напали на безоружных, те кинулись бежать и побежали прямо нам навстречу и этим ещё более увеличили сумятицу.

Видя всё это, вице-король приостановил нашу колонну на пол дороге и написал императору о всём, что здесь происходит. Но когда он взглянул в тыл, то ещё лучше нас понял всю громадность затруднений.

Остановился вице-король в замке Огинского, одного из знаменитейших литовских дворян, отличившихся в первую войну за освобождение Польши. К сожалению теперешний владелец этого замка был в отсутствии и не мог оказать нам должного гостеприимства. (В этот замок явился на другой день и Наполеон; там был составлен известный погребальный 29-й бюллетень о положении Великой Армии). Мы были в таком печальном состоянии, что где бы мы ни появлялись, мы возбуждали сострадание в самых суровых сердцах. Находясь под защитою громадных амбаров, мы считали такое пристанище восхитительным.

Молодечно, 3 декабря. Выполняя полученный приказ, вице-король отправил по указанному направлению всю кассу, все экипажи, больных и раненых.

Приблизительно в расстоянии одной мили от Беницы, на этот обоз бандой казаков Ланского, состоящей человек из 600, было сделано нападение. Охрана обоза была слишком ничтожна; её хватало на то, чтобы прикрыть одну только часть всей вереницы.

Казаки ворвались туда, где не было вооружённых солдат, но скоро были обращены в бегство и в этот день уже не появлялись.

Однако карета, которая везла двух раненых генералов Пино и Фонтана, возбудила алчность казаков. Быть может, они надеялись взять в плен выдающихся офицеров; быть может просто думали захватить богатую добычу — но только несколько казаков, под предводительством своих офицеров бросились на карету.

То, о чём я хочу рассказать, может показаться неправдоподобным, но все войска, там находившиеся, видели это собственными глазами. Три стрелка из тех десяти, которые так отличились в Плешанице при стыч-

ке с отрядами Ланского, бросились на защиту своих командиров. Они защищали их с поразительной отвагой и энергией, наносили удары с таким остервенением, что заставили нападающих отступить. Об этом подвиге рассказывал сам генерал Пино.

Во время отдыха в Молодечно мы озабочены были тем, как бы достать себе хоть немного припасов. Некоторые, оставшие от своих отрядов, вновь присоединились к нам, и в полках, по видимому, стал водворяться некоторый порядок, хотя по дорогам ещё лежало множество умирающих солдат. Отчаянное положение было и в квартирах у офицеров: один изнемогал от усталости, у другого оказывались отмороженными ноги, и он заранее оплакивал судьбу свою, которая таким образом кидала его в руки русских.

С чинами больше не считались, большинство штаб-офицеров не имело уже своих лошадей, и малейшее недомогание или нездоровье было для них смертельным приговором.

Молодечно, 4 декабря. Сегодня утром император приказал Виктору собрать всех отставших и затем присоединиться к другим отрядам. Авангард должен направиться в Марково, а Нею предписано ожидать здесь прибытия Виктора.

В 9 часов утра главную квартиру перенесли в Беницу, а ночью передовые части нашей колонны и главная часть 1-го отряда двинулись в Сморгонь.

Сморгонь, 5 декабря. Сегодня утром, в 8 часов, император покинул Беницу и перенёс свою главную квартиру в Сморгонь. Сам он прибыл туда в 1 час дня.

Генерал Гогендорп, военный губернатор Литвы, выехал в Вильну ему навстречу.

В 7 часов вечера император уехал в своей дорожной карете, вместе с Коленкурром. На козлах сидел капитан польских гвардейских улан Вонсович, служивший ему переводчиком, и мамелюк Рустан. Генералы Мутон и Дюрок следовали за ними в санях. Они направились в Вильну с небольшим конвоем неаполитанского кавалерийского отряда, под командою герцога Рока Романа, приехавшего с генералом Гогендорпом (31).

Термометр показывал 20 градусов ниже нуля; несколько птиц замёрзло на лету, а почва представляла собой гладкую, как стекло, поверхность, по которой нельзя было пройти. Даже те, у которых были ещё лошади, не могли ими пользоваться. Чтобы не погибнуть от хо-

(31) Эти неаполитанские кавалеристы в лёгких парадных мундирах не могли вынести переизвоз, многие из них замёрзли — и весь путь был усеян их трупами. Что же касается герцога Рока Романа и других офицеров конвоя, то, прибыв вместе с императором в Вильну утром в 10 ч., они вошли в кухню какого-то дома и, пока в соседней комнате император разговаривал с Маретом, они имели неосторожность слишком близко стать у огня, а на другой день были не в состоянии продолжать путь. Герцог Романа лишился нескольких пальцев на руках и ногах.

лода, приходилось слезать и, скользая и падая, тащить за собой лошадей на уздечке.

В воздухе была необычайная тишина, не чувствовалось ни малейшего дуновения, казалось, что всё, что живёт и движется, не исключая даже ветра, — всё околело, замёрзло, всё умерло.

Те из наших солдат, которые до сих пор мужественно боролись с бедствиями и проявляли необыкновенную выносливость теперь потеряли все свои силы.

Ошмяны, 6 декабря. Термометр показывал уже 24 градуса. Как только уехал император, императорская гвардия совершенно небрежно стала относиться к своим обязанностям и совершенно перестала заботиться о безопасности тех, кто не был самим императором. С отъездом императора исчезло всё их мужество и терпение — сила, облегчавшая им дни великих испытаний.

Генералы, полковники, штаб и обер-офицеры относились или без всякого доверия к новому главнокомандующему, или же просто они совсем растерялись от стольких бедствий. Все шли наудачу, руководясь своими соображениями. Инстинкт самосохранения брал верх и каждый искал спасения только в самом себе и полагался только на свои силы. Вильна! — вот теперь цель наших стремлений, все мысли прикованы к ней. Одно это название, одна уверенность, что мы приближаемся к этому городу, вселяет в нас бодрость. Ночи ещё длиннее и ещё ужаснее. Вице-король устраивает в Ошмянных свою главную квартиру в одной из церквей. Из его блестящего корпуса осталось каких-нибудь 500 или 600 человек. Полковник 9-го армейского полка Дюбуа и интендант или военный комиссар дивизии Пино съехались с своими жёнами в Москве, которые нагнали их, и укутанные в меха следовали всё время за ними во время отступления. Из сморгони они выехали в санях. В Ошмянах полковник и интендант поспешили их встретить и увы! Увидели только два трупа.

Ровно-Поле, 7 декабря. Среди всех этих ужасов, среди варварских деяний, среди проявлений чудовищного эгоизма, я не могу не отметить и самых великодушных и человеколюбивых поступков, свидетелем которых я был. Я видел и то, как солдаты императорской гвардии подбежали к упавшему с лошади интенданту Жуберу и думая, что он умер, бросились к нему и хотели его обокрасть, и я слышал как тот, слабым голосом просил: «Дайте мне сначала умереть, а потом уже раздевайте меня», но я видел и то, как солдаты выносили на своих плечах офицеров, и как слуги поднимали своих господ с поля битвы.

Тяжело больные полковник Морони и майор Бастида и смертельно раненый майор Маффеи были взяты велитами на своё попечение. Нужно заметить, что вообще офицеры этого полка были необыкновенно

дружны и всегда помогали друг другу, доказывая, какие прекрасные принципы товарищества и братской любви сумел им внушить их бывший полковой командир Фонтанели.

Вот, например, случай. Главный хирург королевской гвардии Филиппи сам страдал сильнейшей лихорадкой и вдобавок был изнурён дизентерией. Но услышав, как несколько офицеров взывали о помощи, он кидается им на помощь и не думая о пулях, забывая о неприятеле, помогает раненым, сажает их в кареты и лишь после этого, с большим трудом нагоняет свой полк; о нём же никто не позаботился во время его переезда. Когда Филиппи наконец появился между ними, он был встречен радостными криками товарищей, которые думали, что его уже нет в живых.

Главная квартира Мюрата устроена была в Медниках. Тень Великой Армии перешла через Ошмяны без всяких остановок и не получила даже раздач. Вице-король, окружённый остатками своего войска, расположился в замке Ровно-Поле.

Рукойны, 8 декабря. Мюрат и Бертье выступили сегодня в 11 часов утра в Вильну.

Вильна, 9 декабря. Мы стали биваком в Рукойнах, где уцелели лишь несколько разрушенных хижин и где кругом всё было завалено трупами. Виктор ввёл в Медники остатки дивизии Луазона и неаполитанской кавалерии, и соединил свой отряд с солдатами Нея. Когда мы выступили из Рукойн, нам на пути попадались баварские войска, в беспорядке возвращающиеся из Неменчина. Вид их достаточно опровергал пущенный слух о будто бы одержанной ими победе. Во всяком случае надо сказать им в похвалу, что они всё-таки сумели удержать несколько пушек; но орудия тащили такие изнурённые лошади, что это, конечно, не могло долго продолжиться.

Трупы неаполитанских велитов, которых всегда можно было распознать по их богатым, совершенно новым одеждам, показывали нам, что здесь проходил император.

Попадались навстречу офицеры и солдаты всех наций, слепые, глухие и безумные; у некоторых из них оказывались отмороженными уши; они жестоко страдали и от боли кусали себе пальцы.

Вильна представлялась нас якорем спасения; мы надеялись, что там мы, наконец, остановимся, отдохнём и наберёмся новых сил.

Эти надежды придавали нам бодрости и лица наши прояснялись. Наконец-то мы достигли этого города, так давно ожидаемого! Люди, экипажи, пушки, фуры, лошади — всё это ринулось взапуски друг перед другом вперёд и настолько загородило вход, что вскоре образовалась масса, которая не могла продвинуться ни туда, ни сюда. Это смятение и беспорядок напомнили нам переход через Березину. Увы! Надо сказать

правду, наши способности настолько притупились, что мы машинально следовали толпой, без всякой попытки отойти хоть на несколько шагов вправо или влево. Потому-то и произошла такая давка у этих ворот, хотя другие проходы были в это время совершенно свободны.

Целых десять часов подряд в сильнейший 28-градусный мороз тысячи несчастных солдат, надеявшихся уже найти здесь спасение, были раздавлены или замёрзли, как у ворот под Смоленском или на мостах у Брезины. Как описать ужас жителей Вильны, всё время хранивших у себя в городе все наши вещи, наших раненых и больных, наш провиант и шесть миллионов денег! Они далеки были от мысли, что наши войска могли подвергнуться таким бедствиям. Вначале они смотрят на нас с удивлением, а затем со страхом. Наконец они поспешно начинают запирается в своих домах и баррикадировать двери и окна. И надо сознаться, что они правильно поступили, так как изголодавшиеся солдаты и даже офицеры, ворвавшись в город, бегали во все стороны в поисках квартир и провианта. Они стучали во все двери, крича: «Продайте нам хлеба! Нам нужно только хлеба!» Всех лавок, кофеен и трактиров оказалось недостаточно для такого огромного количества покупателей, так что они скоро закрылись. Раздражённые голодом, солдаты настойчиво требовали пищи и с бешенством стали ломать двери, другие же с деньгами в руках бежали за евреями, но последние, несмотря на нашу щедрость, не могли удовлетворить всех наших требований. Тяжело было смотреть на отчаяние бедных жителей, потерявших вдруг всякую надежду и дрожавших при мысли о том, что русские вернуться.

Мы узнали, наконец, что предназначенной для итальянского войска квартирой, был монастырь св. Рафаила за Вильной.

Офицеры немедленно разошлись по городу, чтобы собрать солдат, но найти их и распознать было очень трудно под теми лохмотьями и странными нарядами, которые были на них. Интенданты, думая, что мы пробудем в Вильне некоторое время, пытались ввести порядок и очередь в раздаче провианта, а также и остальных, необходимых для войска, предметов.

Эта, при других обстоятельствах, мера разумная и необходимая, в настоящем вызвала только ещё больший беспорядок. Солдаты, утомившись ожиданием и предвидя печальные результаты этого замедления — стали громить и грабить склады с запасами сухарей и водки.

Кто мог бы поверить, что Мюрат, несравненный по храбрости солдат, относящийся с полным презрением ко всякой опасности и привыкший с саблей в руках бросаться на неприятельские эскадроны; что, сделавшись главнокомандующим, этот самый Мюрат был настолько подавлен возложенной на него тяжёлой ответственностью, что вдруг сделался робок и нерешителен?

Едва ему донесли, что неприятель подступает к городу, как он быстро вышел из дому, где квартировал, и, расталкивая окружавшую его в полном смятении толпу, бросился в сторону, совершенно противоположную, как бы желая спастись один, предоставляя судьбе озаботиться о всех нас. К счастью, всё дело было в том, что при данных обстоятельствах понадобилось только перенести немедленно главную квартиру в одно из кафе, находящихся по дороге в Ковно, на расстоянии ружейного выстрела от ворот города. Офицеры разошлись по всему городу, давая приказ всем стоявшим в нём войскам выступить.

Императорская гвардия и части других отрядов собрались понемногу и располагались лагерем перед самым жилищем короля.

К крайнему сожалению, этот переполох вызвал необычайную тревогу. Исчезли всякое доверие и всякая дисциплина.

Вечером всё было покойно, и Бертье воспользовался этим, чтобы изготoвить все инструкции, Только в 11 часов вице-король, в сопровождении всего нескольких солдат, которых он едва мог собрать поехал к неаполитанскому королю.

Все улицы были завалены пьяными, спящими и мёртвыми. Дворы, галереи и лестницы всех зданий были полны людей, и никакие крики, никакая команда не могла принудить их к послушанию.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

То, что осталось от Итальянской Армии.

Еве, 10 декабря. В четыре часа Мюрат выступает, и все войска идут по ковенской дороге. В течении ночи многие опять побросали свои полки. Несчастные напуганы были ужасами такого, беспримерного в летописях военной истории, отступлении, а кроме того стали носиться слухи о предстоящих новых страданиях и новых опасностях. Поэтому они дезертировали. Но чувствуя себя не в силах проводить ночи на биваках в такой смертельный холод, они оставались дома в квартирах, где стояли. Императорская гвардия уменьшилась теперь до 800 человек.

Баварский отряд и дивизия Луазона, к которым присоединились все депо, составили арьергард, под начальством Нея. Весь отряд этот состоял в общем из 2 300 человек пехоты и 200 кавалерии, так что великая армия едва доходила до 5 000 вооружённых человек, не считая поляков и кавалерии, отправившейся к Олите. Мюрат и Бертье ехали в карете. Евгений, Даву, Лефевр, Мортье и Бессьер, с остатками своих штабов следовали пешком или верхом.

Вильна, очищенная французами, была, благодаря этому, захвачена русскими. Пикет из 40 человек французов из 99 и 113 армейских полков, был забыт на мосту близ Вильны. Капитан Паоло Лапи, ординарец генерала Гратьяна, был послан вернуть их и едва сам не погиб. Его атаковали казаки, бившие и грабившие наших отставших солдат. Лапи сдвинул ряды и с своим крошечным отрядом отбил атаку, выдержав натиск многочисленной кавалерии, и только вблизи Погулянки уже нагнал наконец, арьергард со своими 40 людьми.

В двух милях от Вильны, по дороге в Ковно, стоит Понарская гора, Там, из-за непредусмотрительности нашего нового начальника, нас опять ожидало бедствие, напомнившее нам катастрофы при Березине и Вильне. Глубокий снег и ледяная кора делали гору неприступной, взобраться туда было невозможно. Цепляясь ногами и руками, солдаты едва держались, а между тем так легко было избежать этой опасности, взяв влево, между Вильной и Понарской горой, дорогу на Новые Троки, Эта дорога идёт по равнине и по ней, через Троки, Еве и Жижморы легко было попасть на большую дорогу между Вильной и Ковно. Это — та самая дорога, по которой итальянская армия двигалась при своём наступлении в Россию. Почему-то не догадались поставить пикеты у подножия этой ледяной горы, чтобы поддерживать порядок в движении экипажей; и в результате все фуры, пушки, багаж, все вывезенные из Москвы и ещё остававшиеся трофеи наконец, экипажи самого императора и вывезенная из Вильны казна — всё это сбилось и перепуталось. Пришлось всё бросить да сверх того мы вынуждены были оставить и значительное число раненых и больных офицеров, ехавших до сих пор в своих каретах. Какая жестокая судьба ожидала их! Они поняли, что смерть, давно грозившая им, теперь приближалась, подходила она как раз в тот момент, когда они считали себя уже спасёнными.

Во время этого беспорядка, когда люди давили друг друга, всё яснее и яснее слышится канонада со стороны приближающихся русских, направленная на наш арьергард. Ужас охватывает всех, и опять повторяются такие же сцены, как при переправах через Березину и Вопь.

Позади нас появляется батальонный командир Казанова, во главе 300 тосканцев, выполнявших разные поручения и потому отделившихся от остального войска. Благодаря своей неустрашимости и выдержке своего отряда, он пробивается через неприятельские ряды и присоединяется к маршалу.

Не имея достаточного количества сил, чтобы сопротивляться русским, число которых всё увеличивалось, и сознавая полнейшую невозможность перетащить на Понарскую гору все скопившиеся экипажи, Ней дал приказ полковнику Тюренну, камергеру императора,

открыть все ящики с казной и разделить деньги между всеми, кто их только захочет.

Всемогущий рычаг всех человеческих деяний — корыстолюбие, сделало своё дело. Забывая опасность, все жадно бросаются к деньгам. Жадность доходит до того, что никто уже не слышит ни свиста пуль, ни неистовых криков казаков, мчавшихся под предводительством четырёх русских генералов. Говорят, что казаки, соблазнённые видом этого золота, стали брататься с нашими (32). И русские, и французы забыли войну на время и сообща грабили из ящиков казну — шесть миллионов золотом и серебром.

Торопясь захватить побольше денег, много людей из авангарда запоздали, потеряли из вида свой отряд и сделались жертвами своей непротительной жадности!

Только ночь положила конец всей этой невыразимой суматохе.

Жижморы, 11 декабря. В четырёх часах езды от Понарской горы находится деревня Еве, где Мюрат устроил свою главную квартиру. Стоявшая влево от дороги церковь и несколько домиков, приблизительно около двадцати, вместили теперь всю Великую Армию, всех состоявших при ней, всех ускользнувших из Вильны, и все подкрепления, которые при них были.

Ней расположился лагерем в Рыконтах. Сегодня утром, 11-го декабря, когда мы выступили из Еве, у нас на флангах показались казака. Несколько солдат, у которых ещё сохранилось оружие, кинулись отразить их набег во главе с полковым адъютантом Ложье (автор записок), который также вооружён был ружьём. Мы отняли у казаков лошадь вице-короля, у которой на спине был привязан чемодан, содержащий в себе планы и очень богатую шубу (33).

Казаки попадались всё реже и реже, и пушечные выстрелы прекратились. Это кажущееся спокойствие обманывало многих солдат, и они по нерадению или по лености попадали в руки неприятеля.

В 7 час. вечера король, гвардия, маршалы и часть толпы, которую уже более нельзя было называть армией, прибыли в Румжишки, а малочисленные остатки итальянской армии и 1-го корпуса расположились вместе с авангардом у Жижмор.

Ковно, 12 декабря. Мюрат считал своё присутствие в Ковно необходимым, и в ночь на сегодня направился туда. Хотя нам оставалось пройти до города всего 10 миль, но мы так устали, что нам казалось невозмож-

(32) Сержант Бургонь упоминает о тех же случаях: «Меня уверяли что многие черпали из кассы вместе с казаками» (Воспом. Сержанта Бургоня.)

(33) Эта лошадь находилась в руках казаков несколько минут и была вручена казачьим офицером генералу Джифленга, адъютанту вице-короля, в 3 милях от Еве.

ным пройти такое большое расстояние в один день; особенно в такой обуви как наша. Наконец все те, кого только пощадила зимняя стужа, все бежавшие из Вильны и спасшиеся от казаков, подошли к Ковно между 2 и 5 часами дня. Вид этого города, окружённого крепостями, положение его, пушки, многочисленные сторожевые отряды и хорошо расположенные передовые посты, — всё это возбудило в нас опять надежду, что мы, наконец отдохнём.

Напрасная надежда!!

Город оказался переполненным спешившейся кавалерией. Король приказал генералу Бертрану и графу Дарю вывезти из города всё, что только можно было, распределить провиант на 8 дней, а дома, которые служили складом оружия, поджечь, кладовые с припасами разорить и поставить батарею из 9 орудий на высотах Алексотена, за Неманом для того, чтобы можно было защищать мост и арьергард.

Трудно описать, какое от этого произошло смятение. Все бежали, давили друг друга, торопились застаться провизией. Заведующие складами только о своём спасении, и все разбежались, когда толпа стала ломать ворота амбаров. Водка текла по улицам. Одни солдаты тащили мешки с сухарями и рисом, другие катили бочки с винами и, желая тотчас же распить их, врываются даже в те дома, где квартировали штаб-офицеры. Пожар быстро распространился и перешёл с винных складов на соседние дома; жители обезумели от горя и с ужасом смотрели, как всё их имущество стало добычей огня.

В 7 часов вечера все маршалы сошлись и обсуждали вопрос: возможно ли держаться на такой позиции и соображали, много ли солдат находится в их распоряжении. Оказалось, что вместе с гвардией насчитывалось всего только 3000 человек. Решено было оставаться и ждать момента, когда возможно будет присоединиться к армии под прикрытием привислинских крепостей и отряда Макдональда.

Время шло, а беспорядок всё увеличивался и увеличивался. Солдаты, так долго не пившие вина, до того перепились, что все улицы были переполнены мёртвыми и пьяными. Опьяневшие валялись на снегу и незаметно погружались в вечный сон, т.е. засыпали, чтобы не проснуться.

13 декабря. Сегодня утром, в 5 часов, Мюрат выступил из Ковно в направлении к Гумбиннену, вместе с гвардией и четырьмя пушками, которые и расположил на высотах Алексотена. Остальные пять пушек оставили под охраной небольшого отряда из 80 рекрут.

К несчастью, приказы очень быстро сменялись контр-приказами: так, например, получив приказ идти в Тильзит, мы немедленно получаем другой: отправляться а Гумбинен. Эти колебания способствовали тому, что окончательно разрывалась всякая связи между отдельными частями армии, представлявшими собой последние остатки прежних корпусов.

Пожар в Ковно, охвативший лавки и амбары, ясно показал русским, что французы покинули их владения.

17 декабря в Гумбиннене мы, к крайнему нашему удивлению, встретили Нея с жалкими остатками армии. Таким образом, начиная с Ковно замешательство в войсках было полное, мы уже шли без арьергарда, который мог бы служить нам охраной. Вице-король послал в Кенигсберг генерала Джифленга для того, чтобы тот направил всех людей 4-го корпуса в Мариенвердер; а они, согласно приказу (позднее присланному) следовали уже по дороге в Тильзит.

Преследование русских прекратилось.

Пруссаки, увидя вновь войска, сначала подумали, что это был только передовой отряд нашей армии, но когда убедились в своей ошибке, то не могли уже скрывать ненависти, какую питали они к французам.

Вначале они смотрели на нас с удивлением, но было ясно видно, что к чувству некоторого сострадания примешивалось большое злорадство. Патриотизм брал верх над человеколюбием...

Действительно, Великая Армия, в течении 20-ти лет входившая с триумфом во все столицы Европы, теперь являлась впервые изувеченной, обезоруженной и преследуемой. В таком виде Великая Армия была радостным зрелищем для всех, кто считал её главной виновницей своего позора и своего угнетения. С восторгом перечислялись все наци бесконечные неудачи, радовались нашему печальному виду, в их жадных взорах светились теперь надежды!

О! Как тяжело было после стольких испытаний, стольких страданий, невзгод и опасностей, встречать к себе такое отношение! Ни сострадания, ни безграничного удивления, как того заслуживали люди, сохранившие свои знамена и своё оружие! Вместо этого, повторяю, мы видим злорадство, встречаем презрение. Я чувствую, что эти оскорбления способны вызвать озлобление в солдатах и разного рода выходки с их стороны, а может быть даже прямое возмущение и бунт.

Конец декабря, Кенигсберг. Неаполитанский король перенёс свою главную квартиру в Кенигсберг, куда нахлынули все отставшие солдаты Великой Армии. Кафе, рестораны, отели — не могли вместить огромного количества приезжих. Не хватало золота, чтобы сделать покупки, какие хотелось; а теперь всякий желал упиться наслаждениями, и это излишество, в связи с тем, что температура внезапно, в одну ночь опустилась до 20 градусов — не замедлило на всех губительно отразиться. Многие, оставшиеся в живых, ещё держались на ногах вследствие постоянного лихорадочного состояния, а теперь вдруг слабели и умирали. Таков был конец Ларибуазьера, главного начальника артиллерии, Эбле, боровшегося так долго и упорно против стихийных сил, против беспорядка, бывшего таким смелым в опасные

моменты и показавшего себя героем при переходе через Березину. Каждый день и каждый час уносили новые жертвы и усугубляли наше горе.

«С-Петербургская газета» опубликовала следующий список наших потерь:

Пленных офицеров	6 000
Пленных солдат	130 000
Трупов сожжённых между Москвой и Вильно	308 000
Отнятых пушек или покинутых	900
Покинутых или отнятых ружей	100 000
Телег, колясок, фур, Покинутых в России	25 000

Post — Scriptum

27 января 1813 г. Неаполитанский король был освобождён от своих обязанностей и заменён принцем Евгением. Тотчас же все приняло иной вид.

Почетный караул и итальянские войска, тосканские и пьемонтские велиты, составили его стражу. Он вызвал немедленно две итальянские дивизии, под командою Фонтанели и Пьери.

Под охраной этих дивизий, остатки московской армии образовали кадры, предназначенные принять рекрут, набранных ещё до 1812 года.

Ветераны заражали рекрут благородной, пламенной отвагой. Рассуждали о причинах всех несчастий. Почему так запоздали открытием кампании? Почему 27 июля не дали сражения при Витебске? А 7 сентября — при Бородино почему русскую армию не преследовали немедленно после боя? К чему было столь продолжительное пребывание в Москве? Почему не воспользовались победой, одержанной итальянцами при Малоярославце, 24 октября, и отступили вместо того, чтобы идти в Украину? Думали, что в этом заключалась причина многих неудач, но главным образом вся беда была в стихийных силах. Итальянская армия, представлявшая теперь из себя только немного уцелевших воинов, всё же с гордостью несла среди 50 или 60 человек, составивших кадры полка, своих орлов, свои развевающиеся победные знамёна, прошедшие с триумфом берега Двины, Лужи и Вязьмы. Все остались целы! Ни одного не отдали! Престиж оружия не пострадал, и можно было сказать, как сказал Франциск 1-й после битвы при Павии: «Всё погибло, кроме чести!»

ПРИЛОЖЕНИЯ

Действия флота во время Отечественной войны 1812 года

Российская Империя к 1812 году имела военный флот, занимавший по громкой боевой славе видное место среди первоклассных флотов других государств.

Блестящие победы, которые одержал флот в Средиземном море во время войн 1798—1800 и 1805—1812, против Наполеона и Турции, повели не к процветанию его, но после Тильзитского мира к временному забвению, в виду того, что главное внимание правительства было обращено на заботы об армии.

По характеру войны 1812 года, которая почти исключительно была сухопутной, флот наш значительных столкновений с неприятелем и вместе с тем больших сражений и побед, как наша сухопутная армия, не имел. Но тем не менее влияние флота на исход кампании было чрезвычайно важное.

Император Наполеон первоначально составил план войны против России таким образом, что предполагал двигаться со своею великою армией, по вступлении в пределы Российской Империи, на С-Петербург, опираясь на побережье Балтийского моря, откуда должны были доставлять армии его провиант, снаряды, военные и другие необходимые припасы (1).

10-го марта по Высочайшему повелению было приказано немедленно приступить к постройке в двухмесячный срок, в дополнение к уже имевшимся 60 канонерских лодок, которые, плавая вдоль берегов Балтийского моря, должны были защищать их от неприятеля и не давать возможности ему приближаться к берегу.

Вышеупомянутые канонерские лодки в назначенный 2-х месячный срок были закончены постройкою, вооружены и летом 1812 года вступили в состав действующего флота.

Известие о постройке этих лодок и опасение Бонапарта относительно действий нашего Балтийского флота против него были одною из главных причин, заставивших его изменить первоначальный план и

двинуть свою армию не на С-Петербург, а на Москву, по Смоленской дороге, которая была гораздо более тяжёлою, чем дорога на С-Петербург и значительно затрудняла великому завоевателю достижение цели, которую он себе назначил, решив начать войну с Россиею.

Война с Турцией, продолжавшаяся с 1805 года по 16-е мая 1812 года, окончившаяся, несмотря на настоятельные убеждения турок Наполеоном о продолжении войны, выгодным нам миром отдавшим России Бессарабию с крепостями Аккерманом, Килиёю и Измаилом, позволила действующие в Турции войска направить против великой армии Наполеона.

В это время военный флот состоял из судов «Корабельного флота» и «Гребного флота».

Суда были укомплектованы храбрым молодецким личным составом и находились под командою отлично знающих военно-морское дело начальников.

В командах, которые плавали на судах действующего флота, помимо принимавших участие в военных действиях в последних годах, предшествовавших 1812 году, было много нижних чинов, совершивших дальние плавания в Средиземное море и бывших сподвижников в славных подвигах адмирала Сенявина в Адриатическом море, при блокаде Дарданелл, занятии острова Тенедоса и в сражениях Дарданелльском и Афонском.

Среди офицеров было значительное число таких, которые плавали в эскадрах адмиралов Ушакова и Сенявина и одержали ряд блистательных побед в Средиземном море.

Во время Отечественной войны 1812 года все суда Балтийского флота, способные плавать, были вооружены, оказывали помощь сухопутным войскам и принимали участие в военных действиях. Значительное содействие армии корабельный флот оказал в начале августа, когда эскадра, состоявшая из 8 линейных кораблей, 3 фрегатов, 1 корвета, 1 брига и 1 люгера, под командою адмирала Тета перевезла из Финляндии в Ревель корпус войск генерал-лейтенанта Штенгеля, который 2-го сентября перешёл в Ригу и соединился с корпусом генерал-лейтенанта Эссена. После их соединения генерал-лейтенантом Эссеном было произведено успешное движение против французских войск, находившихся под начальством генерала Макдональда, который готовился всеми своими силами обрушиться на фланг гр. Витгенштейна и этим пробить себе путь к С-Петербургу.

Затем корабельный флот был послан к берегам Голландии, чтобы там действовать против неприятельского флота, укрывшегося под защиту приморских крепостей.

Гребной флот помогал сухопутным войскам при защите и освобождении от неприятеля наших западных границ (и затем при осаде Данцига).

Посылка эскадры адмирала Тета

Все лучшие суда корабельного флота Балтийского и Белого морей вошли в состав эскадры под начальством адмирала Тета и в половине октября 1812 года вышли из Кронштада, пошли к Англии, на соединение с союзным нам английским флотом, для блокады и парализования французского флота.

Эскадра эта состояла из 10-ти линейных кораблей, 6 фрегатов, 2 корветов, 1 брига, 2 шлюпов и 1 транспорта.

В Винго-Зунде, близ Гогенбурга, к эскадре присоединился отряд из 6 кораблей, пришедших в вице-адмиралом Кроуном из Архангельска (2).

На переходе от мыса Скаген к берегам Англии, наша эскадра готовилась к встрече с французским флотом в 25 кораблей (из Шельды и Текселя), но неприятель не появился. В дальнейшем продолжение кампании 1812 года эскадра наша столкновений с неприятельским флотом не имела.

Активная деятельность нашей эскадры — крейсерства у берегов Франции и Голландии, занятие острова Бевеленд, участие в осаде крепости Бац, блокада французского флота, сражение при Флиссингене и пр. относятся уже к последующим 1813 и 1814 годам.

Главная цель посылки эскадры заключалась в том, чтобы заставить сильный французский флот укрыться под защитою своих крепостей и не выходить в море; в случае же выхода его — вступить в сражение с соединённым русско-английским флотом. Цель эта была достигнута в 1812 году.

Действия гребного флота в Балтийском море в кампанию 1812 года

Гребной флот Балтийского моря, состоявший из канонерских и бомбардирских лодок, числом 100, был разделён на три отряда и, вместе с яхтою «Фоченсальм», поступил под командование контр-адмирала фон Моллера, которому было поручено защищать от неприятеля Рижские порт и крепость.

Флот этот был расположен между Дюна-Мюнде и Ригею. Часть его судов всегда высылалась в крейсерство, для наблюдения за движением неприятеля. Вместе с тем, находившиеся при отрядах мелкие суда постоянно содействовали нашим сухопутным войскам при переправах через реки.

Канонерские и бомбардирские лодки, занимавшие по рекам Западной Двине и Болдер-аа форпосты, весьма часто, почти ежедневно име-

ли стычки с неприятелем и кроме того значительные сражения: 26-го июня вблизи Дризена, за деревню Калинец, 10-го августа при овладении у неприятеля батареей из 4-х пушек, 17-го сентября при взятии Митавы и 6-го октября, при местечке Вольгукта.

Из стычек наиболее интересно можно отметить 16-го июля. В этот день значительное количество неприятельской конницы и пехоты, показавшихся по левому берегу реки Западной Двины, по дороге, ведущей к городу Риге, были отражены и обращены в бегство пушечными выстрелами с канонерских лодок, под командою лейтенанта Яновского. Здесь при отряде канонерских лодок находились 4 английских бота, которые вместе с нашими лодками стреляли по неприятелю.

26-го июля при следовании отряда канонерских лодок, под командою капитан-лейтенанта Сеславина, по реке Аа, от Ворен-Круга к Шлоку, был взят в плен неприятельский отряд, состоявший из 1 офицера и 2-х унтер-офицеров 50-ти рядовых. Оружие сдавшимся неприятелем было почти всё брошено в воду и из того, что он ещё не успел бросить, было захвачено 8 ружей, 19 штыков, 32 сумы, 25 тесаков и порядочное количество пуль и пороха.

В этот же самый день, 26-го июля, — 6 канонерских лодок, идя по реке Аа, под командою капитан-лейтенанта Развозова, вступили в сражение у корчмы Дризен с неприятельскими укреплениями и войсками. При этом канонерские лодки № 15, № 24 и № 32 сбили неприятельские батареи.

Под огнём лодок неприятель не мог держаться и бежал.

В сражениях отличились капитан-лейтенант Бириштет, лейтенант Рикорд, мичманы Глотов и Борисов.

Бириштет был дважды ранен, но несмотря на это продолжал командовать лодкой № 32.

На канонерских лодках было всего убито 10 матросов и ранено 4 офицера и 42 матроса.

Взятие Митавы

14 сентября 1812 года контр-адмирал фон Моллер с флотилией из канонерских лодок и вооружённых гребных судов, отправился вверх по реке Болдер-аа к Бильдринстофу. 15-го сентября канонерские лодки дошли до селения Дублинг и 16-го до Шлока.

Находившийся в Шлоке неприятель, при приближении канонерских лодок, поспешил бежать, не оказав никакого сопротивления. Шлок был занят 6-ю канонерскими лодками под командою капитана 2-го ранга Капельцова. Затем на канонерские лодки были посажены прибывшие к этому времени наши пехотные войска, а конницу и артиллерию приняли нарочно изготовленные барки.

Посаженные войска, несмотря на чрезвычайно крепкий, противный ветер, были переправлены в деревню Калинец, где их высадили.

В Калинце адмиралом фон Моллером был оставлен форпост из 4-х канонерских лодок.

На другой день, 17-го сентября, флотилия лодок, следуя к Митаве, истребила по пути, построенные неприятелем и заграждавшие фарватер реки 3 бона и подводные рогатки, с железными спицами и цепями.

Неприятель, заметив приближающуюся флотилию, настолько быстро ретировался из всех своих укреплений, что оставил на батареях, защищавших боны, 2 медных 24-х фунтовых пушки и 2 железных таких же пушки бросил в воду. Пушки эти были подняты из воды и затем их всех установили на суда флотилии. Вместе с пушками неприятель оставил 390 ядер и 231 картечь.

Преследуя бегущего неприятеля, флотилия подошла к Митаве.

Неприятель оставил город без сопротивления, который и был занят адмиралом фон Моллером.

Для занятия караулов в Шлоке, адмирал послал 1-й гребной экипаж, под командою капитан-лейтенанта Казина, которому приказал поставить вверенные ему лодки так, чтобы они могли, действуя по неприятелю, защищать город со всех сторон.

Сам адмирал 18-го сентября ушёл с флотилией из Митавы в Ригу, истребив множество припасов, заготовленных неприятелем для осады города Риги.

В Митаве было захвачено флотилией много ружей, штыков, сум, тесаков, якорей с такелажем для наводки мостов против Риги, 1340 шуб и других вещей.

Участие морских команд в сухопутных военных действиях войны 1812 года

В Отечественную войну при наших сухопутных армиях находились: Гвардейский и Черноморского флота 75-й корабельные экипажи. Принимая участие во многих сражениях, они постоянно отличались храбростью и стойкостью; кроме того, быстрым и умелым исполнением возлагаемых на них важных поручений, имевших отношение к морскому делу, во многих случаях приносили существенную пользу действующим войскам. При передвижениях войск, преимущественно на моряков возлагались обязанности инженерных войск, понтонной команды и пионеров: им поручалось наводить и разрушать мосты, устраивать переправы через реки, возводить мостовые укрепления, исправлять и прологать

дороги для движения армии, а также портить и делать их непроходимыми для неприятеля, часто под его огнём.

Вследствие разнообразной служебной практики, все возлагаемые на морские части работы исполнялись настолько быстро и удовлетворительно, что нередко заслуживали благодарность сухопутных начальствующих лиц, в числе которых были главнокомандующие армией князь Кутузов и не щедрый на похвалы граф Барклай де Толли. Вышеупомянутые оба экипажа во многих сражениях находились в числе пехоты.

Государь Император Александр первый, любясь неоднократно быстротою работы и рвением моряков, в особенности при наводке ими мостов, высказал им своё одобрение и часто жаловал денежные награды.

Гвардейский экипаж, под командою капитана 2 ранга Карцова, состоя в 1-й Западной армии Барклая де Толли, в 5-м (Гвардейском) корпусе, был в составе 14 офицеров, 3 классных чиновников и 418 нижних чинов (по строевому рапорту на высочайшем смотре в м. Погулянах 29-го августа 1812 года).

Из отдельных сражений, в которых Гвардейский экипаж принимал участие, следует указать на бои — 26-го августа, при Бородине и 5-го ноября при Красном, где небольшая артиллерия экипажа, состоявшая из 2-х лёгких полевых орудий прекрасно действовала.

Во время сражения при Бородине, своевременным уничтожением моста через реку Колоочь, который был разрушен и сожжён матросами Гвардейского экипажа, правый фланг нашей позиции был защищён от наступления французов.

75-й корабельный экипаж, под командою капитана 2-го ранга Додта, в составе около 400 человек, действовал в Западной армии адмирала Чичагова в корпусах генералов Бахметьева и барона Винценгероде.

Во время преследования отступавшего неприятеля в 1812 году, экипаж неоднократно участвовал в сражениях.

После окончания Отечественной войны, когда неприятель был изгнан из пределов России и войска наши, преследуя его, сражались за границу, Гвардейский экипаж в особенности отличился в сражении при Бауцене, под Кульмом, Дрезденом и Лейпцигом.

За блестящие, успешные отражения отчаянных атак неприятеля под Кульмом, Гвардейскому экипажу было пожаловано Георгиевское знамя.

Во время торжественного въезда Императора Александра первого в Париж, после его взятия, Гвардейский экипаж занимал караулы во дворце Талейрана.

75-й корабельный экипаж, по перенесении войны за границу, при взятии крепости Торн, блестяще действовал на 6-ти канонерских лодках, которые были вооружены экипажем на Висле осенью 1812 года; да-

лее экипаж отличился в сражении под Кульмом, совершил поход до Парижа и участвовал во взятии его.

Рассматривая деятельность флота во время кампании 1812 года, можно видеть, что значение флота в направлении и исходе войны было весьма большое. Вследствие обладания Россией господством на Балтийском море, Наполеону пришлось отказаться от плана идти с великой армией, по переходе русской границы, на Петербург, опираясь на Балтийское побережье. Флот этим оказал России чрезвычайную услугу и армии облегчил борьбу с неприятелем. Помимо этого, флот наш, совместно с английским парализовал французский флот и запер его в занятых Францией голландских портах, защищённых крепостями. Выполнив главное своё назначение, флот, в продолжении кампании 1812 года, почти исключительно ставшей сухопутной, оказывал всегда как только представлялась возможность, помощь нашей армии и вместе с тем не пропустил ни одного случая, где бы мог сам непосредственно действовать против неприятеля, как при взятии Митавы и других делах. В лице же Гвардейского экипажа и 75-го корабельного, флот участвовал в боях, покрывших славою наши доблестные войска.

Н. Козиковъ.

1) 2-го марта 1812 года канцлер гр. Румянцев получил от нашего посланника в Швеции, бар. Николаи, донесение, в котором он сообщал, со слов министра иностранных дел Швеции бар. Энестрема, что французы готовят для похода в Балтийское море, Голштинским каналом, большое число канонерских лодок, для поддержки левого фланга армии, которая должна идти на С-Петербург. Кроме того, барон Энестрем писал о том же Шведскому посланнику в С-Петербурге, гр. Левенгильму: «Наполеон готовится отправить сильную эскадру канонерских лодок Голштинским каналом, в Балтийское море, для содействия левому флангу войск, назначенных против России».

2) Флагманами (начальниками отрядов) эскадры адмирала Тета были: вице-адмирал Кроун, контр-адмирал Коробка и капитан-командор Эллюот.

В состав эскадры входили: линейные корабли «Храбрый», «Смелый», «Северная Звезда», «Орёл», «Боррей», «Чесма», «Мираносица», «Три Святителя», «Память Евстафия», «Юпитер», «Архистратиг Михаил», «Святослав», «Победоносец», «Три Иерарха», «Норд-Адлер» и «Не Тронь Меня».

Фрегаты: «Венера», «Быстрый», «Свеаборг», «Архипелаг», «Кастор».

Корветы: «Гермион» и «Мельпомена», бриг «Гонен», люгер «Ящерица», шлюпы «Соломбал» и «Кола», транспорт «Иоанна Шарлотта».

(Русский Инвалид №228 от 19.10.1912 г.)

Примечание: 15 октября 1812 г. в Англию отправился отряд во главе с адмиралом Тетом в составе 5 кораблей («Храбрый», «Смелый», «Трёх Святителей», «Память Евстафия», «Чесма»), 3 фрегатов («Свеаборг», «Венера», «Быстрый») и корвета «Гермион». В конце октября вышел второй отряд вице-адмирала Коробки: 5 кораблей («Северная Звезда», «Орёл», «Борей», «Мираносица», «Юпитер»); фрегат «Архипелаг», корвет «Мельпомена», шлюп «Соломбал», транспорт «Иоанна-Шарлотта». В англии к эскадре Тета был присоединён отряд из эскадры вице-адмирала Кроуна в число 6 кораблей, ранее входивших в состав эскадры Д.Н. Сенявина. Кроме эскадры в Англию из Кронштадта отдельно пришёл фрегат «Кастор», на котором доставлен российский посол граф Ливен, фрегат включен в состав эскадры.

19 апреля 1813 г. Тету был дан именной Высочайший указ вернуться в Россию вместе с годными судами, оставленными в Англии. Однако этот указ не был исполнен. В 1912 г. издана книга «Русский флот и Двенадцатый год», написанная капитаном Н.Д. Калистовым, который в указанной книге высказал догадку, что флот сохранился в качестве залога как гарантия исполнения Россией тех обязательств, которые Александр первый дал Англии — бороться с Наполеоном до конца, взамен чего Англия платила России субсидию, определённую по договору в Рейхенбахе от 14 июня 1813 г. в сумме 33 млн. Франков ежемесячно. Как доказательство приводится тот факт, что из положенных по штату 12 832 человек экипажи судов имели 8 493, т.е. не хватало трети состава. Экипаж был «для управления токмо парусов, не более».

(«ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА Источники. Памятники. Проблемы», Материалы восьмой Всероссийской научной конференции Бородино, 6-7 сентября 1999 г., Можайск-Терра, 2000»)

Наполеон — главнокомандующий русским флотом

Едва ли многим известно, что перед Отечественной войной в течение некоторого времени Наполеон I был в роли главнокомандующего русским флотом, плававшим в Средиземном море.

Как объяснить этот странный факт?

Архивные изыскания не дают по этому поводу надлежащего ответа, а между тем, так было, к удивлению современников и неудовольствию моряков, отданных в распоряжение Наполеона.

Сохранились только исторические акты, приводимые ныне в официальном органе морского министерства Г.П. Калистовым.

Успехи русского флота.

Назначению флота в распоряжение императора Наполеона предшествовали следующие события.

Давно уже — в течении десяти лет — в Средиземном море шли военные действия русского флота против французов.

В сентябре 1798 г. эскадра адмирала забрала в плен французскую канонерку, а 1-го октября после боя был спущен французский флаг с крепости Вериги и знамя и ключи города были вручены комендантом командиру фрегата «Григорий Великой Армении» капитан-лейтенанту Шостаку.

После этого начинается славная целым рядом подвигов, борьба русского флота с французами.

Русские моряки действуют и на воде, и на суше.

Десантные отряды с эскадры адмирала Ушакова «очищают» от французов целый ряд итальянских городов: Бриндизию, Мола, Бари, Манфредонские крепости, Фано, Сенегалья.

Освобождены от французов Ионические острова.

Разбит отрядом Сеславина двадцатитысячный корпус французов под начальством Мармона, пала крепость Курцало, совершенно русскими моряками много славных подвигов.

И вдруг — Тильзитский мир.

А затем — продолжение войны с Турцией и передача каких-то особых прав главнокомандующего русским флотом недавнему врагу, а теперь союзнику Наполеону.

Высочайший рескрипт.

Адмиралом Сенявиным был получен следующий Высочайший рескрипт:

«Признавая полезным для благоуспешного общего дела и нанесения всякого вреда неприятелю, предоставить находящиеся вне России морские силы Наши в распоряжение его величества императора французов. Я повелеваю согласно сему учреждать все действия и движения вверенной начальству вашему эскадры, чиня неукоснительно точнейшие исполнения по всем предписаниям, какие от его величества императора Наполеона посылаемы вам будут.

Я надеюсь, впрочем, от усердия, искусства и деятельности вашей, что все возложенные на вас поручения не токмо исполнены будут с особым тщанием и возможным успехом, но что подвиги ваши снизят новую честь флоту российскому и усугубят славу деяний морских Наших ополчений.

Что принадлежит до содержания, исправления и продовольствия вверенной вам эскадры, оное оставаться имеет на прежнем основании до того времени, пока не получите вы от Меня или от его величества императора Наполеона новых каких-либо по предмету сему повелений».

Известие это как гром поразило нашу эскадру. Наполеон, который был бессилен в борьбе с нашим флотом, становился теперь его распорядителем.

Распоряжение Наполеона.

10-го мая 1808 г. Наполеон посылает адмиралу Сенявину распоряжение:

«Является необходимость в том, чтобы вы поставили себя в возможность выйти во всякое время в море и чтобы вы укомплектовались матросами. Корабль «Св. Рафаил», мне кажется, имеет много недостатков в своём экипаже. В Лиссабоне должны находиться матросы шведские, гамбургские и других северных портов. Вы можете согласиться с генералом Жюно набрать этих матросов на эскадру...»

Горько было Сенявину повиноваться Наполеону.

Он посылает в Россию прошение об увольнении в отставку.

Из Петербурга ему отвечают:

«Государь Император отозваться соизволил, что как в водах, где предлежит вам совершить плавание ваше, компания не прекращается и меж-

ду тем ваше превосходительство имеет от императора Наполеона повеление быть с эскадрой вашей в готовности, то за сим Его величество и не находит удовлетворить желанию вашему».

Русская эскадра была разбросана по принадлежащим французам портам.

На эскадре начинается ропот, адмиралы и флагманы отказываются подчиняться Наполеону.

Некоторых из них (флаг-командиров, Салтанова, Баратынского и др.) постигает за это опала из Петербурга.

А Наполеон продолжает распоряжаться русским флотом.

Он пишет капитану 1-го ранга Быченкому:

«Полагая, что пребывание российской императорской эскадры не безопасно от нападения англичан, я предлагаю вам, г. капитан, воспользоваться удалением неприятельской эскадры от берегов, или каким-либо другим удобным случаем и перейти с эскадрой вам вверенной в Анкону.

Если-же какие-либо обстоятельства предпринять сей поход не позволяют, то я, искренно радея о чести флага моего союзника и друга, предлагаю вам разоружить корабли и, слав все принадлежности их моим комиссарам, перейти с экипажем в Удино, где, сформировавшись в батальоны, ожидать дальнейшего повеления для следования в отечество ваше».

Наполеон хотел усилить свои войска нашими моряками.

Быченков ответил Наполеону:

«По ветхости кораблей невозможно без явной опасности перейти мне с эскадрой из Триеста в Анкону. Я надеюсь, что больше будет чести для флага Августейшего моего Монарха сразиться с неприятелем, нежели, не сделав ни одного выстрела, оставить корабли ему на жертву.

В таких обстоятельствах оставить свой пост без точного повеления моего Государя и долг и честь мне запрещают».

Печальный финал.

Кончилась эта история тем, что по предписанию из Петербурга русская эскадра в Триесте была продана Наполеону. Многие вещи пошли по французской оценке в 1/24 их стоимости.

В числе орудий были проданы французам наши морские трофеи, взятые в Далмации и Архипелаге.

А экипаж эскадры из Триеста должен был пешком возвращаться в Россию.

Печально было это путешествие.

То же происходило в других портах.

Российские суда гнили бесцельно, продавались с молотка, передавались Испании, неаполитанскому правительству.

Русская морская сила в иностранных водах таяла.

Униженные, удручённые русские моряки уныло брели в Россию с

разных пунктов французского и итальянского побережий, испытывая на пути придирки французских шпионов и разные лишения.

Мрачная страница в истории русского флота!...

(«Петербургский Листок» №224 от 16.08.1912 г.)

Российская статистика

Общий итог всех судов, отправленных по двенадцати отделениям внутреннего судоходства, а именно: Невскому (Нева, Тосна и Луга, Волхов, Явань, Пола, Шелонь и Полист); Вышневолоцкому (Сиверсов и Вышневолоцкий каналы, Мста и Тверца); Тихвинскому (Сясский и Тихвинский каналы, Сомина, Усть-Чагода и Молога); Свирскому, Мариинскому (Онежский и Мариинский каналы, Вытегра, Ковжа, Шексна); Северному (канал герцога Виртембергского, Вологда, Сухона, Юг, Луза, Двина, Вычегда); Волжскому (Волга, Кама, Вятка, Сура, Ока, Зуша, Москва, Цна, Мокша, Теза); Донскому, Днепропетровскому (Днепр, Сожа, Десна, Днестр); Волынскому (Припять, Горынь, Случ, Стырь, Пина, Буг); Огинскому (Огинский канал, Щара, Неман, Вилия); Березинскому (Сергучский, Соединительный, Чатницкий каналы, Березина, Ула, Двина, Обща и Межа, Нарова, Бобр), составляя 52583 суда и 18174 плота отправленных, и 38696 судов и 20829 плотов прибывших. Превышающее число судов отправленных происходит от того, что суда разгружаются иногда там, где нет смотрителей; а превышающее число плотов прибывших — от того, что иногда, на некоторых сплавных реках, где нет смотрителей, они приходят прямо с места отправки на первую пристань окончательно. Общий итог отпуска составил до 619, а привоза до 491 миллиона. Следовательно, внутреннее судоходство передвинуло с одних мест на другие в прошлом году более нежели на тысячу сто миллионов рублей клади! — Сумма привоза в Петербург составила до 149 миллионов (в том числе съестных и жизненных припасов на 43, как-то: муки ржаной на 11 мил., крупчатой на 6, овса на 9, вина на 4 ? миллиона); В Архангельск на 11, Ригу на 22, Москву на 23 миллиона.

Оставшихся на зимовку по всем местам было судов 1578, плотов 778, с грузом на 16 с лишком миллионов. В сём отношении любопытна ведомость о вскрытии и замерзании рек (общие месяцы: вскрытие — Апрель, а замерзание — Ноябрь; Волга в Астрахани вскрылась 15-го Марта, Ока в Орле 13-го, Дон 2-5, Днепр у порогов 17-го февраля; замёрзли — Сухона 20-го октября, Теза 28-го, также замечательна ведомость о постройке сплавных судов (всех построено было до 8200, на сумму 12 ? миллионов, в том числе каждый; Архангельский карбаз стоил до 85 рублей, Вытегорские боты по 7 000 рублей, Костромские гусянки по 8000

рублей, Вожские расшивы по 11000 рублей, Сурские подчалки по 25000 рублей, Брест-Литовские дубасы по 3000, Мокшанские межеушки по 6500, мокшаны по 6900 рублей и проч.). Всё это ведёт к основательным и драгоценным выводам статистическим. С.О.

(Русский Инвалид №4 от 05.01.1839 г.)

К празднованию 100-летнего юбилея офицерской кавалерийской школы

22 апреля 1909 г. исполнилось 100 лет со дня формирования «Учебного Кавалерийского эскадрона», старшинство которого по Высочайшему повелению присвоено Офицерской Кавалерийской Школе.

Вследствие недавнего утверждения этого старшинства, празднование столетнего юбилея Высочайше разрешено было школе перенести сначала на 22 декабря 1909 г., а затем, в следствии Е.И.В.В.К Михаила Николаевича, на 22 сего апреля.

В конце 18 и начале 19 столетий Европа была потрясена рядом кровопролитнейших войн, внёсших в военное искусство новые требования. В кавалерии, как и в других родах войск, явилась настоятельная необходимость установить однообразие в различных отделах военной службы, а потому Высочайшим указом 22 апреля 1809 года был учреждён «Учебный Кавалерийский эскадрон».

Быстро сформированный, эскадрон этот уже в августе того же года заслужил Высочайшую благодарность за блестящий смотр в Петергофском лагере.

Комплектовавшийся преимущественно солдатскими детьми, учебный эскадрон находился в Петербурге и ежегодно выпускал 100 унтер-офицеров и 25 трубачей, распределяемых генерал-инспектором кавалерии, Цесаревичем, Константином Павловичем, в кавалерийские полки.

Кроме того, для передачи в армию однообразных приёмов обучения, «строевому и служебному порядку», принятому в гвардии, офицеры армейских полков прикомандировывались на 1-2 года к гвардейским.

Недостаточность этих мер вызвала формирование в 1812 г. «Дворянского Кавалерийского эскадрона», переформированного в 1826 году в «Эскадрон при Школе гвардейских прапорщиков».

5 июня 1826 г. в г. Павловске был сформирован «Образцовый Кавалерийский полк», для составления которого было назначено по 1 взводу от каждой из 15 кавалерийских дивизий.

Полк делился на 2 дивизиона и 5 команд, по типу формировавших их частей: Кирасирскую, драгунскую, конно-егерскую, гусарскую и уланскую.

В переменном составе проходили курс штаб-офицеры-кандидаты на полки, обер-офицеры, унтер-офицеры и рядовые. Кроме того, на несколько месяцев прикомандировывались вновь произведённые из кадетских корпусов кавалерийские офицеры.

Назначение полка было — введение во всей кавалерии однообразных правил строевого обучения, а также — обмундирования, седлания иковки подготовка учителей по всем предметам кавалерийского образования.

В 1834 г. к «Образцовому полку» присоединён «Учебный эскадрон», и полк приведён в состав 3 дивизионов.

Несмотря на принятые меры, офицерский состав нашей кавалерии в отношении знания службы и военного образования не удовлетворял даже скромным требованиям, что и признавалось высшими кавалерийскими начальниками в представляемых ими по этому вопросу записках.

В 1856 году граф Ридигер в письме военному министру между прочим пишет ...»наши кавалерийские начальники не имеют ясного понятия об употреблении кавалерии, тогда как усовершенствования в ручном огнестрельном оружии увеличили существовавшие и прежде трудности искусного употребления кавалерии и дали другое направление её тактике». Там же указывалось на отсутствие рациональной выездки, незнаниековки, свойств лошади и ухода за ней...

Восполнить указанные недочёты граф считал возможным путём учреждения «Кавалерийской Академии», но вопрос этот за смертью гр. Ридигера остался не разработанным.

Однако в 1858 г., благодаря настояниям и энергии командира отдельного резервного корпуса генерала барона Оффенберга 2-го, в г. Елизаветграде было сформировано «Офицерское Кавалерийское Училище», целью которого ставилось:

- 1) Специальная подготовка будущих эскадронных командиров.
- 2) Подготовка инструкторов — офицеров (по 1-му от полка) и частью нижних чинов.

В 1860 г. «Образцовый полк» был переформирован в «Образцовый эскадрон», названный в 1863 г. «Учебным кавалерийским эскадроном».

В 1866 г. «Офицерское Кавалерийское училище» из Елизаветграда, а «Учебный эскадрон» из Павловска были переведены в Селищенские казармы, Новгородской губ. и слиты под названием «Учебного Кавалерийского эскадрона», который в августе 1875 г. был переведён в С-Петербург в занимаемые теперь Офицерской Кавалерийской школой Аракчеевские казармы.

В следующий период времени «Учебный эскадрон» подвергся ряду преобразований, имеющих целью дать будущим эскадронным командирам, помимо военно-научной подготовки, и более широкое понятие о выездке лошадей.

В 1882 г. «Учебный эскадрон» был переформирован в «Офицерскую Кавалерийскую школу», при чём с 1819 г. «Берейторской школы», кроме «Отдела эскадронных и сотенных командиров», при школе был образован «Инструкторский отдел».

В 1883 г., в бытность начальником школы г. м. Сухомлинова, ныне военного министра, с управлением «Инструкторского отдела», школа разделилась на:

1) Эскадрон школы, как учебную часть;

2) Драгунский отдел, в котором проходили:

А) 2-х годичный курс — кандидаты на эскадрон;

Б) унтер-офицеры, подготовляемые быть в полках наездниками.

3) Казачий отдел, для есаулов казачьих войск;

4) Образцовую кузницу.

С 1897 г. Офицерская Кавалерийская Школа, согласно нового положения, состояла из 1) Эскадрона школы. 2) Офицерского отдела. 3) Казачьего отдела. 4) Отдела наездников. 5) Образцовой кузницы с общим составом.

В офицерский отдел командировались по собственному желанию старшие поручики, при чём главная цель школы была — «поднять уровень техники кавалерийского дела», заметно понизившейся в нашей кавалерии в последний период времени до назначения Великого Князя Николая Николаевича Августейшим генерал-инспектором кавалерии, по инициативе которого произведено было переформирование школы назначением в переменный состав более молодых офицеров и введением в программу курса «Парфоренных охот». П. Чеснаков

*(«Виленский Военный Листок» №422 от 10.04.1910 г.
статья дана с сокращ.)*

Порыв ветра

Исторический рассказ

Шёл сентябрь 1820 года.

На небольшой вулканической скале, затерянной среди необъятного океана, возвышался невзрачный домик с прилегающим к нему садом.

И дом и сад строго охранялись часовыми англичанами, зорко следившими за человеком, порученным их охране, как если бы остров не омывался со всех сторон водами, а примыкал непосредственно к местности, способствующей побегу.

Неумолимые стражи не позволяли узнику преступать порога дома или сада и он мог любоваться расстилавшеюся перед ним необозримой ширью океана только через ограду.

Этот узник был император французов Наполеон I, сосланный на остров св. Елены почти пять лет назад.

Его невысокая, располневшая фигура, одетая в неизменный серо-песочный сюртук и треугольную шляпу, ежедневно подолгу простаивала у ограды сада.

Перед его мысленным взором бесконечной вереницей проносилась вся жизнь, все успехи и неудачи.

Перебирая до мельчайших подробностей своё прошлое, бывший император пришёл к тому заключению, что вся его жизнь с успехами и неудачами протекала как бы по заранее предначертанному плану.

Как в начале его деятельности слепой случай приходил к нему на помощь, как раз в тот момент, когда всё казалось уже потерянным, так и под конец тот же случай беспощадно, одним ударом разрушал гениально задуманный и тщательно, как казалось, выполненный план.

Вся его жизнь, вся его деятельность, представлялась ему теперь зависевшей от таких случаев, слагавшихся в общем в могущественную и властную силу.

Но пока он верил в себя, в свои силы, в своё счастье, в свою непогрешимость, — эта сила была на его стороне и каждый задуманный им план увенчивался полным успехом.

Ряд неудач, приведший его к потере трона, к потере всего завоеванного трудами и счастьем, приведший его сюда на этот «проклятый» остров, начался с тех пор, как в его душу закралось сомнение в собственном счастье, с тех пор, как подорвалась, а затем и угасла вера в самого себя.

И Наполеон делал нечеловеческие усилия, стараясь восстановить в памяти момент этого рокового перелома.

И всё было напрасно.

Память отказывалась служить, — казалось, что этот душевный поворот, так трагически отозвавшийся на всей жизни, совершился сам собой и, без всякой видимой причины, без какого бы то ни было внешнего толчка.

Наполеон только одно помнил совершенно ясно и определённо, — вера в себя и в свои силы была в нём несокрушима до похода в Россию.

Раньше этого ни при одной из временных неудач, ни при одном из ударов судьбы, как бы предостерегавшей его, душевное равновесие не нарушалось, — неудачи лишь возбуждали, заставляли напрягать все силы, всю изворотливость ума...

И из всех испытаний он выходил победителем ...Эйлау ...Испанская война... ему казалось, что он уже погибает ... что счастье покинуло его ... но вера была крепка ... он боролся до последней крайности и преодолел все препятствия, окружая свое имя всё большим ореолом гениальности.

Даже неудачи в самом начале похода в Россию не возбуждали в нём тени сомнения в его исходе...

Ни колоссальная смертность в рядах его «великой армии», выведшая из строя, ещё до начала боёв, свыше 130 000 умерших от тифа и дизентерии ... ни непонятная стойкость русских войск ... ни ужасные условия, встретившие его в России, при которых казалось нечем прокормить солдат ... ничто не подрывало в нём веры в успех ...

Глубокая уверенность Императора в его счастливую звезду не уменьшилась даже после кровопролитного Московского(1) боя ... не ослабла после занятия опустевшей Москвы, хотя оба последние случая и произвели на его удручающее впечатление.

А потом, когда пришлось оставить Москву, позорно бежать из неприятельской столицы, бежать подгоняемым голодом и холодом, это уже свершилось, — червь сомнения зародился в душе и подтачивал уверенность в своём счастье.

Было очевидно, что этот роковой перелом произошёл в период пребывания в Москве.

Но когда? ... при каких обстоятельствах! ...

Эти вопросы мучили Наполеона, лишали его душевного покоя, неотступно преследовали его и днём и ночью, принуждая напрягать память и приходить в отчаяние, не находя на них ответа.

Казалось весь смысл жизни бывшего Императора сосредоточивался на этой мысли, удовлетворительное разрешение которой ускользало.

Скрестив на груди руки, Наполеон часами простаивал у ограды своего садика, пристально глядя в безбрежную даль океана, словно в его синих волнах хотел прочесть ответ на мучившие его вопросы.

Тщетно перебирая в памяти чуть не в тысячный раз все подробности его пребывания в Москве, он досадливо встряхивал головой, как бы стараясь отмахнуть докучавшие ему мысли.

Однажды от этого движения его треугольная шляпа упала с головы и дувший с океана ветер охватил его разгорячённую голову.

Нагнувшись поднять шляпу, Наполеон выпрямился с просветлённым лицом.

Словно молния пронизала его мозг ... он вспомнил ... вспомнил до мельчайших подробностей ...

Да ... да ... именно этот ничтожный сам по себе случай сыграл такую видную роль в его жизни ... этот порыв ветра, сорвавший с него шляпу ... самый обыкновенный случай ... показался ему в то время указанием судьбы ...

Да, простой порыв ветра, который словно подхватил его тогда и безостановочно понёс к гибели ... к утрате всего ... и к заключению на этом пустынном граните, с которого ничего кроме бесконечного океана не видно.

И с непокрытой головой, подставляя разгорячённый лоб морскому ветру, бывший властелин почти всей Европы стоял неподвижно, устремив мысленный взор в далёкое прошлое.

Это было около 8 лет назад.

2 сентября 1812 года русский арьергард Милорадовича поспешно покидал Москву, а по направлению к Тверской, Калужской и Дорогомиловской заставам приближались части великой французской армии.

Увидав с Поклонной горы развернувшуюся перед ним чудную панораму древней столицы Наполеон почувствовал, как с его души скатилась какая-то тяжесть.

Перед ним лежала Москва ... желанный конец войны, конец «самого трудного, самого великого предприятия», как он сам называл поход в Россию.

Здесь в Москве, думалось ему, он продиктует условия мира, который должен вознаградить его за все его труды, за все лишения ... мира, который обеспечит ему власть над всей Европой ... над всем миром.

И возвышающе подняв голову, Император Французов поскакал к Дорогомиловской заставе.

Сойдя с лошади, он нервно прохаживался взад и вперёд, в ожидании городской депутации с ключами Москвы, и в его голове роились грандиозные проекты будущего величия, когда он разделит власть над миром с Императором Александром.

Он ни на одно мгновение не намеревался уничтожить Россию, не хотел и унижать её, подобно Пруссии ...

Если он и отнимет у России, думалось Наполеону, несколько областей, не искони принадлежавших русским, образовав из них подвластные себе герцогства, то взамен от отдаст Русскому Царю всю Азию с её неисчислимыми сокровищами.

Время шло ... солнце склонялось к горизонту, а депутации москвичей всё не было.

Раздосадованный такой задержкой, но тем не менее хорошо настроенный Наполеон отдал приказ, запрещающий какой бы то ни было грабёж Москвы и насилия над жителями, — он мечтал, хорошенько отдохнуть от трудов и лишений походной жизни.

Прошло ещё несколько времени и терпение Императора истощилось, — он приказал послать в город отряд для привода силой «непокорных бояр», которые не умеют как следует сдать город победителю, но к его великому удивлению посланные возвратились ни с чем, захватив, с собой лишь нескольких иностранцев, случайно оставшихся в городе, и объявили что Москва пуста.

Приведённые москвичи подтвердили известие, прибавив, что все жители выехали, увезя с собой большую часть имущества и припасов.

Не веря сообщению, Наполеон приказал Мюрату с молодой гвардией занять Кремль, а другим войскам, не входя в город, расположиться биваком у городских застав.

Взбешённый «дикостью» русских, ехал Император Французов по безлюдным улицам столицы, воочию убеждаясь в её пустоте, и глубокая складка между бровей не расправилась и тогда, когда он ступил на лестницу Красного Крыльца.

А на другой день ещё больший сюрприз гордого завоевателя, — покинутая жителями Москва загорелась почти разом со всех концов.

Московский генерал-губернатор Ростопчин, забрав с собой все пожарные инструменты, бежал из Москвы, оставив, в столице, насчитывавшей свыше 200 000 жителей, несколько тысяч всякого сброда, главным образом арестантов, им же выпущенных из всех тюрем.

И французы вместо ожидаемого отдыха были вынуждены собственными силами бороться с огнём, с трудом добывать провиант и фураж и вообще устанавливать порядок в городе, поджигаемом самими жителями.

4 сентября, на другой день вступления Наполеона в Москву, пожар приблизился к Кремлю, в который залетали искры и горящие головни, угрожая взрывом расположенных там зарядных ящиков гвардейской артиллерии.

Наполеон, уступая категорическому требованию приближённых, покинул Кремль и перебрался в загородный Петровский дворец.

Стихийный пожар, отсутствие самых необходимых припасов, не говоря уже о каких-нибудь удобствах, приводили Наполеона в бешенство и он, отменив приказ, запрещавший грабёж и насилия, распорядился ловить всех поджигателей и без всякого милосердия вешать их и расстреливать, а за голову Ростопчина, объявленного главой поджигателей, издали руководившего выполнением его приказа жечь Москву, была назначена крупная премия.

А Москва продолжала пылать, несмотря на массовые расстрелы «поджигателей», а ожидание Наполеона, что Русский Царь запросит мира, не сбывалось.

А каких-нибудь три месяца перед тем, получив отказ русского Царя от свидания с ним в Дрездене, Наполеон воскликнул: «хотят войны — буду воевать! Одна — другая битва и я в Москве! А там Александр упадёт передо мной на колени!»

Теперь же после ряда битв, когда Наполеон достиг Москвы, Русский император не выказывал, казалось, ни малейшего желания начать переговоры о мире, словно его первопрестольная столица, сердце России не была во власти неприятеля.

А через три дня эта столица выгорела почти вся и улицы представляли собой груды дымящихся развалин, среди которых сновали солдаты великой армии, растаскивая уцелевшее от огня имущество.

Из обгорелых лавок выносили всё, что возможно, и улицы были наполнены французами, тащившими громадные узлы с награбленным. 6 сентября, когда пожар уже стих, Наполеон, в сопровождении блестящей свиты, пересек из Петровского в Кремлёвский дворец.

Склонив на грудь голову, с низко надвинутой на лоб шляпой, Император французов молча ехал по пустынным улицам Москвы, тёмным пятном выделяясь на фоне раззолоченных мундиров королей и маршалов, составлявших его свиту, в переднем ряду которого резко бросался в глаза фантастический наряд высокого всадника на горячем сером коне.

Зелёная шёлковая куртка, коричневые рейтузы, синие чулки, невысокие жёлтой кожи сапоги со шпорами, кружевной галстук, из-под концов которого алела орденская лента и широкая золотая цепь из одноглавых орлов на груди, резко отличались от других мундиров.

Из-под расшитой золотом треуголки, украшенной зелёными и красными перьями, низко падали на плечи длинные локоны чёрных волос, полуприкрывающих бриллианты серёг, вдетых в уши.

Сбоку болталась турецкая кривая сабля, украшенная драгоценными камнями.

Это был Неаполитанский король Мюрат.

Небо было покрыто тучами, в воздухе чувствовалась неприятная сырость, а дувший навстречу от Спасских ворот ветер пронизал до костей императора и его приближённых. Сам Наполеон ехал молча; свита вполголоса разговаривала между собой, заглушая временами взрывы смеха, могущего оторвать императора от его мыслей.

Мюрат, оживлённо что-то рассказывавший своим соседям свирепому маршалу Даву и начальнику главной квартиры генералу Бертье, отпустил повод и нетерпеливо грызшей удила конь одним скачком выдвинулся вперёд и поравнялся с Наполеоном.

— Известно ли Вашему Величеству, — спросил Мюрат, перегибаясь в седле, — поверье русских варваров, что проезжая Спасскими Воротами необходимо снять шляпу? Рассказывают, что при царе Алексее нарушителей этого обычая наказывали кнутом.

И Мюрат улыбаясь ожидал ответа своего повелителя, но заметив лишь презрительную усмешку, искривившую его губы, придержал коня и присоединился к свите.

— Что за вздор! — Думал в это время Наполеон, — не ему ли, завоевателю почти всей Европы, герою Маренго и Пирамид, быть может будущему владыке всего мира, второму Александру Македонскому, ему ли считаться с суевериями полудиких варваров — русских, а тем более следовать дурацкому обычаю, только и возможно в этой северной Скифии.

И крепче надвинул свою треуголку, Император Французов насмеш-

ливо взглянул на образ, вделанный над воротами, и уверенной рукой направил в них свою лошадь.

Вся свита, следуя его примеру, также и не подумала обнажить голову.

Но едва конь Наполеона ступил под свод Спасской башни, как порыв сильного ветра, налетевший навстречу, властно сорвал с Императора шляпу и она покатила под ноги лошадей следующей за ним свиты.

В тот же момент, как-то инстинктивно, вся блестящая свита Наполеона, как один человек, сняла шляпы и с обнажёнными головами проехала под сводом исторической святыни.

И принимая из рук успешного поднять шляпу адъютанта, Наполеон задумчиво взглянул на Спасские Ворота и в ту же минуту в душе его встал вопрос, — по плечу ли он рубил дерево, начиная войну с русскими, с этим диким северным народом, на стороне которого, казалось, была сама природа со всеми её грозными стихиями ...

И с этого самого времени счастье изменило своему бывшему баловню, — один незначительный успех сменялся десятком крупных неудач ... он делал ошибку за ошибкой ... и жестоко расплатился за годы удачи, ссылкой на пустынный остров ...

Ветер счастья своим порывом вознёс его почти на недостижимую высоту, — он же низвергнул его с этой высоты в бездну.

Ольда Солджеръ.

(«Виленский Военный Листок» №12 от 15.03.1906 г.)

Донские казаки в Отечественную войну

В декабре месяце 1812 г. закончилась Отечественная война. В последний день юбилея 25 декабря Россия молитвенно вспомнула всех героев войны, в числе которых особенно прославились донские казаки.

Нашествие на Россию Наполеона и с ним, «двунадесяти» покорённых им народов, вызвало со стороны Донского войска чрезвычайный подъём патриотического чувства. Весь Тихий Дон, от мала до велика, поднялся на защиту Отечества. Все казаки, и старые и малые, и богатые и бедные — все стали под станичные знамёна, все пошли выручать от врага свою мать — Россию. К началу войны Дон выставил в «поле» 50 полков и 2 роты конной артиллерии. В конце же августа, после того как атаман Платов поднял поголовное ополчение, в «поле» вышло ещё 26 полков и 6 орудий конной артиллерии.

По роду своего оружия и свойствам казачьей службы Донцы в течении всей войны с Наполеоном всегда находились в ближнем соприкосновении с неприятелем. Первые пули, встретившие французов вблизи Немана, были выпущены донцами лейб-казаками. Первые пленные французы войны 1812 года были взяты теми же лейб-казаками близ г. Новые-

Троки. При всяком движении французов — впереди их шли казаки. Ни один неприятельский разъезд не мог безнаказанно осмотреть деревни и подойти к русским войскам. Французам постоянно приходилось быть начеку. Их очень дразнили казаки своими хитрыми маневрами при внезапных набегах. — «Не знаешь», писали французы «как против них действовать; развернёшь линию — они мгновенно соберутся в колонну и прорвут линию; хочешь атаковать их колонною — они быстро развёртываются и охватывают её со всех сторон». — А то казаки заманивали французов и атаковали с флангов добивали врага. «Перестрелкою занимались мало», писал Платов, «но дружно атаковали в дротики».

Корпус Платовских казаков особенно отличился в делах под Каремчами, Миром и Романовым, своими отличными действиями казаки сильно задерживали наступление французов и оказали содействие нашим двум армиям (Баркляя и Багратиона) в соединении. В июле 12 числа Платову было поручено сделать набег в тыл неприятеля. Разделивши свой отряд на небольшие партии, Платов бесконечною шибкою линиею лав казачьих прошмыгнул в тыл французам и явился одновременно повсюду: везде, где были отряды французов, в тылу у них хозяйничали донские казаки; они зажигали запасы фуража, продовольственные склады, отбивали скот и проч. Подобные набеги повторялись неоднократно. Никто из французской армии и нигде не мог быть уверен, что на него не налетят казаки. Сам Наполеон не раз подвергался опасности быть в плену у донцов.

Во время знаменитого Бородинского сражения 26 августа, Платов со своими казаками обогнул левый фланг французской позиции и полетел в тыл неприятелю. Ворвавшись туда, казаки разбили французский резервный батальон и наткнулись на громадный обоз. Увидев сокровища неприятеля — сундуки с добром, хлеб, овёс, патроны и проч., казаки бросились «хозяйничать» над чужим добром и произвели большой переполох у французов во время самого жаркого боя на Бородинском поле. Этот набег приостановил атаку неприятеля на русские позиции на целый час и дал возможность русским подкрепиться. Но донцы сделали бы ещё больше, если бы, не увлекаясь неприятельским обозом, ударили на резервные полки и с тыла на батареи.

После занятия Наполеоном Москвы казаки стали для французов ещё большею грозою, чем раньше. Голод и холод заставлял французов отыскивать в окрестностях Москвы хлеба и одежды. Но несчастные фуражиры редко возвращались обратно, — большею частью они попадали в плен казакам. При отступлении Наполеона из Москвы, русская армия перешла в наступление: Первая победа (при Тарутине) была обязана казакам. Под начальством гр. Орлова-Денисова 10 казачьих полков первыми ударили на Мюрата; застав его врасплох, казаки захватили 38 ору-

дий и весь лагерь левого крыла неприятеля. Пока подросла первая русская колонна, казаки уже успели произвести панику и переполох у французов. Когда русская армия принудила Наполеона отступать по разорённой Смоленской дороге, донцы разбились на небольшие отряды, частью на партизан и решительно надели на французов. Они неустанно преследовали французов и, как надоедливые мухи, не давали им покоя. Под натиском казаков стали сдаваться в плен целые отряды французов, сдавались в плен их генералы и маршалы. Пленных казаки потом уже не забирали. От них отбирали оружие, обозы, разную добычу, захваченную в Москве, а самих пускали куда глаза глядят. Преследование неприятеля продолжалось до русской границы, до г. Ковно, и настолько успешно, что к Рождеству вся Россия была очищена от неприятеля. О результатах действий Донских казаков гр. Платов писал военному министру: «на 1000 вёрстном расстоянии от Малоярославца до Немана, и за Неманом, лежат дерзкие французы, мало сказать на каждой версте, но на каждом шагу... Да познают Европа и целый свет, с каким ревностнейшим и верноподданическим усердием к Всемилостивейшему Государю Императору и любезнейшему Отечеству, действовало войско Донское. Остатки европейцев возвестят соотчикам своим — каково ходить на Русь, больно дерзостно задевать Россию. Познают и Донских казаков, да и все пленные подтвердят: кто поражал их нещадно, кто не давал спать и наималейшего роздыху, кто не допускал их фуражировать от дороги ни на сто сажень и кто взял у них при сражениях более 500 пушек?» Затем и сам Кутузов писал о казаках гр. Платову: «Почтение моё к войску Донскому и благодарность к подвигам их в течении кампании 1812 г., которые были главнейшею причиною к истреблению неприятеля, лишённого вскоре всей кавалерии и артиллерийских лошадей, следовательно и орудий «неусыпными трудами и храбростью Донского войска».

За шесть месяцев борьбы с Наполеоном донские казаки истребили более 18 000, взяли в плен 10 генералов, 1046 офицеров и до 40 тысяч нижних чинов. Знамён отбили 15, пушек 364 и 1060 зарядных ящиков.

Громадное количество серебра, отнятое у французов, казаки сдали как пожертвование в церкви.

Вообще война 1812 г. предоставила Донскому войску ещё раз доказать всё значение казаков, как боевого элемента армии. Эта война установила навсегда верное понятие о чрезвычайной пользе, какую казаки должны и могут приносить в военное время. Вся Европа узнала и оценила казаков. Их оценила и вся Россия, отдав им дань справедливой признательности. За заслуги в Отечественную войну, всё войско Донское получило Милостивую Царскую грамоту и Георгиевское (белое) знамя, а атаман М. И. Платов был возведён в графское достоинство. А. Покровский

(«Виленский Военный Листок» № 695 от 05.01.1913 г.)

Как проводили на Дону святки (Кулачные бои)

В былое время на Дону рождественские праздники, или так называемые святки, проводились среди ряда всевозможных удовольствий. Устраивались общественные гулянья, игры, вечеринки и т.п., а главным образом — кулачные бои, или кулачки. Ещё за долго до праздников молодежь готовилась к этого рода спорту: собирались на совещание; высказывали по этому интересному предмету различные соображения; учитывали свои наличные силы и силы противной стороны; обсуждали характер и приёмы бойцов; волновались и спорили.

Кулачные бои на Дону существуют давно и начало своё ведут ещё с конца 16.века.

Зимою, в свободное от походов и сторожевой службы время, вся молодежь, да и старики, сходились, бывало к берегу Дона или Донца, разбивались на две половины, и на льду происходило сражение при самой, так сказать, скользкой обстановке. Этого рода забавы существовали целых три века и только недавно были окончательно запрещены под страхом «жигулёвки» — ареста. Кулачные бои я ещё захватил и вполне определённо себе их представляю.

На первый день Рождества, после обеда, который обыкновенно у простонародья казаков бывает часов в 10 — 11 утра, как только люди выйдут из церкви, все молодое, зелёное, крепкое и здоровое валит целыми партиями на реку Донец. Помню, как это происходило в станице Каменской. Собиравшаяся партия станичная выступала из года в год против партии хуторских: с одной стороны человек до восьмисот и с другой не меньше. Мне всегда интересно было наблюдать эти весёлые лица сходящихся на драку малышей. Сколько там было радости, довольства собою и наконец тем, что представлялся случай развернуть свои детские плечи; сколько было решимости лечь костыми, а уж не подорвать престижа станицы или хутора. Я теперь убеждён, что именно эти мысли беспорядочно рождались в детской голове каждого бойца ...

Но вот чёрные группы становятся больше, сливаются в одну волнующуюся массу, которая всё растёт и растёт от прилива новых сил, движется и смеётся тем неподдельным, простым детским смехом, который увлекает и стариков, наблюдателей (жюри), и отцов и матерей, и постоянных зрителей. На противоположном берегу между тем накопилась такая же толпа, — она тоже верит в свой успех и также весела и разгульна.

Вот один из бойцов в старой отцовской казачьей шапке набекрень, в шапке, которая видывала виды, которая не раз была в рерьёзных и трудных походах, венчала собою голову заправского бойца, — выходит на се-

редину своего лагеря и предлагает начать бой, требуя серьёзного и решительного образа действий от своих товарищей, указывает способности и приёмы атаки; напоминает о слабых сторонах противника на основании опыта прошлого года, а также предупреждает и относительно своих слабых сторон. Разбитого противника решено преследовать без усталости на расстоянии одной или двух вёрст, не давая возможности опомниться и привести себя в порядок. Такие же точно первоначальные распоряжения отдаются и в неприятельском стане. Вот наконец, получив краткие указания, с той и другой стороны выходят партии человек в 10 — 15 на середину реки, выкрикивая разного рода оскорбительные для неприятеля слова, потрясая в воздухе посиневшими от холода кулаками, заодно смеясь и порицая другую, якобы, храбрость. «Выходи давай бойцы!» «А ну те, где вы!»? «Накатывайся, охотники!» С противоположной стороны группа ребятшек бросается на обидчиков, подобно урагану, со всею жестокостью, свойственной пылким головам, видно, как выделяются наиболее ловкие, расторопные, искушённые опытом бойцы; видно, как инициатива переходит то на одну, то на другую сторону. Бой идёт с переменным успехом. Храбрые малыши — руководители боя сражаются не всё время, им надо и управлять; и вот перебегая то на один фланг, то на другой, они являются в наиболее слабых, опасных местах, то там, то здесь, удивительно искусно играя самолюбием своих случайных подчинённых.

Стороны растут за счёт стоящих по берегам реки резервов; бой принимает уже стихийный характер; уже сражаются юноши. Видны разбитые до крови носы, технически выражаясь: «юшка пушена»; у того, смотришь, шишка красуется на лбу; у другого глаза подведены синяками.

Но не унывают по несчастью выбывшие из строя; собственными средствами наскоро делают они перевязки, а те, у кого нос пострадал от неприятельского кулака, прикладывают к больному месту комья с нега, от чего последний становится ярко-красным. Но это ещё горе не большое, для добросовестных бойцов оно не является предлогом удрать домой, и они снова с ещё большим энтузиазмом идут в дело. Момент созревает. Из резервов тем временем уже посланы соглядатаи в неприятельскую сторону — разузнать, какие силы могут быть выставлены к концу боя и много ли там, так называемых засланных бойцов, а также — какое ожидается вскоре подкрепление.

Стороны растут, силы становятся солиднее и серьёзнее. Увлечённые общим порывом, действовавшие до сих пор только словом в смысле подбадривания или похвалы, бросаются с криком женихи: заметен резкий перевес. Противник, подобно разъярённому тигру, делает шаг назад, принимает оборонительную позу. Может, и боевая линия прорвана. Дикий рёв восторга, смех стариков и крик: «так, так, ребята!» «Турок отступаст!» «Наляг, помоги!» Но турок недолго отступал, явилась поддержка, и снова затянул-

ся равный бой. Уже бьются взрослые, и картина теперь носит крайне щекотливый характер. Действия связаны с прорывом центра, с обходом и обхватом флангов; видную роль играет и притворный крик, и ложное отступление, и коварная демонстрация, и тому подобные военные хитрости. Бывали приёмы и такие, которые целиком взяты из классических боёв. Бывшие в действительных боях старики и «нюхавшие порошу» отцы, до сих пор спокойно наблюдавшие эту традиционную забаву, теперь начинают заметно реагировать на эту бешеную брань. «Лежачего не бьют!» слышатся возгласы за живое задетых бородачей. Раненых из строя выходит всё больше и больше, но они не унывают; грозят ещё кому-то доказать, ещё-де «постоим за своих», «врѣшь, не сладишь!». А уже многие из них, более уравновешенные, советуют отправиться домой и набрать новых сил для другого дня. Да где там; ничем не убедишь, решил быть каждый из них до конца. Бои заканчивают уже взрослые казаки и это самый интересный момент дня. Здесь каждый вспоминает былые походы и войны; здесь много таких, что ловили каналью Шамиля или сражались с хитрым Осман Пашой. Любо им размять свои крепкие кости, тяжело забывать славу любезного Дона; вот и забавляются; дело безобидное, сердиться никто ни на кого не будет, дело взаимное. Я вспоминаю эти годы, когда, бывало, малышом бросишься в драку, и как было приятно на душе! Как сильно билось сердце, при этом билось одинаково со всеми. После боя не помышляли мы о злобе и сердечно относились к противнику, который, быть может, не раз угодил кулаками, но ведь на то и святки. Так тогда мы полагали.

Теперь для нашего времени такие забавы покажутся дикими, да и самое слово — кулачный бой звучит как-то нехорошо и невольно переносит вас в глубину веков к берегам Волхова, вызывая у вас небрежно скрытую улыбку интеллигента.

Но в былое время на этих забавах казаки учились воевать в серьёзных боях; им оставалось лишь совершенствоваться; воинский дух же этим развлечением поддерживался. Г. Рытиковъ.

*(«Виленский Военный Листок» №473 от 23.10.1910 г.
и номера №474, №475)*

Канал между Волгой и Доном

В министерстве путей сообщения рассматривается проект прорытия канала между реками Волгою и Доном от Царицына до Калача. По проекту, ширина канала в 20 сажений, глубина в 1 сажень. Пропускная способность канала в год должна быть не менее 500 миллионов пудов. Имеется в виду устройство шлюзов и на Дону. Стоимость сооружения около 100 млн. руб.

(Виленский Военный Листок №473 от 23.10.1910 г.)

Потомки генерала-фельдмаршала князя Кутузова-Смоленского

Граф Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов, князь Смоленский, был женат на Екатерине Ильиничне Бибиковой. Нельзя не остановиться на знаменательном совпадении: как двести лет ранее, женщина из рода Беклемишевых, княгиня Пожарская, дала России великого патриота 1612 года, князя Дмитрия Михайловича Пожарского, так и мать великого русского вождя в 1812 году, была рождённая Беклемишева.

Фельдмаршал не оставил мужского поколения, так как его единственный сын умер в младенчестве. Кроме этого сына, у него было пять дочерей, все вышедшие замуж. Старшая Прасковья Михайловна Толстая, вторая — Анна Михайловна Хитрово, третья — графиня Елизавета Михайловна Тизенгаузен, жена флигель-адъютанта графа Ф.И. Тизенгаузена, убитого в сражении при Аустерлице. После его смерти она вторично вышла замуж за генерал-майора Ф.Н. Хитрово. Четвёртая — Екатерина Михайловна была в первом браке княгиня Кудашева, во втором — жена генерал-майора Сарачинского. Младшая дочь, Дарья Михайловна, была замужем за обергофмейстером Фёдором Петровичем Ознобишиным.

Третьему сыну старшей дочери фельдмаршала, Павлу Матвеевичу Толстому, был пожалован графский титул и разрешено присоединить к своей фамилии девичье имя матери. Сын его почётный опекун гофмейстер Павел Павлович Голенищев-Кутузов-Толстой, является единственным в живых оставшимся правнуком Кутузова-Смоленского. Граф П.П. Голенищев-Кутузов-Толстой женат на графине д'Андринни и имеет двух сыновей.

Прямые потомки фельдмаршала князя Кутузова-Смоленского также: жена гофмейстера Надежда Илларионовна Танеева и её сестра вдова камер-юнкера Екатерина Илларионовна Всеволожская, рождённые Толстые. Покойный отец их, Илларион Николаевич Толстой, был внуком старшей дочери знаменитого полководца, П.М. Толстой.

Младшая дочь фельдмаршала Дарья Михайловна Ознобишина является прабабушкой баронессы Дарьи Евгеньевны Гревенкиц, разведённой княгини Кочубей, рождённой графини Богарне, дочери покойного герцога Евгения Максимилиановича Лейхтенбергского, князя Романовского от первого его брака с Дарьей Константиновной Ознобишеной. От младшей дочери Фельдмаршала происходит также семья Тучковых: Софья Николаевна Тучкова (в свойстве) и сын её Николай Николаевич. Они владеют в настоящее время домом в Петербурге на Французской набережной, принадлежавшем сто лет назад князю Кутузову Смоленскому.

Секретарь российской миссии в Дармштадте граф Дмитрий Фёдорович Коцебу-Пиларь-фон-Пильхау, его брат и сёстры, тоже потомки по прямой линии фельдмаршала от четвёртой его дочери, княгини Екатерины Михайловны Кудашевой. Дочь последней была в замужестве баронессой Пиларь-фон-Пильхау.

Кроме того, потомки знаменитого русского полководца имеются в Австрии и Италии, так как дочь третьей дочери Кутузова, графини Елизаветы Михайловны Тизенгаузен, вышла замуж за австрийца графа Фикельмона, а дочь четы Фикельмон, графиня Елизавета-Александра была в замужестве княгиней Клари-Альдринген. Её единственная дочь, графиня Эдме, была женою итальянского графа Робилан-де-Серкальо, бывшего послом Италии в Лондоне. ДИСК.

(«Петербургский Листок» №234 25.08.1912 г.)

Отказались от хорошего офицера

В дни своей коронации император Александр Павлович спросил Заборовского:

— «Правда ли, что первый консул просился ко мне в русскую службу?»

Заборовский отвечал:

— «Я отказал ему, Ваше Императорское Величество, в этой просьбе, так как мне приказано было принимать иностранцев — офицеров тем чином, какой они имели, а Бонапарт желал быть принятым чином выше».

Из исследований графа П. Шереметева видно, что почти одновременно с просьбой Наполеона принять его в русскую армию он просился на службу и в русский флот.

С этим он обращался к командовавшему тогда русской флотилией на Средиземном море генералу Тамаре.

Этот факт, между прочим, подтверждается и графом Фёдором Васильевичем Ростопчиным в его «Правде о пожаре Москвы».

— Я очень часто сожалел, — пишет Ростопчин, что генерал Тамара, имевший препоручение в 1789 году, во время войны с турками, устроить флотилию в Средиземном море, не принял предложение Наполеона о приёме его в русскую службу; но чин майора, которого он требовал как подполковник корсиканской национальной гвардии, был причиной отказа. Я имел это письмо много раз в своих руках.

(«Виленский Военный Листок» №459 от 01.09.1910 г.)

СМЕСЬ

О Караимах, преимущественно живущих в городе Евпатории.

(Из Новороссийского календаря на 1839 г.)

Караити, или, как они предпочтительнее именуются, Караимы следуя строго одному Священному писанию ветхого завета, отвергая Талмуд и все истолкования, получили от того и своё наименование, потому что кара значит писание.

Большая часть учёных согласны в том, что они отделились от единоверцев своих Евреев Талмудистов ещё за 100 лет до Р.Х., и с тех пор не изменились нисколько в религиозных своих правилах.

В Европе явились они впервые в Португалии и Испании, вместе с арабами, и далее сих государств, кажется, нигде не селились на западе. На востоке материка нашего находим их в Молдавии, Валахии, Крыму, Литве и Польше. С распространением владычества Османов, и Караимы постепенно являлись, из мест при-Иерусалимских, в местах завоевания турков; конечно, врождённое во всех Евреях побуждение существовать без особенного труда было тому причиною. Должно полагать, что они следовали за победоносными знамёнами в виде торговцев (нынешних маркитантов при армиях), и селились там, где промысел такой представлял более выгод; потому мы видим их в Чуфут-Кале, близ Бахчисарая, столицы Ханов, и находим в Феодосии и Евпатории, городах, отправлявших прежде и ныне отправляющих значительную торговлю. Даже и в новейшие времена можем в том удостовериться, обратив внимание на Одессу и Севастополь, где они, так сказать стеснились вместе с возникшею там торговлею.

Из Крыма распространились они по Порльше, Литве и Галиции во времена Витольда и Сигизмунда I, выведших оттуда несколько сот семейств.

Беспечность и отвращение туземцев от торговли дали им в новом месте их жилища, способы существования без трудов. При покорении Крыма Россиею считалось Караимов 1 02 муж. пола. Они умели тотчас приобрести благоволение новых владык Тавриды, и получили от мудрой Екатерины некоторые преимущества противу Польских Евреев. Равно и в новейшие времена они пользуются предпочтительным покровительством Российских законов. По последней народной переписи считается Караимов в Таврической губернии 2 064 души муж. пола и 2 124 жен., всего 4 198 обоего пола душ, в том числе в городе Евпатории мужского 1150 и женского 1201 душа.

В Евпатории, как и везде, занимаются они торговлею внутреннею и внешнею, имея постоянные связи в Константинополе и пользуясь там особенною доверенностью.

В Евпатории Караимы имеют синагогу, отличное здание как внутри, так и снаружи; она возникла после подземных пещер, где они отправляли богослужение, не имея дозволения производить его при дневном свете под ханским подданством. Недавно приобрели они древнюю Библию, писанную в Египте в 4770 году от сотворения мира. Для внутреннего управления их общества, при синагоге существует синхедрион, под распоряжением избранных от общества гахама (старейшины) и нескольких раввинов. Обязанности синхедриона состоят в заведывании не только дел духовных и дел, до совести касающихся, но и всех дел, до общества их относящихся; он же заведывает учреждённую при синагоге школою для обучения грамоте, или, лучше сказать закону Караимских юношей, и принимает меры к оказанию на счёт общественный вспомоществования обедневшим согражданам Караимам. Словом, синхедрион есть тот рычаг, которым невидимо двигается постоянное благосостояние их небольшого общества. Не одна торговля, содержание ханов(1), промен монет и другие городские занятия составляют источники всегдашнего благосостояния Караимов: они умели и умеют пользоваться даруемыми им Русскими законами правом приобретения земель, и потому-то в Евпаторийском уезде принадлежит им значительная часть земель. Есть Караимы, имёющие до 10 000 десятин. Было время, когда беспечность, незнание ценности земли, а иногда и дурное поведение татар, владельцев, передавали за бесценок в руки Караимов лучшие земли уезда, когда врождённое всем Евреям искусство накоплять и увеличивать итоги сумм, взятых у них в долг, нечувствительно перевели из рук татар значительные угодья, как-то: земли и сады виноградные и фруктовые по рекам Каче, Альме и другим, в руки Караимов. Остаётся однако жалеть, что ни земледелие, ни скотоводство, ни садоводство от того ничего не выиграли. Караимы, проживая в городах и занимаясь предпочтительно торговлею, незавидные хозяева в землях своих; управление ими они большею частью предоставляют тем же татарам, от которых приобрели их.

Караимы Крымские говорят языком Татарским; его же употребляют при переписке, только европейскими буквами; они собою рослы, черноволосы, плотно сложены и опрятны, что служит ясным доказательством, что они не испытали тягостей безусловного рабства, подобно Польским Евреям Талмудистам, и умели при всех правительствах пользоваться довольством. Ведут жизнь воздержанную и трезвую, а от того и бедных между ними весьма мало, нищих же совсем нет. Обедневший Караим получает вспомоществование и содержание от общества, на что Караимы собирают между собою особенные суммы. Науками они не занимаются, потому что все побуждения, все действия их устремлены на один предмет — приобретение денег; но между тем имеют типографические станки, на которых отпечатывают свои религиозные книги. Жен-

шины их хороши собою, вёсьма белы лицом и сохранили прекрасные глаза Востока — глаза Евреек.

Одежда их сходна с Турецкою; мужчины отличаются только своими большими шапками из чёрных, мелких бараньих смушек, покрытых сверху, предпочтительно, белым сукном, или другою того же цвета материею. А. Т.

(1) Хапом называется значительное здание, огороженное высокою сплошною стеною, где складываются товары и производится торговля; здесь же останавливаются приезжие; в устраиваемых всегда при них кофейнях совершаются кушлы и продажи между Караимами, Татарами и Христианами; словом ханы суть биржи в малом виде. А. Т. («Русский Инвалид» №115 от 08.05.1839 г.)

Караимский гахам С.М. Панпулов

Как известно из телеграмм, в Евпатории скончался престарелый таврический и одесский гахам С.М. Панпулов.

Смерть 83-летнего старца встречена с большой печалью в среде караимов, во главе которых в течении почти 35 лет стоял покойный гахам. Караимский гахам, по характеру своих обязанностей, представляет фигуру, аналогичную армянскому католикосу.

Являясь официальным представителем караимов, покойный гахам часто удастаивался Высочайших аудиенций. Во время последнего посещения несколько лет тому назад Государем Императором и Государыней Императрицей древней караимской святыни Чуфут-Кале в Крыму, Её Величество подарила покойному гахаму Собственноручно сделанный снимок.

Покойный гахам имел все русские ордена и знаки отличия вплоть до Анны I степени. Несколько лет тому назад был возведён в потомственные дворяне.

Небольшая часть караимов выставляет кандидатом в гахамы Шалшала, известного советника экс-шаха.

Шалшал летом истекшего года был избран в Троках гахамом литовских караимов, но, как у нас уже сообщалось, отказался от почётной должности, сославшись на неподготовленность. Уже тогда поговаривали, что Шалшал метит на пост таврического гахама.

(«Наша Копейка» №886 от 04.01.1912 г.)

Корреспонденция

Боровский уезд

Служа много лет волостным писарем в Кривской волости, мне приходилось часто слышать рассказы местных крестьян из эпохи Отечественной войны 1812 года.

Чтобы восстановить в памяти слышанные мною рассказы, я недавно решил побывать в этой волости, благо недалеко от настоящего места моего служения, рассчитывая встретить тех немногих оставшихся стариков, которым были известны некоторые эпизоды из двенадцатого года — и не ошибся.

Прежде чем приступить к передаче рассказов, я должен сказать, что на пути следования Наполеона от г. Боровска на большой дороге расположились три селения: с. Уваровское, с. Тимашево и д. Городня, и Наполеон, отступая к Малоярославцу, лежащему на пути отступления его на г. Калугу, в край нетронутый ещё войною, должен был с главною массою своей армии проходить через эти три селения, а потому в памяти крестьян сохранилось многое, относящееся к памяtnому году.

Село Тимашево, отстоящее от Боровска в 7 верстах, в настоящее время насчитывает около 60 дворов, в этом селе я встретил крестьянина Семёна Акимова, старожилу, который рассказывает, что Наполеон, переночевав в г. Боровске, рано утром двинулся на Малоярославец и проходил через село Тимашево в порядке. Жилищ крестьян на этот раз не трогал, несмотря на то, что все избы были народом оставлены, но после, когда Наполеон под Малоярославцем был разбит, часть его солдат вернулась в Тимашево и село было ими сожжено. В 3 верстах от села при большой дороге, на древнем кладбище, была в 1812 году старинная церковь, деревянная, в которой раз в год служились обедни, французы сожгли её дотла. После на этом месте была построена часовня, сохранившаяся и до наших дней, и каждый год крестьяне, совершая на полях своих молебствия, заходят на это старинное кладбище и в часовне служатся панихиды и молебны.

Говорят, что в Тимашеве, при проходе армии Наполеона через мост, пролегающий через речку Городёнку, провалилась и затонула в воде фура, которую достать не удалось.

В 6 верстах от Тимашева находится д. Городня, расположенная частью на горе и частью под горою при речке этого же названия. Замечательною подробностью отличается рассказ крестьянина Дмитрия Фирсова Орлова, старика, слышанный им в молодости от давно умершего своего дяди Михаила Алексева — очевидца отступления Наполеона. Вот что рассказывает Орлов:

В пасмурное осеннее утро 1812 года по дер. Городне распространился слух о том, что Наполеон с своим войском находится в Боровске и скоро должен появиться в деревне. Было решено селение очистить, а жителям скрыться со всем имуществом в лес, со всех сторон облежавший деревню на значительное расстояние.

Некоторые крестьяне, рассказывает Орлов, с утра пошли караулить появление передовых колонн неприятеля.

Около 11 час. утра от караульщиков, выдвинувшихся далеко вперёд деревни, получено было сообщение, что Наполеон идёт по большаку и уже прошёл Тимашево. Оставшиеся в селении крестьяне, собрав последние остатки своего имущества, ушли в лес к д. Писковой, который заблаговременно выбрали себе убежищем, и расположились в большом глухом овраге, туда же ещё с утра был согнан скот. В деревне остались одни пустые хаты. Дядя Орлова, означенный Михаил Алексеев, проводив семью с имуществом в лес, горя любопытством, сел на лошадь и верхом отправился навстречу французам. Поднявшись на гору и проехав затем с версту по направлению в Тимашеву, Алексеев увидел массу войска, всех родов оружия, тянувшегося нескончаемою лентою по большаку, испугавшись вернулся в деревню и объявил о виденном тем не многим жителям, которые ещё оставались, и вместе с ними ускакал в лес. Между тем французы отступая по избранному пути, приблизились наконец к деревне и подойдя к горе, внизу которой расположена большая часть деревни, остановились.

Наполеон простоял на этом месте целых три часа и затем стал спускаться с войском под гору, прошёл деревню и не причинив ей вреда, направился далее.

Жители дер. Городни, находясь в лесном овраге около д. Писковой, не далее 1 вёрсты от своей деревни, из своего убежища имели возможность видеть картину движения Наполеона по горе, а когда убедились, что французы прошли, осторожно стали возвращаться домой. Вслед за ушедшим неприятелем появились и наши казаки.

Крестьянин Иван Герасимов, тоже старожил, письмом присланным мне, дополняет, что Наполеон пришёл в Боровск в базарный день и приказал стрелять из орудий холостыми зарядами. Бывший на базаре народ, испугавшись, немедленно разъехался по домам. Приезжали затем в Городню казаки, выгоняли народ и приказывали убирать хлеб и всё имущество. Наполеон, дойдя до Городни, остановился в избе на том самом месте где он живёт сам (на горе).

Городенская остановка верна и исторически. Она вдохновила художника В.В. Верещагина. На выставке 1900 года в Москве была между прочим картина этого художника — мыслителя, под названием «В Городне. — Пробиваться или отступать».

Есть основание полагать, что между Городней и с. Тимашевым, на походе французской армии нашим разездом (забыл фамилию начальника) был выхвачен французский солдат, через которого и было открыто, что Наполеон находится в полном отступлении, со всею армией, о чём в туже ночь было донесено Кутузову. Находящемуся в с. Тарутине, в расстоянии 30 вёрст от Тимашева.

Заканчивая эту корреспонденцию я заблаговременно извиняюсь в

том, что допустил некоторые рассуждения, может быть и не вполне согласные с историческим ходом событий, в чём меня читатели простят. Волостн.

Писарь П. Тяпугинъ («Калужские губернские ведомости» №43 от 26.04.1911 г. статья дана с сокращением).

Примечание: «По словам бывшего директора Института военной истории Министерства обороны СССР П.А. Жилина, при отступлении от Малоярославца, на участке между Боровском и Можайском командовавший арьергардом генерал Жерар погребовал от колонны отстававших, сдерживавших темп марша солдат разгрузить рапцы, выкинув их содержимое в реку Протву. В возможности отдачи такого приказа сомневаться не приходится: на плечах Жерара, полгонявшего отступавших, уже висели полки донских казаков». (Н.Н. Непомнящий. А.Ю. Низовский. «ТАЙНЫ КЛАДОВ», Москва, 1999 г.)

Могилы ветерана наполеоновской армии *(По телефону из Кронштадта)*

В Кронштадте на римско-католическом кладбище нашли могилу одного из ветеранов наполеоновской армии, участника Бородинского боя, Иосифа Гочковского.

Поляк Гочковский в составе польского отряда присоединился к великой армии Наполеона после вступления её в пределы России.

Он принимал участие во всех боях против русских вплоть до Москвы.

Когда великая армия была разгромлена, Гочковскому удалось бежать.

Прошло 19 лет, в Польше вспыхнуло восстание, Гочковский становится в рядах повстанцев.

Когда восстание было подавлено, он бежит в Пруссию. Отсюда его выдают России.

Тут в воззрениях Гочковского происходит перелом и он, как милости, просит разрешения загладить свою вину против России службою в русских войсках.

Ему разрешают и назначают его во флот.

26 лет Гочковский служил в Балтийском флоте и жил в Кронштадте.

Потом он вышел в отставку и остался в Кронштадте.

84 лет от роду Гочковский умер и был похоронен на кронштадском римско-католическом кладбище.

(«Петербургский Листок» №234 от 25.08.1912 г.)

ЕЛИЗАВЕТПОЛЬ. В Шуше на окраине, в армянской части, найдена зарытой в землю пушка. В целях обнаружения другого оружия производятся раскопки. (Виленский Вестник № 1983 от 27.01.1910 г.)

(ЕЛИЗАВЕТПОЛЬ — Гянджа. Прим. составителя).

Новый кружок

18 июня, в здании Штаба Округа, состоялось открытие Виленского кружка «ревнителей памяти Отечественной войны 1812 года», возникшего по инициативе Командующего войсками Округа генерал-лейтенанта Гершельмана.

Цель кружка — восстановление на местах следов этой эпохи и соби- рание всякого рода уцелевших памятников.

Территория Виленского военного Округа служила ареною большей части важнейших событий Отечественной войны. Естественно, что этот район сохранил и большую часть памятников исторической борьбы на- родов, из которой Россия вышла славной победительницей. Для Вилен- ского кружка открывается широкое поле для деятельности.

Устав кружка опубликован в приказании по войскам Округа 26 марта № 65. За короткий промежуток времени — два с половиной месяца, — не смотря на неблагоприятный период, когда все войска заняты уже полевы- ми занятиями, кружок насчитывает уже 50 человек действительных членов.

На первом организационном собрании кружка, председателем избран военный судья Виленского военного окружного суда генерал-майор Бернацкий, горячо взявшийся за труд проведения в жизнь идеи кружка.

Вице председателем генерал Шт.подп. Буняковский, секретарём ген. шт. кап. Буров и казначеем шт.-кап. Драверт.

На этом же собрании решено было просить генерал-лейтенанта Гер- шельмана принять звание почетного председателя кружка, Вр. коман- дующего войсками генерал-лейтенанта Мартсона и Виленского губер- натора почетными членами. Были посланы следующие телеграммы: 1) Командующему войсками ген. Гершельману: «Виленский кружок рев- нителей памяти Отечественной войны, организованный по инициативе вашего превосходительства, открыл первое собрание, почтительно про- сит принять звание почетного председателя кружка и искреннее поже- лание скорейшего выздоровления».

Председателю Комитета по сооружению в Москве музея 1812 г. ген. от инф. Глазову: «Виленский кружок ревнителей памяти Отечественной войны, организованный с целью принести посильную помощь в деле Высочайшею волею порученного Вашему высокопревосходительству восстановления памяти исторической эпохи, открывши первое собра- ние, почтительно просит Вашего покровительства в дальнейшей своей деятельности».

От ген. л. Гершельмана на другой же день на имя председателя полу- чена следующая ответная телеграмма:

«С удовольствием принимаю предложенное мне почетное звание и благодарю за пожелания. Со своей стороны уверен, что новый кружок

своей плодотворной деятельностью облегчит выяснение всех подвигов двенадцатого года. Гершельман».

Нельзя не пожелать кружку успеха в достижении поставленных для его деятельности задач.

(«Виленский Воен. Листок» №440 от 23.06.1910 г.)

Памяти первого павшего русского офицера в Отечественной войне

На днях в Оранском лагерном сборе 171-м пехотным полком была почтена память прапорщика Николая Ивановича Ившина, первого русского офицера, сто лет тому назад павшего в перестрелке с французами при уничтожении плавучего моста через Неман в городе Гродне. Прапорщик Ившин служил в Гродненском полубатальоне внутренней стражи, который является родоначальником нынешнему Кобринскому полку. В 8 часов вечера 18 июня Кобринцы были построены впереди своего лагеря на поляне, где полковым священником была отслужена панихида по павшем герою. Отцом Гончаровым было произнесено слово, посвященное событиям Отечественной войны и памяти прапорщика Ившина. После панихиды начальник лагерного сбора — н.к. 43 п. дивизии генерал-лейтенант Слюсаренко — обратился к полку с горячей краткой речью, закончив пожеланием Кобринцам свято и честно выполнить свой долг воина на пользу Царю и Родине.

«Кобринцы свято должны чтить память этого ветерана Суворовских походов, первым кровью своею запечатлевшего верность Царю и Родине, передаваемую от предков к потомкам».

*(«Виленский Военный Листок» №644 от 04.07.1912 г. с
татья дана с сокращ.)*

Французский памятник в Вильне

Председатель виленского кружка ревнителей памяти старины 1812 г. г. Бернацкий, изучая историю Отечественной войны и делая в этом направлении исследования, как мы недавно сообщали, пришел к заключению, что в самом городе Вильне было погребено около 50 000 французских тел, а в пределах виленского округа около 300 000, причем могилы героев ныне союзной Франции совершенно забыты и на них ни одного памятника.

Г. Бернацкий минувшим летом, во время своей поездки в Петербург, сообщил о вышеизложенном французскому посольству.

Ныне, как уведомили г. Бернацкого французские власти, в Париже образован особый комитет, в составе которого входят военный министр

и министр иностранных дел, внук маршала Нея, художник Детайль и прочие лица. Делегатом этого комитета в Россию назначен атташе при французском посольстве полковник Матон.

Полковник Матон письмом известил председателя виленского кружка, г. Бернацкого, что вышеозначенный французский комитет решил воздвигнуть в память павших в России героев 1812 г. три памятника, а именно: в Бородине, в Смоленске и в Вильне.

Одновременно полковник Матон просил г. Бернацкого войти в сношение с Виленским муниципалитетом по вопросу о предоставлении под памятник подходящего места.

Согласно этой просьбе г. Бернацкий вошел с соответственным ходатайством в городскую управу о предоставлении безвозмездно какой-либо площади.

Ходатайство это на-днях было рассмотрено советом по благоустройству города, который признал, что наиболее подходящим местом для означенной цели является сквер при городском театре на Большой ул.

Вопрос этот, вместе с заключением совета по благоустройству города, вносится на рассмотрение думы в предстоящем заседании 8 марта.

(«Виленский Вестник» №2613 от 02.03.1912 г.)

Новый головной убор турок

Одним из последствий младотурок является изгнание национальной, кроваво-красной фески, которую заменит новый головной убор. Турок можно было узнать всегда по их феске: султан носит её, так же как и солдаты, великий визирь и ниший. Теперь поговаривают о серьёзной реформе: феску изгоняют, а вводят «колпак», т.е. папаху, которую носят многие азиатские народы, и которая была во времена иные головным убором турок.

Султан Мухасамед ввёл моду на феску после усмирения янычар. Он хотел уничтожить всё, могущее напомнить непокорные войска, не хотел видеть папах и не найдя другого, ввёл «скуфеску» с Ионических островов. Теперь решено, что солдаты будут носить папаху, бывшую в употреблении до моды на тюрбан. За войсками последуют чиновники, а за ними вся нация.

(«Виленский Военный Листок» №464 от 18.09.1910 г.)

Пребывание французского военного агента в Вильне

25 апреля ранним утром прибыл в Вильну военный агент при французском посольстве в Петербурге полковник Матон, командированный

французским правительством для решения на месте вопроса о постановке памятника в Вильне французским воинам, павшим в войну 1812 года...

(«Виленский Военный Листок» № 626 от 02.05.1912 г.)

Памятник французам на Бородинском поле

Полковник французской армии Матон получил разрешение поставить памятник-obelisk павшим во время Бородинского сражения французам. Местом для постановки обелиска выбран пункт, где была расположена масса французской артиллерии.

(«Виленский Военный Листок» № 627 от 05.05.1912 г.)

Разумный воевода

В «Русском Архиве» напечатан старинный рапорт воеводы, который пишет:

20 мая, на память мученика «Феломея», волею Божию половина города выгорела дотла и с пожитками, а из оставшейся половины города ползут тараканы в поле, и видно, что и на эту половину гневу Божию быть, и на долго ль, коротко ль и той половине города гореть, чего ради правительствующему сенату представляю, не благоугодно ли будет градожителем пожитки свои выбрать, а оставшуюся половину города зажечь, дабы не загорелся город не вовремя, и пожитки все бы не сгорели.

(«Виленский Военный Листок» № 609 от 25.02.1912 г.)

Парфорсные охоты

Огромное значение парфорсных охот, как пособия при обучении кавалерийской полевой езде, заставило по примеру Запада ввести охоты в нашей офицерской кавалерийской школе. К сожалению, далеко не все кавалерийские офицеры могут пройти курс школы и принять таким образом участие в парфорсных охотах школы. Чтобы всё-таки дать возможность и остальным кавалерийским офицерам принять участие в этих полезных упражнениях, с этой осени решено по окончании школьных охот в Поставах посылать школьную охоту, т.е., стаю собак с доезжачими, лошадьми и несколькими офицерами постоянного состава, в пункты наибольшего сосредоточения кавалерийских частей. В данное время парфорсные охоты уже производят в окрестностях г. Сувалок, откуда охота переправится в Тверь в Ржев, где впрочем уже выпал довольно большой снег, не особенно благоприятствующий парфорсным охотам. Так сказать «передвижные» охоты встречены кавалерией весьма сочувственно, и

множество частей уже ходатайствует о посещении охоты и их расположении. Во главе передвижной парфорсной охоты в настоящем году находится начальник школы ген.-м Химец с полк. Васильевым и ротмистрами Бортеном и Воликовским.

(«Виленский Вестник» №2806 от 21.10.1912 г.)

Предварительные экзамены

С 27-го февраля 1910 г. при Окружном Штабе будут произведены предварительные испытания офицерам Виленского военного Округа, изъявившим желание поступить в Императорскую Николаевскую военную академию.

Экзамены состоятся в присутствии комиссии, в составе председателя её, генерал-майора Борисова и Полковника Трофимова.

Экзаменующиеся офицеры должны явиться в штаб Округа 26 февраля в 12 часов дня.

(«Виленский Военный Листок» №403 от 30.01.1910 г.)

Вызов желающих

Конференция Императорской Николаевской Военной Академии вызывает лиц, желающих подвергнуться испытанию для зачисления в кандидаты на должности профессоров Академии. Особенно желательно заявление о готовности конкурировать на занятие кафедры по военной статистике и по военной администрации. Срок подачи заявлений до 8-го февраля с.г.

(«Виленский Военный Листок» №399 от 16.01.1910 г.)

Наполеон 1 и его мамелюк

Гектор Флейшман издал книгу, озаглавленную именем любимого мамелюка императора Наполеона 1, Руста́на (Rustan, mameluck de Napoleon). В основу этой книги легли, главным образом, устные рассказы Руста́на, собранные капитаном артиллерии старой гвардии, Анри Биллионом, и затем проверенные и дополненные по другим источникам.

Оказывается, Руста́н был в некотором роде нашим соотечественником, так как родился в Тифлисе, где отец его занимался торговлею. Укращенный татарами и пять раз перепроданный, Руста́н, наконец, попадает, уже юношей, к каирскому бею. Здесь его зачисляют в отряд мамелюков, главная особенность которого заключалась в том, что он рекрутировался преимущественно кавказскою молодежью. По свидетельству генерала Бове, среди каирских мамелюков было также немало немцев,

французов, русских. ...Любопытно, что кроме этих иностранцев в Каире находились ещё французские якобинцы, задачей которых было проникнуть в самые секретные комнаты пирамид и там открыть тайну Пирама, будто бы записанную символическими знаками на могиле этого основателя всемирного франкмасонства...

Все это было накануне египетской экспедиции Бонапарта, который, как известно, недолго пробыл в стране пирамид и, сдав командование французскими войсками генералу Клеберу, сам возвратился в Париж, для того, чтобы «разогнать адвокатов», как он выразился о директории, а также для отражения иностранной коалиции...

О пребывании генерала Бонапарта в Египте рассказываются интересные вещи. Между прочим, обнаруживается, что для вящего успеха своей экспедиции он, действительно, принял в Каире мусульманство и вообще усвоил себе там много восточного. К книге приложен снимок со старой гравюры, на котором Али-Бонапарт изображен в восточном костюме и, конечно, в чалме. Здесь же находится изображение Рустана в необычайно эффектном военном костюме мамелюка. Красивый, веселый и представительный Рустан очень понравился Наполеону и сделался его верным слугою и телохранителем. Появление его в Париже произвело настоящий фурор. Повсюду только и было разговора, что о наполеоновском мамелюке. И сейчас же, конечно у французов появились модные костюмы и прически *a la Roustan*. В таких именно костюмах и прическах изображены на приложенных к книге портретах М-ме Бонапарт и прусская королева.

В Париже у многих знатных и богатых лиц было в обычае держать в штате прислуги негров и мулатов; теперь эта мода прошла. У Бонапарта был даже китаец, но первый консул выслал его из Европы после того, как этот сын неба выкрал у него из погребца две тысячи бутылок бургундского и продал их в свою пользу. Теперь, по примеру Бонапарта, стали заводить собственных мамелюков, между прочим Мюрат организовал целый полк из Мамелюков и негров, принимавший впоследствии участие и в походе 1812 года. Конечно, большая часть этого полка погибла в снегах России и только немногие уцелели. Известный сержант наполеоновской гвардии Бургонь видел потом этих несчастных в Эмбинге, как они, оборванные, голодные и обмороженные, стоя на снегу перед дворцом неаполитанского короля, «клацали зубами». Это малороссийское выражение вполне передает французское *«claguaient des dents»* ...

Рассказы Рустана очень любопытны и рисуют все мельчайшие детали, домашней жизни Наполеона и ближайших к нему лиц. Но напрасно было бы искать в его воспоминаниях известий о событиях высшего разряда. Точно также о походе 1812 года он почти ничего не сообщает, кроме того разве, что все время безотлучно находился при императоре.

Между прочим мы узнаем, что в Москве он торговал кашемировыми шальями, приобретенными, конечно из разграбленных русских лавок; и затем во время отступления отморозил нос. По прибытии в Дрезден ему посоветовали намазать нос каким-то лекарством и — о- ужас! — Нос совсем пожелтел. Рустан был в отчаянии. И только в Париже лейб-медик Корвизар успокоил его. — «Есть ли какая-нибудь опасность? — заботливо спросил Наполеон доктора, указывая на нос мамелюка. — «Нет, ваше величество, — отвечал Корвизар; — впрочем, если нос у Рустана отвалится, мы его пришьём»...

Между прочим, глубоким драматизмом веет от воспоминаний Рустана о том, как «бедный император, охраняемый священным баталионом», принужден был идти к Березине пешком, с палкой в руке и в лохмотьях под меховой шубой (*en logues et en fourgures*), и какими страшными пятнами чернели в это время на снегу вороны стаи, неотступно следовавшие за несчастной «великой армией»...

Утром 10 декабря Наполеон прибыл в Варшаву в сопровождении Коленкура, капитана далматинца Вукасовича и Рустана и остановился в Английской гостинице, на Вербовой улице (*rue des Saules*)...

Рустан почти ничего не говорит об этом пребывании Наполеона в Варшаве. Но в книге Флейшмана приложены записки аббата де-Прадта, в которых последний довольно подробно повествует об этом эпизоде.

«10 декабря, — говорит де-Прадт, — я был занят составлением спешной депеши к герцогу де-Бассано, когда вдруг в мой кабинет вошел какой-то фантом, опираясь на одного из секретарей посольства.

— Скорее идите со мной, — сказал фантом, голова которого была обвязана черным платком и тонула в меховом воротнике шубы. Походка его, вследствие бывших на нём меховых сапог, была тяжелая и неуклюжая. Схватившись с места и пристально взглянув в лицо незнакомца, я, наконец, узнал его. — «Это вы, Коленкур? Где император?» — «В Английской гостинице; он ждет вас». — «Почему же он не остановился в Замке?» — «Он не желает быть узнанным». — «Все ли вы имеете, что нужно?» — «Дайте бургундского и малаги». «Мой погреб, дом и всё к вашим услугам. Но куда вы направляетесь теперь?» — «В Париж» — «А армия?» — «Её уже нет», печально проговорил Коленкур, поднимая глаза к небу...»

«Было полчаса второго, — продолжает де-Прадт, когда я подошел к Английской гостинице. У ворот стоял польский жандарм. Хозяин гостиницы испытующе взглянул на меня и, после минутного колебания, впустил во двор. Здесь я увидел маленькую каретку, установленную на четырёх сосновых полозьях, которые были на половину обломаны в дороге. Далее стояло двое открытых саней, на которых приехали генерал Лефевр с полковником Вонсовичем, Рустан и лакей. Вот что осталось от прежнего великолепия! Я вошел в помещение гостиницы. Маленькая

дверь таинственно открылась и я увидел Рустана, который сейчас же узнал меня. Видно было, что собирались обедать. Коленкур доложил обо мне императору и затем ввел меня к нему.

Я очутился в низкой, грязной и холодной комнате, с полузакрытыми ставнями. Грязная служанка возилась около печки и изо всей мочи раздувала накладываемые ею в печь сырые сосновые ветки, которые не хотели гореть и только трещали и шипели...

«Император ходил взад и вперед по комнате в меховой шапке и в шубе, крытой зеленым бархатом, с золотыми бранденбургками. Оказывается, что он в таком виде прошел пешком от пражского моста до Английской гостиницы.

— А, господин посланник! — сказал вдруг Наполеон и засмеялся ...

Я почтительно подошел к нему и стал выражать своё удовольствие по поводу того, что вижу его в добром здоровье. При этом прибавил, что «уже начал беспокоиться о нём...»

Затем между императором и его посланником началась продолжительная беседа.

По словам де-Прадта, Наполеон произвел на него ужасно тяжёлое впечатление. Он много говорил о Франции, России и Польше; но у де-Прадта составилось такое убеждение, что он беседует прямо таки с безумным человеком ...

Впрочем, к рассказам де-Прадта следует относиться критически, так как и сам он произвел на Наполеона дурное впечатление. По крайней мере, на другой же день Наполеон послал своему министру иностранных дел повеление о немедленном отзывании де-Прадта из Варшавы. Впоследствии же, находясь на острове св. Елены и читая записки де-Прадта, Наполеон ужасно возмущался той ложью, какую бывший его посланник вложил ему в уста во время беседы в Английской гостинице в Варшаве. Он не отвергает только знаменитой фразы: «*Du sublime au ridicule il ny a guin pas*»...

На другой день Наполеон выехал из Варшавы на Кутно и дальше...

Обращаясь к Рустану, следует сказать, что он очень дурно заплатил Наполеону за его доброту к нему и расположение. Скопив на службе императору довольно крупный капиталец он, к большому огорчению Наполеона, не последовал за ним в изгнание ... («В.Д.»)

(«Виленский Вестник» №2585 от 28.01.1912 г.)

Примечание: О религиозности Наполеона имеется несколько интересных свидетельств: «Первый консул оживил церковные колокола, и их звон раздавался над всей страной. Был ли он сам религиозным, верующим человеком? Нет, конечно. Искренний почитатель в юности Вольтера и материалистов, поклонник Руссо должен был относиться к церкви, к религии крайне скептически... Вероятнее всего, его натолкнул на мысль о необходимости пересмотра церковной политики опыт Италии и Египта.»

(«Наполеон Бонапарт» А.З. Манфред Москва 1989 г.)

Мармон — «Однажды в Фонтенбло кардинал Феш (1) позволил себе колкости, которые стали для него обычным делом. Император рассердился и сказал, что ему идёт этот лицезмерный тон, ему — такому свободолюбивому, неверующему и т.д.

- Возможно, возможно, — ответил Феш, — но это не мешает вам совершать несправедливости, у вас нет ни здравого смысла, ни прав, ни благовидных предлогов; вы — самый несправедливый из людей.

Тогда Император взял его за руку, открыл окно и вывел на балкон.

- Посмотрите вверх, — сказал он, — видите там что-нибудь?

- Нет, — ответил Феш, — я там ничего не вижу.

- Ну тогда молчите. А я вижу там свою звезду, это она ведёт меня за собой. И не смейте больше сравнивать свои ничтожные и ограниченные способности с моей высшей организацией.

Множество раз мы наблюдали, как я уже замечал и ещё не раз замечу, потребность, которую испытывал Наполеон, выискивая связь неба и своего рождения.»

(1) Феш Жозеф (1763 — 1839). Дядя Наполеона, сводный брат его матери. В 1803 году стал кардиналом, вёл переговоры с Римским папой о коронации Наполеона. («МЕМУАРЫ МАРШАЛА МОРМОНА О НАПОЛЕОНЕ И ЕГО ВРЕМЕНИ») Москва, Рейтар, 2003 г.)

Художник-баталист В.В. Верещагин приводит рассказ очевидца — офицера молодой гвардии: «Мы шли большою дорогою, по направлению к Борисову. До города было уже не очень далеко. Бонапарт шёл, как и все мы, с палкою, он был одет в меховую шубу и шапку и шёл по середине дороги в нескольких шагах от меня, следом за князем Невшательским (Бертье).

Кругом было как-то тоскливо тихо и спокойно — когда мы увидели шедшего нам навстречу офицера. Это был состоящий при главном штабе полковник de F. Он остановился перед князем и отрапортовал ему что-то. — я слышал только слова «Березина» и «русские». Все остановились, также и Бонапарт, который был в шагах шести от начальника штаба и от полковника. Я придвинулся немного, чтобы разузнать в чём дело. Слышу, Бонапарт спрашивает сердито: «Что он там толкует? Что он толкует? — князь приказал полковнику повторить донесение Бонапарту, как теперь слышу:

de F — господин маршал поручил мне уведомить о том, что русская Молдавская армия пришла к Березине и завладела всеми переправами.

Бонапарт — Это неправда, это неправда, это неправда!

de F — что две неприятельские дивизии завладели мостом и занимают берег, так же, что река замёрзла недостаточно для переправы по льду.

Бонапарт (с гневом) — Вы лжёте, вы лжёте, это неправда!

de F — (хладнокровно и тоном повыше) — меня не посылали проверять положение неприятеля; господин маршал послал меня с этим донесением, и я исполняю свой долг.

Видя, что Бонапарт стал шевелить своей палкою, я подумал, что он хочет ударить ею полковника: но в эту минуту он, с широко расставленными ногами, откинулся назад и, опираясь левой рукою о палку, со скрежетом зубов, кинул к небу свирепый взгляд и поднял кулак! Настоящий крик бешенства вырвался из его груди, он повторил свой жест угрозы и прибавил короткое и выразительное слово... само по себе составляющее богохульство! Уверю вас, что в жизнь мою я не видел более ужасного выражения лица и всей фигуры! Он, очевидно, совсем забыл о старании, с которым скрывал до сих пор перед нами свои ощущения и старался казаться весёлым, чему конечно никто не верил. Мы так внимательно следили за всеми его движениями и были до такой степени поражены следствием, что опомнились только тогда, когда он приказал продолжать путь».

(И.Н. Васильев «НЕСКОЛЬКО ГРОМКИХ УДАРОВ ПО ХВОСТУ ТИГРА» Москва, Рейтар 2001 г.)

«25-го июня русский император Манифестом объявил своему народу о предстоящей войне, поручая ему спасти отечество и свободу и призывая Бога, заступника православия.

Я заметил, что Наполеон, хотя и христианин, однако при объявлении войны взывал к судьбе».

(«Поход Наполеона в Россию в 1812 году», ДЕ ЛА ФЛИЗ, Москва, 2003 г.)

«Россия увлечена роком. Судьба её должна свершиться...» Наполеон Обращение к «Великой армии» (1812 г.)

Основные мировые религии получили своё начало в Индии и произошли из Брахманизма и Буддизма, (Веды, Упанишады). Брахманизм дал рождение Зендской религии — Зороастризму (Зенд-Авеста). Из Брахманизма и Зороастризма возник Иудаизм (Талмуд). Из Иудаизма произошли Христианство (Библия) и Ислам (Коран), кроме иудаизма в Христианстве большие тенденции имеют Брахманизм и Буддизм. (Прим. составителя.)

Наполеон и Апокалипсис

Всем хорошо известно, что в 1812 году не только среди населения, но и среди интеллигентных слоёв общества получила широкое распространение мысль, что Наполеон является прообразом антихриста. Об этом толковали крестьяне в деревне, об этом громко говорило духовенство с церковных амвонов, наконец об этом вполне серьёзно говорили в светских гостиных и кабинетах учёных. Насколько эта мысль прочно укоренилась и была популярна в обществе, доказательством служит письмо профессора дерптского университета Вильгельма Гецеля, адресованное в 1812 году командующему первой армией Барклаю де Толли.

В этом письме он пишет: «Если бы можно было вселить в Императорское Российское воинство то уверение, что оно Провидением избрано к прекращению в нынешнем 1812 году тех бедствий, кои Наполеон навёл на всю Европу, то сие бы усугубило бодрость духа и облегчило бы одержание победы. Такое уверение может быть произведено в действие через прилагаемое при сём каббалистическое «изъяснение двух мест Апокалипсиса св. Апостола Иоанна, т.е. главы 13 ст.5 и 18, если полковые священники благоразумно разгласят его».

Содержание этих стихов следующее:

Ст. 5 «И даны были ему уста, говорящие гордо и богохульно, и дана ему власть действовать сорок два месяца...»

Ст. 18 «Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое: число его шестьсот шестьдесят шесть».

И вот, переложив буквы, составляющие имя Наполеона, в цифру (по способу еврейского числоизложения), профессор Гецель получил число «666» т.е. именно то число, которым выше определён зверь, под которым в Апокалипсисе разумеется антихрист. Предел славы зверя опреде-

лён цифрой 42. Отсюда Гецель и делает выводы, что 1812 год, в котором антихристу Наполеону шёл 43-й год, и будет пределом славы и существования его.

«А каким образом сие всячески достопамятное изъяснение должно быть в войске разглашено», — продолжает профессор Гецель, — «раздачей ли печатных листов, или только изустным от духовенства внушением, то представляю вашему благоусмотрению».

Низвержение Наполеоном всего того, что до сих пор казалось незыблемым, превращение монархии в республику; его непобедимость и успех русского оружия в борьбе с ним с самого начала её, т.е. с 1806 г., а затем его нашествие, повлекшее за собой новую рекрутчину, всегда сопровождавшуюся воплем и горем населения, считавшего её за народное бедствие; фанатические проповеди духовенства, призывавшего так пламенно население на борьбу с грозным врагом; воззвание Синода, разосланное вслед за манифестом Государя о сборе ополчения и, наконец, специально составленная и разосланная Синодом по епархиям молитва об избавлении от супостатов и спасения веры православной, — всё это способствовало тому, что население начало воспринимать отождествление Наполеона с антихристом за реальный факт. Мысль эта, начавшая мерцать ещё в 1806 г., в 1812 году зажглась ярким пламенем особенно после того, когда на небе появилась комета, признанная всеми за грозное предзнаменование того, что наступает царство врага христианства и Спасителя. Народу казалось, что надвигающийся враг угрожает не только его свободе, самобытности, но и самому дорогому, что у него при его бедном духовном развитии было — православной религии. Борьба с народом и его воодушевлением, как показывает история, всегда приводит к победе такового. Неудивительно, что впоследствии Наполеон, вспоминая о походе в Россию, говорил: «Нам предстояла война с новой Испанией, но Испанией без границ, без городов и с «бесчисленным количеством защитников».

Владимировъ («Виленский Вестник» №2761 от 28.08.1912 г.)

Примечание: М.Б. Барклай де Толли распространил («для надлежачего употребления») среди полковых священников 1-й Западной армии полученное им в начале войны от дерптского профессора В.Ф. Гецеля письмо, содержащее каббалистическое изъяснение двух мест Апокалипсиса Святого Апостола Иоанна, где в имени императора Наполеона высчитывалось «звериное число 666» и предсказывалось его падение в 1812 г. (Об этом свидетельствует рапорт полевого обер-священника 1-й Западной армии протоиерея Алексея Торопогрицкого обер-священнику армии и флота И.С. Державину). РГИА. Ф.806, оп.1, д.2156, л.1.

(«ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА Источники. Памятники. Проблемы», Можайск-Терра, 2000 г.)

«Цифра 6 — одна из самых противоречивых и сложных в нумерологической системе. ...

Если вы внимательно просмотрите все цифры, то заметите, что цифры

6 и 9 очень похожи в написании, и это не случайно. Цифра 9 отвечает за память человеке и его ум, который всегда предназначался для накопления знаний, помогающих человеку выжить. Если так, то цифра 6 должна была сохранить основное значение цифры 9 (ум, знания), но должна «перевернуть» их цели, а именно: человек становится забывчивым по отношению к своим близким, ум работает для накопления тех знаний, которые помогают ему продвигаться к власти с целью подавления, унижения и в конечном счёте истребления другой личности. ... Накапливать знания, которые позволяли воздействовать на человека, его психику, здоровье, имелись способы устранения людей (вплоть до убийства). Такие знания получили названия чёрные, а люди, обладающие ими, — «чернокнижники». ...

Знак заземления «666 и более». Большое число шестёрок в психоматрице человека можно назвать «числом колдуна или ведьмы». (А.Ф. Александров, «ДАТЫ И СУДЬБЫ тайна дня рождения», Москва, 2004 г.)

«Шестёрка — знак незаконченности творения. Три шестёрки — дурная бесконечность материализма». (Ю. Воробьёвский «Шаг Змеи», Москва, 2002 г.)

Празднование новолетия в России

Историческая справка

Древняя Русь, приняв христианство из Византии с церковным её законодательством, вела своё летоисчисление от сотворения мира, полагая началом индикта или нового года, по установленной пасхалии, март месяц: «зане как говорится в следованной псалтири, он началобитный свет бысть»...

«В сей месяц Бог сошел за человеколюбие на землю... В сей месяц вольною страстию Его плотскою клятва потребится, смертью Его смерть умертвится ... Его воскресением из мертвых Адам и весь род человеческий от ада возведен ... сего ради от первого числа его начало приемлют все круги солнечные и лунные и вруцеле то и висектос (високос), и равноденствие составляет в нем и прочая».

... В 1343 году, в княжение Симеона Гордого, сына Ивана Калиты, первого собирателя русской земли под властью Москвы, Митрополит Феогност (грек) постановил праздновать индикт, или начало нового года с 1 сентября по примеру Александрийской церкви, руководствовавшейся следующими соображениями: в этот день, когда иудеи праздновали наступление нового года, И. Христос пришел в Назарет — место своего воспитания — и, войдя в синагогу в день субботний, прочитал слово пророка Исаи: «Дух господен на мне, ибо Он помазал меня благовествовать нищим и послал меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу, проповедовать лето Господне благоприятно» (Лук. 4, 18-19)...

Составлена была особая церковная служба с воследованием индикта и празднуемого в первый день сентября пр. Симеона Столпника. Домовитые устроители московского княжества весьма благосклонно от-

неслись к календарному изменению уже по одному тому, что к этому времени (1 сентября) завершались полевые работы, и можно было сделать подсчет «изобилию плодов земных». И простой народ не без удовольствия принял распоряжение праздновать новолетие не в день пр. Евдокии — весновки (1 марта), а в день пр. Симеона летопроводца (1 сентября), назвав последний началом бабьего лета в виду наступления легких для женщин занятий, как то: мочение льна, конопли, трепание их и проч.

Триста с лишком лет Россия святитла день 1 сентября, как день новолетия, и навсегда оставила грядущим поколениям память о нём, как о начале церковного года. Последнее торжественное празднование этого дня было совершено в Москве в 1699 году, когла Пётр I, справляя старый обычай своих предков в присутствии патриарха Адриана, приветствовал народ на Ивановской площади своим милостивым словом.

На его царские речи народ восклицал: «здравствуй, здоров будь на многия лета, надёжа государь».

19 декабря 1699 года царь издал повеление начинать счет годов не от сотворения мира, а от Рождества Христова. Декабря же того же года он приказал обнародовать следующий свой именной указ: «Великий Государь указал сказать: известно Ему, Великому Государю, не только, что во многих европейских христианских странах, но и в народах славянских, которые с восточною православною нашею церковью во всем согласны, как Волохи, Молдавы, Сербы, Далматы, Болгары и самые Его Великаго Государя подданные Черкассы и все греки, от которых вера наша православная принята, все те народы согласно лета свои исчисляют от Рождества Христова осемь дней спустя, то есть Генваря с 1 числа, а не от сотворения мира, за многую рознь и считание в тех летах и ныне от Р.Х. доходит 1699 год, а будущего Генваря с 1 числа настанет 1700 год купно и новый столетний век; и для того доброго и полезного дела указал Великий Государь впредь лета счислять в приказах и во всяких делах и крепостях писать с 1 числа от Р.Х. 1700 года. А в знак того доброго «начинания и нового столетнего века в царствующем граде Москве, после должного благодарения к Богу и молебного нения в церкви, и кому случится и в дому своём, по большим и проезжим знатным улицам, знатным людям и у домов нарочитых духовного и мирского чина перед вороты учинить некоторые украшения от древ и ветвей сосновых, елевых и можжевеловых против образцов, каковы сделаны на гостином дворе и у нижней аптеки, или кому как удобнее и пристойнее, смотря по месту и воротам, учинить возможно; а людям скудным каждому хотя по древцу или ветве на вороты или над храминою своею поставить; и то б наспемо ныне будущего Генваря к 1 числу сего года, а стоять тому украшению Генваря по 7 день того де 1700 года. Да Генваря же в 1 день в знак весе-

лия, друг друга поздравляя новым годом и столетним веком, учинить сие: когда на большой Красной площади огненным потехи зажгут и стрельба будет, потом по знатым дворам и боярам и окольных и думным ближним и знатым людям палатного, воинского и купецкого чина знаменитым людям каждому на своём дворе из небольших пушек, буде у кого есть, и из несколько мушкетов или иного мелкого ружья учинить трижды стрельбу и выпустить несколько ракетов, сколько у кого случится, и по улицам большим, где пространство есть, Генваря с 1 по 7 число по ночам огни зажигать из дров или хворосту или соломы, а где мелкие дворы, собрався пять или шесть дворов, такой огонь класть или, кто похочет на столбинах поставить по одной или по 2 или по 3 смоляные и худые бочки, и наполняя соломою или хворостом, зажигать; а перед Бурмистрскою Ратушею стрельбе и таким огням и украшению по их разсмотрению быть же». (П.С.З.Р.И. № 1736).

К календарной реформе Петра народ отнесся крайне неодобрительно, а духовенство, во главе с патриархом Адрианом, — и совсем враждебно. Надо заметить, что христианские церкви — восточная и западная — долгое время не хотели святить день 1 января, как день новолетия, в виду того, что римляне, начав праздновать этот день за 45 лет до Р.Х. (юлианский календарь), «предавались роскоши, сладострастию и разным бесчинствам». Январь месяц стал считаться первым месяцем в году лишь со второй половины 16 столетия. Почин в этом отношении принадлежит французскому королю Карлу Девятому (1560-1574).

В России в настоящее время идет речь о замене старого стиля (юлианского календаря) новым введенным папою Григорием тринадцатым в 1582 г. по Р.Х. и известном под названием григорианского календаря, так как разница между названными счислениями времени в нынешнем столетии достигла уже 13 дней. Высочайше утвержденная по сему поводу особая комиссия отнеслась, однако, отрицательно к такому нововведению и остановилась, как сообщают газеты, на мысли о создании единого мирового календаря, бесспорно необходимого для всех стран старого и нового света.

(№ 2565 от 04.01.1912 г. «Виленский Вестник»)

Примечание: В России, вернее в СССР, григорианский календарь введен с 14 февраля 1918 года.

Первый раз ёлка была наряжена в Лотарингии в Страсбурге в 1525 году как символ райского дерева. была украшена красными яблоками, т.е. ёлочные игрушки, которыми ныне украшают ёлку, символизируют библейский запретный плод познания добра и зла — яблоко. (Прим. составителя.)

Против пьянства

Комиссия по народному образованию в настоящее время разрабатывает вопрос о введении преподавания о вреде пьянства в городских начальных училищах. Мера эта вызвана тем, что состав учащихся в этих школах составляют дети рабочих, ремесленников и т.д., т.е. среды, где наиболее развито влечение к вину.

(«Виленский Военный Листок» №402 от 27.01.1910 г.)

События 1812 года в Вильне

Высочайший рескрипт на имя Председателя Государственного Совета и Комитета графа Николая Ивановича Салтыкова

Граф Николай Иванович ! Французские войска вошли в пределы нашей Империи; самое вероломное нападение было возмездием за строгое наблюдение союза. Я для сохранения мира истощил все средства, совместные с достоинством Престола и пользою Моего народа. Все старания Мои были безуспешны. Император Наполеон в уме своем положил твердо разорить Россию. Предложения самые умеренные остались без ответа. Внезапное нападение открыло явным образом лживость подтверждаемых в недавнем ещё времени миролюбивых обещаний. И потому не остается Мне иного, как отражение силы силою. Я надеюсь на усердие Моего народа и храбрость войск Моих. Будучи в недрах домов своих угрожаемы, они защитят их с свойственной им твердостью и мужеством. Провидение благословит праведное наше дело обороны Отечества. Сохранение независимости и чести народной принудило нас препоясаться на брань. Я не положу оружия, доколь ни единого неприятельского воина не останется в Царстве Моём. Пребываю к Вам благосклонный.

На подлинном подписано собственною Его Императорского Величества рукою : так «АЛЕКСАНДРЪ».

Вильно июня 13-го 1812 года.

(«Виленский Военный Листок» № 537 от 11.06.1911 г.)

П.А. Лаптев. **(ветеран 1812 года)**

В агентских телеграммах, помещенных в газетах 20 августа, уже сообщалось, что на Бородинском поле Государю Императору представлялись пять участников Отечественной войны, и в числе их Петр Артемьевич Лаптев.

Сообщаем некоторые подробности из жизни этого редкого для нашего времени человека.

Петр Артемьевич родился 29 июня 1794 года. Таким образом в настоящее время ему 118 лет. Отец его происходил из донских казаков — старообрядцев, переселенных Екатериной Великой в Вилденскую губернию для усиления русских во вновь присоединенном тогда крае.

П.А. Лаптев кажется во всём мире теперь единственный человек, который лично видел Наполеона I. Об этом событии передаем рассказ самого старика, записанный этим летом его внуком, С.М. Лаптевым.

«Когда мы узнали, что в Свенцяны (Вил. Губ.) идет француз, то все семейство наше, захватив что попало, ушло в Цыркминский лес (в 5 верстах от Свенцян) прятаться. Там мы пробыли суток трое. Я не утерпел.захотелось посмотреть на француза. И я лесом пробрался к Екатерининскому большаку (дороге). Думаю, влзу на дерево и посмотрю. Но французы меня заметили, схватили и привели в Свенцяны. На другое утро повели к дому, в котором остановился сам Наполеон (дом Гируця, на Виленской улице). Французский император сидел на балконе и пил кофе. Через поляка — переводчика он спросил меня, хорошо ли я знаю дорогу на Динабург (теперь Двинск). Я сказал, что знаю. Наполеон приказал мне вести передовой отряд. Шли мы с небольшими передышками 35 часов. На одном привале, когда надзор за мной был ослаблен, я убежал в лес и там блуждал около недели, пока около Свенцян не разыскал отца».

Позже в Отечественной войне П.А. Лаптев принимал участие в качестве ратника государственного ополчения.

Кроме Отечественной войны, П. Лаптев принимал участие в Крымской кампании и в подавлении польского мятежа 1863-64 годов. Польский мятеж он усмирал уже со своими сыновьями, за что ему и был генерал-губернатором Муравьёвым подарен кирпичный завод, отобранный от повстанца-поляка. Управлять этим заводом старик перестал всего лет 12 назад.

До настоящего времени, несмотря на возраст, он сохранил необычайно ясную память.

Сын ветерана Михай П. Лаптев служит по общественным выборам в Свенцянах Виленской губ., и вокруг него, а также их родственников Пименовых, группируется все северо-западное старообрядчество, являющееся единственным оплотом русской государственности на этой окраине.

(«Виленский Вестник» №2763 от 30.08.1912 г.)

Государь Император Высочайше разрешил принять военному министру генералу-от-кавалерии Сухомлинову звание почётного казака Константиновской станицы войска Донского и председателю Совета Министров статс-секретарю Столыпину — звание почётного старика Новочеркасской станицы войска Донского.

(«Виленский Вестник» №2187 от 03.10.1910 г.)

Число 12 в жизни Александра I

Император Александр I в течение всей своей жизни очень страдал от суеверных предчувствий и не мог заставить себя отделаться от разных преследовавших его числовых комбинаций.

Роковым числом в его жизни было число 12. Эта цифра играла какую-то таинственную роль

Самая цифра 1812 — год Отечественной войны — даёт в сумме 12.

12 декабря 1777 г. родился Александр Павлович. Родился он в 12 месяце — декабре.

12 марта 1801 г. Александр Павлович вступил на престол, имея от роду 24 года, т.е. дважды повторенные 12 лет.

Отечественная война происходила в 1812 г., когда императору было трижды 12, т.е. 36 лет.

Болезнь перед смертью Александр I 12 дней.

Царствовал 24 года, т.е. дважды 12 лет.

Скончался на 48 году от рождения, а 48 — тоже четыре раза повторенное 12. («Виленский Вестник» №2768 06.09.1912 г.)

Если следовать логике этой статьи, то можно заметить ряд совпадений и у Наполеона:

18 мая 1804 г. Наполеон провозгласил себя императором, сумма всех цифр $(18+5+13) = 36$, три раза по 12, но сумма цифр года составляет число 13.

26.10.1797 г. Наполеон назначен командующим Английской армии вторжения, (экспедиция не состоялась), сумма всех цифр $(26+10+24) = 60$, что составляет 5 раз по 12. Забегая вперёд скажу, что это наивысшее количество, найденное мною в событиях наполеоновских войн. Стоит ли это расценивать как промысел проведения?

Наполеон перешёл Неман — границу России 12 июня 1812 года, что трижды даёт цифру 12, число, сумму цифр года и 12-й год.

Перешёл обратно границу России 25 ноября 1812 года, что составляет число 48, четыре раза по 12.

На престол Наполеон вступил 2 декабря 1804 года, если учитывать месяц то он 12-й, а если сумму цифр года, то получается число 13.

Невольно вспоминается в связи с этим Иисус Христос и его двенадцать учеников — апостолов, сам Иисус был 13-й, его пригвоздили к кресту, по настоянию первосвященников, видимо поэтому цифра 13 считается в христианских странах несчастливой.

В 12 лет Иисусу Христу было даровано откровение, и он сказал в храме своим родителям, что должен участвовать в трудах Отца Своего, (Евангелие от Луки 2:24-3:3). Так же в 12 лет и Мани — основатель ре-

лигиозного культа или религиозного течения Манихейство (1), получил откровение свыше.

Легенда, создававшаяся с 2637 г. до н. э. гласит, что Будда (просветлённый) перед уходом с Земли созвал к себе всех животных. Однако проститься с Буддой пришли лишь 12 из них. Расставаясь с ними, Будда вручил каждому по одному году правления. 12 мифологических животных восточного календаря представляют собой, согласно восточной космогонической теории, 12 космических влияний, действующих в год рождения человека, формирующих его характер и во многом определяющих его судьбу.

Обращаясь к числовым комбинациям, можно найти ещё несколько совпадений:

11(23) марта 1801 года убит император Павел первый, сумма всех цифр 24 (36) соответственно, по словам генерала Бенексена убийц было 12 человек.

12 декабря 1812 года, после изгнания Наполеона из России, в Вильно император Александр первый наградил М.И. Голенищева-Кутузова высшей российской наградой — орденом Святого Георгия 1-го класса (Кутузов первый из четырёх человек, удостоенных всех степеней этого ордена), 12-е число, двенадцатый месяц и год и сумма цифр года составляет число 12, т.е. 4 раза.

05.03.1798 года Наполеон назначен командующим Египетской армии, сумма всех цифр 33, на двенадцать не делится, единственно число и месяц совпадают с датой смерти Сталина — (05.03.1953 г. — сумма всех цифр 26, что составляет два раза по 13. Сумма всех цифр даты смерти П.А. Столыпина также составляет число 26, умершего от ран 05.09.1911 г.).

19.05.1798 года Наполеон с армией отплыл в Египет, сумма всех цифр — 49, три раза по 12 и один раз 13.

30.06.1798 года после захвата Мальты суда Египетской армии подошли к северному побережью Африки, сумма всех цифр — 61, четыре раза по 12 и один раз 13 (всего пять, как при назначении Наполеона командующим Английской армией вторжения, только в том случае все по 12), результаты экспедиции в Египет всем известны, Наполеон оттуда бежал, остатки его армии капитулировали.

12.05.1803 года порваны дипломатические отношения Англии и Франции, 12-е число и сумма цифр года — 12.

21.03.1804 года по приказу Наполеона расстрелян герцог Энгиенский, принц французского королевского дома Энгиенский Луи Антуан Анри, ближайший родственник Бурбонов, последний из дома Кондэ, сумма всех цифр 37, два раза по 12 и один раз 13.

08.02.1807 года сражение при Прейсиш-Эйлау, здесь русская армия нанесла первый сильный удар по непобедимой армии Наполеона, русскими

войсками командовал генерал Бенигсен, ганноверский барон на русской службе с 1773 г. (Ганновер в ту пору владения Английского короля в Европе, захваченный Наполеоном), сумма всех цифр 26, два раза по 13.

14.06.1807 года сражение с русскими при Фридланде, победа Наполеона, сумма всех цифр 36, три раза по 12.

12.08.1812 года герцог Веллингтон, с английским экспедиционным корпусом в Испании вошёл в Мадрид, число 12-е, сумма цифр года 12 и 12-й год.

12.10.1812 года бой в Малоярославце, Наполеон считал своей победой, т. к. Кутузов отступил, 12-е число, сумма цифр года 12 и 12-й год.

13.10.1812 года утром рекогносцировка под Малоярославцем, Наполеон чуть не попал в плен, от нападения казаков его защищали и свитские генералы, число 13-е, сумма цифр года 12 и 12-й год.

15.11.1812 года старая гвардия и Наполеон перешли через р. Березину, сумма всех цифр 38, один раз 12 и два раза по 13.

6 апреля 1814 года Наполеон созвал маршалов и объявил об отречении от престола, сумма всех цифр 24, два раза по 12.

30 мая 1814 года по возвращении Бурбонов, подписан Парижский мирный договор, сумма всех цифр 49, три раза по 12 и один раз 13.

13 марта 1815 года, после возвращения Наполеона с острова Эльба, главы европейских правительств, приняли декларацию, объявившую Наполеона вне закона, само число 13-е.

16 июня 1815 года сражение при Линьи, Наполеон одержал последнюю победу над прусскими войсками Блюхера (оставалось два дня до окончательного поражения Наполеона), сумма всех цифр 37, два раза по 12 и один раз 13.

18 июня 1815 года сражение при Ватерлоо (окончательное поражение Наполеона), сумма всех цифр 39, три раза по 13.

Тридцать девять — число канонических книг в Ветхом завете (всего их 50).

Чтобы не попасть в плен к Бурбонам, Наполеон отправился к морю в Рошфор, 15 июля 1815 года, в субботу утром на бриге «Ястреб» добрался до английского корабля «Беллерофонт», стоявшего на рейде, сумма всех цифр 37, два раза по 12 и один раз 13.

Наполеон говорил: «Наша родословная идёт от Монтеноте».

Первая крупная победа Наполеона у Монтеноте, в итальянской кампании, была 12 апреля 1796 года, (5 апреля Наполеон впервые вступил в командование армией, а 12 апреля одержал первую победу при Монтеноте), число 12-е, но сумма всех цифр 39, т.е. три раза по 13, как и в битве при Ватерлоо. Ещё одно знаменательное событие произошло 12 апреля только уже в 1961 году, Ю.А. Гагарин впервые совершил полёт в космос, но тут сумма всех цифр 33.

Герцог Веллингтон, победитель в битве при Ватерлоо, при содействии Блюхера, первых успехов добился в 1808 году, на 39 году своей жизни.

5 мая 1821 года в 18 ч. скончался Наполеон, ему был 51 год, сумма цифр года составляет число 12.

В 1840 году с острова Св. Елены перевезены во Францию останки Наполеона и помещены в Париже в доме Инвалидов, сумма цифр года составляет число 13, между прочим так же как и в годовщину его коронации.

13 августа 1912 года из Антверпена в Петербург вышел пароход «Курск», который затонул в немецком море. Пароход вёз из Франции памятник скульптора Поля Бесенваля, пирамидальную колонну высотой в три сажени, из бургундского гранита, увенчанную бронзовым орлом для установки на Бородинском поле солдатам великой армии. Пароход затонул в 100 летний юбилей Отечественной войны в 12-й год.

12 августа 2000 года в 9 ч. 32 м., а по другим данным в 11 ч. 32 м. в Баренцевом море погибла атомная подводная лодка «Курск», памятника наполеоновским войскам на ней, как известно, не было, но атомоход погиб именно 12 числа, имел такое же название как и пароход, утонувший в августе 1912 года. С датой рождения Наполеона совпадений нет (15.08.1769 г.).

05.09.1812 года в арьергардном бою у Колоцкого монастыря (в 12 верстах от с. Бородино) французское ядро раздробило ногу генералу-майору И. К. Краснову, командовавшему казачьими полками, на следующий день он скончался. Сумма всех цифр 26, два раза по 13, 08.05.1606 года в Москве Лжедмитрий 1-й обвенчался с Мариной Мнишек (оба в дальнейшем погибли), сумма всех цифр — 26, два раза по 13, так же как и в годовщины смерти Сталина и Столыпина.

Примечательные совпадения.

15.07.1199 года в первом крестовом походе взят Иерусалим, сумма всех цифр — 42, а 18.05.1291 года мусульмане ворвались в Аккру и перебили большинство остававшихся защитников, этого последнего оплота христиан на востоке, сумма всех цифр — 36, три раза по 12.

После неудачной осады крепости Сен-Жан д'Акр, 21 мая 1799 г. вся французская армия снялась с позиций и двинулась вдоль побережья в обратный путь. 14 июня на рассвете армия увидела минареты Каира. 7 октября 1812 года Наполеон покинул Москву. От первого до второго отступления прошло 13 лет.

14 июня 1799 года французская армия вернулась в Каир, из Сирийского похода. Через год в этот же день — 14.06.1800 года, погибли: генерал Клебер, оставленный Наполеоном командовать французскими войсками в Египте, а так же дивизионный генерал Дезе, в сражении при Маренго. Сражение с австрийцами при Маренго началось утром и к 15 часам, по существу было проиграно, в последний момент подошла ди-

визия Дезе и проигранная первоначально Бонапартом битва превратилась в полную, сокрушительную победу. В самом начале атаки генерал Дезе был убит вражеской пулей в сердце.

16.11.1581 года Иван Грозный убил своего сына Ивана Ивановича, трон достался слабоумному Фёдору Ивановичу, в дальнейшем род Рюриковичей на Российском троне, пресёкся сумма всех цифр — 42.

21.01.1598 года Борис Годунов избран на царство сумма всех цифр — 42.

21.01.1793 года в Париже казнён Людовик шестнадцатый, сумма всех цифр — 42.

17.10.1905 года Манифест Николая второго «Об усовершенствовании государственного порядка», сам Николай считал что этим Манифестом дарует России конституцию сумма всех цифр — 42.

16.07.1918 года расстрел царской семьи Романовых, сумма всех цифр — 42.

18.12.1812 года Наполеон, после похода в Россию, прибыл в Тюильрийский дворец, сумма всех цифр — 42.

25.02.1815 года Наполеон в сопровождении 1100 человек покинул остров Эльбу, сумма всех цифр — 42.

05.05.1821 года скончался Наполеон, сумма всех цифр — 22, а

01.03.1881 года убит император Александр второй, освободитель, отменил крепостное право в России, сумма всех цифр — 22. (Кровавая карьера Наполеона, от Тулона до Ватерлоо составила 22 года).

24.08.1572 года Варфоломеевская ночь (в Париже было убито свыше 6 тыс. гугенотов), сумма всех цифр — 47.

24.06.1718 года царевичу Алексею (сыну Петра Великого) сенатом и высшими чинами был вынесен смертный приговор (родился 18.02.1690 г. — 36, три раза по 12), сумма всех цифр — 47.

21.11.1806 года Наполеоном была введена континентальная блокада, направленная против Англии, сумма всех цифр — 47.

23.08.1799 г. Бонапарт бежал из Египта на борту фрегата «Мюирон», названного так, в честь адъютанта Наполеона, погибшего в бою у аркольского моста. Проскользнув мимо английских сторожевых судов, он ступил на землю Франции, пробыв в пути — 47 дней.

22.12.1813 года учреждена серебряная медаль на андреевской ленте для награждения всех строевых чинов, принимавших участие в Отечественной войне 1812 года, сумма всех цифр — 47.

14.11.1894 года Николай второй обвенчался с дочерью великого герцога Гессен-Дармштадского Людвиг четвертого — Алисой Викторией Еленой Бригиттой Беатрисой Гессенской, после принятия православия Александра Фёдоровна, сумма всех цифр — 47.

18.05.1896 года «Ходынка». В Москве на Ходынском поле, (в начале со-

временного Ленинградского проспекта), во время раздачи царских подарков, по случаю коронации Николая второго, произошла давка, по официальным данным погибло 1389 чел., изувечено 1300, сумма всех цифр — 47.

30.01.1805 года во Франции Наполеоном была учреждена высшая степень ордена Почётного легиона, а месяц спустя т.е. 01.02.1805 года были удостоены этой награды — 47 человек.

Памятник, изготовленный во Франции в 1912 году, пирамидальная колонна из бургундского гранита, для установки на Бородинском поле воинам «Великой армии», весил — 47 тонн. Ещё один знаменательный памятник — статуя Свободы, стоящая в Нью-Йоркской гавани, была спроектирована и сделана во Франции, её частями перевезли на французском корабле в Нью-Йорк, в 1886 г. торжественно открыли, идею статуи подал впервые Эдуард де Лабулайе, а воплотил в жизнь скульптор Фредерик Бартольди. Высота памятника вместе с пьедесталом 92 метра, высота самой статуи, по одним данным, 47 метров, по другим 46.

15.10.1815 года Наполеон со своей свитой на борту английского военного корабля «Нортурберленд» прибыл на остров Святой Елены на 47 году своей жизни, 15 августа ему исполнилось 46 лет.

07.09.1812 года в Бородинском бою бригадный генерал Бонами, предводительствуя 30-м линейным полком, ворвался на центральный редут — батарею Раевского, где израненный штыками был взят в плен и представлен Кутузову. В дальнейшем на этом же редуте, также израненный был взят в плен генерал Лихачёв, который во время бородинского боя, по сообщением очевидца — генерал-адъютанта Коленкура, был представлен Наполеону. (Статья составлена в 2005 г.)

(1) Мани (216 — 276 гг. н.э.) — иранский проповедник, именовал себя «незачатый пророков», «последним Христом», «Иисусом обновлённым», объявлял себя Параклетом, появление которого было возведено Иисусом. считал себя обладателем абсолютной истины, это тип восточного чудотворца, харизматика. Новая религия представляла собой попытку соединить все мировые религии. Мани выступает как основатель новой религии, но он признаёт своих предшественников: единственная истинная религия возвещалась Буддой в Индии, Заратуштрой в Иране и Христом на Западе. Развитие идеи Мани привело к поклонению одновременно Богу и Сатане, а идея об очистительном огне привела к созданию целого направления в манихействе, человеческие пороки следует выжигать самими же пороками. Очистительному огню противопоставлялся Святой Огонь) зажигающийся в Великую Субботу на Гробе Господнем. Евангелие Мани было разделено по количеству букв сирийского алфавита на 22 главы. («МАНИ и манихейство» Гео Виденгрэн С-Петербург 2001)

Примечание: «Все известные вещи имеют число, без этого нельзя было бы ни мыслить, ни знать — Филолай, ученик Пифагора 5 в. д.н.э. ...

Египтяне определили по дню, в который кто родится, судьбу человека: как он умрёт и каков он будет — Геролот 5 в. д.н.э. ...

Нумерология поможет прийти к истине, которая не зависит от политики или желания отдельных людей. Как сказал когда-то ученик Пифагора Филолай: «Когда-нибудь ложь умрёт через число». (А.Ф. Александров, «ДАТЫ И СУДЬБЫ, тайна дня рождения», Москва, 2004 г.)

Погибший памятник 1812 года

В Петербурге ожидали французский памятник, который должен был быть воздвигнут на Бородинском поле, вблизи Шевардинского редута. Об этом был осведомлён военный атташе при французском посольстве полковник Матон, на которого послом возложена обязанность руководить предстоящими юбилейными торжествами в Бородине.

Французское посольство получило 10 августа от автора памятника скульптора Поля Бесенваля телеграмму, в которой он сообщал, что через день на пароходс «Курск» он вместе с памятником отправляется в Россию.

Памятник солдатам великой армии был сооружён на средства, собранные во Франции, и в начале этого месяца был отправлен из Сэн-Морис-ле-Шатонеф, в департаменте Сены и Луары, в Антверпен. Первоначально его предполагалось перевезти по железным дорогам, на что было согласно французское министерство путей сообщения. В июне месяце строительный французский комитет обратился с запросом в русское министерство путей сообщения: возможно ли будет перевезти памятник в Москву? В Петербурге была созвана специальная комиссия, обсуждавшая в нескольких заседаниях этот вопрос и пришедшая к выводу, что русские железные дороги не в состоянии взять на себя ответственность за перевозку памятника.

Решение инженерного совета было телеграфно передано французскому строительному комитету и, по предложению скульптора Поля Бесенваля, памятник решили распилить на две части.

Памятник солдатам великой французской армии представляет собой пирамидальную колонну, высотой в три сажени, увенчанную бронзовым орлом. Памятник высечен из бургундского гранита и весит 47 тысяч килограммов.

На пьедестале, поддерживающем колонну, была высечена золотыми буквами надпись: «Aux morts de la Grande Armee. 7 septembre, 1812».

Памятник предполагалось поставить невдалеке от только что воздвигнутого памятника погибшим чинам л. гв. Измайловского полка, который выдержал в Бородинском бою сильнейшие атаки французов.

(«Виленский Вестник» №2756 от 23.08.1912 г.)

К гибели «Курска»

Копенгаген, 20 августа. Предполагают, что погиб пароход «Курск», вышедший 13 августа из Антверпена в Петербург. Со времени его ухода о нём ничего не было слышно. Возле Броуэрсгавена и Оуддорна к берегу были прибиты лодка, несколько спасательных поясов и обломки ко-

рабля. Лоцман, ведший корабль, не вернулся во Флигссинген. Пароход принадлежал «Объединённой компании парашодства» в Копенгагене. Экипаж состоял из 20 человек.

Аг. Ритцау. («Ведомости С-Петербургского градоначальства» №184 от 22.08.1912 г.)

Французский памятник и барон де-Бэй

Трогательная мысль почтить одновременно память русских и французских участников славной войны нашла сочувственный отклик во Франции. На народные пожертвования, собранные комитетом «Souvenir français» был сооружен памятник, который предполагалось поставить на Бородинском поле.

Исполнение памятника было поручено скульптору Бесвивальду. Ходят тревожные слухи, что памятник был послан из Франции на злополучном пароходе «Курск». На пароходе находился также и скульптор Бесвивальд.

Барон де-Бэй, знаменитый французский археолог и знаток русской истории, в особенности кампании 1812 года, много потрудился над составлением московского музея в память 1812 г., открытие которого предстоит на-днях.

Благодаря трудам барона де-Бэй и его друзей для музея прислано 103 жертвователями около трёх тысяч реликвий со стороны французов.

Барон де-Бэй большой друг и знаток России; в продолжении 25 лет он ежегодно посещал наше отечество и написал о нём много ценных сочинений.

(«Петербургский Листок» №234 от 25.08.1912 г.)

Хроника

13-го августа отправлен из Петербурга в Киев для установки на месте могилы в Киево-Печёрской лавре памятник покойному Председателю Совета Министров, статс-секретарю Петру Аркадьевичу Столыпину. Памятник из чёрного гранита, изготовлен в скульптурных мастерских К.О.Гвиди. Длина плиты 3 аршин. Памятник в древне-византийском стиле. Отделка Памятника будет продолжаться. На грандиозном кресте будет изображён Спаситель. Это изображение — мозаичной работы — пишет художник Нестеров, а выполнит мозаику по картону художник Фролов. На плите памятника будет бронзовая доска, на которой будет начертана надпись:

5-го сентября 1911 года. Пётр Аркадьевич Столыпин.

На памятнике будет бронзовая неугасимая лампада. Как памятник, так и лампаду, сооружают националисты на свои средства. Скульптор

К.О. Гвиди выезжает около 15-го августа в Киев, где под его руководством будут произведены работы по установке памятника.

(«Ведомости С-Петербургского градоначальства» №178
от 14.08.1912 г.)

Примечание: до назначения председателем совета министров России, П.А. Столыпин был губернатором в Саратове. (Прим. составителя.)

Киев

К сооружению памятника статс-секретарю П.А. Столыпину

В состоявшемся на-днях под председательством начальника края генерал-адъютанта Трепова заседании комитета по сооружению памятника была доложена телеграмма председателя Совета Министров статс-секретаря Коковцева о желательности приурочить торжество окропления св. водой и открытия памятника статс-секретарю Столыпину в Киеве к 28 — 29 августа. Комитет, обсудив вопрос о времени открытия памятника постановил определить днём этого торжества — 28 августа. В этот день, в 1 час, будет отслужена панихида на могиле П.А. Столыпина, а в 2 часа состоится окропление св. водой и открытие памятника ему. Далее комитет признал необходимым ускорить работы по подготовке и доставке из-за границы (Италии) частей памятника, как гранитных, так и бронзовых.

(«Киев») («Русский Инвалид» № 141 от 04.07.1913 г.
ст. дана с сокращением.)

Ст. Батраки

Волжские оползни

Оползни на Волге продолжают. После обвала Соколовой горы в Саратове, оползней в Царицыне и Уфе, произошёл обвал горы на берегу р. Волги, около ст. Батраки. В этом месте оба полотна казённой дороги Сызрано-Вяземской и частной Московско-Казанской проходят параллельно, очень близко друг к другу. Первый провал произошёл в ночь на 21-е июня тотчас после того, как прошёл пассажирский поезд. Полотно Московско-Казанской железной дороги осталось совершенно невредимо, тогда как полотно Сызрано-Вяземской железной дороги в некоторых местах осело сажени на полторы ...

При подобном осмотре склона горы обнаруживается ещё масса значительных трещин, образовавшихся как бы от землетрясения.

(«С. Н.») («Русский Инвалид» № 141 от 04.07.1913 г.
ст. дана с сокращением.)

На Бородинском поле *(От собственного корреспондента)*

Обыкновенно безлюдная, спокойная станция Бородино резко изменила свою физиономию.

Теперь это шумный вокзал большого города, в котором жизнь бьёт ключом.

Везде копошатся люди, куда-то спешащие, чем-то озабоченные, по рельсам снующие туда и сюда дрезины и товарные площадки, доставляющие к разным пунктам «юбилейного округа» рабочих и строительный материал.

Эффектно выглядит только что законченное постройкой Бородинское шоссе, простирающееся от станции до Бородинского дворца.

По сторонам шоссе расставлены белые деревянные обелиски, чередующиеся с длинными разноцветными мачтами.

И обелиски и мачты украшаются флагами и зеленью.

Спешные работы по установке военных памятников в местах расположения различных частей войск, принимавших участие в Бородинском сражении, близятся к концу.

В деревне Горки, недалеко от реки Колочи, высится величественный памятник Кутузову.

На одной стороне памятника высечен большой меч, а на задней стороне — надпись: «Отсюда фельдмаршал-Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов руководил войсками в сражении при с. Бородине 26-го августа 1812 года».

Обелиск заканчивается наверху знаменитым в предании «северным орлом».

Проект памятника принадлежит полковнику Воронцову-Вельяминову.

Против Шевардинского редута поставлена в натуральную величину деревянная модель французского памятника, сооруженного французским военным министерством.

Модель облеплена гипсом и окрашена серой краской, причём сделано это так искусно, что деревянный памятник производит впечатление настоящей гранитной глыбы.

На лицевой стороне модели надпись

- «Aux morts de la grande armee».

*(«Петербургский Листок» №231 от 23.08.1912 г.
статья дана с сокращением).*

К гибели «Эстонии»

Погибший в красном море, вблизи Адена, вследствие пожара пароход «Эстония», о котором сообщалось в телеграммах, принадлежит русско-

му восточно-азиатскому пароходству. Свой последний злополучный рейс «Эстония» совершала с транспортом разных товаров из Петербурга на дальний восток. «Эстония» — довольно большой пароход: длина его — 388 футов, ширина — 45 фут., а глубина осадки — 25 фут. Грузоподъёмность — 360 тыс. пуд. Классные эмигрантские помещения заключали в себе 1164 пассажирских места. Скорость хода «Эстонии» достигала 13 узлов в час. В состав судового экипажа входило 53 человека (15 офицеров и 38 лиц низшей команды); из них согласно телеграфным сообщениям, около 30 человек погибло. Почти все лица экипажа принадлежали к уроженцам севера. Пассажиров на «Эстонии» в её последний рейс не было.

(«Наша копейка» №1257 от 15.01.1913 г.)

Франко-русские дни в Петербурге

Во время пребывания в С-Петербурге французского председателя совета министров, министра иностранных дел Г. Пуанкарэ, председатель совета министров статс-секретарь Коковцев и министр иностранных дел гофмейстер Сазонов имели с ним неоднократные, продолжительные совещания.

При этом оба правительства имели случай отметить существующие между ними полное согласие и большую, чем когда-либо, прочность тех уз, которые связывают оба народа. Единение обеих держав остаётся по-прежнему драгоценным залогом сохранения мира и равновесия в Европе.

3 августа (1912 г.) на малом кронштадском рейде, где стоит французский крейсер «Кондэ», царило оживление:

Сновали катера, гребные суда, — французы делали последние визиты перед уходом из Кронштадта.

В первом часу дня показалась идущая из Петербурга яхта «Нева» под флагом французского министра президента.

В 1 час 7 мин. Яхта бросила якорь между крейсером «Аврора» и «Кондэ».

С «Авроры» загремел салют флагу Пуанкарэ.

С «Кондэ» отвечали салютом же.

Около половины второго часа дня на крейсере «Кондэ» состоялся завтрак в честь прибывших гостей.

Столы были накрыты в палатке-шатре, устроенном на корме крейсера.

Шатёр был украшен щитами из французских национальных флагов.

В части шатра выделялась бронированная кормовая башня крейсера и над головами обедающих грозно торчало дуло 8-дюймового орудия.

В центре занимал место г. Пуанкарэ, направо от него сидели минист-

ры Сухомлинов и Харитонов, налево — Сазонов, Григорович, Макаров и Кассо.

Завтрак был составлен из изысканных блюд, среди них французы выставили, между прочим, «мороженое Нева».

Во время завтрака играл хор музыки «Кондэ» под управлением капельмейстера Бурильона.

За завтраком было произнесено всего два тоста. Первым говорил Пуанкарэ, он поднял бокал за Государя Императора, Государынь Императрицу, Наследника Цесаревича и Царствующий Дом.

Ему ответил В.Н. Коковцев, предложивший тост за процветание Франции и её президента Фальера.

После завтрака русские министры в сопровождении г. Пуанкарэ осматривали крейсер, обойдя его палубы, башни и т.п.

Около 5 часов дня все русские сановники отбыли с «Кондэ».

Остались на крейсере только русские и иностранные корреспонденты. С ними теперь беседует Пуанкарэ. Он шутит, обменивается впечатлениями.

Когда пароход с журналистами отчаливает от крейсера, Пуанкарэ приветствует их и машет им своей фуражкой.

«Кондэ» развёл пары. В 6 ч. 8 мин. гремят якорные цепи. «Кондэ» даёт ход. Раздаётся салют его русскому флагу. «Аврора» отвечает салютом. Около крепости — новый салют. Идёт дождик. В море туман. Около 7 часов крейсер «Кондэ» скрывается за горизонтом. А.М.

*(«Петербургский Листок» №212 от 04.08.1912 г.
статья дана с сокращением)*

Каббалистика

Когда в прошлом году сгорел городской зал, кто-то обратил внимание на странную игру чисел:

Пожар произошёл в доме номер десятый в десятом месяце (октябрь) десятого года и на десятом году от сотворения зала.

Особенно суеверные люди, — азартные игроки — нашли в этой комбинации с числами десять явный намёк на злосчастную судьбу. В макао «десять» — это так называемый чистый жир, т.е. верный проигрыш.

Вчерашний пожар приключился опять с каббалистикой: горело в одиннадцатом году в одиннадцатом месяце.

Очередного пожара следовательно, надо ожидать в декабре 1912 года.

Если быть суеверным, надо в декабре 1912 года держать наготове пожарную кишку. Если быть просто благоразумным — следует охранять общественное здание пуше глаза во все дни всех годов. Оно будет вернее, чем расчёты на каббалистику. А.Н.

(«Наша копейка» №847 от 23.11.1911 г.)

Лонгвуд и могила Наполеона

Милях в четырёх от Джеймс-Тоуна и в 1762 футах высоты над поверхностью моря лежит Лонгвуд-Гоуз, последнее жилище человека, у которого некогда было столько же дворцов, сколько столиц в Европе. До сих пор, кажется, нет ни одного подробного описания этого здания; и потому я сообщу здесь то, что видел на месте собственными своими глазами. Оно простирается на 70 футов в длину от востока к западу; ширина его составляет около 20 футов; в нём, собственно говоря, один только этаж. Когда это здание было назначено для жительства Наполеона, к нему сделали с северного фаса пристройку, которая служит биллиардною. Эта пристройка стоит на террасе в три фута вышиною. Так как биллиардная была больше и веселее других комнат, то Наполеон часто проводил здесь время в разговорах со спутниками своими в изгнании. Нынче она почти разрушена. Биллиард оттуда вынесен, и белые стены комнаты покрыты именами и надписями, большею частью французских путешественников. Чтобы почтить память своего героя, французы ругают здесь в стихах англичан, и уносят с собою на память кусочки мрамора от камина и щепки от пола. Остальные покои в доме находятся в таком разрушенном состоянии, что с трудом можно угадать их прежнее назначение. Большею частью комнаты завладела мыши и другие домашние гадины, а комната, в которой гигантская душа Наполеона отделилась от тела, превращена в хлев! Наружность всего здания соответствует внутреннему его состоянию. Многие окна местами заколочены: а в остальных торчат осколки; потому что разбитые стекла так и оставили, или затыкали отверстие рогожею. Стены так давно не были обметены и подвержены действию воздуха, что невозможно распознать, какого цвета они были, а зеленоватая плесень, идущая до самого потолка, в тех местах, где находятся желобы, показывает, что они совершенно бесполезны, потому что дождь пробивается сквозь крышу. Лонгвуд, как кажется, всегда был плохое строение, а теперь оно скоро развалится.

Позади дома и параллельно с ним идёт большой сарай для коров и телят. Пространство между ними занято курами и разными другими домашними птицами. Локтях в шестидесяти от Лонгвуда находится новый дом, выстроенный для Наполеона. Этот дом, с принадлежащею к нему землёю, нанимают один отставной капитан и башмачник из Джеймс-Тоуна, и желающие осмотреть внутренность дома должны заплатить им два или три шиллинга.

Место, где находится Лонгвуд, принадлежит к самым ровным частям острова, и хорошо застроено. От дома идёт к северо-западу долина, простирающаяся до самого моря. Однажды Наполеон, переодетый, хотел

убежать через эту долину, и благополучно миновал несколько постов; наконец, один караульный унтер-офицер узнал его, и пошёл за ним в некотором расстоянии с двумя солдатами. Заметив, что его узнали, Бонапарт тотчас повернул и медленно пошёл назад. Это рассказывал мне инвалид 66-го полка, который теперь управляет маяком, построенным близ Лонгвуда, а тогда стоял у дома на часах.

Расстояние от Лонгвуда до Джеймс-Тоуна по прямой линии составляет не более полутора миль; но между ними лежит дикая, почти непроходимая долина, которая начинается у моря и простирается мили на две во внутренность острова. Бока этой долины состоят из серого, пористого камня, очевидно, вулканического происхождения. В конце её страна становится ровнее и имеет не столь суровый вид. Взоры с удовольствием покоятся на прекрасных садах, огороженных нивах и тучных пожитях. Невольно останавливаешься и любишься этою тихою приятною картиною, удалённою от светского шума; но аркадские воспоминания, которые она возбуждает, скоро исчезают и заменяются мыслями совсем другого рода, потому что на краю долины, за небольшим отлогим возвышением, находится тесное убежище, в котором Наполеон отдыхал от своих подвигов, потрясавших весь мир. Тут нет ни колоссального бюста, ни пирамиды; но тем лучше. Могила лежит почти в востоко-западном направлении, и означена тремя стоящими один подле другого флагами из грубой материи. По сторонам этих флагов находится дёрн шириною фута в полтора; всё это обнесено простою железною решёткою фута в четыре вышиною; в юго-западном углу её растёт плакучая ива. Она очень искривлена и, конечно, не принадлежит к самым красивым деревьям в своём роде; но её положение и одиночество придают этой романтической картине ещё большую поразительность: ствол её покоится на решётке, а ветви, меланхолически повисшие, осеняют своею тенью могилу Наполеона, и составляют резкую противоположность с растущими на ней пёстрыми, весёлыми цветками.

Вокруг могилы огорожено деревянным палисадом эллиптическое пространство, футов в тридцать пять в самом большом своём поперечнике. Дёрн внутри этой загородки содержится во всегдашней свежести, и туда никого не впускают без особенного позволения губернатора, потому что многие путешественники, из какого-то фанатизма, обламывают иву. Для желающих иметь частичку этого дерева, один сметливый мальчик держит в горшках отпрыски от него и продаёт их за сходную цену. Недалеко от палисада, с западной стороны, бьёт ключ, который в летние месяцы привлекал сюда Наполеона. Предполагается, что каждый посетитель, чувствует ли он жажду или нет, напьётся из этого источника, и потому здесь всегда готов ковш. С северной стороны пали-

садника, и тоже недалеко от него, выстроен род будки, где выставлены правила для посетителей и книга, в которой они могут записывать свои имена и что им угодно. У кого достанет терпенья разбирать иногда очень нечёткие руки, тот с удовольствием просмотрит эту книгу, в которой в бесчисленном множестве стихов на всех возможных языках высказывается странность, самонадеянность и бездарность путешественников. Так как всё, касающееся до Наполеона, интересуется публику, то не худо бы кому-нибудь списать всё это. Притом, к прежнему, уже многочисленному собранию произведений в стихах и прозе, в этой книге ежегодно прибавляются новые, и потому это могло бы составить периодическое издание, под названием Наполеоновского альбома.

Могила и всё принадлежащее к ней состоит в заведывании унтер-офицера, который, в надежде, что ему дадут на водку, рассказывает посетителям множество всем известных анекдотов и мешает им мечтать; потому что кто не погрузился бы здесь в размышления о судьбе завоевателя, который, как комета, пронёсся по всемирному горизонту!

*С. Нем. («Русский Инвалид» №274 от 08.11.1839 г.
статья дана с сокращением.)*

Примечание: в 1769 году остров Корсика был завоёван французами, Бонапарт в возрасте 10 лет был определён в Бриенское военное училище. Корсиканец, волею судьбы заброшенный во Францию, подписывая в те годы свои письма Наполеоне ди Буонапарте — подчёркивая своё корсиканское происхождение. В дальнейшем, чтобы не вызывать подозрений в своём итальянском происхождении, перед первой своей кампанией в Италии, он изменил свою фамилию с Буонапарте на Бонапарт. (Прим. составителя.)

Наполеон

Родился в Аяччо 15 августа 1769 года.

Скончался на острове Святой Елены 5 мая 1821 года.

Серебряную дощечку с этой надписью, которую предназначалось прикрепить на гроб императора Наполеона, граф де Монтолон поручил изготовить г-ну Дарлингу. Губернатор острова Святой Елены, будучи проинформированным об этом, заявил графу де Монтолону, что он против этого и что в соответствии с указаниями своего правительства в том случае, если предполагается прикрепить какую-либо надпись на гроб покойного, то она должна начинаться словами: «генерал Буонапарте».

*Граф де Монтолон,
Лондон, 2 октября 1821
(Барри О'Мира, «ГОЛОС С ОСТРОВА СВЯТОЙ ЕЛЕНЫ»,
Москва, 2004 г.)*

Вилла Наполеона

Так называемая «Вилла Наполеона» на острове Эльба, в которой жил великий воевода во время своего первого изгнания, продана с аукциона за 300 000 лир за долги бывшего её владыки.

Новому владельцу поставлено условие сохранять виллу в её прежнем виде.

(«Наша копейка» № 117 от 25.08.1912 г.)

Оригинальное наказание

В военных сферах Англии происходит одно маленькое торжество, относящееся к жизни 12 английского уланского полка. Этот полк во время войны с великим корсиканцем в Испании запятнал себя рядом некрасивых поступков при разграблении женского католического монастыря.

Виновные были расстреляны по приказанию главнокомандующего, руководившего действиями обеих армий — английской и испанской.

Но кроме того, на 12 уланский полк было наложено и другое, должностное выполняющееся в течение целого столетия, взыскание.

Оно заключалось в том, что ежедневно в 10 часов вечера весь полк должен был выстраиваться под ружьё. В это время происходила вечерняя молитва и исполнялись различные гимны.

Наказанию, наложенному в 1812 году, истекает срок в нынешнем году.

(«Наша копейка» № 1122 от 30.08.1912 г.)

У Могилы Наполеона 1

**Париж, 14-го августа
(1 августа) 1908 г.**

Отправился сегодня в 1-м часу осматривать могилу Наполеона. После Эйфелевой башни, которая привлекает прежде всего всякого иностранца в Париже, второю достопримечательностью, привлекающей особенно военного, является могила величайшего полководца.

Могила помещается в Отеле Инвалидов, Hotel des Invalides. Отель Инвалидов находится недалеко от Эйфелевой башни, и его позолоченный купол виден далеко. Особенно красивый вид на отель открывается с моста Императора Александра Третьего.

Под этим позолоченным куполом, dome, и помещается могила императора.

Какое-то особенное чувство овладевает вами, когда приближаетесь к могиле. Входя с эспланады Инвалидов, вы проходите мимо громадных

галерей артиллерийского музея, но вы не обращаете на него внимания. Вас интересует теперь одно: могила императора. Вы поминутно при виде лабиринта проходов обращаетесь то к прохожим, то к чинам республиканской гвардии с вопросом, где вам пройти к могиле императора. Наконец вы проходите длинную галерею слева и выходите к церкви. Но и здесь, видя только высокие стены церкви, вы обращаетесь к прохожим с вопросом, как вам пройти к могиле императора. Вы не знаете, что все эти массы народа и идут именно от могилы императора. Вы огибаете левую сторону церкви и очутитесь у входа в церковь, где помещается могила. Вы подымаетесь по лестнице и очутитесь в середине церкви на краю крипта, на дне которого находится гроб императора. Гроб выдолблен из одного куска красного финляндского гранита, подарок Императора Николая. Гроб, помещённый на пьедестале, расположен посредине круглого крипта, открытого сверху.

Здесь наверху и стоят, облобоченные на ограду крипта, посетители, в раздумье созерцая эту гранитную массу, хранящую в себе останки того великого человека, деяния которого уже с детства так сильно действовали на их воображение. Кругом тишина и полумрак.

Гроб окружают 12 статуй, символизирующих главные победы императора, и 60 знамён, взятых Наполеоном в битве при Аустерлице. Знамёна эти были спрятаны, при взятии Парижа союзниками, в Люксембурге.

Около же 1500 знамён, трофеи побед Наполеона I, были сожжены, на дворе Отеля Инвалидов накануне вступления союзников в Париж, то есть 30-го марта 1814 года.

На полу крипта, кругом пьедестала гроба гравированы названия восьми сражений: Rivoli, Piramides, Marengo, Austerlitz, Jena, Fridland, Wagram, Moskowa, (Бородино).

Вход в крипт помещается за алтарём, закрыт и охраняется часовым-инвалидом.

Над входом гравированы слова Наполеона, которые были записаны им в духовное завещание на острове Сент-Елене:

«Je desire que mes cendres reposent sur les bords de la Seine, au milieu de ce peuple francais que j'ai tant aime». (Я желаю, чтобы мой прах покоился на берегах Сены, посреди того французского народа, который я так любил).

По сторонам церкви, кругом крипта, вмещающего гроб императора, помещаются: в вестибюле гробы генералов Дюрока и Бертрана, верных помощников императора, как бы охраняющих своего императора и после его смерти.

Далее помещаются гробы Жерома Бонапарта, короля Вестфальского, Жозефа Бонапарта короля Испанского.

Рядом с гробом Жерома Бонапарта помещается небольшой гроб, за-

ключающий в себе останки старшего сына Жерома Бонапарта. Против же помещается гроб, хранящий в себе сердце королевы вестфальской Фредерики-Екатерины, супруги Жерома Бонапарта. По сторонам церкви по обе стороны крипта императора помещаются гробы, налево Вобана, направо Тюрення.

Лучи солнца, проникая через оранжевые стёкла рядом с алтарём, окутывают последний в восхитительный оранжевый блеск; белый же мраморный край крипта императора весьма живописно освещается бледными лучами солнца.

Налево, против мавзолея Вобана, группа англичанок человек в 20, воспитательниц какой-нибудь высшей женской школы, внимательно слушают своего проводника, довольно громким голосом рассказывающим им по-английски историю постройки памятника Вобана Этексом.

От могилы императора отправляюсь в музей осматривать вещи Наполеона, оставшиеся потомству в воспоминание от великого императора.

Впечатление, производимое пребыванием у могилы императора, настолько сильное, что вы забываете, кто вы, зачем вы приехали в Париж, и когда вы выходите из церкви и перед вашими глазами открывается площадь Вобана, вы с удивлением смотрите на толпы народа, проезжающие омнибусы и автомобили. Понемногу внешние впечатления вас опять охватывают в ту глубину странной суеты, из которой вас на несколько минут вынесло пребывание у могилы великого человека.

Отделение музея, где размещены *Let wuocuir de Napoleon*, находится с левой стороны артиллерийского музея.

У входа с правой стороны в стеклянном шкафу находится походная кровать императора, обыкновенная, низкая, железная, складная кровать с подушкой, простынями, одеялом. На этой кровати спал император во всех своих походах.

Далее видна, также в стеклянном шкафу, мебель, которая принадлежала Наполеону тогда, когда он был ещё поручиком артиллерии в Оксоне. Мебель состоит из стола и двух стульев. На столе находятся две книги, взятые из библиотеки военного училища. Одна книга открыта. «*Les elements de l'histoire de Grance (1778 — 1783)*». На первой странице написано рукой Наполеона *Buona parte*, причём слова *Buona* и *parte* несколько разделены. Наполеон тогда ещё распевался по итальянски *Buonaparte* вместо принятого им в последствии *Bonaparte*. *Buona* по-итальянски значит хорошая, *parte* — часть, сторона.

Интересно, какие были мысли и заботы Наполеона, когда он был ещё поручиком. Не думал ли он тогда, как это делают все поручики, сколько заплатит по получении жалованья портному, сколько сапожнику, сколько за столование, сколько останется себе или вообще останется ли что-нибудь себе.

Далее находится крестов, в котором любил сидеть император во время заточения своего на острове св. Елены, а также любимая скамейка его из сада на острове св. Елены.

В одном шкафу находится традиционная треугольная шляпа императора и мундир, который Наполеон нёс в качестве дивизионного генерала в битве при Маренго.

В другом шкафу находится пучёк волос императора и императрицы Жозефины, столовый звонок императора и носовые платки императора с инициалами и гербом.

В середине залы находится под стеклом седло императора. Далее видны полевой телескоп императора, изготовленный для него одной парижской фирмой, и шпоры императора. В одном месте выставлены под стеклом обои из комнаты, где родился Наполеон. В другом месте видны вещи из дома, в котором император обитал на острове св. Елены, и некоторые предметы, окружавшие могилу Наполеона на острове св. Елены. Кроме того, в зале видны ещё разные воспоминания от многих Наполеоновских генералов. Д. Янсонъ

(«Виленский Военный Листок» №258 от 20.08.1908 г.)

Примечание: после переворота 18 брюмера: «Новое правительство проявило внимание и заботу к ветеранам войны. Великолепный версальский дворец — резиденция «короля-солнца» и его преемников на троне — был отдан солдатам — инвалидам, сражавшимся под знамёнами Республики. В постановлении трёх консулов 28 ноября 1799 года подчёркивался республиканский характер этой меры: «Бывшая обитель королей ... должна стать спальней солдат, проливавших свою кровь, чтобы низвергнуть монархов».

Не следует забывать, что французская армия в те годы была на девять десятых крестьянской. Жак-простак с деревянной ногой в покоях Марии-Антуанетты или в зеркальной галерее французских королей — что могло быть популярнее подобной правительственной меры в крестьянской стране? И армия и деревня рукоплескала «маленькому капралу», приписывая ему одному закон, так льстивший наивному тщеславию крестьян». (А.З. Манфред, «Наполеон Бонапарт», Москва, 1989 г.)

«Император ... велел обобрать церкви в Кремле и взять оттуда всё, что может служить трофеем для его великой армии. Эти предметы, обречённые на гибель самими русскими, говорил он, принадлежат теперь победителям на основании двойного права: благодаря победе и в особенности из-за пожара!

Пришлось приложить очень большие усилия, чтобы снять с колокольни Ивана Великого гигантский крест. Император хотел украсить им в Париже Дом Инвалидов». («Поход в Россию, мемуары адъютанта», граф де-Сегюр, Москва, 2002 г.)

«Император ... хотел во всяком случае отметить в Париже своё пребывание в Москве какими-нибудь трофеями и осведомился, какие предметы можно было бы, по его выражению, послать во Францию на память об успехах нашего оружия ... Поляки всё время говорили ... церковь Ивана Великого высоко почитается русскими и с нею связаны даже различные суеверия. Железный крест на колокольне церкви, говорили императору, служит предметом почитания всех православных. В результате этих разго-

воров император приказал снять крест ... Император повторил свой приказ и поручил его выполнение гвардейским сапёрам ... крест был частично отделён от колокольни, но не был спущен а упал с неё. К этому железному кресту присоединили ещё некоторые предметы, которые, как предполагалось, употреблялись при коронации русских императоров ...» (Арман де Коленкур, «Мемуары ПОХОДА НАПОЛЕОНА В РОССИЮ», Таллин, Москва, 1994 г.)

Позиция русских войск под Вильной на Панарских высотах в 1831 году

После остроленского сражения два польских отряда Хлаповского и Геллуда, вторгнувшись в Литву, стали угрожать Вильне. Для отражения их Виленский военный губернатор, генерал-адъютант Храповицкий, поспешно собрал около города войска, разбросанные по всей губернии, именно — отряды князя Хилкова, Сулимы и Атрошенки и пригласил туда же генерал-лейтенанта барона Остен-Сакена. К этим войскам присоединился также отряд гвардейских Варшавских войск графа Курута. Главное командование принял барон Остен-Сакен. Для прикрытия Вильны от занял позицию в 8 верстах к западу от города — на Панарских высотах. Отряд расположился на вершине последних, имея крутой поросший лесом, склон частью за собой, а частью на фланге к стороне Вилии. Извилистая, углубленная дорога вела с высот в долину и была единственным весьма опасным путём отступления. Перед лесистым плато, занятым русскими, соединялись три широкие дороги: из Гродны, Трок и Ковны. Позиция русских была довольно крепка с фронта, но, в случае неудачного исхода боя, опрокинутые войска могли сделаться жертвой неприятеля, будучи стеснёнными в узком дефиле, единственном их пути отступления. Кроме того, позиция имела незначительное протяжение по фронту, а потому не позволяла развернуть всех войск. В центре, составлявшем ключ позиции, была установлена двухъярусная батарея на 18 орудий. Перед фронтом на дальний пушечный выстрел лес был вырублен; на левом обнаженном фланге была устроена засека.

Остен-Сакен расположил свои войска впереди каплицы следующим образом: в центре 4 батальона с 18 орудиями, поставлены в 2 яруса (батареиные сверху, легкие внизу) для обстреливания выше указанных трех дорог, расходящихся с высоты. Левее центральной батареи в лесу, укрепленном засекой, стояли 3 батальона, выдвинув в перед небольшой авангард. Несколько эскадронов кавалерии поддерживали связь между центром и левым флангом. Вправо внизу, в долине Вилии, стоял лейб-гвардии Волынский полк с 4 орудиями; для связи его с центром поставлен был батальон принца Карла Прусского полка. Лейб-гвардии Литов-

ский полк расположился в виде резерва за центром, а за правым флангом, т.е. за расположением лейб-гвардии Волынского полка, поставлены были полки л. гв. Подольский кирасирский и Уланский Его Высочества с остальными орудиями гвардейского отряда и конной №3 батареи. За Панарскими высотами у корчмы был расположен отряд кн. Хилкова — 4 батальона, 14 эскадронов и 12 орудий. Впереди позиции было выдвинуто 3 авангарда. Если считать все войска, то общая их численность достигла 17 000 человек, но собственно на Панарских высотах в отрядах Сакена и Куруты было всего 11 000 чел. При 38 орудиях, а в бою — приняли участие всего 8 000 человек, так как по тесноте позиции нельзя было развернуть на ней большего числа войск.

7 июля, в 5 часов утра, передовые войска Сакена были атакованы Гелгудом, силы которого доходили до 20 тыс. при 26 орудиях. Сбив и быстро преследуя русские авангарды, поляки к 9 часам утра появились перед Панарами и были встречены метким огнём главной батареи. Тщетно поляки пытались соединить против нас свои батареи: появившиеся орудия были или сбиты, или лишены прислуги и лошадей, и неприятель должен был раздробить артиллерию по разным пунктам. Так же неудачно было и нападение пехоты, направленной главным образом на фланги русской позиции, а не на тактический ключ — высоту у каплицы. Во всех действиях поляков не было согласия. Гелгуд упустил из рук общее руководство боем. Около 10 часов завязалась сильная перестрелка по всей линии, особенно — же на нашем правом фланге, подкрепленном двумя батальонами авангарда. Польский генерал Роланд с лучшими войсками повстанцев неоднократно старался овладеть высотами, но был мужественно отражен сводным батальоном графа Аракчеева и 2 батальонами пехотного принца Карла Прусского полков.

Польская линия, уклоняясь от действия русской центральной батареи, подавалась всё более влево, так что 4 егерских батальона спустились даже в долину Вилии, но встреченные стремительными атаками л. гв. Волынского полка, принуждены были с значительною потерей снова взбираться на высоты, при чём терпели большой урон от двух рот принца Карла Прусского полка, засевших в кустах на покатости горы. На левом фланге русских польский партизан Заливский, командуя отрядом регулярных войск, отброшен был храбрым натиском батальона го карабинерного полка. Наконец в центре, где Гелгуд лично повел вперед 7 польский полк, также не было успеха.

Около полудня русские перешли в наступление. Беспорядок распространился по всем польским войскам; они стали отступать на всех пунктах, стараясь спасти свою артиллерию, и только стойкость польского уланского полка, прикрывавшего отступление, спасла неприятеля от полного поражения. Преследование скоро было прекращено по распо-

ряжению графа Куруты, заявившего по одержании победы о своём старшинстве и принявшего командование.

Поляки потеряли 2000, русские 364 человека.

В настоящее время Панарская позиция довольно сильно заросла лесом и появились новые постройки, но и теперь ясно можно определить, как были расположены наши войска на ней в 1831 году. Там же, в ограде около Панарской каплички, находится и памятник штабс-капитану Свечину, убитому в сражении 7-го июля 1831 года при подошве горы, на которой находилась центральная русская батарея.

(«Виленский Военный Листок» №430 от 19.05.1910 г.)

Русская жизнь *Военный налог*

Совет министров, в заседании 2 июня, представил министру финансов внести в законодательные учреждения разработанный, согласно выраженным пожеланиям Гос. Думы, законопроект о военном налоге. К платежу налога предполагается привлечь всех лиц, не отбывающих воинской повинности, кроме неспособных. Размер налога 6 руб. в год. Продолжительность платежа налога 4 года.

По предварительному подсчету, общая сумма налога выразится в 17 миллионов руб. ежегодно. Эту сумму предполагается обратить на восполнение казны для расходов по обеспечению пенсиями нижних чинов и их семейств.

(«Виленский Военный Листок» №537 от 11.06.1911 г.)

Кулачные бои

Масленая неделя ознаменовалась возобновлением кулачных боёв в некоторых городах. В Зубцове, например, кулачные бои происходили за городом на льду р. Вазузы. Дрались «стенка на стенку», обыватели города против обывателей, живущих за р. Вазузой. В боях принимало участие несколько тысяч человек. Река чернела на большом пространстве от массы людей.

Глухой гул стоял над рекой от ударов.

Отдавало допетровской Русью.

В боях участвовало много именитых купцов. Старики вспоминали «доброе старое время» и сами бросались в бой.

На один из боёв приехал на лошадях старик-купец Н-в, который когда-то считался одним из лучших бойцов в городе. Теперь он настолько ослаб, что даже не может ходить. Вспомнив старину, старик победил хворость и поехал.

Он из саней наблюдал картину боя. Лошади были поставлены так, чтобы можно было быстро уехать, если бы дерущиеся вспомнили об его былых победах...

В первый день победили за-вазузские.

На следующий день по всем окрестным деревням были отправлены гонцы, звать крестьян на помощь побежденным. «Победители» узнали об этом и в свою очередь устроили «мобилизацию».

Бои закончились удивительно благополучно, — об увечных не было слышно, зато очень и очень многие жители украсились белыми повязками, ссадинами и синяками. Бились «на совесть».

(«Вилинский Военный Листок» №414 от 13.03.1910 г.)

Карикатуры времён 1812 года

Карикатура никогда, кажется, не достигала такого развития и распространения, как в период войн и царствование Наполеона I.

Впервые юмористические рисунки Наполеона появились в Англии. Национальная неприязнь, ряд политических выпадов против англичан, наконец самая внешность великого императора заставили британских юмористов художников ополчиться на «корсиканское чудовище».

В каких только положениях и позах — смешных, трагических — не изображался «глава французского правительства»?

В то же время заражённые примером англичан, прусские, французские, итальянские и испанские художники так же подняли кисть и перо на «коронованного корсиканца».

Но это подражание было быстро подавлено, — Наполеон декретом повелел карать рисовальщиков — юмористов (наравне с убийцами). Карикатура на материке была подавлена на долгое время. По крайней мере, до падения Наполеона — 1812 года — нигде, кроме Англии и России, не появлялось ни одной карикатуры на Наполеона.

И в России до нашествия двенадцати языков, карикатур на императора Франции было мало.

За несколько лет до Отечественной войны знаменитый живописец Венецианов начал издавать юмористический журнал. Издание это по желанию Императора Александра I, было закрыто за карикатуры на Наполеона. Так европейские, а в частности и русские, карикатуристы были обезоружены до заката счастливой звезды Наполеона.

Одного из итальянских художников, Пасквино, кто-то спросил в связи с наложением запрета на карикатуры:

- Правда ли, Пасквино, что все французы разбойники ?

Негодующий карикатурист ответил:

- Нет, но большая часть.

С момента начала компании, русские художники получили возможность «уязвить» врага кистью. Сначала появились картинки патристического характера.

На этих картинках изображались:

- «Ратник Иван Гвоздило, да милицейский мужик Данило Решетило».

В то время, как в Москве появились эти афишки, в Петербурге стали выходить карикатуры, в большинстве заимствованные с лондонских образцов. Так пришла в Россию западная карикатура и заняла первенствующее место в тогдашнем художественно-юмористическом движении.

Появилась в период Отечественной войны карикатура обличительная; пионером её был Венецианов. Рисунки этого характера воздвигали гонение на всё французское, боролись с людьми по меткой юмористической подписи к иллюстрации в одном из журналов того времени:

- «Отечество Кузнецкий мост, а рай — Париж».

В России появилась тогда особая азбука: «Подарок детям в память 1812 года».

В этой азбуке на каждую букву был рисунок с двумя строками; например Бонапарт, влезаящий в сани, чтобы бежать, приходится на букву П. Следует подпись:

Постой-ка, не в свои сани, брат, садисься,

Ты править нашу лошадкой не годишься.

На букву М:

Москва ведь, не Берлин, не Вена, не Мадрид;

В ней гроб всей армии французской был открыт.

Или на букву Ю:

Юлит француз всегда и горы обещает,

Но что он делает? — Лишь юность развращает.

Так народилась в России политическая карикатура, занесённая с запада.

(«Виленский Военный Листок» № 573 от 15.10.1911 г.)

Погоны сняты со штатских

«Государь Император Высочайше повелеть соизволил: 1. Отменить погоны для всех чинов гражданских ведомств, кроме чинов полиции и тюремного ведомства. 2. Звездочки для отличия чинов перенести на петлицы у краёв воротника сюртуков и пальто. 3. Форменное обмундирование с наплечными знаками разрешить донашивать в течение 3-х месяцев».

На основании этого циркуляра, погоны сняты с чинов придворного ведомства, с земских начальников, с податных инспекторов, фабричных инспекторов, и т.д.

(«Виленский Военный Листок» № 419 от 31.03.1910 г.)

Праздник героев

Более полутора тысяч лет тому назад служил в войсках римского императора Диоклетиана чудный воин Георгий. За свою беспримерную храбрость и выдающиеся подвиги на полях битв он был сделан генералом и приближенным советником царя. Георгий был христианином, а так как в те времена на христиан устраивались жестокие гонения, он выступил со смелым словом на защиту учения Христа. Ни просьбы, ни ласки, ни обещания новых почестей, ни угроза страшными мучениями, ничто не повлияло на могучую душу юного генерала, ничто не вернуло его к язычеству. С той же беззаветной храбростью, которой он сражался с врагами родной земли, перенёс Георгий самые нечеловеческие страдания, пока взбешенные язычники, испробовав самые мучительные пытки, не отрубили ему голову.

Богу угодно было сделать храбрейшего воина-страдальца святым и причислить его к сонму небесных сил. Слава о чудесах св. Георгия быстро распространилась по всему свету, заставляя преклоняться перед ним даже магометан и язычников. Особенно поразило современников то из чудес, когда он явился в образе юноши на белом коне и победил страшного змея, наводившего ужас на всю окрестную страну. Св. Георгия стали именовать Победоносцем, он сделался образцом для всех христианских воинов, которые старались подражать ему в храбрости, верности долгу, и молится ему перед сражениями о даровании победы над врагами.

Образ св. Георгия на белом коне, поражающего копьём страшного змея, украшает наш отечественный герб. Как носитель победы, сопровождает этот образ русское воинство, сияя на груди русского двуглавого орла и вдохновляя храбрых на геройское и славное служение Царю и Родине. Но чтобы ещё больше поощрить героев, чтобы влить в их сердца ещё больше могучей отваги, Императрица Екатерина Великая учредила георгиевский крест. Она хотела, чтобы подобно тому, как он сияет на груди русского орла, образ победоносного всадника сиял на груди храбрейших, не ведающих страха перед опасностями. Это было 26 ноября 1769 года. Орден, учрежденный Императрицей Екатериной, предназначался только для офицеров, но император Александр I в 1807 году признал необходимым награждать особым знаком за выдающиеся боевые подвиги и нижних чинов, отмечая их блестящую воинскую доблесть. С этого времени знак отличия Военного Ордена украшал грудь солдат — героев, заблестел золотом и серебром в славных рядах нашей армии рядом с белым крестом на груди героев — офицеров.

...Вот и в этом году 26-го ноября в разных уголках матушки — России собрались к родным знаменам счастливцы — георгиевские кавалеры, чтобы праздновать свой праздник героев ... Они как бы показывали новым бойцам путь к истинной славе, к истинному геройскому, самоот-

верженному служению Государю и Отечеству ... Св. Георгий Победоносец зажигает наши души могучим стремлением победить или умереть. (ст. Дана с сокращением.) Николай Руденко.

(«Виленский Военный Листок» №686 от 28.11.1912 г.)

Русская жизнь

К столетию Отечественной войны

Московский кружок ревнителей Отечественной войны 1812 года составил карту станций Московско-Брестской жел. дор., которые желательно было бы переименовать, связав их наименования с событиями или участниками Отечественной войны. Проект прежде всего рекомендует переименовать Кунцево, находящееся против Поклонной горы, с которой Наполеон смотрел на Москву, в Поклонную гору. Далее предполагается переименовать станции: Одинцово — в Растопчинскую, Тучково — в Воронцово, Шелковскую — в Кутайсовскую и т.д. Все эти новые названия стремятся воскресить память событий 1812 г. Филя, Голицыно, Гжатск и Бородино должны сохранить свои нынешние названия, так как эти названия сами по себе исторические. По пути от Смоленска к Минску также предполагается переименовать несколько станций.

(«Виленский Военный Листок» №542 от 28.06.1911 г.)

Обо всём понемногу

Военные расходы

Национальная защита в франках (1) обошлась в минувшем 1910 году: Англии — 1816 милл. фр., России — 1607 милл. фр., Германии — 1574 милл. фр., С.А. Штатам — 1368 милл. фр., Франции — 1315 милл. фр., Австро-Венгрии — 686 милл. фр., Италии — 591 милл. фр., Японии — 484 милл. фр.

На одного жителя приходится в России 8,52 фр. На армию и 1,94 фр. на флот; во Франции — на армию 22,67 фр. и на флот 10,52 фр.; в Германии — 15,39 фр. на армию и 8,56 фр. на флот; в Англии — 15,12 фр. на армию и 25,05 фр. на флот. Таким образом, Франция расходует больше всех на армию, а Англия на флот.

Франк — 37 к.

(«Виленский Военный Листок» №562 от 07.09.1911 г.)

На Нижегородской ярмарке продавался, как редкая древняя одежда, сарафан Марфы Посадницы. Одним любителем старины сарафан куплен за 700 р. По внешнему сходству сарафана — он говорит за подлинник.

(«Виленский Военный Листок» № 526 от 07.09.1911 г.)

Мудрое замечание Наполеона о детских умственных способностях

Один французский министр подал Наполеону предложение, чтоб неспособных к наукам учеников выгонять из учебных заведений до окончания их курса. «Это худая мысль», заметил Наполеон: «никто не имеет права марать таким образом честь юноши, которая должна быть всегдашнею спутницей его жизни. Многие дети до 12-ти и даже 14 лет кажутся глупыми и бесталанными, между тем как у других развиваются ум и способности уже на десятом году. Не надо никогда сомневаться в уме молодого человека до его совершеннолетия, ибо тогда только развиваются вполне способности и мы можем судить о них верно и без предубеждений». Подобное замечание конечно, сделало бы честь всякому отличному педагогу.

(«Русский Инвалид» № 52 от 26.02.1839 г.)

Две армии: штыков и грифельных досок

Европа больше заботится о создании армии штыков, чем армии учителей, борющихся с народной тьмой.

Народная тьма — вот тот враг, против которого должны быть направлены соединённые усилия всего человечества. Всеобщее народное образование — вот клич, который должен раздаваться от края до края земли, и этот вопрос особенно должен быть выдвинут у нас.

Какие громадные средства расходуют современные государства на содержание войска штыков и сколько это отнимает у них сил!! Так, войско России в мирное время считается 1. 100 000, во Франции почти 600 тыс., то же самое в Германии; в Англии же всего 270 тыс., в Соединённых штатах — 100 тыс.

Но другая армия, армия мирная, в чёрных пиджаках, с грифельными досками вместо штыков, борющаяся с внутренним врагом — народным невежеством, значительно малочисленнее, на неё меньше тратится средств: так, в России, по данным 1903 года, эта армия для начальных школ без Финляндии исчислялась в 209 тыс.; в Австро-Венгрии в 113,5 тыс.; во Франции в 159 тыс. (1902-1903 г.), в Германии — 144,5 (1901 г.). Малограмотная Италия всего насчитывает 57 тыс. Но зато колосс, встающий там, за океаном, Соединённые Штаты, прекрасно поняли значение этой армии, и если войско у них незначительно, как мы видели, то они выставили колоссальную армию для борьбы с народным невежеством; эта армия делает там чудеса. В рядах её насчитывается 578 164 человека, притом в начальных классах числится свыше 515 тыс. Сверх того, существуют особые правительственные школы для индейского насе-

ления, школы при детских садах и т.д. В упомянутую цифру 578 тыс. входят преподаватели и высших, и средних учебных заведений; за исключением их можно считать армию учителей в начальных школах никак не меньше 530 или даже 535 тыс.

Вот какую колоссальную армию выставили Соединённые Штаты; если они жалеют средства на армию штыков, то они не жалеют средств на содержание этой огромной армии, и она-то и прокладывает путь к колоссальным успехам Соединённых Штатов: эта армия победоносно ведёт американские штаты к мировой победе в области промышленности.

Нельзя не заметить, что в цифру, выражающую общее количество учителей у нас — 209 тыс. — входят преподаватели школ Святейшего Синода в количестве 97-ми тыс.

В России так много войска и так мало учителей, в Соединённых Штатах — совершенно обратное. И если мы хотим идти вперёд, хотим развивать свои производственные силы, уменьшить у нас нищету, сделать население более обеспеченным, мы должны пойти по стопам Соединённых Штатов. («Р. С.»)

(«Виленский Военный Листок» №289 от 06.12.1908 г.)

Русская жизнь

Подлинные приказы Неверовского

В одном из захолустных управлений воинского начальника среди архивного хлама найдены два документа чрезвычайной исторической важности.

Это две книги, представляющие собой журнал исходящих бумаг начальника 27-й пехотной дивизии ген.- майора Неверовского и подлинники его приказов с 1 февраля по 31 декабря 1812 г.

Серые рукописные книги, переплетенные в почти уже полусгнившие теперь переплеты, грубая синяя бумага, выцветшие чернища, неуклюжий старинный почерк ... Все приказы подписаны рукой ген. Неверовского.

Эти документы, пролежавшие свыше ста лет, каждой строчкой своих ветхих листов опровергают утвердившееся в истории 1812 г. мнение относительно одного из эпизодов Бородинского боя, относительно победы французов над дивизией ген. Неверовского.

Оказывается, что левый наш фланг вовсе не был разбит, и французы никакой победы здесь не одержали. А наоборот, к вечеру, после неудачных попыток, колонны французов отступили и представили в наше распоряжение все пространство до опушки леса, и левый фланг русской армии, по свидетельству ген. Неверовского, считал себя победителем.

К вечеру вся 27 пехотная дивизия продвинулась вперед к холму Шевардинского редута, там Неверовский, контуженный в руку, был до конца сражения на линии фронтовых стрелковых цепей.

Обнаружение этих документов вызывает удивление, почему Неверовский не считал нужным опровергнуть утверждения, противоречащие всем его приказам. Это, очевидно, объясняется смертью храброго генерала, который погиб под Лейпцигом.

И только найденные почти через 100 л. книги служат прославлением памяти одного из храбрых военачальников Отечественной войны. Теперь уже решено перевезти в Россию останки ген. Неверовского, который похоронен на чужбине, вблизи Лейпцига.

(«Виленский Военный Листок» №562 от 07.09.1911 г.)

Памяти генерала князя Цицианова (1812, 17 января 1912)

*Помянем храбрых ветеранов,
Вождей Кавказа боевых,
Тебя, бесстрашный Цицианов,
Погибший от врагов своих...
Домантович.*

Сто лет назад, 17-го января 1812 года, в древне-престольном граде Тифлисе проходили чрезвычайно торжественные похороны знаменитого вождя кавказских войск, генерала князя Павла Дмитриевича Цицианова, двоюродного брата супруги последнего грузинского царя Георгия Двенадцатого (1).

День, тогда скорбный для Закавказья, теперь священный воспоминанием погребённых останков того, кто кровью своею спаял в одно стройное целое разъединённые, враждующие между собою, части кавказского края и сильною рукою и великим умом преклонил его под сень великой Державы Русской.

В три года времени, с самыми малыми средствами, он успокоил взволнованную смутами Грузию; смирил лезгин и навёл ужас на персиян; присоединил к России Имеретинское царство и Мингрельское княжество, ханства: Гянджинское, Карабахское, Шекинское и Ширванское, а также Шурагельскую область; вселил в войска дух непреодолимого мужества и уверенности в своих силах. Прибавим ещё, что под начальством Цицианова созрела военная опытность героев Кавказа: Котляревского, Лисаневича, Гулякова, Симановича, Карягина, князя Воронцова и других.

Если бы преждевременная смерть не пресекла его кипучей деятельности, то с тем сильным нравственным влиянием на туземцев, тою нео-

границенною их доверенностью к себе, какую умел он снискать у народа, должно было надеяться, что Павел Дмитриевич Цицианов в несколько лет устроил бы край и тем избавил бы Россию от многих кровавых жертв, впоследствии принесённых для утверждения благосостояния Кавказа.

Он обезоружил кротостью и милосердием, но вместе с тем был строг без малейшего послабления, и сильные слова его были действительнее всякой кары. Он, можно сказать, начал перевоспитывать народ, приученный в то время к хитрости и пронырству коварною системою правления азиатских властителей. При Цицианове каждый знал наперёд, что он потребует от него, и знал, что слово его ненаруσιμο, что никакой обман, никакая хитрость не проведут его, что он обличит ложь и выскажет о ней своё мнение равно искренно, как князю, хану, так и простолудину.

Таковы были его основные правила; одно имя Цицианова держало в страхе врагов, а присутствие его во сто крат усиливало небольшое его войско, приученное к победам. Азия сильно веровала в непоборимость России, в величие и непобедимость её вождя и с изумлением взирала на новую для неё, поразительную бесхитростность, на прямоту всех его действий, чувствуя вместе с тем неизбежность повиновения его воле. С этих пор родился тот благоговейный страх к оружию русскому, который долго облегчал успех всех действий на Кавказе.

Цицианов погиб, и обезглавленный труп его покоится ныне под священными сводами Сионского кафедрального собора, в Тифлисе. Тело князя Павла Дмитриевича Цицианова первоначально было зарыто в яму, у тех самых ворот Бакинской крепости, где он пал, 8-го февраля 1806 года, жертвою азиатского коварства.

Генерал Булгаков, взявший Баку в том же 1806 году, передал прах героя погребению в тамошней армянской церкви, а управляющий Грузией генерал маркиз Паулучи, в начале 1812 года перевёз его в Тифлис и с должными почестями похоронил в Сионском соборе, возобновление и украшение которого принадлежало также Цицианову. Над местом, где он покоится, по распоряжению правительства, воздвигнут памятник.

Позднее наместник Кавказа генерал-фельдмаршал князь Воронцов поставил памятник князю Цицианову в Баку, на том самом месте за городскими воротами, где было зарыто тело его «врагами без почестей бранных».

Так служил, так действовал и так погиб на 52 году от рождения один из замечательных людей, исполненный необыкновенного ума и храбрости, одарённый пронизательностью и твёрдою волею, хорошо знакомый с характером восточных народов, человек душою и телом преданный Престолу и Отечеству.

Военные подвиги князя Павла Дмитриевича Цицианова велики, а государственные заслуги бессмертны. Он гордо и высоко держал русское знамя и оставил по себе память, которая никогда не умрёт в истории русского народа и в летописях кавказской войны.

Для увековечения памяти доблестного кавказского вождя Цицианова, в 1891 году, последовало Высочайшее повеление о назначении Цицианова бессмертным шефом 156-го пехотного Елисаветпольского полка, имя которого является памятником одного из главнейших эпизодов деятельности Цицианова — взятие Гянджи, переименованной в Елизаветполь. Д. Натиев.

(«Русский Инвалид» № 13 от 17.01.1912 г.)

(1) Георгий Двенадцатый (1746 — 1800 гг.) последний царь Картли-Кახети, после смерти завещал Грузию императору Павлу первому.

Прах Платова

19 августа под председательством митрополита Владимира состоялось заседание Св. Синода. Синод обсуждал между прочим ходатайство о перенесении праха героя Отечественной войны Платова в Новочеркасск. Ходатайство это имеет свою историю: прах Платова первоначально был погребен под соборной церковью в Новочеркасске. На месте старого собора стали строить новый; но он два раза обрушивался. Тогда гроб Платова был перенесен в загородную церковь. Между тем, на месте старого был воздвигнут новый великолепный собор. Ныне, в виду приближения столетнего юбилея Отечественной войны, возбуждено было ходатайство о перенесении вновь под своды кафедрального собора дорогого для донских казаков праха. Св. Синод ходатайство это удовлетворил.

(«Виленский Военный Листок» №556 от 27.08.1911 г.)

Усадьба Кутузова

На Волыни в местечке Горошки, имеется до сих пор усадьба с ветхим домом, принадлежавшим фельдмаршалу Кутузову — герою Отечественной войны. Дом, в котором жил Кутузов, построен из дубовых балок, сохранившихся довольно хорошо. Внутри дома все дышит седой стариной: величина комнат огромная, печи вмещают в себя чуть не по возу дров ... При усадьбе имеется церковь со старинным дубовым иконостасом ... В усадьбе очень много исторических реликвий, тем более ценных, что приближается столетний юбилей войны 1812 года. Усадьба эта принадлежала г-же Трубецкой, а теперь продана какому-то немцу — колонисту.

(«Виленский Военный Листок» № 557 от 20.08.1911 г.)

Рыцарская Честь

*«Для понимания всякого поступка нужно
знать его мотив ...*

*Кубический сантиметр умысла значит
более, нежели кубический метр
разумения...*

*Давно уже замечено, мир лежит во
зле — дикие пожирают друг друга, а
культурные друг друга обманывают,
и это называется порядком вещей».*

Артур Шопенгауэр.

Отдельный человек собственными силами может сделать лишь очень немного и предоставлен на произвол судьбы, подобно Робинзону; лишь в сообществе с другими представляет он собою нечто могущественное. Он подмечает этот факт, как только начнет сколько-нибудь развиваться его сознание, и в нём возникает тогда стремление считаться дельным членом человеческого общества, который способен внести свою долю работы в общее дело и потому имеет право участвовать в выгодах человеческого общежития. А этого он достигнет в том случае, если он, во-первых, делает то, чего требуют и ожидают от всех вообще, затем — то, чего требуют и ожидают от этого человека в том особом положении, какое он занимает. Однако он столь же скоро узнает, что здесь дело не в том, чтобы быть таким в своём собственном мнении, а в том, чтобы быть таким во мнении других. Отсюда и получается его ревнивая забота о благоприятном мнении других и та высокая ценность, какую он этому мнению придает: то и другое обнаруживается с исконностью врожденного чувства, которое называют чувством чести и, в подобающем случае, чувством стыда.

Честь, это, объективно, мнение других о нашем достоинстве, а субъективно — наш страх перед их мнением. Мнение о нас других лишь постольку может быть для нас важно, поскольку оно определяет или может при случае определить их поведение относительно нас.

Чем важнее и обширнее круг деятельности человека в государстве, иными словами — чем выше и влиятельнее занимаемый им пост, тем выше должно быть и мнение об интеллектуальных способностях и нравственных качествах, делающих его годным для этого поста; тем большею, стало быть, обладает он степенью чести, выражением которой являются его титулы, ордена и т.д., а также подчиняющееся ему поведение других.

Солдатская честь состоит в том, чтобы тот, кто принял на себя долг защищать общее отечество, действительно обладал нужным для этого

качествами, т.е. прежде всего мужеством, храбростью и силою, и был серьезно готов с опасностью для жизни защищать свою родину и вообще ни за что на свете не оставлял знамени, которому он раз присягнул.

Ордена, это — векселя, выданные на общественное мнение: их ценность основана на доверии к тому, кто их дарует. Во всяком случае, даже совершенно независимо от того, что, заменяя собою материальное вознаграждение, они сохраняют государству много денег, это — вполне целесообразное учреждение, при том условии, что они раздаются осмотрительно и справедливо. При несправедливой, необдуманной или чрезмерно щедрой раздаче ордена теряют эту ценность, и потому государь должен быть столь же осторожен с этой наградой, как купец с подписанием векселей.

Рыцарская честь — порождение высокомерия и глупости. Происхождение его надо приписать феодальному строю, при котором каждый благородно рожденный смотрел на себя как на маленького государя, не признавая над собою никакого человеческого судьи, и потому привыкал считать свою личность совершенно неприкосновенной и священной, всякое посягательство на неё, всякий удар и всякое ругательство, представлялось как заслуживающее смерти преступление. Таким образом, принцип этот и дуэли первоначально применялись лишь у дворянства, а в позднейшие времена у офицеров и других высших сословий.

Беспристрастный человек сразу увидит, что этот странный, варварский и смешной кодекс чести берёт своё начало не в сущности человеческой природы и не в здравом понимании человеческих отношений. Это подтверждается, к тому же крайне ограниченной сферою его действия: именно, он применяется исключительно в Европе, притом лишь со времени средних веков. Ибо ни грекам, ни римлянам, ни высококультурным азиатским народам древнего и нового времени совсем не известно об этой чести и её принципах. Что древние были чужды такого предрассудка, об этом свидетельствуют множество дошедших до нас указаний. Когда например один тевтонский вождь вызвал Мариа на единоборство, этот герой послал ему ответ, что «если ему надоела жизнь, он может повеситься», но на всякий случай предложил ему для поединка бывшего гладиатора.

Мы избежали бы очень многих реальных несчастий, в какие повергает нас это чисто идеальное стремление подняться во мнении других, эта пагубная глупость проявляется главным образом в трёх формах: в виде честолюбия, тщеславия и гордости. Разница между двумя последними состоит в том, что гордость, это — уже установившееся сознание собственного превосходства, в каком-либо отношении; тщеславие же — это попытка вселить подобное убеждение в других, сопровождающееся скрытой надеждой, что оно таким путём может обратиться и в наше собственное.

(Гордость, гордыня, согласно канонам Русской Православной Церкви — первый смертный грех.) Честолюбие — жажда известности, почестей, стремление к почётному положению. Без этой заботы и погони, роскошь едва ли достигла бы и десятой доли того, что мы видим теперь.

Придавать чрезмерно большое значение мнению других, — эта мания владеет всеми; коренится ли она в самой нашей натуре или возникла в результате общественной жизни и цивилизации, во всяком случае она оказывает на все наши поступки и отношения совсем неподобающее и враждебное нашему счастью влияние. Люди готовы жертвовать ради последующей славы покоем, богатством и здоровьем, даже самой жизнью. Вообще основой нашего существа и нашего счастья служит наша животная природа — здоровье, а затем средства к существованию. Вследствие этого для нашего счастья важно заранее прийти к той простой мысли, что каждый прежде всего и на деле живёт в своей собственной коже, а не во мнении других, и что поэтому наше реальное и личное состояние, как оно определяется здоровьем, характером, способностями, доходами, женою, детьми, друзьями, жилищем и т.д., стократ важнее того, что угодно делать из нас другим. Противоположный взгляд ошибочен и ведёт к несчастью, это великое заблуждение. Правда это заблуждение даёт удобное оружие тем, кому надо повелевать людьми или как-нибудь иначе руководить ими, почему во всех отделах искусства дрессировки людей на первом месте и значится правило поддерживать и изощрять чувство чести.

Благодаря Суду Божию (поединку), на судейское кресло была посажена, собственно, вместо разума физическая сила и ловкость, т.е. животная природа, и вопрос о правом и неправом решало не то, что человек сделал, а то, что его постигло, — совершенно как и по теперь ещё действующему принципу рыцарской чести (на дуэли погибли: А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов и другие).

Принцип рыцарской чести вовсе нельзя считать за что-либо истинное, коренящееся в самой человеческой природе, это нечто искусственное. Принцип этот порождён той эпохой, когда больше применялись кулаки, чем головы. Так как фальшь и абсурд рано или поздно обнаруживают себя большею частью тем, что, достигнув крайних пределов, завершаются противоречием, то и здесь в конце концов мы находим последнее в форме самой резкой антиномии: именно, офицеру запрещена дуэль, но если в подобающем случае к ней не прибегнет, его карают отставкой.

Духовное превосходство не имеет в обществе подобающего ему первого места, которое теперь, хотя и скрыто, принадлежит физическим преимуществам и гусарской лихости. Личная храбрость получает перевес над всяким другим качеством. А между тем ведь это собственно очень второстепенная, чисто унтер-офицерская добродетель.

Подлинное основание, почему правительства лишь с виду стараются уничтожить дуэль и, хотя, очевидно, это было бы очень легко сделать, особенно в университетах, притворяются, будто их усилия в этом отношении терпят фиаско, состоит, кажется мне, в следующем: государство не в состоянии вполне оплачивать услуги своих офицеров и гражданских чиновников деньгами; поэтому другая половина его платы заключается в чести, которая представлена титулами, мундирами и орденами. Но чтобы граждане высоко ценили это идеальное вознаграждение их услуг, для этого надлежит всячески воспитывать и изощрять чувство чести, вообще поддерживать его несколько взвинченным; а так как для цели недостаточно одной гражданской чести, уже потому, что мы разделяем её со всеми другими людьми, то призывают на помощь и указанным образом стараются поощрять честь рыцарскую. В Англии, где жалование на военной и гражданской службе гораздо выше, нежели на континенте, нет нужды в подобного рода приеме: вот почему там, особенно за последние двадцать лет, дуэль почти совершенно вывелась, происходит в настоящее время крайне редко и высмеивается как глупость; конечно, этому много способствовало большое «антидуэльное общество», считающее в числе своих членов множество лордов, адмиралов и генералов, — так что Молоху приходится расстаться со своими жертвами.

Полноты ради здесь надо упомянуть ещё о национальной чести. Это — честь целого народа, как отдельной единицы, в обществе народов. Так как в обществе этом нет иного суда, кроме суда силы, и оттого каждому его члену приходится самому отстаивать свои права, то честь нации состоит не только в том, чтобы считаться заслуживающей доверия (кредита), но и в том, чтобы её боялись: отсюда, посягательства на её права никогда не должны оставаться безнаказанными.

(А. Шопенгауэр — 1786-1861 г. «Афоризмы житейской мудрости» Москва изд. просвещение 1993 г.) — Статья составлена в 2005 г.

Примечание: Куприн в своих произведениях, а также Пиккуль в романах «Баязет» и «Крейсера» описали дуэли русских офицеров. В романе «Крейсера» Пиккуль отмечает: «Когда в странах Европы дуэли вышли из моды, в монархической России поединки были искусственно возрождены, закреплённые в быту офицерского сословия особым указом от 18 мая 1894 года. Русское законодательство продолжало считать дуэли преступлением, но было вынуждено оправдывать офицеров, тем более что отказавшиеся от поединка удалялись в отставку без прощения ...» (т.е. отказавшиеся от поединка тут же увольнялись со службы как трусы).

Ещё Платон (род. в 427 г. до н.э.) утверждал: «Качество души каждого определяет степень свободы человека, которой он должен пользоваться «умеренно»...Поскольку справедливость — это мудрость и добродетель, она оказывается сильнее несправедливости даже в тех человеческих отношениях, которые на первый взгляд весьма далеки от какой бы то ни было справедливости. И наоборот, деструктивный характер несправедливости, в конечном счете уничтожает основания её бытия». (Москва, Мысль, 1998 г.)

Во всех основных философских учениях Справедливость — высшая добродетель, тогда как Свобода может рассматриваться только как одно из её проявлений, одна из составляющих, первой и всеобъемлющей добродетели — Справедливости. В современном мире всячески восхваляется Свобода, в ущерб Справедливости, чем несомненно наносится колоссальный вред, вносятся ложные понятия в сознание людей, а ложь как известно разрушает. (Прим. составителя.)

Наполеон — «Военные — они словно вольные каменщики, масоны, а я — великий магистр их ложи». «Из всех народов мира я должен сделать единый народ, а из Парижа — столицу мира». «На поле боя полагается сражаться, а тот, кто вместо этого капитулирует, заслуживает расстрела... Солдат должен уметь умирать». «Миллион жизней — это пустяк для такого человека, как я!»

Наполеон много заботился о «духе» своей армии, он решительно подтвердил изгнание телесных наказаний, разговаривая с англичанами всегда недоумевал, как они не гнушались пускать плеть в войсках. «Чего же можно ожидать от людей обесчещенных? Как может быть чуток к чести тот, кого в присутствии товарищей подвергают телесным наказаниям? Вместо плети я управляю честью...». За серьёзные провинности Наполеон расстреливал беспощадно, но, вообще говоря, он гораздо больше полагался на награды, чем на наказания. В 1813 г. в письме Меттерниху он писал: «Ваши государи, рождённые на троне, не могут понять чувств, которые меня воодушевляют. Они возвращаются побеждёнными в свои столицы, и для них это всё равно. А я солдат, мне нужна честь, слава, я не могу показаться униженным перед моим народом. Мне нужно оставаться великим, славным, вызывать восхищение». («Шестьдесят сражений Наполеона», В. В. Бешанов, Минск, Харвест, 2000 г.)

Итальянская компания — «Бонапарт понимал, что приказами уважения армии не добьёшься, потому резко пошёл борьбу с воровством и за восстановление дисциплины. «Приходите часто расстреливать», — доносил он в Париж Директории». (В. В. Бешанов, «Шестьдесят сражений Наполеона», Минск, Харвест, 2000 г.)

Врач вюртембергского кавалерийского полка — «Наполеон, про которого говорили, что он занят в Вильне организационной работой, политической и военными делами, хотел показать полякам всю строгость дисциплины в своей армии. Так как постоя на квартирах не было и в магазинах припасов не оказалось, солдаты должны были поддерживать свою жизнь воровством и грабёжом. Этого не должно было быть, под строгим запрещением, нарушителям которого грозила смертная казнь, — и потому вскоре в Вильне и вокруг начались расстрелы. На третий или четвёртый день после того, как мы покинули этот город, нам попалась кирасирская дивизия, построенная четырёхугольником; посредине его мы увидели четырёх солдат, рывших землю. На наш вопрос, что это такое, нам отвечали, что военный суд за насилия приговорил их к смертной казни; их расстреляют, но перед смертью они должны сами вырыть себе могилу. Холодный ужас охватил нас... Позднее мы узнали, что в Вильне многие были расстреляны, однако кое-кому удалось уйти от угрожавшей пули». («С Наполеоном в Россию», Генрих Роос, Москва, 2003 г.)

Врач французской императорской гвардии — «О Наполеоне говорили, что он очень занят, что он постоянно работает. Но дело в том, как стало известно, что цель его была издать как можно более декретов из столицы Русской империи в доказательство французам, что он и на дальнем рубеже Европы не перестаёт заботиться о своём государстве, как вездесущее провидение. К сожалению, предметы, избранные им для реформ, касались самых ничтожных частей внутренней администрации Франции. Например, он составил правила театрального управления, разных промыслов, как то: булочного, аптекарского и т.д. Этими мелочами он хотел вы-

казать всеобъемлющий гений свой. Между тем, всё это, в сравнении с прежней деятельностью Наполеона, делало его неузнаваемым». («Поход Наполеона в Россию в 1812 году», ДЕ ЛА ФЛИЗ, Москва, 2003 г.)

Герман Рауцининг свидетельствует, что сам Гитлер прекрасно осознавал магию фантазирования: «Эти умники считают, будто наша задача — успокоить массу и содержать её в тупой апатии... Только взбудораженная моими фантазиями, масса становится управляемой». («Шаг змеи» Ю. Воробьёвский, Москва 2002 г.)

В своих мемуарах маршал Мармон приводит разговор с Наполеоном, состоявшийся 11 октября 1813 г.: «Он жаловался, что союзники его покинули. Он говорил, что они нарушили данное слово. По этому поводу он сделал различие между тем, что он называл «человеком чести» и «человеком сознательным», отдавая предпочтение первому, потому что с тем, кто держит своё слово и взяты на себя обязательства, знаешь, на что рассчитывать, в то время, как со вторым, всегда зависишь от его познаний и суждений.

- Второй, — сказал он, — делает то, что считает необходимым делать, что считает наилучшим.

Потом он добавил:

- Мой тесть, император Австрии, сделал то, что считал полезным в интересах своего народа. Это человек сознательный, но я не назвал бы его человеком чести. Предположим, что завтра противник оккупирует Францию и будет стоять на холмах Монмартра, и вы сочтёте, что правильным будет покинуть меня, ради спасения страны, и вы это сделаете и будете хорошим французом, достойным человеком, но не будете человеком чести». («МЕМУАРЫ МАРШАЛА МАРМОНА О НАПОЛЕОНЕ И ЕГО ВРЕМЕНИ», Москва, Рейтар, 2003 г.)

Число жителей и земли во Франции

Количество обработанной земли во Франции составляло в 1783 году 52 659 000 гектаров, а ныне 52 760 279. Число жителей тогда было 25 ? миллионов; после того погибло в битвах до миллиона, и разорилось от гибельных следствий войн десять миллионов. Не смотря на то, ныне во Франции считается жителей 33 миллиона.

(«Русский Инвалид» №123 от 18.05.1839 г.)

Иноземные вести Перепроизводство орденов

В Пруссии имеется орденов и медалей 84 причем в расчет не приняты степени орденов, мечи, банты и проч. Подсчитав же все ордена королевств и княжеств Германской империи, получим почтенную цифру 406.

Больше всего орденов и медалей имеют : фельдмаршал Плессен — 60; у военного же министра только 26 орденов.

(«Виленский Военный Листок» №557 от 20.08.1911 г.)

Дуэль

Три дня назад в Вене состоялась дуэль между двумя запасными офицерами, представителями высших кругов. Личность одного из дуэлянтов до сих пор не установлена, другой — сын покойного лейб-медика и известного профессора по детским болезням, барона Видергофера. Дуэль состоялась на пистолетах на тяжёлых условиях (обмен тремя выстрелами). После выстрела барон Видергофер упал тяжело раненый. По дороге домой он скончался. Повод к дуэли романтический. Покойному было около 30 лет. Дуэль произвела в Вене сильное впечатление.

(«Наша копейка» №210 от 10.02.1910 г.)

РИГА. На дуэли между студентами баронами Бугсгевденом и Бергом, последний убит. (Наша копейка №673 от 02.06.1911 г.)

В дополнение ко вчерашней телеграмме о дуэли в Риге сообщаем, что дуэлянты бар. Буксгевден и Берг студенты Петербургского университета. Дуэль происходила на пистолетах. Секундантов было 5 человек.

(Наша копейка №674 от 03.06.1911 г.)

В Кронях

30 июля — Высочайший день рождения Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича, застал 112 пех. Уральский полк на походе у м. Кроне, Виленской губ., где полк, двигаясь из м. Олита на общие подвижные сборы в муравьевский лагерь, расположился накануне на дневку.

К 10 ч. утра площадь пред местною православною церковью была заполнена рядами Уральцев и 1-й батареи 28 артиллерийской бригады, присоединившейся к полку для участия в предполагавшемся на походе маневре. По отнесе знамени в церковь, в последнюю были введены войска. Составился импровизированный хор певчих из любителей офицеров и нижних чинов полка.

После литургии церковная процессия, вышедшая из церкви, была встречена звуками хора музыки, игравшей «Коль славен», и сопровождалась трезвоном колоколов; на площади, где 100 лет тому назад неистовствовали «нехристи» (как выразился местный старожил) — французы, раздалось моление творцу о даровании здравия Царствующему Дому, мирного процветания стране и победы христолюбивому воинству ...

После здравницы в честь Державного Вождя, Императриц и Наследника Цесаревича, все присутствовавшие своим громким — задушевным

«ура» заставили вздрогнуть окружающие горы и долины, а также те руины — развалины замка, остатки коего еще, казалось, напоминали о былом могуществе бывших когда-то их хозяев.

Хозяева же этого местечка и храма были князья Огинские-Козельские. Самый храм существует уже четвертое столетие.

Вот что гласит надпись над склепом, где был похоронен основатель этого храма (1) : « 1625 года ... от роду 74 года ... Огинский-де-Козельский. Муж был храбрый, достойный воин, бил заморских шведов, финнов, полчища немцев, гордых москалей, взял в плен дерзких и непокорных Наливайко и Лободу, освобождал пленных ... Душа в небе, слава бессмертная на веки в памяти останется ... »

Брат этого Огинского принял православие, основал монастырь и стал настоятелем его.

Имя этого первого настоятеля, говорят, по документам известно, но на жестяной небольшой дощечке, прибитой под его склепом, только : «Первый настоятель Кроневского мужского монастыря 16-17 века».

Через м. Кроне в 12 году проходили французы, и старожилы говорят, что французы вынули из склепа труп старика Огинского и, желая доказать, что «ваш святой ничёго нам не сделает» ... сделали в него несколько выстрелов.

Желая найти какие-нибудь точные справки вообще о 12 годе, мы перебрали несколько тюков старых дел, валяющихся над сводом церкви, где они подвержены всем случайностям быть окончательно уничтоженными временем и мышами. За неимением свободного времени, желание своё мы не могли выполнить, но судя по тем документам, которые были перебраны, можно предположить, что документы, касающиеся 12 года, извлечены и хранятся где-нибудь в другом месте.

Затем мы, случайно оказавшиеся на дневке в Кронях, обратили внимание на три небольших холма, которые расположены не доходя самого местечка, вправо от шоссе — к югу от его окраины. Самое место расположения их и очертание как бы указывают на искусственное их происхождение ...

Храмы, подобные Кроневскому, в западном крае, как оазисы в пустыне, должны бы отличаться своим великолепием и привлекать к себе православных ... Однако за последние годы Кроневская паства потеряла около 200 своих членов, перешедших из православия в католичество.

(1) Перевод подписи не дословный. Многие буквы не ясны, а другие замазаны известкой. Ив. Коротков.

(«Виленский Военный Листок» №557 от 20.08.1911 г.)

Типография Штаба Виленского военного Округа.

Примечание: Огинские и Пузына — русские княжеские роды. Происходят от Св. князя Михаила Всеволодовича Черниговского (ум. 1246), правнук которого князь Тиг-Юрий Фёдорович Козельский (пятнадцатое

колесо от Яюрика) имел двух сыновей: князя Григория Титовича (Юрьевича), по прозвищу Огонь, ставшего родоначальником Огинских, и князя Владимира Титовича (Юрьевича), по прозвищу Пузырь, ставшего родоначальником Пузына, Огинский Богдан Матвеевич в 1581 г. отличился в сражении под Великими Луками, в 1557 г. под Гданьском. В 1587 г. был послан в Москву от короля Стефана Батория. С 1580 г. был подкоморием трокским. С 1586 г. — державца Дорсунишский, основатель монастыря, школы и типографии под Вильно, ктитор церкви св. Духа в Вильно и староста Православного братства. Участвовал в подавлении казачьего восстания под руководством Наливайко. Депутат сеймов 1609, 1611 и 1613 г. умер в 1625 г.

Другой представитель этого рода Огинский Михаил-Клеофас Андреевич (1764–1833), мечник литовский, подскарбий великий литовский, в 1794 г. принимал участие в польском восстании, после поражения бежал, сенатор и тайный советник Российской Империи с 1810 г. С 1815 г. жил во Флоренции, получил известность как композитор, написал «Полонез Огинского», который назвал «Прощание с Родиной».

(П. Гребельский, С.Думин, А. Мирвис, А.Шумков, М. Катин-Ярцев. «Дворянские роды Российской Империи» Спб. 1993 г.)

Из времен пребывания Наполеона в пределах нынешнего Виленского военного Округа

(Из Парижских журналов, издававшихся в 1812 году)

Ковна, 26-го июня 1812 г.

23 июня в 2 часа утра Император прибыл на аванпосты у Ковны, взял плащ и шапку одного польского шеволежера и осматривал берега Немана в сопровождении только одного генерала инженера Таксо.

В 8 часов вечера армия начала двигаться. В 10 часов дивизионный генерал граф Моран отправил на тот берег три роты вольтижеров, и вместе с тем были переброшены 3 моста через Неман. В 11 часов французские колонны выступили по трем мостам. В 1 часа начало уже рассветать.

В 12 часу дня генерал барон Пажоль отбросил находившуюся впереди его лава казаков и занял Ковну одним батальоном.

24-го Император прибыл в Ковну. Ковна, называемая также Каусн, куда перешла главная квартира Императора 26 июня, расположена на месте впадения Вилии в Неман. Этот город ведет довольно большую торговлю.

Вильна, 30 июня 1812 года.

27 июня Император прибыл на аванпосты и приказал армии начать движение на Вильну и атаковать на рассвете 28-го русскую армию, если она решится защищать Вильну или затянуть взятие её, с целью спасти громадные магазины, которые в ней помещаются.

Одна дивизия русских занимала Троки, а другая дивизия была на высотах Ваки.

На рассвете, 28 июня, король Неаполитанский начал движение со своим авангардом и легкой кавалерией генерала графа Брюйера. Маршал принц Экмюльский поддерживал его со своим корпусом. Русские отступили. Давши несколько пушечных выстрелов, они торопливо переправились через Вилию, сожгли деревянный мост Вильны и громадные магазины, вмещавшие в себе продукты на несколько миллионов рублей; было сожжено более 150 000 четвертей муки, громадное количество фуража и овса и большое количество предметов снаряжения. Большое количество оружия было испорчено и брошено в Вилию.

В 12 часов дня император выехал в Вильну. В 3 часа дня мост через Вилию был снова наведен: все плотники города были собраны для наводки старого моста, между тем как понтоны в это время строили новый мост.

Вильна — город с 25-30 000 жителей, с большим числом монастырей и красивых зданий. Четыреста или пятьсот молодых людей университета, имеющих больше 18 лет от роду и принадлежащих к лучшим семействам, испросили разрешение на формирование полка. Янсонь.

(«Виленский Военный Листок» №528 от 11.05.1911 г.)

Рапорт одного офицера французской армии

6 июля 1812 г. г. Поневеж.

«Господин полковник! Поручик де-Равен и я отправились, согласно полученных приказаний, с бивака перед Бейсатолой и перед тем, как прибыть в Новомясто, мы, согласно Ваших приказаний, свернули с большой дороги и продолжали путь по обеим сторонам её. Счастливый случай привел нас на встречу одного молодого человека, чиновника русской административной комиссии. Будучи спрошенным, он нам дал превосходные сведения относительно расположения различных магазинов; от него мы также узнали, что 40 казаков разместились в большом постоялом дворе в середине города, что магазины охраняются невооруженными инвалидами, и что кругом их расставлены быстро воспламеняющиеся вещества, для сожжения магазинов при первом известии о движении великой армии на Поневеж.

Мы отправились дальше и спрятались в небольшом лесу за деревней Новый Двор. Один крестьянин, которого мы разбудили, сообщил нам, что в этой самой деревне размещены 5 казаков, высланных сюда из Поневежа. Они были без выстрела застигнуты и отправлены сейчас же в наш тыл. Прибывши к Поневежу, мы дали несколько отдохнуть лошадям; поручик де-Равен, согласно Ваших приказаний, не упускал из виду главной цели действий — спасти магазины, — разделил свой отряд на небольшие части, чтобы напасть одновременно на все магазины, зарубить

часовых и помешать сжечь магазины. Я был назначен вместе с 20 людьми, уничтожить казаков, расположившихся в постоялом дворе. Как только голова колонны достигла входа в город, мы пустились в карьер.

Весь город был погружен в первый сон, за исключением русского комиссара, игравшего с компанией в фараон. Не обращая на него внимания, я доскакал со своими гусарами до постоялого двора и занял выходы. Казаки, разбуженные топотом лошадей, открыли по нас стрельбу из pistols; я приказал им ответить, и заметив, что несколько казаков воспользовались темнотой и спустились в конюшню, я скомандовал слезать. В это время поручик де-Равен получил три удара ножом в бедро и нижнюю часть живота; но почти все казаки, которым удалось выйти, были ранены гусарами, оставшимися в резерве. Их офицер получил pistolетную пулю в бедро, от которой он, как я потом узнал, умер в двух милях отсюда. Слезши, я приказал моему трубачу держать лошадей и, с обнаженной саблей и pistolетом в руках, вошел в комнату. 18 казаков держались в одном углу комнаты и бились с отчаянием. Они поражали своими пиками все, что было впереди их. Я громким голосом приказал принести огонь; несколько жителей поспешили принести нам свечей, но они были потушены и разбросаны ударами пик. Я бросился к казакам, в следствии того, что не знал, что казаки находятся на лестнице, спускающейся в погреб. Все выстрелы и удары были направлены чересчур высоко и достигли только пик казаков, которые и были изрешечены пулями и саблями.

Этот бой длился до рассвета. Тогда унтер-офицер Вернер, схвативший одно русское ружьё, бросился вперед атаковать казаков в штыки в их подземном убежище. Унтер-офицер Поммере и бригадир Грабовский следовали за ним с обнаженными саблями. Гусар Сток, потерявший свою саблю от удара казачьей пики, схватил одну пику и кричал своим товарищам. «Давайте рубить по рукам казаков!»... По этому крику казаки сдались (1). Двое из них были убиты, несколько ранены, остальные были взяты в плен. Инвалиды, сторожа продовольственных магазинов были без оружия, но некоторые из них, которым удалось добыть ружья, стреляли по моим людям. Я им простил это заблуждение и приказал не трогать их. Они все взяты в плен, в числе около 120.

Представляю к награде этих двух унтер-офицеров, бригадира и гусара. (Здесь идет дело о гусарах прусского гусарского полка смерти, с изображением черепа на шапках, входивших в состав отряда генерала Рикаро. Им удалось захватить магазин с 30 000 квинтов муки. Наполеон за это дело дал орден Почетного Легиона командиру полка, Поручику де-Равену, унтер-офицеру Вернеру и Пеммерейту и бригадиру Грабовскому).

(1) Не надо забывать, что рассказывая о своём подвиге и не рассчитывая на свидетелей, француз, конечно, много приврал в своём рапорте.

Яисонь («Виденский Военный Листок» №538 от 16.06.1911 г.)

Прежняя театральная цензура в Вене

В 1840 году в Вене должны были поставить пьесу для народа, в которой герой между прочим, должен был сказать : «Дайте мне бифштекс!» Цензор вписал в рукопись следующее замечание : «Если вещь будут ставить в пятницу или другой постный день, то актёр должен сказать : дай-те мне порцию рыбы!»

(«Виленский Военный Листок» №489 от 15.12.1910 г.)

Примечание : согласно канонам Русской Православной Церкви в 2004 году были посты: 23.02 — 10.04 — Великий пост, 07.06 — 11.07 — Петров пост, 14.08. — 27.08 — Успенский пост, 28.11 — 06.01.2005 г. — Рождественский пост. Помимо этого каждую неделю два постных дня : Среда и Пятница (в среду Иуда предал Христа, в пятницу его распяли).

Существует поверье, что если дать зарок Богу, что не будешь есть скоромного в пятницу и среду, тогда можно просить у Бога что хочешь. Но никогда не нужно давать зарок, ибо их нужно выполнять.

Раскопки на Бородинском поле

На Бородинском поле произведены раскопки трёх курганов. Найдены 6 человеческих скелетов, три скелета лошадей, хорошо сохранившиеся куски солдатской шинели и мундира, две различные пары подков и некоторые другие предметы. Все эти вещи препровождены в музей 1812 года в Москве.

(«Виленский Военный Листок» №446 от 14.07.1910 г.)

Памятник Отечественной войны

Ещё 14-го ноября 1812 года Император Александр 1, указом на имя главнокомандующего русской армией графа Растопчина, повелел «всю отбитую у него (неприятеля) в разных сражениях артиллерию препровождать в Москву, где, на память многократных побед и совершенного истребления всех дерзнувших вступить в Россию неприятельских сил, имеет из отнятых у них орудий воздвигнут быть увенчанный лаврами столп. Да свидетельствует сей памятник не постыдные и хищные дела презренных зажигателей, но славные и знаменитые подвиги храброго народа и войск, умеющих на полях брани «карать врагов и наказывать злодеев».

Отбитые у неприятеля орудия собраны в Москву, а памятник из них до сих пор, по каким-то неведомым причинам, не воздвигнут. И только недавно, в виду предстоящего юбилея 1812 г., заговорили о памятнике.

Высочайше утвержденный комитет по устройству в Москве музея 1812 года предлагает соорудить из орудий к предстоящему столетнему

юбилею Отечественной войны две колонны, вышиною в 20 сажень, по 10.000 пудов каждая. Колонны предлагается поставить у подножия храма Христа Спасителя, со стороны реки Москвы. Вопрос о сооружении памятника из орудий возбудил оживленный обмен мнений. Решено выждать решение по этому вопросу военно-исторического общества. Постановлено произвести исследование Семлевского озера, Вяземского уезда, Смоленской губернии. В озере предполагается найти много воинских доспехов из московского арсенала, взятых Наполеоном и брошенных им туда по пути бегства из России. Любопытно, между прочим, отметить, что сведение об этом впервые получено не из сочинений русских писателей — Данилевского и Михайловского, а из романов Вальтера-Скотта. Кружок решил открыть отделение в Минске, Гродне и Калуге, где ожидается много интересных материалов по характеристике эпохи 1812 года. Намечен ряд лекций из эпохи Отечественной войны.

(«Виленский Военный Листок» №412 от 06.03.1910 г.)

Сокровище на дне озера

В центре Казани врезается громадное озеро Кабан.

Среди казанских старожилов, особенно мусульман, упорно держится легенда о хранящихся на дне Кабана сокровищах, опущенных туда татарами ещё при взятии Казани царём Иоанном Грозным в предупреждении захвата их победителями.

Нужно заметить, что в Казани при земляных работах на прилегающих к кремлю улицах не раз находили клады и подземные ходы, прорытые осажденными татарами. Но главным хранителем кладов молва считает тихие воды Кабана.

Несколько времени тому назад бельгийское общество казанских трамваев обратилось к городу с предложением бесплатно расчистить дно озера (7 верст в длину и 1 верста в ширину) с тем, чтобы всё найденное на дне отошло в собственность бельгийцев. Город отказал и решил сам поискать счастья на дне Кабана.

(«Виленский Военный Листок» №413 от 10.03.1910 г.)

Что находится на дне Березины?

Приближается празднование юбилея двенадцатого года и, как во Франции, так и в России снова воскрес интерес к Наполеону и его отступлению из России.

Один из сотрудников «Temps» посетил недавно некоторые места при Березине и описывает свои впечатления. В двух местечках — Борисове и Студянке — французская армия 26-го и 29-го ноября потерпела почти

полный разгром. Борисов лежит на левом берегу Березины и представляет собою маленькое местечко с низенькими домишками, среди которых в глаза бросаются только два каменных здания, — тюрьма и церковь. Деревянный домишко, в котором Наполеон провёл 25 ноября часа два, уже больше не существует.

Так как переход через Березину в этом месте был неудобен, то император решил поискать для переправы какое-нибудь другое место. Выбор пал на то место, возле которого находится Студянка. Император французов прибыл сюда 25-го ноября и в ночь на 26-е число остановился в доме барона Корзаха, где ещё долго после того показывали имена лиц, сопровождавших Наполеона, вырезанные на перилах балкона. Наполеон, по-видимому, не мог заснуть и часто выходил из дома, справляясь у часовых, скоро ли наступит день. На рассвете он отправился на берег реки, где в течении всей ночи наводили мосты. Материал для постройки моста брали из Студянки, где солдаты срывали доски и балки прямо с домов. Как затем состоялась переправа, знает каждый, так как о ней говорится во всех учебниках истории.

По словам французского журналиста, крестьяне окрестных деревень до сих пор ещё находят разные обломки оружия и даже заржавевшие снаряды. Однако, все эти находки особого интереса не представляют. Более богатая добыча досталась в руки русских на правом берегу у Старо-Борисова, где была забрана в плен большая часть французских войск. У барона Корзаха, например, имеется целая шкатулка с французскими орденами и знаками отличия.

Но если бы теперь было решено отыскать ещё более интересные реликвии наполеоновской эпохи, то нужно было бы произвести исследование dna реки Березины. Когда-то подобная попытка была уже сделана и имела большой успех. Со dna реки были извлечены разные ящики и мешки, в которых были найдены одежды французов, несколько к тому же не испорченные от долговременного пребывания в воде. Кроме того, удалось вытащить несколько пушек, карет, больших снарядов и проч. Один из немецких врачей, бывший свидетелем этих работ, говорит, что видел целые кучи золота, серебра, драгоценностей и часов. Окрестные помещики покупали эти вещи прямо за бесценок. Вещей было такая масса, что, в конце концов, они потеряли всякую ценность и интерес, и работы были прекращены.

В 1896 году работы эти были возобновлены снова, хотя и совершенно случайно. Как-то весной стали очищать дно верхнего течения Березины и нашли слой грязи, в которой признали разложившийся порох. Слой этот лежал на дне реки толщиной в 35 сантиметров. Были найдены также кости людей, лошадей, ружья, пушки, сабли, латы и другие предметы наполеоновской эпохи. Все они были отправлены в Петер-

бург и помещены в музей. Тем не менее, часть из них и даже пожалуй, самая большая, была припрятана местными жителями. Если работы не были продолжены, то объясняется это тем, что на другой год после этого Березина обмелела и во многих местах почти совершенно высохла.

От этого в русле реки образовалась настолько твердая кора, что её не в состоянии были пробуровать землечерпальные машины. Есть предположение, что под нею именно и покоятся в настоящее время все драгоценные реликвии наполеоновской эпохи.

Французский журналист в заключение статьи выражает пожелание, чтобы эти работы были возобновлены теперь, когда имеются более усовершенствованные машины для исследования речного дна.

(«Виленский Вестник» №2686 от 30.05.1912 г.)

Молодечно

Недавно сюда приезжали два француза с планами селения Мотыголь и имения Селище и делали вновь попытку восстановить картину местности в 1812 году. Жители, по словам известного корреспондента «Саб. Ввд.», видят в этом приезде желание французов отыскать закопанный здесь клад.

Таких попыток за последние годы было много, но все они оканчивались неудачами. Такая же неудача постигла и приезжавших на этих днях.

Осмотрев местность и найдя её совершенно не соответствующей имеющемуся у них на руках плану, французы попытались нащупать во многих местах почву, заостренным железным шестом, и уехали ни с чем.

История закопанного клада, по местным источникам такова. Во время известного отступления французов в 1812 году, часть армии Наполеона двинулась из Борисова на Молодечно по широкой дороге, сохранившейся поныне. В виду сильных морозов и недостатка фуража, лошади французов устлали всю дорогу трупами. По этой же дороге ехал и сам Наполеон, а при нем находилась и казна — несколько бочонков золота, которые везли в фургонах. У селения Мотыголь Наполеон со своим штабом заехал в имение Селище, где и остался ночевать. Наполеон поместился в старом господском доме, шагах более ста от большой дороги. Здесь по преданию, ему было доложено, что больше везти золото невозможно, так как все лошади пали, а найти свежих нельзя. Тогда Наполеон приказал зарыть золото в землю, что его приближенные и исполнили в ночное время.

До 1840 года жители не знали об имеющемся в их местности кладе. В этом году в имении строился новый господский дом; для фундамента свозили камни с полей; в числе их был один с высеченной подковой. Этот камень и теперь можно видеть по правой стороне от крыльца в уг-

ловом фундаменте дома. Но откуда он взят, никто не знает. Между тем, приезжавшие французы утверждают, что под этим камнем и были закопаны бочки с золотом. Наконец, местность совершенно изменилась; дорога, которая в 1812 году вела из имения на большую дорогу, теперь запахана и вместо неё проложена другая. Весь район так изменился, что стал невозможным для обследования.

(«Виленский Вестник» №2678 от 20.05.1912 г.)

Примечание: в своих мемуарах А. Коленкур писал — «1 декабря ставка была в Стойках; такого скверного ночлега мы ещё никогда не имели. Мы прозвали эту деревню Минзерово. У императора и начальника штаба были маленькие ниши в 7-8 квадратных футов каждая. В другой комнате набились все остальные чины штаба.... 2 декабря ставка была в Селищах, причём помещение было почти такое же плохое, как и накануне; но зато мы нашли здесь много картофеля. Нельзя описать радость, испытанную всеми, когда оказалось, что можно наесться досыта. Мороз был такой, что оставаться на бивуаках было невыносимо.... 3-го мы были в Молодечне...».

Против д'Аннунцио

Вена. Общее собрание городской центральной библиотеки постановило изъять из каталога библиотеки сочинения Габриеля д' Аннунцио, издавшего недавно по поводу войны агитационное стихотворение против Австро-Венгрии.

(«Наша копейка» №925 12.02.1912 г.)

Разное

Москва. Запасной рядовой Кудрявцев за оскорбление офицера приговорен к 12 годам каторги.

(«Наша копейка» №925 от 12.02.1912 г.)

Памятник и могилы воинов Отечественной войны

На площади в гор. Ковне поставлен монумент в ознаменование изгнания остатков армии императора Наполеона в 1812 году из пределов Отечества. В памятник вделан образ Св. Великомученика Георгия Победоносца высокохудожественной работы.

В Рижском уезде, Лифляндской губернии, в Даленской волости, в горах Одескальн и Клавгекальн сохранились братские могилы убитых в 1812 году. Местные старожилы знают, что в одной из могил погребено 80 убитых 9 и 10 августа при мест. Кекау, где неприятель потерпел поражение и потерял пленными более шестисот человек.

Другой оставленный след дела при Кекау — 4 бомбы, замурованные в стене местной лютеранской церкви.

(«Виленский Военный Листок» №508 от 23.02.1911 г.)

Обучение фехтованию в пехоте

Согласно параграфов 51-60 устава строевой пехотной службы издания 1900 года, обучение фехтованию на ружьях в войсках сведено к приёмам, не удовлетворяющим самым примитивным требованиям, которые могут быть предъявлены к этому делу со стороны искусства фехтования, а между тем правильная постановка его принесла бы несомненную пользу в смысле развития в солдате ловкости, быстроты соображения и находчивости, столь необходимых каждому одиночному бойцу при современных условиях ведения боя.

Одной храбрости, меткости стрельбы и твёрдого знания словесности, на которую, кстати сказать, направлены главные усилия при обучении, применительно к требованиям начальства, ещё далеко не достаточно для того, чтобы солдат представлял из себя хороший боевой материал, и они далеко не могут восполнить собою недостаток находчивости и способности проявлять личную инициативу в боевой обстановке, а опыт войны с Японией особенно ярко подчеркнул недостаток в нашем солдате именно этих драгоценных качеств. Следовательно, необходимо, во что бы то ни стало, стараться развить их в нём, а одним и, при том, самым верным средством к достижению этого может служить правильная постановка фехтования.

Мне на это могут возразить, что современное огнестрельное оружие свело на нет значение штыка и бой решается почти исключительно ружейным и артиллерийским огнём. С этим можно согласиться, но не вполне. Правда, огнестрельное оружие приобрело, как фактор боя, неизмеримо большее значение, но как показал опыт последней войны и штык не потерял своего решающего на поле сражения значения, и как мы, так и японцы постоянно стремились завершить огнестрельный период боя, решительным штыковым ударом.

Так как наступление до последней стрелковой позиции производится в настоящее время иногда очень редкими цепями, то, естественно, что и штыковой удар наносится теми же цепями, сгучивающимися к начальникам и редкими в остальных местах, так что можно смело утверждать, что штыковой удар в настоящее время сводится к столкновению небольших групп и одиночных людей, в котором победит, безусловно, та сторона, которая лучше владеет своим оружием. Наши западные соседи относятся к этому вопросу вполне сознательно и потому фехтование у них поставлено на твёрдую почву. Мы же, напротив, учим наших солдат, вместо всех фехтовальных приёмов, искусству сначала толкнуть

противника живом, а потом уже нанести ему удар штыком. Ясно, на чьей стороне будет успех в случае рукопашного столкновения нашей и германской или австро-венгерской цели.

Последняя война показала, что даже японцы, значительно уступающие нам в силе и росте, почти всегда, если не были застигнуты врасплох, одерживали над нами успех в рукопашном бою, что может быть объяснено исключительно тем, что обучению фехтованию в японской армии отведено надлежащее место.

Конечно, фехтованию нельзя уделить такое количество времени, которое позволило бы обучить солдат всем тонкостям этого дела, но при правильной постановке можно достичь и в сравнительно незначительное время весьма солидных результатов, не принося этим никакого ущерба остальным не менее важным отраслям обучения.

Попробуем выяснить, чему следует обучать, а также порядок самого обучения, без чего, конечно, желательные успешные результаты не могут быть достигнуты.

Успешен удар штыком может быть только тогда, когда он нанесён с достаточной силой, метко и совершенно неожиданно для противника, — последнее условие требует нанесения его с известного расстояния и быстроты соответствующего приёма. Последние два качества совершенно игнорируются при той системе обучения этому делу, которая принята у нас в настоящее время: как известно, требуется подход к чучелу почти в плотную и нанесение удара с размаха, на что тратится, и притом совершенно непроизводительно, известный промежуток времени.

Мне кажется, что наиболее правильной постановкой этого дела явилось бы следующее: нанесение удара с выпада, выставляя левую ногу на шаг вперёд и посылая винтовку правой рукой вперёд, причём левая рука остаётся на прежнем месте, выше нижнего раздвижного кольца.

На выпаде положение корпуса должно быть устойчивым, после удара выдёргивать штык и быстро принимать прежнее положение на руку.

Дальнейшее обучение должно заключаться в нанесении удара с шагом, с двумя шагами вперёд и служить подготовительным упражнением к обучению удару с подхода шагом и бегом, причём опять-таки, следует добиваться нанесения удара с известного расстояния, а не подхода к чучелу вплотную.

Удар должен быть метким и достаточно сильным, но требование всаживать штык обязательно по шейку совершеннейший абсурд, потому что колотые и рваные раны обессиливают человека, если оружие проникло всего на несколько сантиметров, напротив, такое требование может повести к нежелательному застреванию штыка в ране.

Когда обучаемые достаточно усвоят эти первые главные приёмы искусства боя штыком, можно перейти к другим приёмам, требующим не только быстроты и ловкости, но и сметливости: обучению отбивать, со-

единая их каждый раз с предшествующим или последующим уколом чучела, поворотами направо, налево и кругом, опять-таки с нанесением каждого укола по новому направлению.

Венцом же обучения фехтованию должен быть вольный бой на фехтовальных ружьях. На каждую роту вполне достаточно только одного комплекта снаряжения 2 бойцов, что обойдётся при самой щедрой оценке не более 30 р. Такой расход не может быть тяжёлым бременем даже для ротных сумм, а ещё лучше, если это обзаведение будет сделано на счёт экономических сумм войсковых частей. Право же, они от этого не понесут ущерб, а польза принесённая такой поставкой фехтовального дела, сторицей окупит расход.

В качестве инструкторов может быть с успехом использован офицерский состав нашей пехоты, особенно младшие офицеры, у которых свежо ещё в памяти занятия фехтованием в военных и юнкерских училищах, поставленное там на очень прочную почву. Постоянное же соприкосновение с ним на службе заставит их не запускать его и по выпуске из училищ, как это бывает в действительности в настоящее время.

Будем надеяться, что во вновь разрабатываемом уставе строевой пехотной службы фехтованию будет отведено подобающее место в ряду прочих отделов обучения нашего пехотного солдата.

С. Барановъ. («Виленский Военный Листок» №123 от 18.04.1907 г.)

Монета-сокровище

После своего восшествия на престол в 1804 году Наполеон приказал отчеканить и выпустить в обращение значительное число монет. Все эти монеты быстро разошлись среди населения. Но в числе этих монет были выпущены и пятифранковики, которые по своим размерам не понравились публике; злополучные монеты застряли в казначействах, никто их не брал. Надо было их перечекивать, но Наполеон придумал другую уловку, чтоб пустить в ход эти монеты. В одну из них он приказал вложить и вчеканить чек, им собственноручно подписанный; обладатель этого чека мог, по предъявлении его в государственный банк, получить пять миллионов франков. Таким образом была устроена лотерея, повлекшая за собою азартную погоню за новыми пятифранковиками. И в наполеоновское время и после него, до сего дня, люди разыскивают этот счастливый пятифранковик, но никому не удалось его найти.

Ныне французское правительство признало эту монету и подтвердило, что предъявитель её отнюдь не утратил, за древностью, дарованного Наполеоном права на получение пяти миллионов. Правительство заранее предупреждает счастливого находчика монеты — клада, что ему будет выдан только капитал без процентов, т.е. только обещанные Напо-

леоном пять миллионов. А вместе с наросшими за это время процентами пришлось бы выдать тридцать шесть с половиною миллионов.

(«Виленский Военный Листок» №616 от 21.03.1912 г.)

Памятники 1812 года

К виленскому уездному исправнику поступило дополнительное заявление владелицы имения «Крыжаки», виленского уезда, вдовы д.с.с. Е.К. Бобровской по поводу нахождения в озере «Болтис», или «Крыжацкое», ценных памятников войны 1812 года.

Г-жа Бобровская заявляет следующее: к ней явился житель соседнего застенка Катковский и рассказал, что дед его, переживший войну 1812 г., передал ему, что Наполеон, теснимый русскими войсками, расположился в горах против имения «Крыжаки». Когда показались русские войска, французы обратились в бегство, причем бросили в озеро «Крыжацкое» весь обоз и денежные ящики. По словам Катковского, глубина озера достигает 30 саж.

О заявлении г-жи Бобровской исправник г. Зафиропуло сделал доклад в Высочайше учрежденную комиссию по описанию боевых трофеев и старых русских знамен, состоящую при военно-походной канцелярии Его Величества.

(«Наша копейка» №922 от 09.02.1912 г.)

АТКАРСКЪ. Земское собрание постановило ходатайствовать о принятии на счет казны расходов по составлению избирательных списков в Гос. Думу.

(«Виленский Вестник» №2792 от 05.10.1912 г.)

Слишком незначительные следы

Владелица имения «Крыжаки» Виленского у., расположенного в 12 верстах от г. Вильны, Бобровская подала виленскому уездному исправнику заявление о нахождении в её имении озера, имеющего историческое значение и отношение к Отечественной войне 1812 г. По сохранившемся преданию, Наполеон I, отступая, приказал затопить в этом горном озере пушки, разное вооружение, ценности и даже кассу с деньгами. Так, рыбак со своими рабочими извлек из этого озера дубовое колесо от пушки; брошенный в озеро корабельный якорь зацепился за какой то тяжелый металлический предмет, но вытащить его не удалось, так как веревка оборвалась, и якорь с предметом упали на дно. Бобровская просит прислать водолазов для исследования озера.

(«Виленский Военный Листок» №597 от 11.01.1912 г.)

Крест Ивана Великого

В ряду мер для уничтожения Москвы в 1812 году, Наполеон, перед самым уходом своим отсюда, когда уже были вырыты подкопы для взрыва Кремля, его дворцов, соборов и колокольни Ивана Великого, приказал снять с последней высившийся над нашей первопрестольной крест, чтобы повеличаться им, как трофеем, в Париже. Громадный крест был сделан ещё в начале 17 века, при царе Борисе Годунове. Когда его сняли, он оказался вызолоченным через огонь. Наполеон приказал везти его из Москвы за собою, вместе с другою своей московской добычей, как личное своё приобретение, как памятник победоносного разгрома Москвы.

Тяжкий крест Ивана Великого, после поражения «великой армии» под Тарутиным и Малым Ярославцем, при быстром её бегстве к границам России, составлял страшную обузу, и так как французам при нападениях народно-партизанских отрядов приходилось бросать даже награбленное золото и другие драгоценности в реки и озёра, то как можно было увезти из России стопудовый Крест? Его пришлось бросить в пределах России. Историк похода Наполеона в 1812 году граф Сегюр говорит, что этот крест, вместе с значительным количеством золота и серебра, брошен был в Смоленской губернии в озеро близ «села Землева». Другой историк, француз утверждает, что этот трофей, несмотря на прогрессивно увеличивавшиеся трудности бегства погибавшей разноязычной армии, брошен был только близ Вязьмы.

К предстоящему юбилею необходимо отыскать этот крест. Эта находка, в историческом отношении, была бы стократ драгоценнее выкапываемых каменных топоров и бронзовых стрел. «Русская Земля».

(«Виленский Военный Листок» №449 от 24.07.1910 г.)

Примечание: в своих мемуарах граф де-Сегюр писал — «От Гжатска до Михайловской, деревни между Дорогобужем и Смоленском, в императорской колонии не случилось ничего замечательного, если не считать того, что пришлось бросить в Семлевское озеро вывезенную из Москвы добычу: здесь были потоплены пушки, старинное оружие, украшения Кремля и крест с Ивана Великого».

Трофеи, слава и те блага, ради которых мы пожертвовали всем, стали нам в тягость; теперь речь шла не о том, каким образом украсить свою жизнь, а о том, как спасти её». (Граф де-Сегюр, «ПОХОД В РОССИЮ мемуары адъютанта», Москва, 2002 г.)

К столетию Отечественной войны

В Москве получено известие, что в Вяземском уезде, в селе Семлеве, на месте бывшего в старину озера начались раскопки с целью обнаружить золотой крест с Ивана Великого. По преданию, крест был брошен

в это озеро отступавшими французами, похитившими его с колокольни. Раскопки организованы по почину вяземского комитета по увековечению памяти 1812 г.

(«Виленский Военный Листок» №551 от 30.07.1911 г.)

Примечание: с. Семлево находится километрах в 30-ти от Вязьмы по дороге к Смоленску. (Прим. составителя).

«Сегодня я видел сцену ужаса, которую редко можно встретить в новейших войнах, — записывал Вильсон 5 ноября, в 40 верстах от Вязьмы по дороге к Смоленску, — 2 тысячи человек, нагих, мёртвых или умирающих, и несколько тысяч мёртвых лошадей, которые по большей части пали от голода. Сотни несчастных раненых, ползущих из лесов ...200 фур, взорванных на воздух, каждое жилище по дороге — в пламени...». К этому перлю относятся первые свидетельства о случаях людоедства среди французов. («Шестидесять сражений Наполеона» В.В. Бешанов, Минск, Харвест, 2000 г.)

Результат раскопок

Раскопки на дне Семлевского озера, в котором Наполеон отступая затопил обоз, дали незначительные результаты. Найдены остатки сбруи и обуви, ружейные замки, много человеческих черепов и лошадиных костей.

(«Виленский Военный Листок» №553 от 06.08.1911 г.)

Примечание: в своих мемуарах офицер итальянской гвардии Цезарь Ложье писал — «мы покидаем окрестности Вязьмы, чтобы направиться по почтовой дороге, которая ведёт в Новосёлки (с. Новосёлки между г. Вязьмой и с. Семлево). Мы встречаем обоз больных и раненых. Несчастные, лишённые в продолжении нескольких дней всякой помощи, стояли в лесу. Проводники, которые нигде не могут достать корму лошадям решились, наконец, всё бросить». (Цезарь Ложье, «ДНЕВНИК ОФИЦЕРА ВЕЛИКОЙ АРМИИ в 1812 году», Москва, 1912 г.)

«9 января 1836 года российский подполковник, чья фамилия канула в лету, написал такой рапорт: «В бытность мою в Вяземском уезде, где находится Семлевское озеро, желая собрать на месте сколь можно ближайшие об означенном событии сведения, мне удалось узнать, что действительно после общего отступления французской армии помещик села Семлево г-н Бирюков отправил в земской суд 40 лафетов, но пушек от них за всеми тогдашними разведываниями не найдено, из чего следовало заключить, что означенные орудия не были везены дальше Семлева и плачевное положение ретировавшихся от Вязьмы французской армии заставило бы воспользоваться Семлевским озером, чтобы укрыть в нём добычу и бесполезные в то время орудия.

(В. Бацалёв, А. Варакин, «ТАЙНЫ АРХЕОЛОГИИ», Москва, 1998 г.)

Косвенное подтверждение вышеприведённого рапорта мы находим в мемуарах Сегюра — «В Вязьме Ней стал прикрывать наше отступление ... он покраснел от стыда при виде первых пушек, брошенных под Дорогобужем». То есть пушек, не потопленных в водоёмах и не зарытых в землю, а просто брошенных на дороге. Из этого можно сделать вывод, что начиная с Дорогобужа только, пушки стали бросать на дороге, которые не было

возможности вести дальше. В начале отступления их топили или зарывали в землю в обязательном порядке. Коленкур оставил точное указание дат и совершение переходов главной квартирой: 31 и 1 ноября гвардия и ставка в Вязьме, 2-го в Семлеве. 3 и 4-го в Славкове, 5-го возобновлено движение и 5-го ночевали в Дорогобуже.

Клад на дне Невы

В 42-х верстах от Петербурга, вверх по течению Невы и в 30 верстах от Шлиссельбурга, находится место близ с. Ивановского, где, по преданию, во время боя со шведами затонула шведская галера с крупной суммой денег.

Что тут действительно было сражение, указывает то, что здесь до сих пор по берегам Невы находят пуговицы от шведских и русских мундиров и другие металлические вещи.

Текущей осенью компанией частных лиц предполагается обследовать в этой местности дно реки, при помощи водолазов, на значительном протяжении.

(«Виленский Военный Листок» №568 от 28.09.1911 г.)

Государственная эмблема

В Петербурге в настоящее время работает комиссия над вопросом: какие цвета следует считать русскими национальными.

«Россия» напечатала по этому вопросу целое исследование в ряде статей.

Заимствуем из этих статей следующие сведения.

Основной нашей государственной эмблемой является чёрный двуглавый орёл на жёлтом поле.

Эмблема эта — древне-римского происхождения. Известно, что государственным и военным символом Рима был одноглавый орёл, сидящий на венке, под венком дощечка с начальными буквами S.P.Q.R. (Senatus Populusque Romanus). С разделением империи в 395 г. по Р.Х. на две половины Византия усвоила чёрного двуглавого орла с коронами на обеих головах. Герб этот перешёл к московским царям с приездом Софьи Палеолог, привезший с собой в Москву из Константинополя трон, на спинке которого был вышит этот орёл. Крылья его, как и у римского орла, были опущены вниз. Женившись на Софье, Иоанн третий усвоил этот герб на правах преемника угасшей византийской династии. Первая печать московских государей, в которой встречается этот герб, находится при документе 1497 г. на печати Ивана четвёртого, приложенной к акту первого Лжедмитрия от 5 ноября 1605 года, находится такой же византийский орёл, у которого на груди щиток с гербом московским — Св. Георгием

Победоносцем, поражающем змея. С рисунком этого герба сходна была государственная хоругвь. Она на золотом поле; по середине вышеописанный орёл, между головами которого, несколько выше, помещена третья корона (Императорская, русская) — с регалиями в золотых когтях (у австрийского такого же двуглавого орла бывшей священной римской империи — в первой лапе две регалии, на груди габсбургский герб), по рамке в лаврах и пальмах, шесть щитков — по три с каждого бока, с гербами земель и царств, входящих в состав Российской империи, и седьмой внизу по середине с собственным родовым гербом Государя Императора.

С течением времени положение крыльев двуглавого орла и даже его цвет изменялись, и уже на Архангельском стандарте 1693 года орёл этот изображён с поднятыми в верх крылами. Со времени царя Алексея Михайловича официально на груди двуглавого орла стали помещать щиток с гербом московским, с регалиями в лапах и тремя коронами, составляющими символ Св. Троицы, и эмблемы трёх царств, вошедших в состав Московского царства — казанского, астраханского и сибирского.

До Михаила Федоровича между двумя коронами, украшавшими головы орла, помещался православный лазурный крест; третья корона введена вместо него в 1625 году.

С 1699 года, т.е. со времени учреждения ордена Св. Андрея Первозванного, орёл окружён цепью этого ордена наподобие иностранных образцов.

В 1800 году Император Павел первый прибавил под щитком герба московского мальтийский крест (после избрания Императора Павла первого гроссмейстером ордена).

Однако, это украшение не удержалось после смерти Императора Павла первого и было отменено.

В 1825 году в изображение орла вкралась чужеземная фантазия и геральдическая неправильность, а именно: на выписанной из Франции для Императорского Двора серебряной посуде двуглавый орёл был изображён с распушенными крыльями, с перевитыми андреевскими лентами, громовыми стрелами и факелом в одной и с венком в другой лапе; на груди — московский щиток с изображением Св. Георгия Победоносца «влево» (по геральдически).

В 1830 году при Николае первом вернулись к прежним образцам, и крыльям придан был вид распушенных концами вниз; на них впервые размещены щиты областей и царств.

До половины шестидесятых годов Св. Георгий был обращён «влево» (правой стороной считается в геральдике сторона, приходящаяся против левого нашего глаза) щита, что составляло, однако, ошибку, почему с тех пор он был обращён «вправо», т.е. по-церковному.

Последний образец государственного герба утверждён 2 ноября 1882 г. вместе с особой сенью и варяжским шеломом.

При Николае первом установлены цвета герба и щита, т.е. чёрно-жёлто-белые, которые в 1883 году заменены бело-сине-красными.

Интересно отметить при этом следующее обстоятельство. В конце шестидесятых годов при въезде в Варшаву Императора Александра второго весь город украшался национальными флагами двух видов — чёрно-жёлто-белыми и трёхцветными бело-сине-красными, почему то считавшимися польскими, вывешенными только из окон жителей — поляков, тогда как первые были вывешены одними русскими жителями города (это был первый въезд Императора после мятежа 1863 года).

Следовало бы остановиться на одном типе флага с одной серединой гербовой эмблемой. Приняв за образец Императорский штандарт и возвращаясь лишь в отношении самого рисунка двуглавого орла к форме, установленной Императором Николаем первым (т.е. с опущенными крыльями, каким он впервые появился на Руси), национальными, едиными для остальных государственных флагов всех ведомств и учреждений является — жёлтый, чёрный и белый, а самый рисунок флага выразится в виде жёлтого поля с чёрным, «уменьшенной» формы, (т.е. меньше Императорского на 1/3) двуглавым коронованным (три коронами) византийским орлом (со щитком московским и проч.) по середине, при чём отдельным флагам: военно морскому, таможенному, карантинному и иным, если таковые понадобятся, будут прибавлены соответственные геральдические углы или квадраты.

В правом — верхнем «углу» (т.е. в части площади поля, так как середину займёт эмблема), таком образом, военный флаг удержит Георгиевский крест, военно-морской — в белом таком же углу — лазуревый «скошенный» (Андреевский) крест, железнодорожный — два скрещенных лазуревых якоря, почтово-телеграфный — свои, чёрные эмблемы (молнию и трубы) и т.д.

Одновременно с этим пришлось бы раз навсегда устранить все другие цвета гербовых щитов и двуглавого орла (мы видим, что в настоящее время на каждом шагу: на вывесках поставщиков Императорского Двора, на свидетельствах, дипломах, железнодорожных вагонах и проч.), ибо этим, несомненно, нарушается единство изображения государственных эмблем и цветов.

(«Виленский Вестник» №2104 от 23.06.1910 г.)

Примечание: сочетание тех или иных цветов уходит корнями в глубокую древность. Барон Унгерн фон Штернберг (1887 — 1921) объявил себя защитником жёлтой веры, освободил императора Богдо Гэгена из китайского плена и вернул ему власть над Монголией. Благодарный властитель пожаловал генералу титул вана, а вместе с ним четыре высшие привилегии: право иметь жёлтые поводья на лошади, носить такого же цвета халат и сапоги, ездить в зелёном паланкине и прикалывать к фуражке трёхточковое павлинье перо.

Жёлтый цвет — это солнце. Зелёный — земля, пробуждающаяся весенняя степь. Три очка в радужных перьях означают третью степень земного могущества — власть, имеющую третий глаз, чтобы читать в душах людей.

(А. Неспомыший, А. Низовский, «Тайны кладов», Москва, 1999 г.)

Маши — появлялся перед людьми в широких развевающихся штанах жёлто-зелёного и зелёного цвета, в небесно-голубом плаще, в традиционном облачении жрецов Митры. Пользовался поддержкой в северо-западном Иране, в пограничных с Арменией областях, где также упоминается крепость Арабион — Ерван. (Гео Виденгрэн, «МАНИ И МАНИХЕЙСТВО», С-Петербург, 2001 г.)

В четвёртом тысячелетии до н.э. на р. Ниле был основан г. Мемфис, который стал центром государственного образования нижний Египет, фараон которого носил корону красного цвета. В том же тысячелетии на Ниле образовался верхний Египет, фараон которого носил корону белого цвета, после соединения этих государств фараон стал носить корону красно-белого цвета.

В верховьях реки имеется два больших притока: Голубой и Белый Нил, а так же в системе реки Нил на границе Заира и Уганды находится озеро Эдуард 2.1 тыс. квадратных километров, глубиной свыше 100 метров.

(Оскар Егер, Всемирная история «Древний мир» С-Петербург, АСТ Москва, 2001 г.)

Когда французские войска отправляются на войну, их не сопровождают священники

Один французский депутат обратился к своему министру с требованием, чтобы священники сопровождали экспедиционный корпус, отправляемый в Марокко. На это военный министр ответил следующим письмом: «Господин депутат, Вы обращаете моё внимание на ту духовную помощь, в которой могут нуждаться войска, но в войсках никто не высказывает этой надобности. К тому же, правительство вовсе не обязано заботиться об этой службе».

Не хочется верить, чтобы это была правда, но между тем, это печальный факт. Спрашивается, что же принесли Франции её пресловутые «свободы»? — «свобода совести», «свобода вероисповедания» ... — какие громкие слова! И в то же время французу, служащему под знаменами, нет ни малейшей возможности удовлетворить запросам своей духовной жизни. Французский солдат христианин, принужденный для защиты своей родины, умирая в далеком Марокко, в войне с полудикими племенами, не имеет ни малейшей надежды на то, что он пред смертью облегчит свою душу исповедью, что тело его будет погребено по христианскому обряду. Ведь Франция культурная страна. Где же — спрашивается — её культурность, когда на духовные стороны жизни не уделяется ни малейшего внимания? — Даже языческие страны смотрят на этот вопрос иначе: японскую армию в её походах сопровождали бонзы.

Раз правительство отнимает прихожанина от его прихода для службы Отечеству, посылает его на войну, то должно же оно позаботиться, чтобы солдат — христианин и в боевой обстановке, когда вследствие близости смерти более всего выдвигаются перед человеком духовные нужды, имел

возможность удовлетворить их. Когда представишь себе положение ино-го французского солдата, быть может верующего, верного сына церкви, умирающим вдали от родины и тшетно требующим перед смертью священника, то поневоле становится обидно за ложную «культурность». Избави нас Бог от такой «культурности»! Слава Богу, мы ещё далеки от неё.

У нас ещё церковь и государство составляют одно целое, и русский солдат, умирая за Веру, Царя и Родину, видит с собою вместе, близ ратного поля и на нем, служителей церкви — полковых священников. Он уверен, что не придется ему умереть без покаяния от раны в госпитале или на перевязочном пункте. К нему и там явится, как ангел-утешитель, полковой «батюшка» с Св. Дарами. Он уверен, что после боя, раз поле битвы осталось за нами, тело его, если Бог судит ему умереть в бою, — будет погребено по обряду св. Церкви. Даже в тяжелые минуты войны, когда военное счастье не благоприятствовало нам, было много примеров, когда добрые пастыри под огнём неприятеля исполняли свой христианский долг. Этого русский солдат никогда не забудет!

Вот что рассказал мне один раненый унтер-офицер: «В Мукденском бою, когда наш полк переживал самые тяжелые минуты, когда нам приходилось отступать под натиском врага, теряя на пути массу людей, наш полковой священник все время был с нами под огнём. Убитых, оставленных на поле битвы, он отпевал на ходу, бросая на них горсть земли, нас же всё время ободрял, благословляя крестом» (священник, бывший в Манчжурии при 161-м Александропольском полку — фамилии его, к сожалению, рассказчик не знает, так как он прибыл из запаса в полк в самый разгар его боевой службы и выбыл из полка, будучи ранен под Мукденом). Многие, уже исторически засвидетельствованные факты, говорят о совместной службе Родине на бранном поле священника и солдата. Нужно только вспомнить Севастопольского о. Анику и священника Щербаковского в Тюренченском бою, а также о. Георгия Шавельского, ныне назначенного протопресвитером армии и флота, чтобы стало ясно для нас, каким влиянием пользуется полковой священник у солдат. А молебны, отправляемые нашим духовенством на бранном поле перед боем, а общая там же, исповедь и причащение солдат, готовящихся к бою ... — вспомнишь это и воздашь благодарение Богу за то, что у нас церковь, армия и государство составляют одно целое. Присутствие духовенства при нашей армии есть её насущная потребность. Выражение военного министра Франции, что в «войсках никто не высказывает этой надобности», к нашей армии, слава Богу, не применимо. Не хочется, однако, верить, чтобы и доблестная французская армия не имела необходимости в духовенстве, — ведь есть же в её рядах не мало верующих людей.

М. Румянцев
(«Виленский Военный Листок» №533 от 29.05.1911 г.)

Место вечного упокоения героя славного Двенадцатого года

В 16 верстах от гор. Режицы находится бывшее имение Кульневых — ныне село Ильзенберг. В бедной церкви этого села в южной нише её покоится прах Я.П. Кульнева. Над могилой героя скромная гробница, обнесённая низкой железной оградой. Обращает внимание прикрепленное к левой головной стороне гробницы бронзированный ядро. Говорят, что Кульнев этим 7-фунтовым ядром был убит. В ногах героя, у гробницы, в металлической раме с крышкой помещен его портрет, гравюра, слегка тронутая акварелью. На крышке портрета надпись: «Отъ Клясти(н)цевъ Грод(н)цевъ и почитателю незабвенному герою 1812» Наверху гробницы надпись: «Генераль-майоръ Яковъ Петровичъ Кульневъ род. 1764 г. іюля 25 дня, со славою погибъ подъ Клястицами 1812 года, іюля 20 дня». Над гробницей лампада у образа св. Апостола Иакова. Образ, скорее картина, хорошей кисти, как и большинство других в храме, но более католический, нежели православный образ. Церковь бедная, неотложно нуждающаяся в капитальном ремонте. Пол церкви крашеный, деревянный, совсем прогнил. Подходишь к гробнице героя и чувствуешь, как трещит пол, — того и гляди, провалишься. Стены церкви сырые, церковь холодная. Обидно смотреть, в каком небрежении находится эта полузабытая белая церковь в полурусском краю, давшая вечный приют незабвенному герою.

(«Виленский Военный Листок» №597 от 11.01.1912 г.)

Срамные песни

В Саратове священники нескольких церквей отказали малороссийскому хору в разрешении петь при венчании дочери актрисы, мотивируя свой отказ тем, что «устам, которые поют срамные песни в театре, нельзя хвалить Бога в церкви».

(«Виленец» №28 от 30.01.1912 г.)

Кремль и Бородино

В двадцатых числах августа исполнится 300 лет с момента славной победы князя Пожарского под стенами Московского Кремля и 100 л. Со дня Бородинского боя (24 и 26 августа).

В 1812 году будущее русского государства было брошено на весы борьбы между народами. И это произошло ровно через 200 лет с той грозной эпохи, когда Пожарский и Минин должны были напрячь последние усилия последнего ополчения, чтобы отразить от Москвы свежую польскую армию.

Кремль и Бородино.

Оба эти события на протяжении всей нашей истории не знают себе равных.

Ведь все будущее России было в зависимости от исхода борьбы Пожарского с поляками и Кутузова с Наполеоном.

В наступающем году мы будем переписывать несравненные воспоминания. Будем вспоминать спасение из мертвых и сохранение свободы и независимости.

Это о 1812 годе.

А 1812 год — борьба со всей Западной Европой, с огнем и мечем, шедшей в самое сердце России!

Перед лицом таких воспоминаний не может быть и не должно быть розни среди граждан, любящих родину.

Пожелаем чтобы слава грядущих торжеств была действительно достойна величия и славы этих пережитых народом событий. Ж.В.

(«Виленский Военный Листок» №594 от 01.01.1912 г.)

Последние дни французов в Москве

(отрывки из дневника лейтенанта Дамплу)

На днях во Франции опубликованы выдержки из дневника лейтенанта наполеоновской армии Дамплу, который благополучно проделал всю тяжелую и злосчастную для французов кампанию 1812 года. Среди этих выдержек в настоящее время особый интерес представляет описание последних дней пребывания Наполеона в Москве. Этот интерес ещё более возрастает потому, что по-видимому, лейтенант Дамплу совершенно не собирался опубликовывать своих записок, вследствие чего высказывался совершенно откровенно, нисколько не прикрашивая ни того печального положения, в котором к этому времени оказалась французская армия, ни той страшной деморализации, которой она постепенно подвергалась.

Выборки из этого дневника мы приводим здесь.

« 20 сентября (2 октября). Сегодня я случайно зашел во дворец. Гвардейские егеря и вольтижеры, принадлежащие к личной охране императора, лишены возможности отправляться на грабежи. Поэтому они обложили данью своих, более счастливых в этом отношении товарищей. Они заставляют их уплачивать по 20 франков при отправлении на грабеж и по 5 франков при возвращении обратно. В случае отказа от уплаты этих денег они отбирают от них всю добычу. Маршал Лефевр нашел даже нужным издать суровый приказ по поводу этих безобразий. Императору это все прекрасно известно. Он страшно возмущается, но признает, что теперь уже ничего сделать не может...

Когда я, возвращаясь назад, проходил через маленький дворик, то случайно наткнулся на гренадерский караул. Нижние чины надели поверх своих мундиров дорогие кафтаны и шубы, а вместо пояса опоясались драгоценными кашмирскими шальями. У каждого из них было по большому хрустальному бокалу. Бокалы эти были наполнены вареньем, которое они уничтожали большими деревянными ложками. Вся площадь дворика была сплошь завалена пустыми бутылками с отбитыми горлышками. Увидев меня, один из гренадеров вытянулся и сделал «на караул» ... своей деревянной ложкой. Я хотел было уже пройти мимо, как вдруг другой гренадёр громко крикнул мне:

Стойте, лейтенант! Вам необходимо поговорить с караульным начальником.

В первую минуту мне захотелось сурово обругать этих пьяниц, но побоялся ... скандала! ... Поэтому я беспрекословно исполнил требование и отправился к «начальнику караула», который также оказался нижним чином, немного более старшим, более пьяным, чем его товарищи (1). Этот субъект посмотрел на меня и сказал :

Товарищ, здесь воспрещается проходить, не выпив предварительно чарки! Таково предписание китайского богдыхана!

С этими словами он протянул мне ложку варенья, а правой рукой огромную бутылку ... Впрочем, ведь эти бедняки немало выстрадали от тяжестей похода, голода и жажды. Да и кто мог знать, что их ожидает на следующий день! ... В результате мы чокнулись, как будто были старинными друзьями.

28 сентября (10 октября). Не понимаю, что мы делаем в Москве! Все это начинает надоедать и даже изумлять. Что делает император ? Его редко можно видеть. Он безвыходно сидит во дворце, принимая курьеров и управляя империей. Кажется, теперь пропала вся надежда на то, что русский Царь будет просить мира. Потребуется, значит, новая кампания. Но где зимовать? Город разрушен и наполовину сожжен, а у нас нет ни провианта, ни запасов ... Между тем, зима ведь близка ...

1(13) октября. Сегодня смотрел «Рассеянного» и «Маррон и Фронтен». Представление имело большой успех. Г-жа Л. Замечательно интересна. Лоливье, который знаком с ней, обещал представить меня завтра.

6(18) октября, вечером. Сегодня был назначен смотр первому корпусу. Парад уже начался, как вдруг полным карьером прискакал адъютант с пачкой донесений. Император прочитал их и сейчас же уехал в сопровождении своего штаба. Нам сообщили, что смотр отложен. По всем направлениям были разосланы ординарцы. Маршал Лефевр приказал гвардейской пехоте немедленно двинуться в путь ... но зачем? ... Говорят, что король (Мюрат) был задержан у входа в город.

В 4 часа дня маршал Даву отдает подобный же приказ. Первый кор-

пус выступает завтра на рассвете ... Итак, мы уходим ... Да, но ... Впрочем, пойдём. Нужно говорить правду, — отступление необходимо и при этом должно производиться как можно поспешнее ...

10(22) октября. Бивак при селе Фоминском, — Долго прождав царского курьера с предложением о мире, Наполеон, боясь быть окруженным в Москве русскими войсками, наконец, решился на отступление. Он надеется перезимовать в Вильне, а с началом весны вновь вести наступательную войну.

Первый корпус покинул Москву 19 октября утром. За ним последовала вся армия. Не знаю, какова теперь численность нашей армии. Приблизительно — сто тысяч человек, считая с ними, кто вернулся в строй в течении последнего месяца. Много пропавших без вести! А сколько ещё убитых, раненых, пленных! Войска, расположенные вне города, провели тревожные дни; — сколько было стычек и столкновений за оставшиеся недели! От всего 33-го полка осталось лишь 5 рот! Интересно, сколько наших погибло, со времени перехода через Неман? ... В общем нас сто тысяч человек всех родов оружия, а часть армии даже ... без всякого оружия! ... Есть ещё несколько тысяч не военных, к которым относятся служащие торговцы, которые проживали в Москве, следуют за нами. Наша армия представляет собою длинную колонну, глубиной 4 или 5 миль. Но ведь, это уже не армия, это — дикое племя, переходящее через пустыню, народные отбросы, ищущие нового отечества ... Были собраны все повозки, лошади, мулы и т.д. В десяти эшелонах, не меньше 10.000-12.000 повозок. У генералов по несколько карет, у старших офицеров по одной, иногда по две, младшие же офицеры действуют в складчину. Я прекрасно устроился, так как у меня с несколькими товарищами имеется большой фургон, запряженный четверкой безобразных, но крайне сильных лошадей.

Кроме взятого нами в Москве добра мы, в виду долгого и трудного пути, захватили кое-какие припасы. У меня например, есть сотня ящиков бисквитов, сорок бутылок вина и десять — рому, три или четыре фунта шоколада, большая голова сахару, цирик чаю и восемь пакетов свечей. Кроме того, я везу с собой две прекрасные иконы, из которых одна Казанской Божией Матери, снабженный массивной серебряной ризой дивной работы, — роскошную татарскую саблю и чудную медвежьё шубу, которую я купил за 5 наполеондоров у одного старого еврея, ничего за неё не заплатившего ... Машасси является обладателем ящиков с макаронами, кофе, сушеными винными ягодами и вяленой рыбой. Кроме того, у него несколько драгоценных картин, завернутых в толстую клеёнку. Лардинг сделал запасы риса, сахару и варенья, он также добыл бочонок солонины и большую коробку хины. Помимо этого у него есть два тяжелых серебряных подсвечника, золотая митра, ук-

рашенная крупным жемчугом, несколько ящиков дорогих сигар и полное собрание сочинений Вольтера и Руссо, в драгоценных переплетках, на которых виднеется герб князя Г... Травель держит своё имущество в тайне. Что же касается нашего командира, то он сделал грандиозный запас спиртных напитков.

Итак в путь...»

Нептун. («Виленский Вестник», №2778 от 19.09.1912 г.)

(1) О падении дисциплины в наполеоновской армии имеются и другие свидетельства: военный интендант Анри Бейль (Стендаль), подписывавшийся иногда из озорства и осторожности ради «капитан Фавье», писал 4 октября из Москвы: «Я пошёл с Луи посмотреть на пожар. Мы увидели, как некий Совау, конный артиллерист, пьяный, бьёт саблей плашмя гвардейского офицера и ругает его ни за что, ни про что...» И дальше: «Один из его товарищей по грабежу углубился в пылающую улицу, где он, вероятно, изжарился». (А.З. Манфред «Наполеон Бонапарт», Москва, 1989 г.)

«Хотя мародёрство в городе запрещено под страхом строгого наказания, но всё же грабёж не прекращается, и даже гвардия даёт нам в этом хороший пример, так как она препятствует грабежу, в общем, только для того, чтобы всё оставить себе, благодаря чему происходят частые драки между гвардейцами и армейскими солдатами, а также и союзниками». («ПИСЬМА ВЕСТФАЛЬСКОГО ШТАБ-ОФИЦЕРА» ,Фридрих-Вильгельм фон Лосберг, Москва, 2003 г.)

Примечательный приказ Наполеона

В числе бумаг, любезно предоставленных в моё распоряжение С.А. Драгомировой из собрания её покойного мужа, генерал-дьютанта М.И. Драгомирова, имеется список с совершенно неизвестного приказа, отданного Наполеоном по окончании Бородинской битвы, к вечеру 26-го августа.

Приказ этот был отменён: когда около полуночи Наполеон узнал, что наши войска отступают, приказ был отобран назад и, таким образом, не был объявлен по французской армии. Когда же при Березине карета со всеми вещами и бумагами маршала Бертье досталась в руки казаков, то среди разных документов начальника штаба великой армии найден и экземпляр упомянутого приказа императора французов. Он знаменателен тем, что им самым авторитетным образом удостоверяется наша победа в великий день Бородина на самом поле битвы. Только последующее отступление наших армий позволило французам провозгласить себя победителями. Но и впоследствии, уже на острове Св. Елены, Наполеон писал: «из 50 сражений, мною данных, в битве под Москвою выказано было наиболее дарований и прекрасных качеств, а приобретён наименьший успех».

Вот этот любопытный документ:

Français !

Vous avez été battus! Vous vous êtes laissés couvrir d'opprobre et d'ignominie!

C'est dans le sang russe seul que vous pouvez vous laver de cette tache!

Dans deux Jours je donnerai une nouvelle bataille plus sanglante encore que celle d'hier; que les lâches y périssent, je ne veux commander qu'à des braves!

Наполеон.

Битва де Москoвa 1812.

Французы!

Вы разбиты! Вы позволили себя покрыть бесчестьем и позором! Только одною кровью русскою вы можете смыть это пятно!

Через два дня я вновь дам сражение, ещё более кровопролитное, нежели вчера; пусть погибнут в нём трусы, я хочу командовать только храбрыми!

Наполеон.

Битва под Москoвoй 1812.

Эти слова рождены тем же клокочущим темпераментом, что и сказанные войскам перед битвою:

«Воины, вот сражение, которого вы так желали! Победа в руках ваших: она нужна нам. Она доставит нам изобилие, хорошие зимние квартиры и скорое возвращение в отечество! Действуйте так, как действовали вы под Аустерлицем, при Фридланде, Витебске и под Смоленском, и позднее потомство вспомнит с гордостью о подвигах ваших в этот день и скажет о вас: и он был в великой битве под стенами Москвы».

Из сопоставления обоих приказов, написанных на расстоянии одних суток, можно понять, как мало Наполеон мог быть удовлетворён днём 26-го августа, и как далеко Бородинская битва было от той победы, которую он хотел внушить своим войскам. Тот, кто говорил, что участь сражения зависит часто от одного лишнего батальона, наотрез отказался под вечер 26-го августа употребить в дело свою 20-тысячную старую гвардию: отвергая просьбы своих маршалов о последнем резерве, Наполеон уже представлял себе исход сражения именно таким, каким он очертил его несколькими сильными словами приведённого выше приказа. С. Добровольский.

(«Русский Инвалид», № 124 от 08.06.1912 г.)

ГАРДЕРОБ НАПОЛЕОНА

Гардероб Наполеона в 1812 году составляли: два генеральских мундира, гвардии пехотных гренадёров, каждый в 360 франков — 720 фр., два егерские — 720 фр., две пары платья для охоты — 620 фр., два серые сюртука — 400 фр., городской партикулярный наряд — 200 фр., (NB. Военное платье сшито на три года), 48 белых казимировых ис-

подних платьев и столько же жилетов на 3 года — 3 840 фр., 2 халата, один из пике, другой фланелевый, — 500., 4 шляпы на 1 год — 100 фр., 48 фланелевых фуфаяк на 3 года — 1 440 фр., 4 дюжины рубах на 6 лет — 2 880 фр., 4 дюжины носовых платков — 576 фр., две дюжины галстуков — 720 фр., две дюжины полотенец — 200 фр., 24 пары шёлковых чулок — 432 фр., 24 пары носков 72 фр., 1 дюжина мадрасовых платков 144 фр., 24 пары башмаков на 2 года — 312 фр., 6 пар сапогов на 2 года — 600 фр., помада, духи и о-де-колон — 260 фр. Всего на 16 532 франка.

В обратном походе из России, он ходил в зелёной бархатной венгерке с золотыми кистями, на собольем меху.

(«Русский Инвалид», №49 от 25.02.1839 г.)

Охота на сверхсрочных

Во все времена и у всех народов старослужащими в армиях очень дорожили. Чтобы привлечь их под знамёна, во Франции на улицах расклеивались (да и теперь ещё расклеиваются) пригласительные афиши.

Вот, например, афиша, которая относится к эпохе короля Людовика пятнадцатого (1710-1774 гг.) и составлена в следующих выражениях:

«Славной молодёжи!

Французская артиллерия.

Королевская часть.

Полк Лафер, рота Ришуфц.

Именем короля.

Сообщается тем, кто захочет поступить в королевскую артиллерию, в полк Лафер, в роту Ришуфц, что это полк — пикардийский, в нём в неделю танцуют трижды, в лапту играют дважды, а прочее время проводят за игрой в кегли, в баре, за фехтованием. Там царствует наслаждение; все солдаты получают хорошее жалование»... и т.д.

А вот афиша современная. 12-й драгунский полк уведомляет о преимуществах сверхсрочной службы вообще и в нём — в особенности.

Вот выдержки из этой афиши двадцатого века:

«Преимущества ефрейторам:

Штаны из унтер-офицерского сукна — с третьего года службы.

Мундир из унтер-офицерского сукна.

Постель отделяется занавеской.

Право получать приварочные на руки и особый стол в чайной.

Преимущества рядовым:

Не наряжаются дневальными по конюшне.

Не назначаются в наряд по праздникам (кроме исключительных случаев).

12-й драгунский полк стоит в Понт-а-Муссоне, в 8-ми километрах от границы.

Климат Понт-а-Муссона несколько прохладный, необычайно здоров; статистика показывает, что на всём востоке этот город с наименьшим количеством заболеваний в войсках и населении.

В три четверти часа от Понт-а-Муссона можно попасть в Нанси, нужно только 6 часов, чтобы доехать до Парижа.

Во всех эскадронах 12 драгунского полка имеются товарищества для закупки припасов; драгуны могут приобретать вино, кофе, пиво и «другие предметы по очень низким ценам». «Др. Р.»

(«Виленский Военный Листок», № 289 от 06.12.1908 г.)

Вычисление, сколько какое животное может прожить без пищи

Многие натуралисты утверждают, что крокодил может жить без пищи два месяца, скорпион три, медведь пять, хамелеон восемь, а ехидна (чёрная змея) десять месяцев; но жаба может, кажется, терпеть голод несколько лет.

(Русский Инвалид №89 от 13.04.1839 г.)

Одежда Наполеона

В собрании коллекционера д-ра Барбо находится полная книга счетов наполеоновского портного Шевалье.

За знаменитый серый сюртук из луврского сукна было заплачено 200 франков. Тот же Шевалье шил за 160 франков шинель, которую в разгар боя император набросил на смертельно раненого солдата, сказав:

Постарайся вернуть мне её, а я взамен дам тебе крест, который ты заслужил.

Государь, отвечал солдат, саван, который я сейчас получил, стоит креста, — и умер.

Беднягу схоронили, обернув в императорскую шинель.

Легендарную свою шляпу Наполеон часто заказывал у Пурнари и платил за неё по 48 франков до 1806 г., когда цена её повысилась до 60 франков, и она называлась уже не французская шляпа, а «французская касторовая шляпа». (Виленский военный листок № 613 от 10.03.1912 г.)

Трудно нажитое богатство

Однажды посетил маршала Лефевра некто Д, школьный его товарищ и старинный приятель. Д. не мог довольно надивиться великолепным

чертогам герцога Данцигского и, между тем, вздыхал о своей неизвестной и скромной доле простого парижского гражданина. «Любезный друг, я примечаю, что ты завидуешь моему богатству,» сказал маршал: «но ты можешь получить это гораздо дешевле, чем я, и вот с каким условием: позволь мне выстрелить в тебя двадцать зарядов на расстоянии тридцати шагов; и если ты останешься жив, то всё моё имение перейдёт в твои руки.» — Помилуй, как это возможно? Вскричал Д. — «Ты боишься встать на эту бездельную пробу,» заметил ему маршал: «я подвергался тысячам пуль и ядер на ближайших дистанциях, прежде чем нажил герцогский титул и блестящее состояние».

(«Русский Инвалид» №49 от 25.02.1839 г.)

Письмо. М.И. Кутузов — И.В. Торубаеву

16 октября 1812.

Слобода Полотняные Заводы.

Государь мой Иван Викулич!

Именем моим поручаю Вам успокоить купеческое и мешанское сословия, которые, как я слышал, пустыми слухами приведены в волнение об опасности. Уверьте их, что я ищу дать врагу сражение, но никак не ретируюсь, что цель моя не в том состоит, чтобы выгнать неприятелей из пределов наших, но чтобы, призвав в помощь всемогущего Бога, изрыть им могилы в недрах России. Уповайте на Бога, молитесь о поддержании сил и храбрости нашего воинства, исполняйте Ваши обязанности и будьте покойны. Вы есть и будете защищены, в том удостоверяет Вас всегда доброжелательный и усердный.

Князь Голенцев-Кутузов

М.И. Кутузов — Е.И. Кутузовой

16 октября 1812.

Я, слава Богу, здоров, мой друг. Здесь, ей-Богу, всё хорошо. Наполеон бежит по ночам с места на место, но по сю пору мы его предупреждаем везде. Ему надобно как-нибудь уйти, и вот чего без большой потери своей сделать нельзя.

Детям благословение.

Верный друг Михаила Голенцев-Кутузов.

*(А.В. Шишов «Неизвестный Кутузов
новое прочтение биографии» Моск. 2001 г.)*

Примечание: русской армией в войне с Турцией в 1806-1812 командовал М.И. Голенцев-Кутузов. Число погибших в войне было свыше 100 тыс., из них более двух третей умершие от болезней, причём в летнее вре-

мя, в стране имеющей более мягкой климат. Кутузов вёл войну за тысячи километров от обеих столиц и несколько сотен километров от баз снабжения. Так же и в предыдущих войнах с Османской Империей до 80% потерь русская армия несла не в бою, эти потери составляли умершие от болезни, о чём в армии хорошо знали.

Ближайшая, крупная база снабжения Наполеона находилась в Смоленске, примерно в 400-х километрах от Москвы. Русские города: Дорогобуж, Вязьма, Гжатск, Можайск да и Москва, а также множество сёл по дороге были сожжены не зря. Командование русской армии прекрасно осознавало, что значит, вести военные действия вдали от баз снабжения, да ещё в зимнее время. Исходя из этого Наполеону изначально следовало учитывать то, что в случае затяжной войны до 80% потерь необходимо отнести на болезни, а не на сражения.

Отступив после сражения под Малоярославцем к Слободе Полотняные Заводы, Кутузов пишет своей жене: «Наполеон бегает по ночам с места на место, но по сю пору мы его предупреждаем везде. Ему надобно как-нибудь уйти, и вот чего без большой потери своей сделать нельзя». Хотя нужно отметить, что ещё до Боринского сражения Наполеон понёс огромные потери, заболевшими, умершими, дезертировавшими и наконец погибшими в боях.

О причинах потерь в войнах, не связанных с ведением боевых действий, интересные сведения приводит маршал Мармон в своих мемуарах. Так, о его встрече с Наполеоном 11 октября 1813 г., говорит:

«Наша беседа перешла на события кампании. Я откровенно критиковал её. Я заметил, что наши потери огромны, причём протекают они не столько из-за сражений, сколько от недостатка заботы, продовольствия и помощи нуждающимся в этом солдатам. Я утверждал, что если бы в Дрездене было бы достаточно продовольствия и госпиталей, оснащённых всем необходимым для ухода за больными и ранеными, то его армия имела бы на пятьдесят тысяч человек больше, и эта оценка была не очень далека от действительности.

- И так, — добавил я, — помимо желания спасти пятьдесят тысяч человек, для того, чтобы сохранить боевую силу армии, вам не надо было бы набирать ещё пятьдесят тысяч новобранцев. Вместо надежды получить пятьдесят тысяч человек, вы бы реально имели пятьдесят тысяч старых закалённых солдат, причём непосредственно на театре военных действий. А те пятьдесят тысяч ещё нужно было бы собрать, одеть, вооружить и привести сюда, и это стоило бы, по меньшей мере, пятьдесят миллионов. Предположим, что увеличение расходов на хорошее содержание армии составило бы двадцать пять миллионов, что очень много, но это увеличение позволило бы вам сберечь пятьдесят тысяч человек и двадцать пять миллионов.

Всё это я ему показал с пером в руке. Сначала он ничего не ответил, но затем, уступив очевидности, с раздражением бросил:

- Даже если бы я выделил подобную сумму, у меня бы всё равно её украли, и всё так и осталось бы в том же состоянии.

Мне ничего не осталось, возражая этому странному ответу, как предложить ему отказаться от управления и администрирования. Наполеон никогда не скупился на создание новых сил, но всегда жалел средства на поддержку и спасение того, что уже имелось, здравый же смысл подсказывал обратное». («МЕМОАРЫ МАРШАЛА МАРМОНА О НАПОЛЕОНЕ И ЕГО ВРЕМЕНИ», Москва, Рейтар, 2003 г.)

Врач французской императорской гвардии свидетельствует — «Со дня вступления в Вильну он не дал нам ни одного сапима звонкой монетой, а раздал жалования какими-то векселями, на которых должны были расписываться получатели; но из них нельзя было сделать никакого употребления, и касса моя с самого начала была пуста, так что когда представля-

лись случаи закупки что-либо пужное для полка, я не мог ими воспользоваться за неимением звонкой монеты.

Только с боя, да заставляя бежать жителей, успевали мы добывать себе прокормление. Скупость и жадность Наполеона — вот что было причиной этого недостатка в деньгах. Он хотел пополнить кассу жалованием людей, которые будут убиты». (ДЕ ЛА ФЛИЗ, «ПОХОД НАПОЛЕОНА В РОССИЮ В 1812 ГОДУ», Москва, 2003 г.)

В начале своей полководческой деятельности Наполеон иначе относился к выплате жалования — «20 мая 1796 года командующий итальянской армией объявил подчиненным, что половину жалования они будут получать в звонкой монете. Ни в одной из армий Республики так не платили. Он решил это единолично, ни у кого не спросив разрешения. В Париже эта чрезмерная самостоятельность вызвала недовольство, но в итальянской армии, естественно, решение командующего было встречено одобрением». (А.З. Манфред «Наполеон Бонапарт», Москва, 1989 г.)

Власть мудрости

Но видел я человека, поступающего в жизни мудро, это мне показалось важным. Великий царь воевал против маленького города с немногочисленными жителями и осадил его со своими войсками. Но в том городе был мудрый человек, который был беден, но мудростью своею спас город. Позже люди забыли об этом бедном человеке. Но всё же я говорю, что мудрость лучше, чем сила. Люди забыли о мудрости того бедняка и перестали слушать его. Но я до сих пор верю, что мудрость лучше.

Намного лучше крика правителя глупцов слова, спокойно сказанные мудрым.

Мудрость лучше меча и копья на войне.

Но погубить способен много хорошего один глупец.

ЕККЛЕСИАСТ 8:16-10:3

Возраст полководца

Победа или поражение на войне в значительной степени зависит от управления. Сильная армия, соответствующее обучение и воинствен-

ность, затем основательная подготовка войны и т.п., всё это, конечно, увеличивает шансы победы, но в конце концов многое зависит от мастера, которому будет вручён хорошо отточенный меч, что бы он применил его к делу. История даёт нам много примеров, когда небольшая худшая армия, которая далеко не равнялась своему противнику, но предводительствуемая настоящим полководцем, одерживала победу за победой. В то же время много и таких примеров, когда сильные, прекрасно обученные и привыкшие к победам армии, терпели одни поражения, благодаря неудачному управлению.

Искусство войны бесконечно трудно даётся, а потому оно и выдвинуло лишь очень немногих мастеров. Появление такого мастера создавало в истории всегда особую эру.

Наполеон называет великими полководцами следующих семь вождей: Александра Македонского, Аннибала, Юлия Цезаря, Густава Адольфа, Тюренна, Принца Евгения Савойского, Фридриха второго Великого. Своё мнение Император подтверждает следующими цифрами:

Александр Великий сделал 8 походов и завоевал часть Азии и Индии.

Аннибал — 17 походов (1 в Испании, 15 в Италии, и 1 в Африке).

Юлий Цезарь — 13 походов (8 против галлов и 5 против легионов Помпея).

Густав Адольф — 3 похода (1 против русских и 2 в Германии против Австрийского дома)

Тюрени — 18 походов (9 во Франции, 9 в Германии).

Принц Евгений — 13 походов (2 против турок, 5 в Италии, 6 на Рейне и во Фландрии).

Фридрих второй Великий — 11 походов (в Силезии, Богемии и Эльбе).

Про самого себя Наполеон говорил так: «Я руководил в 14 походах: 2 в Италии, 5 в Германии, 2 в Африке и в Азии, 2 в Польше и России, 1 в Испании и 2 во Франции».

Талант полководца, как и всякий другой, должен быть врождённым. Опыт несомненно необходим, но занимает в этом случае лишь второе место. В доказательство приводим следующую таблицу, где указан возраст названных семи великих полководцев к тому времени, когда они начали самостоятельно руководить операциями.

Из них только трое перешли 30 лет, остальные были моложе.

Без всякого сомнения Наполеон является величайшим полководцем всех народов, а может быть, и всех времён. Из простого поручика артиллерии он достиг высшей власти, бессмертия, императорской короны и господства над половиной Европы. И всем этим он был обязан исключительно своим победоносным походам.

Подчинённые Наполеону маршалы, вышедшие из низших слоёв общества, благодаря способностям, подобно своему вождю, были по большей части молоды.

В походе 1805 г. их возраст был: Император — 36 лет, его начальник штаба Бертье — 52 года, начальник конницы Мюрат — 34 года, из командиров корпусов: Бернадот — 41 год, Мортье — 37 лет, Ланн. Ней и Сулыг — 36 лет, Даву — 35 лет, Мармон — 31 год, наконец командир гвардии Бессьер — 37 лет.

Рядом с Наполеоном должны быть указаны и полководцы последующего времени.

Князь Суворов-Италийский, родился в 1729 году, победитель во многих войнах с турками, на Кавказе, затем в 1799 году в Италии и Швейцарии против французов.

Имя	Родился	Достиг первого успеха, как самостоятельный начальник.	Сколько лет.	Умер	Сколько лет.
Александр Великий.	356 г. до Р.Х.	В 335 г. (Поражение Балк. нар.).	21 г	323 г. до Р.Х.	32 л.
Аннибал.	247 г. до Р.Х.	219 г. (Завоев. Сагунта).	23,	183,	64,
Ю. Цезарь.	100 г. до Р.Х.	58 г. (Начало зав. Галлии).	42,	44,	55,
Г. Адольф.	1594 г.	1621 г. (Начало войны в Польше).	27,	1675 г. убит.	38,
Тюрени.	1611 г.	1644 г. (Пох. в Германию).	33,	1675 г. убит.	63,
Пр. Евген. Савойский.	1663 г.	1697 г. (сражение у Центы).	34,	1736 г.	72,
Фридрих Великий.	1712 г	1741 г. (Сраж. у Мольвиц).	29,	1786 г.	74,
Наполеон.	1769 г.	1796 г. (Итал. поход).	26,	1824,	51.

Как самостоятельный начальник он одержал первую победу в Турецкой войне 1784 года, в возрасте 60 лет.

Умер в 1800 г. Великий Суворов за всё время своей службы в войсках

ни разу разбит не был. Его действия и знания человеческой души отводят ему почётное место среди полководцев, указанных Наполеоном.

Эрц-герцог Карл (Австрия), родился в 1771 году. Победитель Наполеона у Асперна. Его первые успехи были в войне против французов в 1796 году в возрасте 25 лет. Умер в 1847 году.

Герцог Веллингтон (Англия) родился в 1769 году, побеждал войска Наполеона в Португалии и Испании и разбил его при Ватерлоо при содействии Блюхера. Первые успехи в 1808 году, на 39 году жизни. Умер в 1852 году.

Фельдмаршал князь Блюхер, родился в 1742 году. Видный деятель в войне 1813-1815 г.г. В 1813 году был 70 лет. Умер в 1819 году.

Фельдмаршал граф Дибич, (Россия), родился в 1785 году, в 44 лет вёл победоносную войну с Турками в 1829 году. В 1831 году начальствовал войсками во время польского мятежа, во время которого и умер.

Фельдмаршал граф Радецкий (Австрия), родился в 1766 году. На 81 году жизни вёл победоносную войну в 1848-1849 г.г. Умер в 1858 г.

Эрц-герцог Альбрехт (Австрия), родился в 1817 году. В 1866 году, одержал блестящую победу у Кустоца на 49 году своей жизни. Умер в 1829 году.

Генерал-фельдмаршал фон Мольтке (Германия), родился в 1800 году. В возрасте 66 лет выиграл войну 1866 г. и затем 1870 г., которая является образцом стратегических и тактических действий.

Генерал М.Д. Скобелев, родился в 1843 г., умер в 1882 г. Участвовал в многих войнах. Первые успехи на ответственной должности достиг на 30 году своей жизни (Хива). В кампании 1877 года, где его имя навсегда связано с успехом и победами, ему было 34 года.

Маршал Ойяма (Япония), наш счастливый соперник, выиграл войну, имея свыше 65 лет от роду.

Из этого перечня видно, что великие полководцы все были молоды. Из прочих большинство в более старом возрасте. Однако мы не имеем основания предполагать, чтобы Суворов, Мольтке, Радецкий и др. не могли вести самостоятельно свои войска к победам в более молодом возрасте.

Я не имел в виду предрешать вопрос о возрасте полководцев, но приведённые цифры могут дать материал для суждений о целесообразности предельного возраста. А.Н.С.

(«Виленский Военный Листок» № 80 от 11.11.1906 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Предисловие автора	5

ВЕЛИКАЯ АРМИЯ 1812.

Глава первая. На пути в Россию	6
Глава вторая. В Польше	12
Глава третья. Прибытие Императора	16
Глава четвертая. Первые столкновения с казаками	24
Глава пятая. Император на биваке	32
Глава шестая. Снабжение провиантом	35
Глава седьмая. Переправа через Днепр	40
Глава восьмая. Смоленск	46
Глава девятая. В опустошенной стране	53
Глава десятая. Битва под Москвой 7 сентября 1812 г.	59
Глава одиннадцатая. Переход через Москву-реку	65
Глава двенадцатая. Москва	69
Глава тринадцатая. Уничтоженная Москва	74
Глава четырнадцатая. В горниле	79
Глава пятнадцатая. Первый снег	83
Глава шестнадцатая. Оставление Москвы	88
Глава семнадцатая. Битва под Малоярославцем	93
Глава восемнадцатая. Затруднения возрастают	99
Глава девятнадцатая. Общее расстройство	105
Глава двадцатая. От берегов Вои к Смоленску	111
Глава двадцать первая. Полная анархия	117
Глава двадцать вторая. Горсть героев	123
Глава двадцать третья. Переход через Березину	131
Глава двадцать четвертая. Катастрофа на мостах	138
Глава двадцать пятая. Отъезд императора	145
Глава двадцать шестая. То, что осталось от Итальянской Армии ..	151
Post-scriptum	157
Приложения	158

Цезарь Ложье.

"Дневник офицера Великой армии в 1812 году." — Библиотека мемуаров. — "Правда-Пресс", 2005 г. — 282 с.

Составитель
Сергей Владимирович Кочнов

Подписано в печать 28 февраля 2005 года.
Формат 60x90 1/16. Объем — 17 п.л. Тираж 1000 экз.

Отпечатано в ОАО "Щербинская типография"
117623. Москва, ул. Типографская, д. 10.

Заказ 409.